

ЖЕСТОКИЙ ВЕК

ПОД
ПСЕВДОНИМОМ
ИРИНА

Зоя ВОСКРЕСЕНСКАЯ

Нашей специализированной группе было поручено проанализировать информацию всей зарубежной резидентуры, касающейся военных планов гитлеровского командования, и подготовить докладную записку. Для этого мы отбирали материалы из наиболее достоверных источников, проверяли надежность каждого агента, дававшего информацию о подготовке гитлеровской Германии к нападению на Советский Союз...

Наша аналитическая записка оказалась довольно обвешенной, а резюме — краткое и четкое: мы на пороге войны.

17 июня 1941 года я по последним сообщениям агентов Старшины и Корсиканца с волнением завершила этот документ. Заключительным аккордом в нем прозвучало:

«Все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены, и удар можно ожидать в любое время».

Подчеркиваю, это было 17 июня 1941 года.

.. Мисир Виссарионович ознакомился с нашим докладом и вынул его. «Это блеф! — раздраженно сказал он. — Не подымайте паники. Не занимайтесь ерундой. Идите-ка и получите разберитесь».

З. Коварская (З. Ровинская)

ЖЕСТОКИЙ ВЕК
РАЗВЕДЧИКИ И ШПИОНЫ

ПОД
ПСЕВДОНИМОМ
ИРИНА

Зоя ВОСКРЕСЕНСКАЯ

МОСКВА
«СОВРЕМЕННОК»
1997

**ББК 84Р7
В76**

**Автор дополнений, пояснений и комментариев
Э. П. Шарпов, кандидат исторических наук**

ISBN 5-270-01829-2

© З. И. Воскресенская, наследник, 1997
© Дополнения, пояснения, комментарии,
Э. Шарпов, 1997
© Художественное оформление, В. Комаров. 1997

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Кому-то из нас, живущих в эпоху очередного для России страшного безвременья, когда пошлость, корысть, измена и предательство стали высшими добродетелями и героизмом, воспетыми к тому же на страницах печати и на всех каналах радио и телевидения, странной может показаться автор и героиня этой книги — красивая и умная женщина, полковник разведки, никого не предавшая, не нажившая палат каменных и дворцов загородных, но отдавшая все свои силы, здоровье и лучшие годы жизни на благо Родины, которую она любила, несмотря на то что Родина ее подчас не очень-то жаловала. Но для нее и многих таких, как она, было естественно осознание того, что Родину, как родителей, не выбирают, ею, как и родителями, не торгуют и не отказываются от нее, какой бы она ни была.

Когда в 1953 году по делу Л. П. Берия был арестован и ее многолетний начальник генерал П. А. Судоплатов, она не побоялась выступить на отчетно-выборном партийном собрании (где ее выдвигали в партком управления) и сказать самые хорошие слова о своем товарище. Так мог поступить тогда только очень порядочный и бесстрашный человек: ведь могла промолчать! Но не промолчала — и тут же была переведена в распоряжение ГУЛАГа и практически сослана в Воркуту на маленькую должность начальника спецотдела, к тому же занятую старшим лейтенантом, которого она, полковник, должна была заменить.

Почти до самого конца своей жизни Зоя Ивановна была известна многим только как писательница — лауреат Государственной и других премий, автор книг, переведенных на многие языки, как теперь говорят — ближнего и дальнего зарубежья. Лишь самые близкие люди знали,

что она, прежде чем стать писательницей, двадцать пять лет прослужила во внешней разведке. И когда эти близкие люди просили ее написать о ее работе в разведке, она всякий раз отвечала: «Я не знаю, что можно писать об этом, а чего нельзя».

Уже смертельно больная, она узнала, что ее неожиданно «рассекретили». И она спешно села за книгу «Теперь я могу сказать правду». Быстро написала ее, но, к сожалению, не дожидая ее выхода в свет (она умерла 8 января 1992 года, а книга вышла в декабре).

Видимо чувствуя, что это будет ее последняя книга, она свое предисловие к ней написала как краткое прощальное слово к читателям, знавшим ее кто в большей, кто в меньшей степени — или не знавшим ее совсем.

Эта ее книга и легла в основу настоящего издания. Но оно значительно расширено и дополнено многими документальными материалами, свидетельствами и фотографиями, собранными из архива внешней разведки, из личного архива Зои Ивановны и других источников близким другом З. И. Воскресенской и тоже бывшим разведчиком полковником Э. П. Шараповым и ее сыном А. Б. Рыбкиным.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Литературной работой, писать книги для детей, я занялась, когда мне уже было близко к пятидесяти. Но я ни одной строчки не написала о внешней разведке, которой отдала четверть века жизни. Я была связана подпиской, по существу воинской клятвой, никогда, даже уволившись или уйдя в отставку, не писать о разведке, не предавать гласности методы работы органов ВЧК—КГБ. И сейчас меня иногда останавливает мысль, что излишняя информация о нашей разведке может повредить моей Родине.

Не случайно, берясь за свою первую книгу, я по привычке в правом верхнем углу страницы напечатала: «Сов. секретно» и смутилась — пишу ведь не докладную записку, не рапорт!!!

В 1956 году я ушла в запас в звании полковника и, сидя у кровати моей обожаемой умирающей мамы, услышала ее шепот: «Дочка, без дела ты не сможешь, возмись за перо, это твое призвание. Пиши...» Я и выполнила ее просьбу.

Теперь, когда многое за давностью лет становится явным, я решила поделиться с читателями некоторыми эпизодами из своей жизни, взяв отрезок времени, непосредственно предшествующий Великой Отечественной войне и охватывающий отдельные стороны моей работы в военные годы.

Мы, первые поколения разведчиков, должны низко поклониться нашим предшественникам, российским революционерам, за науку конспирации, умение находить верных людей, вовремя предвидеть опасность, грозящую извне, способствовать могуществу и безопасности отчизны.

Одним из таких наставников была Александра Михайловна Коллонтай. Жизнь подарила мне возможность длительное время работать под ее началом.

Моим «крестным отцом» в разведке был полковник Иван Андреевич Чичаев, проработавший в ней всю жизнь. Многим я обязана разведчику Кину — моему другу и мужу полковнику Б. А. Рыбкину. Этим людям и всем нашим «однополчанам» я посвящаю свою книгу.

Зоя Воскресенская

Переделкино, 1991 г.

**ПОД ПСЕВДОНИМОМ
ИРИНА**

В грозные дни

Глава 1

НА ПОРОГЕ

В семье у нас возникла конфликтная ситуация. Завтра Первомайский парад. Я, как жена начальника отдела, имею право идти вместе с мужем на трибуну «А», но мне — начальнику отделения положен пропуск на трибуну «Б», рангом ниже. Я же предпочитаю быть личностью, а не просто привилегированной женой, поэтому решаю занять свое собственное место. Но по дороге на Красную площадь Борис Аркадьевич уговаривает согласиться на роль жены и отправиться вместе с ним.

— Тем более, — убеждал он меня, — ты же знаешь о тревожном сигнале, гитлеровцы могут устроить провокацию на Красной площади.

— Но на днях мы на совещании пришли к выводу, — заметила я, — что это «деза», геббельсовская флюстерпропаганда¹ с целью посеять панику, испортить праздник. И потом...

— Да, да, но всякое может быть, а уж если погибать, так вместе.

И ему, как обычно, удалось меня уговорить.

День 1 мая 1941 года солнечный, яркий. Красная площадь. Белый конь командующего парадом и вороной² принимающего парад. Молодой звонкий голос командующего: «Поздравляю вас...» Троекратное «ура». Четкий шаг пехоты. Тяжелый гул танков. И в заключение парада аплодисментами и восхищенными возгласами встреченная гарцующая кавалерия. А затем — бесконечный людской поток демонстрантов, огромные букеты цветов.

Люди вскидывали головы, всматривались в небо, ждали, когда над Красной площадью пронесутся самолеты.

¹ «Деза» — дезинформация, распространение заведомо ложных сведений. Флюстерпропаганда — нашептывание слухов.

Наша авиация так и не объявилась. Ее участие в параде было отменено.

На второй день праздника я пришла на работу и заметила нечто любопытное. Каждый, кто был на трибуне, «отмечен» загаром на правой щеке — солнце со стороны Василия Блаженного жгло нещадно...

Только у начальника отдела — у Павла Матвеевича Журавлева — правая щека не покраснела. Даже бледнее обычного.

— Павел Матвеевич, почему я вас не видела на трибуне и почему вы без загара?

— Загорал на работе, — указал он на гору папок. — Сидел за нашей аналитической докладной запиской.

Вот о ней и пойдет разговор.

Нашей специализированной группе было поручено проанализировать информацию всей зарубежной резидентуры, касающейся военных планов гитлеровского командования, и подготовить докладную записку. Для этого мы отбирали материалы из наиболее достоверных источников, проверяли надежность каждого агента, дававшего информацию о подготовке гитлеровской Германии к нападению на Советский Союз.

Из надежных источников нам стали известны зловещие планы Гитлера. Среди наших агентов, действовавших в разных странах, были люди самоотверженные, беспрдельно преданные и активно помогавшие нам.

Одним из таких источников была группа, возглавляемая Старшиной — Харро Шульце-Бойзенем.

НАША СПРАВКА¹

«Красная капелла» — группа легендарных немецких антифашистов, всему миру известных под этим названием, родившимся в недрах Главного имперского управления гитлеровской Германии (гестапо).

Руководителями этой организации, которая впоследствии установила (в конце 30-х годов) связь с советской внешней разведкой, были Арвид Харнак под псевдонимом Корсиканец, дело № 34118 в архиве Службы внешней разведки, и Харро Шульце-Бойзен под псевдонимом Старшина, дело № 34122.

...Арвид Харнак (в документах разведки — Гарнак), 1901 года рождения, сын известного ученого, получил высшее образование в Германии и США, доктор юридических и философских наук, доцент Гессенского университета, руководящий сотрудник министерства экономики.

¹ Здесь и далее «Наша справка» — от составителя.

Женат на американке немецкого происхождения Милдред, урожденной Фиш. Супруга Харнака руководила кружком по изучению трудов Маркса, Ленина, Троцкого, возглавляла колонию американских женщин в Берлине. Доктор филологических наук, она переводила классиков немецкой литературы на английский язык.

В 1930 году Харнак примкнул к Союзу работников умственного труда, объединявшего широкие круги немецкой интеллигенции, и скоро вошел в состав его правления. Союз был образован по инициативе компартии Германии с целью оказывать влияние на круги немецких интеллектуалов и пропагандировать свои взгляды в легальной форме. Союз сохранился и после прихода Гитлера к власти. Влияние Харнака в нем усилилось, что объяснялось его морально-деловыми качествами и умением находить общий язык с самыми разными людьми. В 1932 году Харнак занял пост генерального секретаря созданного при его активном участии Общества по изучению советского планового хозяйства — АРПЛАН. Председателем АРПЛАН был профессор Йенского университета Фридрих Ленц, придерживавшийся левых взглядов. После прихода фашистов к власти Ленц эмигрировал в США. Харнак неофициально состоял в компартии Германии, как это было распространено в то время.

Обер-лейтенант Харро Шульце-Бойзен — внучатый племянник гросс-адмирала Тирпица, женат на родственнице князя Оленбурга Либертас Хас-Хейе. Студентом издавал журнал «Дер гегнер» («Противник»), носивший антиправительственный характер. Журнал был закрыт. Шульце-Бойзен арестован на короткое время. Молодой аристократ поддерживал связь с КППГ, однако по рекомендации Харнака (с ним он познакомился в 1935 году) ее прекратил, тем не менее продолжал помогать партии в печатании и распространении антифашистской литературы.

Шульце-Бойзен служил референтом в министерстве авиации, затем по личной рекомендации Геринга в штабе ВВС, был вхож в партийные круги НСДАП (читал лекции для высших функционеров), собирая вокруг себя единомышленников.

Курт Шумахер. Выходец из трудовой семьи, Шумахер был резчиком по дереву, скульптором. Его жена Элизабет — антифашистка по своим убеждениям, член КППГ, была помощницей мужу в его борьбе. Мастерская Шумахера стала убежищем для скрывающихся антифашистов. Так, по просьбе Старшины Шумахер нелегально переправил некоторых социал-демократов в Швейцарию.

К началу второй мировой войны «Красная капелла» насчитывала, по разным данным, от 25 до 600 человек, в основном из числа интеллигенции: писателей, артистов, художников, скульпторов, режиссеров, а также военных, студентов и рабочих.

С началом войны радиосвязь с «Красной капеллой» не удалось поддерживать из-за слабости радиопортативной станции, которая могла

работать только на батарейках непрерывно всего около двух часов, после чего требовалась их смена или перезарядка. К тому же радиус действия этой радиостанции составлял всего 800—1000 километров.

В декабре 1941 года была предпринята попытка наладить с руководителями «Красной капеллы» потерянную связь. Резидент в Лондоне получил указание подготовить к заброске на континент двух связных с шифром, аппаратурой и условиями связи. Но эта попытка не удалась.

Вторая попытка была предпринята через Стокгольм. 23 января 1942 года резидент Борис Рыбкин получил задание найти нужного человека для заброски в Берлин. Это удалось сделать лишь в июне того же 1942 года, и в Берлин был направлен связной по кличке Адам. Были предприняты и другие попытки, но также безуспешно, поскольку Харнака, Шульце-Бойзена и многих других членов «Красной капеллы» осенью 1942 года арестовали и казнили.

Много позднее после окончания Великой Отечественной войны они посмертно были награждены советскими орденами.

ИЗ АРХИВА ПГУ¹

Гарнак Арвид (Балтиец)² родился в 1901 году в Дармштадте (Германия), по национальности немец. Женат на американке. Происходит из старинной и известной в Германии семьи прибалтийских немцев. Именем его дяди, известного теолога, названо учебное заведение *Гарнак-Хаус*.

После заключения мирного договора между Германией и союзниками 19 лет от роду он начал свою политическую карьеру с участия в белогвардейских добровольческих отрядах в Силезии. После подавления революционного движения в Германии совершается его постепенное сближение с социал-демократами.

Во время своего пребывания в Америке (1922—1924) Балтиец знакомится с рабочим движением ближе, и это знакомство, по его словам, оформило его взгляды как коммуниста. Примерно в 1930 году он был привлечен к работе в *Bund Geistlicher Berufe* Союза работников умственного труда, созданном компартией Германии, и входил в комитет этого союза, состоя неофициально в партии, как это тогда довольно широко было распространено.

Одним из членов этого комитета вместе с Балтийцем был старый член ГКП *Матульский*, находящийся сейчас в эмиграции в Америке.

В 1932 году, будучи *приват-доцентом Гессенского университета*, Балтиец через *профессора Ленца* (примыкавшего к германской компартии) познакомился с бывшим консулом СССР в Кенигсберге — ГИРШФЕЛЬДОМ Александром (сейчас — научный сотрудник Инсти-

¹ ПГУ — Первое главное управление КГБ.

² Старый псевдоним Арвида Гарнака (Корсиканца).

тута истории Академии наук в Москве) — связанным в то время с нашей резидентурой в Берлине. ГИРШФЕЛЬД в течение нескольких лет поддерживал Балтийца материально за счет ВОКСа, будучи убежденным в том, что он может быть нам полезен.

В 1932 году Балтиец работал в обществе по изучению советского планового хозяйства, где впоследствии был генеральным секретарем.

В 1932 году Балтиец приезжал в Советский Союз с делегацией АРПЛАНа (немецкая организация по изучению *советского хозяйства*).

После прихода к власти ГИТЛЕРА ГИРШФЕЛЬД по указанию резидентуры посоветовал Балтийцу вступить в национал-социалистский союз юристов и в фашистскую партию, продолжая поддерживать его материально.

В 1935 году Балтиец был завербован через ГИРШФЕЛЬДА.

В это время Балтиец работал в качестве *чиновника германского министерства хозяйства* и по своему служебному положению имел доступ к интересным материалам (торговые договора Германии, состояние финансового хозяйства Германии и т. д.).

После вербовки ГИРШФЕЛЬД два раза встретился с Балтийцем и получил от него сведения о состоянии хозяйственных взаимоотношений Германии с Америкой.

В связи с отъездом ГИРШФЕЛЬДА из Германии с Балтийцем связался бывший сотрудник ИНО т. БЕЛКИН (сейчас в Москве в Радиокомитете), а затем А. АГАЯНЦ (умер в 1939 году в Берлине).

За время работы с нами Балтиец передавал нам подлинные торговые соглашения секретного характера, материалы по валютному хозяйству Германии, о финансировании немецких разведывательных организаций, а также и политические информации.

Кроме того, *Шахт* поручил Балтийцу составление конспектов для своих выступлений по хозяйственно-финансовым вопросам в партийных и правительственных инстанциях.

Балтиец и его жена часто бывали в *американском посольстве* в Берлине, особенно в бытность *послом США в Берлине Додда*.

В настоящее время Балтиец продолжает работать в *министерстве хозяйства в качестве референта-экономиста в отделе торговых договоров и политики*.

Связь с Балтийцем возобновлена в 1940 году (сентябрь) через тов. КОРОТКОВА (зам. нач. 1 отд-ния 5 отдела) и вновь законсервирована также в сентябре 1940 года.

Из связей Балтийца, могущих быть использованными им для получения информации, необходимо отметить:

1. *Промышленник Тицшен*. С ним Балтиец познакомился в 1930—1931 годах в Союзе работников умственного труда, созданном германской компартией для работы среди симпатизирующей ГКП немецкой интеллигенции.

*Тиц*ен — в настоящее время является генеральным директором одной из крупнейших немецких обувных фирм «Лейзер». Происходит из, в прошлом очень богатой, петербургской семьи. Эмигрировал во время революции за границу, был офицером в белой армии, затем осел в Германии, где с ним совершилось, по словам Балтийца, — преобразование от богача и белого офицера к человеку, симпатизирующему коммунистам. К *Тиц*ену в кругах ГКП относились сначала с недоверием, однако потом, когда до 1933 года и в особенности после, не было ни одного провала, бросающего какую-либо тень на него, он считался надежным. В качестве примера Балтиец приводит то обстоятельство, что *Тиц*ен, зная как активного коммуниста *Матульского*, мог бы его выдать в то время, но ему, при содействии жены Балтийца, удалось получить въездную американскую визу и выехать из Германии. Квартира *Тиц*ена использовалась коммунистами как конспиративка. В партии он не состоял.

2. Вторым приближенным Балтийца человеком является *Рупп* — ведущий экономист *И. Г. Фарбен*. Его история связи с Балтийцем примерно такая же, т. е. тоже через Союз умственного труда, с той лишь разницей, что Балтиец характеризует *Руппа*, как человека с пролетарским прошлым.

3. Третий — *Фрейхерр Вольцоген* — *Кейгаус*, работающий в настоящее время референтом в научно-техническом отделе управления хозяйства и вооружения Верховного командования. Происходит из знатной фамилии прибалтийских немцев.

Вольцоген по характеристике Балтийца — мягкий и податливый человек. Познакомился он с ним через *проф. Ленца*, который одно время примыкал к коммунистам. Сблизившись с *Вольцогеном*, Балтиец обработал его и считает за человека, искренне симпатизирующего коммунистам. Балтиец (по своей инициативе) недавно (1940 год) поставил перед ним вопрос о потерях немецкой авиации, тот безропотно обещал это сделать, зная, что Балтиец примыкает к ГКП и продолжает оставаться коммунистом по настроениям.

4. Четвертый, приближенный к Балтийцу человек, — его племянник *Гавеман Вольфганг*, работающий сейчас в Главном командовании военно-морского флота, в морской радиоразведке. Балтиец в течение долгого времени обрабатывал *Гавемана* в коммунистическом духе, давал ему до 1933 года читать ЛЕНИНА и т. д.

Гавеман хорошо знает о том, что собой представляет Балтиец в политическом отношении, и несмотря на это, и после прихода ГИТЛЕРА к власти остался с ним в прежних дружественных отношениях.

Помимо указанных связей Балтиец имеет, по его словам, еще двух своих близких друзей, которых он характеризует как абсолютно надежных и преданных коммунистов. Оба они происходят из рабочих; один работает в промышленности, другой окончил курсы иностранных

языков, и Балтиец имел намерение устроить его через свои связи на работу переводчиком в Верховное командование армии.

От ГИРШФЕЛЬДА известно, что родственниками Балтийца является семья известного военного историка Ганса Аслотрана, сын которого, *молодой физик, очень способный*, по имеющимся у нас сведениям, притеснялся наци из-за своих левых взглядов.

Кроме того, Балтиец является членом немецкого клуба «Берлин» (в прошлом клуб господ), созданного немецкой аристократией и крупными промышленниками, где он имеет возможность встречаться со всей верхушкой берлинского общества.

По словам Балтийца, он занимает весьма прочное положение в министерстве хозяйства, получил чин *правительственного советника*, который обычно редко дается в министерстве, пользуется доверием, приглашается на различные секретные совещания, в том числе бывал на заседаниях *Комитета экономической войны*.

Жена Балтийца в курсе связей и работы Балтийца, сама вела работу для ГКП и в 1933 или 1934 годах вторично с подвесной визой ездила в Москву для переговоров с г. Куусиненом, который по рекомендации немецких партийцев имел намерение использовать ее для коминтерниовской работы в Финляндии (поскольку она наряду с немецким имеет еще американский паспорт).

В настоящее время жена Балтийца возглавляет «Союз женщин-американок» и числится в американском посольстве как американская гражданка.

Верно:

ЗАМ. НАЧ. 5 ОТДЕЛА ГУГБ НКВД СССР

Майор госбезопасности

« » декабря 1940 г.

(Судоплатов)

* * *

Захар из Берлина относительно подготовлявшейся акции против Гитлера сообщает дополнительно, что фамилия лейпцигского обер-бургомистра, возглавлявшего католическую акцию, — ГЕРДЕЛЕР Карл Фридрих. Он был одно время имперским комиссаром цен, в настоящее время не у дел. Его биографию можно найти в «Фюрер лексикон».

Родственник Корсиканца, который вел с ним переговоры по этому поводу, носит ту же фамилию, что и Корсиканец, имя его Эрнст, является двоюродным братом Корсиканца. В прошлом бывш. правительственный президент одной из провинций Германии, состоял в соц.-демократич. партии, был отстранен от должности Гитлером, в настоящее время занимается торговлей.

Эрнст знает об отношении Корсиканца к ШАХТУ и в начале 1940 года обратился к Корсиканцу с вопросами о взглядах и позиции

ШАХТА к гитлеровскому режиму, а также просил выяснить, как будет реагировать ШАХТ на предложение участвовать в организации нового правительства, целью которого будет соглашение с Англией и Америкой. Корсиканец тактично отказался от этой миссии, не желая раскрывать перед Эрнстом своих действительных мировоззрений.

Корсиканцу поручили поговорить с братом в общих чертах. Состав группы, данные о людях и примерную схему Захар сообщит почтой.

26.1.41 г. № 33

Верно:

Ст. оперуполномоч. 1 отд-ния 5 отдела
Мл. лейтенант госбезопасности
(Рыбкина)

ПИСЬМО № 46

от 5/IV 1941 г.
тов. ЗАХАРУ. Берлин

§ 1 п. 46 от 5.4.41 г. О Старшине и Корсиканце

1. За последнее время мы буквально со всех сторон получаем агентурные сообщения о готовящейся германской акции. Эти сведения во многом, даже в сроках совпадают с данными Старшины и Корсиканца, причем при сопоставлении их оказалось, что все они идут из германских кругов или с территорий, оккупированных Германией.

Вместе с тем в американской и английской прессе в последнее время настойчиво и упорно предсказывают вторжение германских войск в Сов. Союз, оккупацию немцами Украины, «дешевую и молниеносную войну, которая вознаградит всех немцев», и т. д. Такие статьи были помещены в мартовских номерах газет «Чикаго дейли ньюс», «Нью-Йорк геральд трибюн» и в «Нью-Йорк таймс». В английской газете «Дейли экспресс» во второй половине марта была помещена статья, в которой говорится о «секретной подготовке» Германией войны против СССР, о создании «антибольшевистского генштаба» в Кракове, о концентрации военных сил под Краковом, которые предназначаются для нанесения главного удара против СССР, и т. д.

Такое обилие агентурных сведений о «секретной подготовке» Германией этой акции, оживленная дискуссия этого вопроса в англо-американской печати наводит на мысль, не имеет ли здесь место широко задуманная инспирация или

а) самих немцев с целью оказать таким образом давление на СССР и получить уступки по какому-либо вопросу, или

б) англо-американского блока с целью добиться трещины в советско-германских отношениях и переадресовать германскую агрессию на Сов. Союз.

Весьма возможно, что здесь переплетаются оба явления.

При этом агентура может являться простым рупором этих слухов, которые специально инспирируются как той, так и другой стороной.

Однако эти предположения отнюдь не должны демобилизовать нашу бдительность к этому вопросу. Наоборот, Вам нужно тщательно фиксировать и сообщать немедленно нам все сведения, получаемые Вами от агентуры по этому вопросу. Старайтесь возможно точнее передавать изложение этого вопроса агентом и выяснять первоисточник этих сведений.

Старайтесь по возможности сразу же на месте предпринимать проверку агентурных сведений, не дожидаясь наших указаний по этому вопросу, например, вопрос о прекращении частных перевозок по жел. дорогам, о концентрации войск в том или ином районе и др., что Вы можете проверить собственными силами или через агентуру.

Работу со Старшиной следует максимально активизировать. Из Ваших сообщений видно, что Старшина отлично понимает, кому и для чего нужны его сведения. Ему следует объяснить, насколько важно нам иметь по этим вопросам документальные материалы или хотя бы копии их.

Между прочим, в одном из сообщений Старшина указывает, что немцы готовят планы бомбардировок против Выборга и Ленинграда с одной стороны, против Киева и Яссы с другой. В следующем сообщении Старшина говорит, что немцы готовятся подвергнуть бомбардировке Киев, Яссы и другие города Советской Украины. Между тем известно, что Яссы — румынский город. Такое невежество со стороны Старшины, который специально занимается этим делом, выглядит странно.

§ 2. Активизация работы со Старшиной **никоим образом не должна отражаться** **на работе с Корсиканцем.**

Нужно добиться регулярного получения от него материалов его ведомства, главным образом о потенциале экономических ресурсов Германии, о торговых договорах с другими странами, о положении валютного рынка и т. д., о чем мы уже неоднократно указывали.

Вместе с тем поговорите с Корсиканцем, кого из его близких людей можно также непосредственно переключить на связь с нами. В первую очередь обсудите вопрос о Греке, Итальянце и Кузене. Нас также интересует дальнейшее изучение Лебера (в будущем Брэм) и Головы. Определите, наконец, кто такой Икс, почему Корсиканец упорно не называет его имени.

18 апреля 1941 г.

БЕРЛИН. ЗАХАРУ

§ 1. Ваше письмо № 6 от 7/IV 41 г.
со всеми приложениями получено.

§ 2 п. № 48 от 18.IV.41 г.

По делу «Корсиканец»

1. Мы запрашивали тов. Д. о всех людях из группы Корсиканца и получили ответ, что Корсиканец им известен как коммунист, состоявший негласно в КПП. По имеющимся у них сведениям, Корсиканец в 1936 г. был в Париже и пытался наладить связь с членами компартии. При случае выясните у него, так ли это.

Об Албанце известно, что он активно работал в Союзе работников умственного труда, причем т. Д. опрашивал по этому поводу ЛУКАЧА, который охарактеризовал Албанца как «сумасшедшего интеллигента».

Старик характеризуется следующим образом: «Был известным режиссером и писателем. По мотивам общего кризиса буржуазной культуры (который он сильно переживал) приблизился к Союзу работников умственного труда. Был человеком, который старался честно и правдиво уяснить себе ряд жизненных и общественных вопросов».

Другие люди отделу кадров, секции и тов. Д. неизвестны.

2. Считаю необходимым группу Корсиканца ограничить пока в составе Старшины и Лучистого с последующим введением в нее Итальянца, а возможно, и Икса, если Корсиканец берется обработать их для нас. Итальянец и Икс являются родственниками Корсиканца, поэтому непосредственная его связь с ними не может вызвать большого внимания и подозрения со стороны полицейских органов.

Новую агентуру вводить в группу Корсиканца не следует, так как каждый новый человек будет увеличивать риск провала всей группы.

Что касается Старика, то Корсиканец должен только свести Вас с ним, после чего сразу же взять курс на отрыв Старика от Корсиканца. Нужно сделать так, чтобы Корсиканец сам объяснил Старика необходимость в целях конспирации прекратить их личную связь, а также прекратить всякую партийную работу.

В процессе Ваших разговоров со Стариком определите, имеется ли возможность установить через него контакт с группой Головы и целесообразно ли использовать Старика исключительно по линии разработки монархических антигитлеровских группировок.

3. Поговорите с Корсиканцем и с каждым членом группы в отдельности о необходимости строжайшей конспирации. Мы опасаемся, что

эта группа интеллигентов, не прошедшая основательной школы подпольной работы, может пренебрегать конспирацией. Объясните им необходимость совершенно прекратить связь с лицами, в чем-либо скомпрометированными перед режимом. Особенно это касается Старика и Лучистого.

Укажите, что современная обстановка требует, чтобы их партийная и политическая работа приняла сейчас другие формы, что их отрыв от «масс» будет компенсироваться не менее важной и ответственной работой на другом фронте, что это не будет считаться отрывом от партийной работы и т. д. и, наконец, что этот вопрос согласован с соответствующими инстанциями.

4. Сообщение Корсиканца о расшифровке немцами телеграммы туркпосла в Москве о разговоре т. В. с КРИПСОМ — правильно.

Из многих источников мы получали информацию о том, что гитлеровцы вот-вот развяжут войну. Даты начала военных действий фашистской Германией назывались разные, но все сходились в одном: война против Советского Союза начнется в самое ближайшее время.

ИЗ АРХИВОВ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ

СОВ. СЕКРЕТНО

КАЛЕНДАРЬ

сообщений Корсиканца и Старшины

Источник	Содержание материала
IX 40 г. Корсиканец со слов генерального директора фирмы Лей- зер ТИЦИЕНА	Офицер Верховного командования немецкой армии рассказал ТИЦИЕНУ, что в начале будущего года Германия начнет войну против Советского Союза. Предварительным шагом к акции будет военная оккупация Румынии, намеченная в ближайшее время
X 40 г. Корсиканец	1. В армии запрещена и изъята русская литература, даже такая, как Толстой Л. Н. и Достоевский. 2. ГЕРИНГ приблизительно две недели

тому назад дал указание о прекращении поставок в СССР и только дней пять тому назад под нажимом фирм, требующих сырье, согласился на продолжение поставок.

I 41 г. Корсиканец

1. В кругах, группирующихся вокруг «Херрен-клуба», нарастает мнение, что Германия проиграет войну и в связи с этим нужно договориться с Англией и Америкой с тем, чтобы повернуть оружие на восток.

2. В штабе авиации Германии дано распоряжение начать в широком масштабе разведывательные полеты над советской территорией с целью фотосъемки всей пограничной полосы. В сферу разведывательных полетов включается также и Ленинград.

3. Позиция ГЕРИНГА все больше и больше склоняется к заключению соглашения с Америкой и Англией.

4. ГЕРИНГ дал распоряжение о переводе «русского реферата» министерства авиации в так наз. активную часть штаба авиации, разрабатывающую и подготовляющую военные операции.

I 41 г. Корсиканец

1. Военно-хозяйственный отдел имперского статистического управления получил от Верховного командования вооруженных сил (ОК) распоряжение о составлении карт промышленности СССР.

II 41 г. Корсиканец
со слов Старшины

1. Штаб авиации решил начать в марте месяце Балканскую акцию. О решении ГИТЛЕРА в этом вопросе неизвестно. За последние три недели немецкие войска перебрасываются в Болгарию.

III 41 г. Корсиканец со слов
сотрудника ОК БЛЯУ на Балканах, которое уже подготовле-

1. Предстоит немецкое выступление

но. В связи с Балканской акцией, отношения между Германией и Советским Союзом обостряются.

III. 41 г. Корсиканец со слов
чиновника комитета по
4-летнему плану —
Доннер Отто

1. Комитет закончил составление расчетов об экономическом эффекте антисоветской акции с отрицательными выводами. По мнению Корсиканца, распоряжения о разработке расчетов исходят не от военного командования, а от РИББЕНТРОПА или даже ГИТЛЕРА. Составление всех расчетов должно быть закончено к 1 мая.

Корсиканец со слов
референта Всегерман-
ской хоз. палаты —
ЗОЛЬМСА

2. Реальность антисоветских планов серьезно обсуждается в руководящих немецких инстанциях, подтверждением является концентрация германских войск на восточной границе. Построение и расположение германских войск на Советской границе аналогично построению немецкой армии, подготовленной в свое время для вторжения в Голландию.

III 41 г. Корсиканец со слов
Старшпаны

1. Операции германской авиации по аэрофотосъемкам советской территории проводятся полным ходом.

Немецкие самолеты действуют с аэродромов в Бухаресте, Кенигсберге и из Северной Норвегии — Киркинес. Съемки производятся с высоты 6000 метров. В частности, немцами заснят Кронштадт.

2. ГЕРИНГ является главной движущей силой в разработке и подготовке действий против Советского Союза.

Корсиканец со слов
Цехлина, журналиста,
профессора высшей по-
литической школы в
Берлине

3. Решен вопрос о военном выступлении против Советского Союза весной этого года с расчетом на то, что русские не смогут поджечь при отступлении еще зеленый хлеб и немцы воспользуются этим урожаем.

ЦЕХЛИНУ от двух германских генерал-фельдмаршалов известно, что выступление намечено на 1 мая.

Корсиканец со слов 1. Военное выступление Германии
РУПП, экономиста хи- против СССР является уже решенным
мич. концерна Фар- вопросом.
бениндустри

Со слов Лянгелитке — 2. По мнению германского штаба,
зам. руководителя ин- Красная Армия будет в состоянии ока-
ститута по военно-хо- зывать сопротивление только в течение
зяйственной статистике первых 8 дней, после чего будет раз-
громлена. Оккупацией Украины немцы
предполагают лишить Советский Союз
его основной промышленной базы. За-
тем немцы продвигаются на восток и
отторгнут Кавказ от Советского Союза.
Урал, по их расчетам, может быть до-
стигнут в течение 25 дней. Нападение
на Советский Союз диктуется сообра-
жениями военного преимущества Гер-
мании над СССР в настоящее время.

III 41 г. Корсиканец со слов 1. Работы по вычислению экономи-
Лянгелитке ческой эффективности антисоветской
акции продолжаются. Особое внимание
уделяется вопросу о мощности нефтя-
ных промыслов в Галиции.

Корсиканец со слов 2. НЕЙМАН (из комитета по 4-
ДОННЕР Отто летнему плану) подписал докладную
записку для Геринга, содержащую от-
рицательные выводы об экономической
эффективности оккупации Украины.

3. В Бельгии, помимо оккупацион-
ных войск, находится только одна ак-
тивная дивизия, что является подтвер-
ждением, что военные действия против
Британских островов отложены. Не-
мецкие войска концентрируются на
востоке и юго-востоке.

Корсиканец со слов Подготовка удара против СССР стала
принца ЗОЛЬМСА очевидностью. Об этом свидетельствует
расположение сконцентрированных на
границе Советского Союза немецких
войск. Немцев очень интересует желез-
ная дорога Львов — Одесса, имеющая
западноевропейскую колею.

**III 41 г. Корсиканец со слов
Старшины**

1. Германский генеральный штаб авиации ведет интенсивную подготовку против СССР. Составляются планы бомбардировки важнейших объектов. Разработан план бомбардировки Ленинграда, Выборга, Киева. В штаб авиации регулярно поступают фотоснимки городов и промышленных объектов. Германский авиационный атташе в Москве выясняет расположение советских электростанций, лично объезжает на машине районы расположения электростанций.

2. В генеральном штабе авиации среди офицеров существует мнение, что военное выступление Германии против СССР приурочено на конец апреля или начало мая.

Старшина при этом считает, что имеется лишь 50% шансов за то, что это выступление произойдет, все это вообще может оказаться блефом.

III 41 г. Старшина из наблюдений в штабе авиации

Немецкое командование ведет подготовку клещеобразного удара с юга — из Румынии, с одной стороны, и через Прибалтику, а возможно, через Финляндию, с другой. Этот маневр будет предпринят с тем, чтобы отрезать Красную Армию, как это было сделано в свое время во Франции. К востоку, недалеко от Кракова, сосредоточены крупные авиасоединения, также на востоке создан новый авиационный корпус.

**IV 41 г. Корсиканец со слов
Старшины из документов, прошедших
через его руки**

1. Штаб германской авиации полностью разработал и подготовил план нападения на Советский Союз.

Авиация концентрирует свой удар на железнодорожные узловые пункты центральной и западной части СССР, электростанции Донецкого бассейна, предприятия авиационной промышлен-

ности г. Москвы. Авиационные базы под Краковом являются основным исходным пунктом для нападения на СССР. Созданы две армейские группы, которые намечены для операций против СССР.

2. Геринг занимает явный курс на войну против СССР, и для него нежелательны сообщения, указывающие на рискованность и нецелесообразность этой авантюры.

Геринг на последней встрече с Антонеску потребовал 20 дивизий для участия в антисоветской акции. В Румынии немецкие войска сконцентрированы на советской границе.

3. Немцы считают слабым местом обороны СССР наземную службу авиации и поэтому надеются путем интенсивной бомбардировки аэродромов сразу же дезорганизовать ее действия. Вторым несовершенным звеном обороны считают службу связи авиации в Красной Армии в силу тяжеловесности, излишнего радирования и сложности ключей.

Корсиканец со слов
ЦЕХЛИНА

4. Референт РОЗЕНБЕРГА по СССР — ЛЕБРАНДТ заявил ЦЕХЛИНУ, что вопрос о вооруженном выступлении против СССР решен.

10 апреля будет опубликовано распоряжение о прекращении частных поставок по железным дорогам. Антисоветская кампания начнется 15 апреля.

Прекращаются транзитные перевозки через СССР германского импорта.

Корсиканец со слов
Старшины

5. Воздушный штаб подготавливает нападение на Югославию, которое должно последовать в ближайшее время. Для этого штаб авиации с русского вопроса временно переключился на Югославию, этим самым вызывается опасение, что момент акции против СССР может быть упущен.

IV 41 г. Корсиканец

1. Немцы эвакуировали Мемель. Познань и города Силезии объявлены зонами военной опасности первой очереди. Из генерал-губернаторства заканчивается эвакуация женщин и детей.

IV 41 г. Старшина со слов офицера связи при Геринге, Грегора

1. Германией военная подготовка проводится нарочито заметно в целях демонстрации своего военного могущества. Гитлер является инициатором плана нападения на Советский Союз, считая, что предупредительная война с Союзом необходима, ввиду того чтобы не оказаться перед лицом более сильного противника.

Началу военных действий должен предшествовать ультиматум Советскому Союзу с предложением о присоединении к пакту трех. Начало осуществления плана увязывается с окончанием войны с Югославией и Грецией.

Старшина со слов штаба авиации Хольцхаузен из наблюдения в МИДе и др. влиятельных кругах Германии

2. Тотальная война Германии против Англии и США не может быть выиграна, и поэтому необходимо заключение мира с ними. Чтобы сделать Англию более сговорчивой, необходимо отторгнуть Украину от Советского Союза. Захват Украины принудит Англию пойти на уступки. В случае необходимости возможно заключение мира с Англией, даже ценой принесения в жертву нацизма, а при неудаче в войне с СССР и самого Гитлера, чтобы «устранить» препятствие к объединению цивилизованного мира против большевизма. Япония и Италия якобы не посвящены в эти антисоветские планы.

IV 41 г. Старшина из наблюдения в штабе авиации

1. В связи с успешным продвижением немецких войск в Ливии, африканские победы стоят в центре внимания. Настроение кругов, ратующих за напа-

дение на Советский Союз, несколько утихло, т. к. они получили новые надежды выиграть войну с Англией. Однако генеральный штаб с прежней интенсивностью проводит подготовительные работы для операции против СССР, выражающиеся в детальном определении объектов бомбардировок.

2. В генштабе сухопутной армии часть генералитета, по его мнению, является зачинщиками и приверженцами антисоветской акции. К последним относится также Браухич. Племянник Браухича обер-лейтенант армии сказал, что пора кончить борьбу между народами Европы, а надо объединить усилия против Советского Союза. Подобные идеи исходят от Браухича и заимствованы у него его молодым родственником.

3. Основной фигурой, движущей антисоветские планы немецкой военщины и части буржуазии, является Геринг. В противовес этому Риббентроп является противником этих планов. Разногласия между Герингом и Риббентропом зашли так далеко, что переросли в личную неприязнь между ними.

IV 41 г. Старшина из документов, проходящих через его руки

Корсиканец со слов Старшины

1. Немецкая разведка установила, что производство артиллерийской амуниции в основном сосредоточено в районе Ленинграда.

2. В настоящее время генштаб авиации почти полностью прекратил разработку русских объектов и интенсивно ведет подготовительную работу для акции, направленной против Турции, Сирии и Ирака, в первую очередь против первой. Акция против СССР кажется, что отодвинута на задний план, в генштаб больше не поступают фотографии советской территории, сделанные с немецких самолетов.

IV 41 г. Старшина со слов 1. Вопрос о выступлении Германии офицера связи при против Советского Союза решен окончательно, и начало его следует ожидать со дня на день. Риббентроп, который до сих пор не являлся сторонником выступления против СССР, зная твердую решимость Гитлера в этом вопросе, занял позицию сторонников нападения на СССР.

Старшина со слов 2. Подтверждается сообщение Гре- референта по русским дела при внешнеполи- тическом отделе

Лейбрандта 3. В штабе авиации возросла актив- ность сотрудничества между герман- ским и финским генеральными штаба- ми по разработке оперативных планов против СССР.

Старшина из докумен- тов 4. Румынский, венгерский и бол- гарский штабы обратились к немцам с просьбой о срочной доставке противо- танковой и зенитной артиллерии, необ- ходимой им в случае войны с Совет- ским Союзом.

Корсиканец 1. На совещании ответственных ре- ферентов Мин. хозяйства референт прессы КРОЛЬ в докладе заявил: «...От СССР будет потребовано выступ- ление против Англии на стороне держав оси. В качестве гарантии будет оккупи- рована Украина, а возможно, и При- балтика».

Старшина 2. 29 апреля Гитлер в своей речи перед офицерами-выпускниками заявил: «...В ближайшее время произойдут со- бытия, которые многим покажутся не- понятными. Однако мероприятия, кото- рые мы намечаем, являются государст- венной необходимостью, так как крас- ная чернь поднимает голову над Евро- пой».

V 41 г. Старшина Необходимо серьезно предупредить Москву о всех данных, указывающих на то, что вопрос о нападении на Со-

ветский Союз является решенным, выступление намечено на ближайшее время и немцы для этой акции ставят на карту «фашизм или социализм», естественно, подготавливают максимум возможных сил и средств.

У. 41 г. Старшина

1. В штабе германской авиации подготовка операции против СССР проводится самым усиленным темпом. Все данные говорят о том, что выступление намечено на ближайшее время. В разговорах среди офицеров штаба часто называется 20 мая, как дата начала войны. Другие полагают, что выступление намечено на июнь.

Вначале Германия предъявит Советскому Союзу ультиматум с требованием более широкого экспорта в Германию и отказа от коммунистической пропаганды. В качестве гарантии этих требований в промышленные и хозяйственные центры и предприятия Украины должны быть посланы немецкие комиссары, а некоторые украинские области должны быть оккупированы немецкой армией. Предъявлению ультиматума будет предшествовать «война нервов» в целях деморализации Советского Союза. В последнее время подготовку войны с СССР немцы стараются сохранить в полном секрете. Соответствующие меры принимаются в этом направлении и германскими представителями в Москве.

2. Несмотря на ноту советского правительства, германские самолеты продолжают полеты на советскую сторону с целью аэрофотосъемки. Теперь фотографирование происходит с высоты 11 тысяч метров, а сами полеты производятся с большой осторожностью.

3. Недавно Антонеску направил меморандум Гитлеру и Герингу, в котором доказывает необходимость нападения

Германии на СССР весной этого года. В качестве доводов указывается, что Германии необходимо обеспечить за собой сырьевую и продовольственную базу, каковой является Украина.

V 41 г. Старшина
из документов

Флот № 1 германской авиации предназначен для действий против СССР в качестве основной единицы. Находится он пока еще на бумаге, за исключением соединений ночных истребителей, противозенитной артиллерии и отрядов, тренирующихся специально в бреющих полетах.

Однако это не значит, что он не готов к выступлению, т. к. по плану все налицо, организация подготовлена, самолеты могут быть переброшены в кратчайший срок. До сего времени центром расположения 1-го воздушного флота был Берлин.

Сейчас центр перенесен в Кенигсберг, но место его нахождения тщательно конспирируется. Количество самолетов 1-го флота по планам неизвестно. Известно, что во флоте имеется три эскадрильи истребителей.

V 41 г. Старшина
из документов

1. Планы в отношении Советского Союза откладываются, немецкими руководящими инстанциями принимаются меры для сохранения их последующей разработки в полной тайне.

2. Немецким военным атташе за границей, а также послам дано указание опровергать слухи о военном столкновении между Германией и СССР.

3. В поступающих из Швеции и Финляндии докладах постоянно указывается, что шведские промышленные круги, в особенности заинтересованные в советских заказах, все время оказывают на шведскую и финскую полити-

ку влияние в пользу сохранения мира с Советским Союзом.

4. В штабе авиации опубликован приказ Верховного командования вооруженными силами, датированный 7 мая. В приказе говорится, что германские стратегические планы и предварительные разведывательные мероприятия стали известны врагу.

Старшина этот приказ связывает с разведывательными полетами немецких самолетов над советской территорией и нотой советского правительства.

Корсиканец

5. В министерстве хозяйства приказ Верховного командования связывается с антисоветскими планами Германии, которые стали известны русским.

Старшина

6. Затормаживание выполнения антисоветских планов Германии в штабе авиации объясняют трудностями и потерями в войне с англичанами на африканском фронте и на море. Круги авторитетного офицерства считают, что одновременные операции против англичан и против СССР вряд ли возможны.

7. Наряду с этим подготовительные работы против СССР в штабе авиации продолжают.

VI 41 г. Старшина со слов

нач. русского отдела
штаба авиации Гейман

1. На следующей неделе напряжение в русском вопросе достигнет высшей точки и вопрос о войне окончательно будет решен. Германия предъявит СССР требование о предоставлении немцам хозяйственного руководства на Украине, об использовании советского военного флота против Англии.

Старшина

2. Все подготовительные военные мероприятия: составление карт расположения советских аэродромов, сосредоточение на «балканских» аэродромах германской авиации должны быть закончены к середине июня месяца.

Старшина со слов

майора авиации Герца

3. Все начальники аэродромов в германском губернаторстве и в Восточной Пруссии получили задания подготовиться к принятию самолетов. Спешно обору́дуются большой аэродром в Инстербурге.

4. Сформировано будущее административное управление оккупированной территории СССР во главе с Розенбергом.

Старшина

1. В руководящих кругах германского министерства авиации и в штабе авиации утверждают, что вопрос о нападении на Советский Союз окончательно решен. Главная штаб-квартира Геринга переносится из Берлина предположительно в Румынию. 18 июня Геринг должен выехать на новую штаб-квартиру.

VI 41 г. Старшина

1. Все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены, и удар можно ожидать в любое время.

2. В военных действиях на стороне Германии активное участие примет Венгрия. Часть германских самолетов, главным образом истребителей, находится уже на венгерских аэродромах.

Корсиканец

Произведено назначение начальников военно-хозяйственных управлений будущих «округов оккупированной территории СССР». Для Кавказа — АМОНН, один из руководящих работников нац.-соц. партии в Дюссельдорфе; для Киева — БУРАНДТ, быв. сотрудник мин. хозяйства; для Москвы — БУРГЕР, руководитель хозяйственной палаты в Штутгарте. Все эти лица выехали в Дрезден, являющийся сборным пунктом. Для общего руководства хозяйственным управлением «оккупированных территорий СССР» назначен

ШЛОТТЕР, начальник иностранного отдела министерства хозяйства.

Корсиканец

Подлежащая оккупации территория должна быть разделена на три части, из которых одной должен заправлять гамбургский наместник **КАУФМАН**. В министерстве хозяйства рассказывают, что на собрании хозяйственников, предназначенных для «оккупированной» территории СССР, выступал также **РОЗЕНБЕРГ**, который заявил, что «понятие Советский Союз» должно быть стерто с географической карты.

20 июня 1941 года

ВЕРНО: (Подпись)

Наша аналитическая записка оказалась довольно объемистой, а резюме — краткое и четкое: мы на пороге войны.

17 июня 1941 года я по последним сообщениям агентов Старшины и Корсиканца с волнением завершила этот документ. Заключительным аккордом в нем прозвучало:

«Все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены, и удар можно ожидать в любое время».

Подчеркиваю, это было 17 июня 1941 года.

Обзор агентурных данных с приведенным выше выводом начальник Главного разведывательного управления Павел Михайлович Фитин повез лично Хозяину — И. В. Сталину.

НАША СПРАВКА

ФИТИН Павел Михайлович (1907—1974) — сотрудник органов государственной безопасности, генерал-лейтенант.

С июля 1939 года П. М. Фитин работал начальником 5 (иностранного) отдела ГУГБ (Главное управление государственной безопасности).

С февраля 1941 по сентябрь 1946 года, то есть весь период Великой Отечественной войны, Павел Михайлович был начальником ПГУ (Первого главного управления — разведка) НКВД—МГБ СССР.

ВСПОМИНАЕТ ЗОЯ ВАСИЛЬЕВНА ЗАРУБИНА — ДОЧЬ В. М. ЗАРУБИНА

Ну что я могу сказать о Павле Михайловиче Фитине. Очень немного. Я знала Павла Михайловича как начальника разведки. Одно время мой отец был у него заместителем. Его уважали как человека внимательного, доброго. По образованию он агроном, до работы в органах редактировал сельскохозяйственный журнал. Во всяком случае, Фитин по характеру это не Деканозов и не Кабулов Амаяк. Он хотел не только служить, но старался понять, в чем же секрет ветеранов в то время. Без нужды он не наступал на их самолюбие. Это я могла почувствовать, как молодая сотрудница, я у него работала одно время. Он видел во мне не только молодую сотрудницу, но и дочь Василия Михайловича Зарубина. Была какая-то клановость, семейственность, что ли, в хорошем понимании этого слова.

Его жизнь претерпела тоже много изменений и сложностей. После войны он был, совершенно неизвестно почему, начальником Свердловского управления государственной безопасности. А затем уволили и с этой должности. И вот какие парадоксы, какие кульбиты делает жизнь. Уйдя на пенсию, он вернулся в Москву и работал директором фотокомбината Советского общества дружбы с зарубежными странами. Его устроил на эту работу Попов Николай Александрович. И когда вышла книга П. А. Судоплатова «Показания нежелательного свидетеля», мне позвонил Николай Александрович и сказал: «Что же там пишет Судоплатов о Фитине, разве это было так?!» Я тоже считаю, что не все можно публиковать, не надо без нужды обижать людей. Его забывчивость, его неточность больно бьет по тем многолетним отношениям. И это обидно. Либо мы молчим, либо говорим правду. Да и то до конца правда не нужна. Это наше горе, это наша трагедия, но от этого мы не стали меньше любить свою страну.

Трудно передать, в каком состоянии мы — члены группы ждали возвращения Фитина из Кремля. Но вот Фитин вызвал к себе Журавлева и меня. Наш обзор мы увидели у него в руках. Фитин достаточно выразительно перебро-

сия сброшюрованный документ на журнальный столик Журавлеву.

— Хозяину доложил. Иосиф Виссарионович ознакомился с вашим докладом и швырнул его мне. «Это блеф! — раздраженно сказал он. — Не поднимайте паники. Не занимайтесь ерундой. Идите-ка и получше разберитесь».

— Еще раз перепроверьте и доложите, — приказал Фитин Журавлеву.

Недоумевающие, ошарашенные, мы вернулись в кабинет Павла Матвеевича. Мы не могли понять реакции Сталина. Как и бывает в таких случаях, снова и снова принимались все взвешивать и разбирать. Наконец Павел Матвеевич высказал предположение:

— Сталину с его колокольни виднее. Помимо нашей разведки он располагает данными разведки военной, докладами послов и посланников, торговых представительств, журналистов.

— Да, ему виднее... — согласилась я, — но это значит, что нашей годами проверенной агентуре нельзя верить.

— Поживем — увидим, — как-то мрачно заключил Павел Матвеевич.

А я думала о том, что если бы Павел Матвеевич сам докладывал эти материалы Иосифу Виссарионовичу, то, может быть, сумел бы убедить его в достоверности информации.

О Павле Матвеевиче Журавлеве ходили легенды, он был блистательным разведчиком. В разных странах умел находить ценнейших людей. Одного из них он ввел даже в ближайшее царское окружение в Болгарии. Обладал удивительным даром общения, владел основными европейскими языками. Я счастлива, что имела такого мудрого наставника.

НАША СПРАВКА

ЖУРАВЛЕВ Павел Матвеевич родился 29 ноября 1898 года, русский, уроженец села Красная Сосна, Корсунского района, Симбирской губернии, окончил мужскую гимназию в Казани и 2 курса Казанского медицинского факультета. Читает на французском, немецком, латинском языках.

В личном деле П. М. Журавлева, он же П. М. Днепров (под этой фа-

милией он выезжал в заграничные командировки), оперативный псевдоним Макар записано: «В августе 1918 года во время захвата Казани белыми бежал с сестрой — женой комиссара штаба Казанского военного округа Родионовой Еленой Матвеевной, муж которой был расстрелян белыми и которая должна была родить. Однако, по мобилизации его года, Журавлев П. М. явился на призывной пункт Корсунского уезда и был назначен санитаром на плавучий госпиталь. Через месяц, при эвакуации белых, вновь бежал от них, некоторое время скрывался и вышел в распоряжение 27-й дивизии Красной Армии около города Бугульмы».

До 1925 года П. М. Журавлев — Макар работал на различных должностях в ВЧК на губернском уровне, а затем был переведен на работу в Москву в иностранный отдел ОГПУ. Через год началась его работа за рубежом. С 1926 по 1928 год он работал в Литве на должности 2-го секретаря представительства СССР в Вильно. С 1928 по 1930 год — на той же должности в представительстве СССР в Праге. С 1931 по 1932 год — в Турции на должности атташе в полпредстве СССР в Анкаре. В 1933—1938 годах П. М. Журавлев работает 2-м секретарем полпредства СССР в Риме, где с наибольшей силой раскрылись его организаторские способности. Резидентурой НКВД в Италии в этот период было приобретено значительное количество ценных агентов, и среди них агент Д-36.

Агент Д-36 — это Пиетро Капуцци, итальянец, владелец авторемонтной мастерской с бензоколонкой и в то же время сам вербовщик. С ним Макар — Журавлев работал с 1937 по 1938 год.

С началом второй мировой войны Пиетро Капуцци организовал партизанский отряд, который под его руководством мужественно сражался за свободу итальянского народа от фашизма. Сам П. Капуцци в одном из боев был убит немецкими оккупантами. В марте 1945 года о нем много писалось в итальянских газетах как о борце за свободу. А после окончания войны итальянское правительство наградило Пиетро Капуцци посмертно золотой медалью.

С 1938 года Павел Матвеевич Журавлев находился в Москве и возглавлял сначала второе, а затем первое отделение 5 отдела НКВД. Это ему и его группе аналитиков, куда входила и Зоя Ивановна, было поручено «отгадать» день нападения фашистской Германии на Советский Союз. В 1940 году восстановил связь с полномочным представителем Болгарии в СССР Иваном Федоровичем Стаменовым, с которым установил контакт еще в Риме, где последний работал в то время первым секретарем посольства Болгарии в Италии. Через Стаменова Макар получал информацию о политике Болгарского государства накануне второй мировой войны.

Началась война. Однако И. Стаменов, как представитель Болгарии, находился в Советском Союзе. В архиве сохранился меморандум о на-

строениях И. Стаменова в те годы, составленный по агентурным данным. Интересно высказывание Стаменова, сделанное им в интимной обстановке в сентябре 1942 года. «Я люблю Россию и русский народ,— говорил он,— восхищаюсь его мужеством и тем не менее предвижу, что в недалеком будущем вы будете тем же, чем и мы. В определенной степени вы будете порабощены после войны, будете рабами. Это будет неизбежно. Ведь вы одни выносите всю тяжесть войны, и это кое-кому очень не нравится. Ведь вы же будете слабыми, народ устанет от войны и жертв, хотя он и будет победителем.

Вы, русские, очень гордые, и это мешает вам оглянуться на прошлое и настоящее маленьких стран, вроде нас.

Оглянитесь на историю, вспомните, как после войны (имеется в виду первая мировая война.— *Ред.*) с нами поступили союзники, и сделайте выводы и для себя. Ведь к этому направлена политика ваших теперешних друзей» (архивное дело № 34467, л. 134).

В личном деле Макара № 30535 записано: «С 9 мая 1942 года по 7 апреля 1946 года находился в долгосрочной загранкомандировке в Тегеране сначала в качестве первого секретаря, а затем поверенного в делах СССР в Иране».

Государство Иран и его столица Тегеран вписаны в историю второй мировой войны одним значительным событием — в 1943 году (28 ноября — 1 декабря) там состоялась встреча глав государств антигитлеровской коалиции, на которой была принята Декларация о совместных действиях в войне против Германии и о послевоенном сотрудничестве трех держав, а также решение об открытии не позднее 1 мая 1944 года второго фронта в Европе.

Разведывательные службы фашистской Германии знали о готовящейся конференции и приняли соответствующие меры по ее срыву. Они намеревались уничтожить И. Сталина, У. Черчилля, а Ф. Рузвельта захватить живым. В Тегеран были заброшены пять опытейших германских разведчиков, снабженных денежными и материальными средствами (золото, оружие, спецустройства и т. п.). Они создали сильную конспиративную прогерманскую группировку в правящих кругах Ирана и оборудовали военную базу в пустыне на территории одного из племен. Возглавлял всю эту работу доверенное лицо начальника 6 Управления бригаденфюрера СС Шелленберга Отто Скорцени. Тот самый Скорцени, который 25 июля того же 1943 года по личному указанию Гитлера освободил Муссолини, арестованного в то время заговорщической группой офицеров королевской гвардии Италии. Непосредственно группу агентов в Иране возглавлял один из доверенных боевиков Скорцени — штурмбанфюрер Рудольф фон Пфлюг. Руководящее ядро немецких диверсантов собиралось периодически в доме иранского подданного Эбтехая, завербованного абвером, а позднее перевербованного разведслужбами союзников.

Планы гитлеровской разведки провалились — 2 декабря 1943 года в 6 часов утра все пятеро немецких разведчиков были арестованы.

Павел Матвеевич Журавлев получил звание генерал-майора, а в личном деле Макара осталась одна скудная запись: «Раскрыл и предупредил о подготовке со стороны гитлеровской разведки террористического акта в отношении глав союзных держав антигитлеровской коалиции в Тегеране».

Вернулся П. М. Журавлев в Москву из Тегерана в апреле 1946 года. По служебной линии его возвращение из командировки сопровождалось служебной характеристикой из двух лаконичных фраз от 27 апреля 1946 года: «Павел Матвеевич Журавлев, находясь в долгосрочной командировке, проделал большую работу: в 1944 году в сложных условиях создал новую резидентуру МГБ СССР, регулярно снабжавшую Центр ценными разведывательными материалами и активно работающую до настоящего времени.

Лично Журавлевым П. М. и сотрудниками руководимой им резидентуры завербован ряд весьма ценных агентов».

Товарищи и коллеги Павла Матвеевича тепло и с большим уважением отзывались о нем и о методах его работы с подчиненными. Вот что, например, писал по этому поводу ветеран службы внешней разведки Д. Г. Федичкин, работавший вместе с П. М. Журавлевым еще во второй половине 30-х годов, и в том числе в резидентуре в Риме, тот самый Федичкин, о котором Зоя Ивановна во второй главе своей книги расскажет один эпизод: «Честность и справедливость были отличительными чертами Павла Матвеевича. Ему были чужды корыстные и эгоистические мотивы в отношении с людьми. Он прямо в глаза говорил правду, невзирая на лица. Не терпел карьеристов и двуличных людей, презирал тех, кто искал легкой жизни, выгод, не любил людей беспринципных, способных на ложь и обман. Он не скрывал и не приуменьшал недостатков и просчетов в работе, если они были.

По натуре Журавлев был мягким, вежливым и выдержанным человеком, таких называют «человечный человек». Однако он не терпел расхлябанности и недисциплинированности, был требователен, но его требовательность не была голым администрированием, действовал он методами разъяснения и убеждения. Я не знаю случая, чтобы он когда-либо повысил голос или вел себя грубо. Не терял он самообладания и в период осложнений и неудач».

Умер Павел Матвеевич в Москве в 1956 году и был похоронен со всеми воинскими почестями на одном из московских кладбищ.

ВСПОМИНАЕТ П. А. СУДОПЛАТОВ

(Из книги «Показания нежелательного свидетеля»)

С ноября 1940 года все мы находились в состоянии повышенной боевой готовности. К этому времени Павел Журавлев и Зоя Рыбкина завели литерное дело под названием «Затя», в котором сосредоточивались информационные материалы о подготовке Германии к войне против Советского Союза. С помощью этого дела было легче регулярно следить за развитием немецкой политики, в частности, за ее возрастающей агрессивностью. Информация из этого литерного дела регулярно поступала к Сталину и Молотову, что позволяло им корректировать их политику по отношению к Гитлеру. В деле находились сообщения, которые впервые породили у советского руководства сомнения в искренности предложений Гитлера, в частности, о делении мира между Германией, Советским Союзом, Италией и Японией, о чем Молотов сказал в ноябре 1940 года в Берлине.

Зоя Рыбкина, которая за несколько дней до начала войны посетила германское посольство в Москве, заметила, что персонал этого посольства практически был готов к эвакуации. Это сообщение озаботило нас.

...Сегодня, когда минуло пять десятилетий с того времени и когда печать, телевидение, радио предают гласности секретные документы той роковой поры, отчетливо видишь, какую важную миссию выполняла советская внешняя разведка и какой просчет, принесший немалые беды, допустило сталинское руководство.

Замечу, что тогда мы старались найти оправдание «стратегическому плану» Сталина. Прочно утвердилась такая версия: мы не подтянули вовремя к границам воинские части, не оснастили вооружением новую советско-германскую границу. Сталин, мол, стремился к тому, чтобы весь мир знал и видел, кто развязал войну. Хотя гитлеровцы постоянно нарушали наши воздушные, морские и сухопутные границы, провоцировали нас, мы на провокацию не поддались, зато получили в союзники США, Великобританию и мировое общественное мнение...

ВАЛЬС У ШУЛЕНБУРГА

В середине мая 1941 года я была приглашена к начальнику Главного управления контрразведки комиссару П. В. Федотову. С контрразведкой у меня никогда не было никаких контактов, и я не могла понять причину вызова.

Спустилась двумя этажами ниже, вошла в приемную.

— Майор Рыбкина? — секретарь вскочил со своего места. — Пожалуйста, пройдите, комиссар вас ждет.

Я прошла через тамбур с двумя дверями. В просторном кабинете кресла и стулья были обтянуты белоснежными чехлами, на обширном письменном столе возвышалась лампа под зеленым абажуром и стояли две хрустальные чернильницы в бронзовой оправе. На столике, примыкавшем к рабочему столу, шесть или восемь телефонных аппаратов. Между двух окон на стене большой портрет Сталина. На другой стене в темной раме портрет Ленина. В общем, обычный генеральский кабинет.

Петр Васильевич поднялся из-за стола, вышел навстречу, пожал мне руку, пригласил занять место у журнального столика, сам сел напротив.

Я видела его впервые. Он походил на директора школы или преподавателя вуза. Мало что выдавало в нем комиссара госбезопасности, хотя он был в военной форме с тремя ромбами в петлицах.

Петр Васильевич сразу перешел к делу. Контрразведке нужна моя помощь. Гитлеровская Германия, желая опровергнуть распространяемые слухи о якобы готовящемся нападении на СССР, решила продемонстрировать верность заключенному в 1939 году советско-германскому договору и прислала в Москву, что весьма знаменательно, делегацию, но не экономическую или политическую, а группу солистов балета Берлинской оперы. Германский посол Шуленбург сегодня дает обед в их честь; на обед приглашены звезды нашего балета.

— И мы очень просили бы вас, — сказал Петр Васильевич, — быть среди приглашенных на этот обед.

— В качестве кого? — удивилась я.

— Мы об этом подумали и уже заготовили приглашение. Вы будете представлять там ВОКС (Всесоюзное общество культурной связи с заграницей. — *З. В.*). Мы наделись, что вы нам не откажете, и ВОКС уже послал список

приглашенных в германское посольство. А вам я вручаю это приглашение.— И он протянул мне продолговатый конверт, в котором значилась моя фамилия.

Я вспыхнула и запротестовала:

— Там могут быть и дипломаты, которые меня знают, но знают под другой фамилией.

— Ах, черт возьми, мы этого не учли.

Он задумался, а я тем временем вертела в руках приглашение, не зная, как поступить.

Наконец, тяжело вздохнув, Петр Васильевич сказал:

— Мы сделаем так. Попросим ВОКС позвонить в германское посольство и предупредить, что так как Рыбкина заболела, то вместо нее будет Ярцева.

— Да это все шито белыми нитками,— рассмеялась я.— Впрочем, меня интересует моя роль в этом деле.

Петр Васильевич принялся популярно объяснять. Мне следует оценить обстановку, настроение, учесть всякие детали, интересующие нашу контрразведку.

Времени для подготовки к званому обеду оставалось в обрез. Я понимала, как встретят меня советники Шуленбурга, сотрудники гитлеровской разведки...

Небольшое отступление. После войны Петр Васильевич Федотов возглавит внешнеполитическую разведку, будет моим начальником. Это был честный, умный человек, за многие годы работы ставший крупным мастером по розыску и разоблачению засылаемой к нам вражеской агентуры. А мы в разведке занимались розыском в стане прямого или потенциального противника людей, способных быть нашими помощниками, служить нашему делу. Естественно, в этой новой для него области Федотов на первых порах проявлял и осторожность, и подчас медлительность в принятии решений.

Работая начальником германского отдела, я вносила на его рассмотрение различные проекты оперативных мероприятий, направленных на приобретение агентуры, разработку отдельных способов внедрения наших агентов в германские ведомства и т. д. и т. п.

Петр Васильевич обыкновенно прочитывал проект, медленно закрывал папку, говоря: «Это надо обдумать». Проходили дни, недели, а то и месяцы, прежде чем он принимал решение. У меня накопилось несколько таких нерешенных проектов, я собрала их в отдельную папку и,

огорчаясь тем, что иные из них уже теряют свою актуальность, сделала на этой папке сакраментальную надпись: «Так погибают замыслы с размахом, вначале обещающие успех, от долгих отлагательств» (*Уильям Шекспир*).

И надо же было случиться такому: я поскользнулась, упала и некоторое время вынуждена была лежать дома с ногою в гипсе.

Мой непосредственный начальник Дмитрий Георгиевич Федичкин прислал своего секретаря взять у меня ключ от сейфа, в котором хранились понадобившиеся ему для доклада генералу Федотову документы. Лежали они как раз в злополучной папке.

Я по-дружески попросила секретаря самому вынуть из папки нужные материалы, а папку с надписью Федичкину не передавать. Но получилось так, что Федичкин спешил, сам снял печать и открыл сейф. Взял папку и, как потом мне рассказал, отправился на доклад. В кабинете, ожидая, когда генерал освободится, Федичкин аккуратно положил папку на письменный стол, не заметив на ней надписи. Но генерал был не таков. Он весьма внимательно осмотрел папку и прочитал вслух шекспировское изречение. Постучав по привычке пальцем по столу, Федотов заметил: «А ведь Шекспир прав, мы тугодумы, и Бисмарк тоже корил русских, что они медленно запрягают...» Федичкин тут же отпарировал: «Но Бисмарк сделал вывод: зато русские быстро ездят...»

...Все это сейчас пришло на память из далекого прошлого, а тогда мне надо было торопиться в парикмахерскую и домой, переодеться.

НАША СПРАВКА

ФЕДИЧКИН Дмитрий Георгиевич (1902—1991) — советский разведчик, полковник в отставке.

Д. Г. Федичкин — сын подмосковного крестьянина-бедняка, переселившегося со своей семьей в начале века в поисках лучшей доли на Дальний Восток. Принимал непосредственное участие в партизанских боях за освобождение Дальнего Востока, был комиссаром роты и комиссаром батареи. После окончания Гражданской войны в октябре 1922 года его пригласили на работу во вновь формирующиеся органы ГПУ в Приморье. Более пятидесяти лет Д. Г. Федичкин проработал во внешней

разведке. Был в странах Прибалтики в предвоенные годы и в Италии, после войны в Болгарии и Югославии. В Италии Федичкин находился вместе с уже известным читателю Павлом Матвеевичем Журавлевым, а в предвоенные годы был непосредственным начальником Зои Ивановны Воскресенской-Рыбкиной.

События Гражданской войны в Приморье Федичкин описал в книге «У самого Тихого...», изданной издательством «Детская литература» в 1977 году. В работе над этой книгой ему во многом помогала Зоя Ивановна, которая написала и послесловие. В литературной судьбе Федичкина сказались та же взаимосвязь, что и у самой Зои Ивановны,—предшествующая работа послужила базой, основой для литературного труда.

В 1984 году в том же издательстве выходит вторая книга Дмитрия Георгиевича «Чекистские будни» о работе сотрудников органов государственной безопасности на Дальнем Востоке с середины 20-х до середины 30-х годов.

На машине ВОКСа я прибыла в германское посольство. Одновременно со мной подъехали две машины с солистами балета Большого театра. Запомнилась народная артистка Семенова, она приехала после спектакля, усталая, непричесанная, лицо ее без грима блестело от крема. Балерина Тихомирнова была в каком-то затрапезном платье. Появились еще две молодые танцовщицы, был, кажется, и Чабукани.

Встречал гостей посол Шуленбург. Он был, как положено, во фраке, и его окружали балерины, приехавшие из Берлина.

НАША СПРАВКА

ШУЛЕНБУРГ — графский род, принадлежащий к числу древних фамилий в Германии. Свое происхождение ведет от ВЕРНЕРА фон дер Ш.—рыцаря-крестоносца, убитого в 1119 году. Потомство Вернера разделилось на несколько ветвей, в числе которых были графские и баронские фамилии.

Саксонский камергер барон Генрих-Морис фон дер Ш. (1739—1808) в 1786 году был возведен в графское достоинство Римской империи. Сын его Людвиг поступил на русскую службу и умер в чине генерал-майора. Род Ш. со стороны России также был утвержден в графском достоинстве и в 1854 году приписан к Черниговской губернии.

Граф Фридрих-Вальтер фон дер Шуленбург, в предвоенные годы

посол Германии в СССР, выходец из этого старинного аристократического рода, был воспитан в духе веками складывавшейся германорусской дружбы.

5 мая 1941 года Фридрих фон Шуленбург и советник германского посольства в Москве Густав Хильгер провели в резиденции посольства встречу с послом СССР в Германии В. Г. Деканозовым, находившимся в то время в Москве, и заведующим отделом Центральной Европы НКВД СССР В. П. Павловым. На этой встрече Ф. Шуленбург рассказал В. Деканозову об аудиенции у Гитлера 28 апреля 1941 года. Шуленбург и Хильгер сообщили ему точную дату готовящегося германского нападения на Советский Союз, предупредив его о том, что они совершают рискованный шаг и делают его по собственной инициативе.

Но И. В. Сталин не поверил и этому.

Позднее граф фон Шуленбург воспринял начало войны как свою личную трагедию. А еще позднее он стал одним из участников заговора 20 июня 1944 года — покушение на Гитлера. Заговор не удался. 10 ноября 1944 года Фридрих фон Шуленбург был казнен.

Всех пригласили к столу. С немецкой стороны дипломаты были без жен. Один из них говорил по-русски. А с советской стороны переводчиком пришлось быть мне. Чувствую, в меня впился взглядом сидевший визави, как он потом представился, военный атташе. Он был — мы это знали — главой немецкой разведки в Москве.

После обеда, далеко не парадного и не рассчитанного на гурманов (блюда были пресные), разговор завязался натянутый, с паузами. Военный атташе несколько раз выбегал, его куда-то вызывали. Один раз, возвратившись, он что-то прошептал послу Шуленбургу, что было уж совсем бестактно с точки зрения дипломатического протокола.

Перешли в зал, где разносили кофе, мороженое и ликер. Военный атташе завел патефон английского происхождения марки «Хиз мастерс войс»¹. На крышке патефона была изображена собака, слушающая звук из граммофонного раструба. Начались танцы. Шуленбург пригласил меня на тур вальса.

На меня напало смешливое настроение. Мой партнер был внимателен, вежлив, но не мог скрыть своего удрученного состояния.

— Не кажется ли вам забавным, господин посол, — спросила я, — что мы танцуем с вами в балетной труппе Большого театра?

¹ «Голос его хозяина» (англ.).

— Действительно, забавно, — усмехнулся Шуленбург. — Такое, к сожалению, случается лишь раз в жизни, а я к этому не готов.

— Вы не любите танцевать? — спросила я с наивностью в голосе.

— Признаться, не люблю, но вынужден, вынужден, — еще раз подчеркнул Шуленбург.

И я вдруг почувствовала какой-то иной смысл в его словах, высказанных с горечью.

Танцуя, мы прошли по анфиладе комнат, и я отметила в своей памяти, что на стенах остались светлые, не пожелтевшие квадраты от снятых картин. Где-то в конце анфилады как раз напротив открытой двери возвышалась груда чемоданов.

В это время к нам не подошел, а подбежал запыхавшийся военный атташе:

— Господин посол, вам надо отдохнуть, я похищаю у вас даму.

— Я тоже устала, — ответила я.

Шуленбург ушел в какую-то боковую дверь, а военный атташе сопровождал меня в зал и принялся расспрашивать, в каком отделе ВОКСа я работаю. Я ответила, что в скандинавском. Он подробно интересовался нашими планами, какие намечены вернисажи, какие предстоят гастроли. Я отвечала наобум, что Бог на душу положит. У меня не было времени «запрягаться», и вынуждена была «быстро ехать».

Военный атташе снова куда-то исчез. В это время балерина Семенова сказала, что пора бы и честь знать и время отправляться домой. Вышел Шуленбург, гости благодарили за прием. Появился военный атташе, подошел ко мне и злорадно съязвил:

— Мне сейчас сообщили, что театр Станиславского не собирается выезжать с гастролями в Финляндию, как вы изволили мне сказать.

— У вас старые сведения, господин генерал, — ничуть не смутившись, ответила я.

— Сведения самые последние и самые достоверные, — настырно повторил военный атташе.

— А я утверждаю, что именно так. Сегодня днем шеф ВОКСа профессор Кеменов подписал мой план.

Мы распрощались.

Меня ждала машина ВОКСа. В зеркало я видела, что военный атташе, стоя на крыльце, записывал номер этой машины.

Возле моего дома меня ждала другая, служебная машина, на которой я поехала на Лубянку и, как была, в вечернем бархатном платье со шлейфом, пришла к генералу Федотову. Мои наблюдения в германском посольстве и всякие подмеченные детали вполне удовлетворили специалистов нашей контрразведки. Из моего доклада было ясно, что германское посольство готовится к отъезду и вся эта «культурная» акция с Берлинским балетом сфабрикована для отвода глаз.

Шуленбург и его аппарат готовились покинуть Москву.

Глава 3

«КАК ЭТО НА ПЯТЫЙ ДЕНЬ?!»

Александр Сергеевич Нелидов, 1893 года рождения, бывший штабс-капитан царской армии, артиллерист, не принял Октябрь, служил у Деникина. С остатками белой армии бежал в Турцию, затем перебрался во Францию, из Франции в Германию. Здесь его подобрала военная разведка, а с приходом к власти Гитлера — абвер генерала Канариса¹. Нелидов участвовал в ряде военных игр, которые устраивали германский генеральный штаб совместно с абвером и разведкой имперской безопасности.

Накануне второй мировой войны, в 1939 году, Нелидов был направлен Канарисом в Чехословакию, затем в Польшу. В Варшаве Нелидов был разоблачен, арестован и заключен во Львовскую тюрьму. Когда Красная Армия освобождала Западную Белоруссию и Западную Украину, Нелидов вместе с другим заключенным был выпущен из тюрьмы. Знакомство с его делом работников СМЕРШа² показало, что он разведчик фашистской Германии. Его переправили в Москву и поместили во внутреннюю тюрьму на Лубянке.

В середине 1940 года начальник Разведуправления НКВД СССР П. М. Фитин приказал мне заняться Нелидовым и получить от него информацию по Германии.

¹ Абвер — гитлеровская военная разведка и контрразведка. Канарис — начальник абвера.

² СМЕРШ — «Смерть шпионам», советская военная контрразведка.

И вот ко мне в кабинет конвоир привел Нелидова из внутренней тюрьмы. Это был человек лет пятидесяти, невзрачный на вид, с проседью в аккуратно подстриженных волосах. Вел он себя как-то по-лакейски. «Да-с», «никак нет-с», «слушаюсь», «как прикажете, гражданин начальник». Мне стало смешно и стыдно за него — русского офицера старой выучки. Тем более что из первоначального опроса было ясно, что человек он образованный, весьма осведомленный и располагает важной информацией, столь необходимой нам в предвидении возможной войны с Германией.

Я подготовила план работы с Нелидовым. Фитин одобрил задуманное. Нелидова ежедневно приводили ко мне в кабинет, я его устроила в смежной комнате, и мы договорились, что он подробно, во всех деталях, опишет военные игры, в которых участвовал, тщательно изложит военные действия, предполагаемые Германией против СССР.

Нелидов попросил дать ему возможность представить свой материал в виде начерченных карт-схем. «Для наглядности и точности», — отпарентовал он. Работал он, как и я, с утра до шести вечера, потом перерыв часа на три и вслед за тем вновь на служебном месте до двух — четырех часов ночи, вернее, уже утра. Обед ему приносили из нашей столовой, и когда он увидел нож и вилку, то отодвинул их и робко произнес: «Но это мне не положено».

Сперва в нем чувствовалась скованность и даже растерянность. При моем появлении он вскакивал с места, держал руки по швам. Но постепенно я отучила его от привычки прибавлять к каждому слову букву «с», разрешила называть меня Зоей Ивановной, а не «гражданином начальником» и сама обращалась к нему по имени-отчеству.

В процессе работы он обнаружил глубокое знание искусства управления войсками, отличную память на давние и недавние события, размещение армейских группировок, номера разного рода дивизий, калибры и число орудий. Все это условными обозначениями заносилось на карты-схемы.

Отчетливо помню синие стрелы, направленные на границу Белоруссии.

— В одной из последних военных игр Минск предполагалось занять на пятый день после начала немецкого наступления, — пояснил Нелидов.

Я рассмеялась. «Как это на пятые сутки?!» Он смутил-

ся и принялся клясться всеми богами, что именно так было рассчитано самим Кейтелем¹ во время последней игры. Этот план, как мы теперь знаем, был позднее утвержден Гитлером и назван планом «Барбаросса».

Гитлер не случайно присвоил своим зловещим намерениям имя «Барбаросса». Фюрер мечтал — по примеру одного из популярнейших героев немецкого средневековья, короля Фридриха I Барбароссы, который в 1155 году в Риме был увенчан короной Священной Римской империи, — возглавить новую могущественную империю. При этом Гитлер игнорировал тот злополучный факт, что Фридрих I, ведший в крестовом походе свою армию к победам, находясь в Малой Азии, утонул во время переправы в маленькой речке Салефе...

Маньяк Гитлер, возомнивший себя сверхчеловеком, допустил со своим планом «Барбаросса» просчет.

Когда я показала Фитину первую карту, начерченную Нелидовым, генерал чертыхнулся:

— Ну и заливает же этот подонок. На пятый день уже и Минск.

(Печальная справка. Красная Армия после жестоких боев вынуждена была оставить Минск 28 июня, то есть на шестой день после начала войны. Чего греха таить, в те первые дни войны даже в генеральских коридорах подчас распространялись ложноспасительные версии насчет того, что Красная Армия отбросит гитлеровскую армию аж к самой Варшаве...)

Но вернемся к Нелидову и работе с ним.

В мае 1941 года мировую печать облетела сенсация: Рудольф Гесс на одноместном самолете улетел в Великобританию. От нашего разведчика Зенхена — легендарного Кима Филби мы получили сообщение, что Гесс встретился с лордом Гамильтоном «с целью установить сепаратный мир». В первую мировую войну Гесс был летчиком. Член нацистской партии с 1920 года, он участвовал в мюнхенском путче в 1923 году и был арестован вместе с Гитлером. Сидел с фюрером в одной камере и помогал ему писать «Майн кампф». После освобождения из тюрьмы в 1925 году Рудольф Гесс стал личным секретарем Гит-

¹ Вильгельм Кейтель — начальник штаба Верховного главнокомандования вооруженных сил Германии с 1938 по 1945 год.

лера, а с апреля 1933 года — заместителем главы нацистской партии.

НАША СПРАВКА

ГЕСС Рудольф (1894—1987) — один из главных немецко-фашистских военных преступников.

С 1925 года Рудольф Гесс — личный секретарь Адольфа Гитлера, а с 1933 года, когда Гитлер официально пришел к власти, Гесс становится его заместителем на посту национал-социалистской партии Германии.

В 1941 году, еще до нападения Германии на Советский Союз, Гесс вылетел в Великобританию с целью негласных переговоров с правительством Великобритании о заключении 'сепаратного мира. Но правительство Великобритании не пошло на сговор с гитлеровским режимом, и Гесс был заключен в тюрьму. В истории этот факт известен как «Миссия Гесса». С окончанием второй мировой войны Гесс был передан англичанами Международному суду в Нюрнберге, который проходил с 20 ноября 1945 года по 1 октября 1946 года. На Нюрнбергском процессе Р. Гесса защищал известный защитник доктор (кандидат юридических наук) Альфред Зейдл. Несмотря на умелую защиту со стороны А. Зейдла, Гесс был приговорен к пожизненному заключению, которое отбывал в западноберлинской тюрьме Шпандау. Умер Р. Гесс в тюремной камере в 1987 году 17 августа.

Существует три версии смерти Рудольфа Гесса. Первая состоит в том, что Гесс умер естественной смертью от инфаркта, находясь в садовом дворике во внутреннем дворе тюрьмы, где ему никто не мог оказать необходимую помощь. Кстати, других заключенных, осужденных по Нюрнбергскому процессу, в тюрьме в эти годы уже никого не было.

Суть второй версии в том, что Гесс покончил с собой, приняв яд, непонятно каким образом попавший в его руки. Другой вариант второй версии — Гесс повесился на шнурке, но шнурок не напился.

И третья версия гласит о том, что Гесс в садовом дворике был задушен американцами, которые, дескать, за что-то хотели отомстить англичанам.

Кроме этих версий о смерти Р. Гесса, проведеншего в заключении более пятидесяти лет, вокруг него витает много других легенд. Например, одна из них говорит о том, что Р. Гесс прилетел в Англию в мае 1941 года, не имея никаких намерений и заданий по заключению сепаратного мира между Великобританией и Германией. И арестован Гесс англичанами был потому, что его арестом власти Великобритании намеревались преподнести дезинформацию Сталину, внушив ему мысль о якобы намерении Гитлера заключить сепаратный договор с Черчиллем.

Вторая легенда свидетельствует о том, что англичанами был арестован вовсе не Рудольф Гесс, а совсем другой человек, который и предстал затем перед судьями на международном Нюрнбергском процессе. Из этого следует, что именно другой человек, которого выдали за Гесса, и провел пожизненное заключение в тюрьме Шпандау. Однако очевидно, что последняя версия-легенда не выдерживает никакой критики, поскольку за время длительного нахождения в Шпандау Гесса неоднократно посещали его многочисленные родственники и никто из них не высказал никаких сомнений.

Сообщение Зенхена о Гессе и его тайных переговорах с лордом Гамильтоном имело для нас необычайную ценность. Подчеркну, что перелет Гесса был совершен в ночь на 11 мая 1941 года. До чудовищного вероломства гитлеровской Германии оставались считанные дни...

Руководство поручило мне по всем каналам проверить сообщение Зенхена и представить дополнительные сведения. Задание было выполнено. Ким Филби подтвердил свою информацию из Лондона. Ему можно было верить. Он пользовался безупречной репутацией. Горестно сознавать, однако, что на самом верху отнеслись к сообщению Кима Филби с недоверием. Сталин проявлял свойственную ему «настороженность» к сообщениям советских разведчиков.

Мы решили рассказать о перелете Гесса Нелидову, который, разумеется, не знал, что происходит за стенами Лубянки, и по-прежнему работал над своими схемами. Когда я спросила его, как он может все это оценить, Нелидов живо отреагировал:

— Бесспорно, это война. Гесс вербует Англию в союзники против СССР.

Так оно и было в действительности.

Но англичане не пошли на гитлеровскую приманку и поместили Гесса в тюрьму. Миссия его провалилась. После войны на Нюрнбергском процессе Гесс был осужден на пожизненное заключение, которое он отбывал в берлинской тюрьме Шпандау. В ней он и умер (по иной версии, отравился или был отравлен) несколько лет назад.

В первых числах июня 1941 года я передавала заместителю начальника Генерального штаба, начальнику Главного разведывательного управления Филиппу Ивановичу Голикову карты-схемы, начерченные Нелидовым. Крутолобый Голиков, очень живой, подвижный, с интересом рассматривал эти карты и, перекладывая листы, комментировал:

— Итак, они решили врезаться клиньями. И, подумайте, на пятый день намерены забрать Минск. Ай да Кейтель, силен,— сыронизировал Филипп Иванович.— Силен...

— А вы знаете, товарищ генерал,— заметила я,— мы получили от одного нашего агента, железнодорожного чиновника в Берлине, адресованный ему пакет с надписью: «Вскрыть по объявлении мобилизации». Наши специалисты этот пакет аккуратно вскрыли и обнаружили предписание Главного военного командования Германии, обязывающее этого чиновника прибыть на станцию Минск, начальником которой он назначался, и «приступить к исполнению своих обязанностей на 5-й день после начала военных действий».

— Это весьма и весьма интересно,— заметил генерал, свертывая в трубку карты.

НАША СПРАВКА

ГОЛИКОВ Филипп Иванович (1900—1980) — Маршал Советского Союза, член КПСС с 1918 года.

В предвоенные годы Ф. И. Голиков был начальником ГРУ РККА (Главное разведывательное управление Красной Армии). В годы второй мировой войны в период с 1941 по 1943 год командовал рядом армий на Брянском и Воронежском фронтах. С 1943 по 1950 год работал начальником Главного управления кадров Советской Армии, а с 1958 года по 1962 год был начальником Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота. С приходом к власти Н. С. Хрущева Голиков в 1961 году получает воинское звание Маршала Советского Союза.

Ф. И. Голиков избирался в члены ЦК КПСС (с 1961 по 1966 год) и депутатом Верховного Совета СССР.

...В воскресенье 22 июня началась война. В этот вечер мы отправляли наших детей на Азовское море.

В понедельник, как обычно, я расписалась в приеме заключенного Нелидова и по его лицу поняла, что от него не ускользнуло мое состояние. Он смотрел на меня с тревогой: выглядела я и вела себя не так, как обычно.

Перед началом служебного дня было короткое совещание у руководства. Рассматривались оперативные вопросы. Мне посоветовали о вторжении фашистской Германии Нелидову не говорить.

— Вас, наверное, смущает мой вид,— спросила я Алек-

сандра Сергеевича.— Не удивляйтесь, ночью проводила сынишку на летние каникулы, и мне очень грустно...

Июнь выдался жаркий, и если раньше на нашем высоком этаже окна на улицу были широко открыты, то теперь наглухо зашторены. Нелидов бросил многозначительный взгляд на плотно завешенные гардины, но спросить ничего не посмел.

Прошел месяц. 22 июля. Мы обсуждаем с Нелидовым концепцию генерала фон Секта — противника гитлеровского «Дранг нах Остен». Фон Сект считал, что война Германии против Советского Союза обречена на поражение даже в том случае, если бы германская армия захватила территорию до Урала. Нелидов с карандашом в руке принялся на листе бумаги объяснять, что растянутые немецкие коммуникации потребуют огромного количества войск для охраны мостов и других военных объектов, неимоверного расхода горючего, что связано с подвозом продовольствия, большого напряжения сил для подавления внутреннего сопротивления, которое в традициях русского народа. «До Урала дойдут — и все. Это закончится позиционной войной. В ней Германия захлебнется и потерпит позорное поражение», — утверждал генерал фон Сект, от которого постарались избавиться и направили его в Китай советником Чан Кайши.

Наш разговор с Нелидовым прервал размеренный бас радиодиктора: «Граждане, воздушная тревога!» Было ровно 10 вечера. Слова диктора поглощала доносившаяся до нас орудийная стрельба. Слышались мощные взрывы, дребезжали стекла. У Нелидова округлились глаза.

— Зоя Ивановна! — воскликнул он. — Стреляют не холостыми. Это война?

— Да, — ответила я. — Сегодня ровно месяц с ее начала. И Минск пал. Не на пятый, как значилось на картах, а на шестой день. Но это не меняет сути... Что ж, Александр Сергеевич, нам с вами придется закругляться и думать, что делать дальше.

За год с лишним общения с Нелидовым я его хорошо изучила, видела его искренность. В разговоре со мной он постоянно подчеркивал свою ответственность за прошлое: и в годы Гражданской войны, и будучи на службе у фашистской Германии.

— Знаете, — сказал он мне, — я готов понести наказание. Но не думайте, что буду просить о помиловании. Нет, такое не прощается. Даже за давностью лет. Я понимаю,

что помилования не будет, меня должны прикончить. Надеюсь, расстреляют, не повесят.

В эту минуту за Нелидовым прибежал запыхавшийся конвоир.

— Прощайте, Зоя Ивановна,— сказал Нелидов упавшим голосом.— Все, что я сделал здесь, в этой комнате, этому можно верить.— Он перекрестился и отвесил низкий поклон...

Через день конвоир снова привел его ко мне. Один из оперуполномоченных явился с чемоданом. Я сказала Нелидову, чтобы он переоделся, и прошла к себе. Через некоторое время оперуполномоченный вошел ко мне в кабинет и доложил, что Нелидов плохо себя чувствует, рыдает и спрашивает, зачем перед смертью его так наряжают.

— Ай-яй-яй, Александр Сергеевич,— сказала я Нелидову.— Как можно так распустить нервишки. Они вам еще понадобятся. Я вас должна представить руководству.

И мы пошли с ним к начальнику отдела Павлу Матвеевичу. Разговор был короткий, и вскоре уже втроем мы были у заместителя начальника управления Павла Анатольевича Судоплатова. Затем все вместе у начальника управления Павла Михайловича Фитина. Нелидову предложили перебраться в Турцию, в страну, где он впервые появился два десятка лет назад, а теперь отправится туда в качестве нашего секретного сотрудника. Нелидов развел руками.

— Но прежде меня следует...— он чуть замаялся,— подвергнуть... расстрелу...

Фитин сказал:

— Я спрашиваю вашего согласия на работу на нас в Турции. Турция, вы знаете, нейтральна.

— Как прикажете-с.

Я посмотрела на него с укором.

— Как прикажете,— повторил Нелидов.

— Готовьтесь. Вас переведут в гостиницу. Можете днем погулять по Москве,— распорядился Фитин.

Мы вернулись ко мне в кабинет. Александр Сергеевич спросил, почему ему представили всех руководителей разведки «Павлами».

— Это конспирация?

— Нет, действительно так их крестили... Ну, что ж,— добавила я,— а сейчас в «Арагви». Есть такой ресторан, где великолепно готовят шашлык «по-карски».

В ресторане почти все столики пустовали. Сидело лишь

несколько офицеров. Я заказала обед. К шашлыку принесли сухое вино. Я приложила пальцы к своему бокалу:

— К сожалению, вина не пью, но говорят, это саперави — вино отличное.

— А вы, может, пригубите?

— Да,— сказала я и отпила маленький глоток, а он каким-то отрешенным взглядом посмотрел на свой бокал.

— Что же вы не пьете? — спросила я.— За успех нашего с вами предприятия!

— Простите, а мы можем поменяться бокалами?

Я поняла его. Решил, что ему дали вино с ядом.

Я поменяла бокалы и пригубила.

Он выпил бокал и спросил:

— Когда же за мной придут?

— Но вам ведь зачитали решение о вашем освобождении.

— Но я-то хорошо все понимаю. О каком прощении может идти речь...

Закончив обед, я предложила:

— Хотите, я вам покажу нашу сельскохозяйственную выставку?

Машина шла по улице Горького. Витрины магазинов закладывались мешками с песком. Окна крест-накрест заклеивались белыми полосками. Вооруженные милиционеры с противогазными сумками через плечо регулировали движение. Посредине улицы следовал целый поезд грузовых машин: эвакуировали музейные ценности.

Сельскохозяйственная выставка еще работала, хотя посетителей было мало, детей не видно совсем. Нелидов с интересом смотрел на хоровод бронзовых красавиц в национальных одеждах, окруживших центральный фонтан, на причудливые здания павильонов.

К вечеру я привезла его в гостиницу «Москва», где для него был заказан номер. На столе лежали свежие газеты, журналы, стоял его чемодан. Я пожелала ему хорошо отдохнуть, чтобы с завтрашнего дня начать готовиться к отъезду.

Но случилось так, что на меня нахлынули совершенно иные обязанности, уехать в не очень отдаленном будущем пришлось и мне, и по указанию руководства я передала Нелидова комиссару Василию Михайловичу Зарубину. Объяснила Нелидову, что уезжаю в командировку и передаю его в руки замечательному человеку, опытнейшему разведчику, моему большому другу...

Я возвратилась в Москву только в 1944 году и, естественно, поинтересовалась судьбой Нелидова. Узнала у Василия Михайловича, что Нелидов никак не мог прийти в себя после крутого поворота в его судьбе. Он давно считал себя обреченным на смерть, а тут неожиданно такое доверие... Он не в состоянии был понять, что же ему делать с дарованной свободой. У него не было семьи, друзей, он свыкся с мыслью, что жизнь его кончена...

Василий Михайлович пришел к Нелидову в гостиницу в тот самый номер, в котором я виделась с ним в последний раз, но не мог достучаться. Пришлось дверь вскрыть. Вошедшие увидели Нелидова мертвым. Скрученный жгутом кусок простыни стал единственным свидетелем приговора, вынесенного себе и свершенного им самим.

Глава 4

СОСНОВСКИЙ

Это был ас 2-го разведотдела польского генерального штаба. Его так же, как и Нелидова, Красная Армия выпустила из польской тюрьмы, и затем СМЕРШ, выяснив, что он крупный польский разведчик, работавший в Германии, препроводил в Москву. Я получила указание опросить его и получить полезную для нас информацию.

Надзиратель привел его из внутренней тюрьмы. Высокого роста, спортивного типа человек лет под сорок со светскими манерами. Даже казенное вафельное полотенце было с шиком повязано на шее.

Резидент польской разведки Сосновский много лет жил и работал в Германии. Он был, безусловно, талантливым разведчиком. Великосветский образ жизни позволил ему быть принятым в аристократическом обществе Германии. Он жил на широкую ногу, славился убопомрачительными приемами. В самом Берлине и в окрестностях немецкой столицы у него было несколько вилл, три автомобиля в боксах, расположенных в разных районах, собственная конюшня. Утром его можно было встретить на верховой прогулке в Тиргартене.

Но самым главным его достоянием была агентура, приобретенная им во многих важнейших ведомствах гитлеровской Германии. Шифровальщик генштаба. Машинистка

из личной канцелярии Розенберга¹. Свои люди в Главном управлении имперской безопасности (РСХА), в абвере. Его любовницами были жены крупных чиновников. Вообще агентура его состояла главным образом из женщин.

Начальство из Варшавы не раз предупреждало своего резидента, что его расточительность и разгульная жизнь не вписываются в германский климат военного времени, в котором все подчинено одной идее: «Пушки вместо масла». И неудивительно, что Гиммлер предпринял охоту на этого подозрительного дамского угодника и подсунул ему в качестве «агентов» своих людей.

4 Управление имперской безопасности тщательнейшим образом разработало план разоблачения всех завербованных этим польским резидентом. И однажды во время очередного бала работники гестапо окружили виллу, и Сосновский был заключен в тюрьму.

Вскоре его в наручниках и кандалах привели на тюремный двор, где он увидел всех своих агентов в таких же наручниках и кандалах. Не было среди них только тех, кого подставило ему ведомство начальника 4 Управления РСХА Мюллера.

На глазах обезумевшего Сосновского его агентам, большинство которых были его любовницы, тут же на тюремном дворе отрубали головы.

«Вас ждет такая же участь»,— объявил Сосновскому представитель РСХА.

Полякам удалось обменять Сосновского на двух крупных агентов абвера, но на родине его не встретили с объятиями, а поместили в тюремную камеру, заявив, что за свою разгульную жизнь и гибель ценнейшей агентуры он заплатит сполна...

Нам было важно получить от Сосновского информацию, в особенности касающуюся гитлеровского плана «Дранг нах Остен», позже получившего название «Барбаросса».

Но Сосновский в отличие от Нелидова не был расположен к откровенному разговору. «Мой долг польского патриота не позволяет мне...» — часто приходилось от него слышать.

Тогда условились применить своеобразный розыгрыш, пойти на неотразимую по своей убедительности уловку.

¹ Альфред Розенберг — бывший глава внешнеполитического отдела национал-социалистской партии, в период войны министр по делам оккупированных восточных территорий.

У советской разведки в самом гестапо был агент, который ведал наружным наблюдением и разработкой связей Сосновского. Все материалы о Сосновском он скрупулезно передавал нам.

Родился любопытный сценарий. Я буду задавать Сосновскому вопросы, а комиссар Зарубин комментировать ответы Сосновского и уличать, если он попытается что-либо скрыть.

— Скажите, как вам удалось завербовать жену ответственного работника министерства иностранных дел и заставить ее передавать вам для фотографирования секретные документы мужа?

— Прошу прощения, но, увы, я этого уже не помню.

Присутствующий здесь же Василий Михайлович Зарубин говорит:

— Могу вам напомнить. Это была довольно хитрая операция. Вы дали объявление в газету: молодой, обаятельный, эрудированный иностранец желает познакомиться с дамой, владеющей французским, английским и другими европейскими языками, с целью приятного времяпрепровождения. Вы получили массу откликов и остановились именно на ней, выяснив, что ее муж, престарелый дипломат, не удовлетворяет ее интеллектуальных и иных потребностей. Вы предложили встретиться с ней, для чего использовали «линкольн», который стоял в боксе у Вайсензее¹.

У Сосновского округлились глаза...

— Да, все это было именно так.

— Вы встречались с этой дамой,— продолжал комиссар Зарубин,— в специально арендованной для этой цели вилле на Принцальбертштрассе.

Сосновский терял самообладание. Он вытащил из-за пазухи конец вафельного полотенца и вытер взмокшее лицо.

Я продолжала вопросы. К Сосновскому «возвращалась» память. Он стал более определенен в ответах, но Василий Михайлович каждый раз уточнял и неправильно названный адрес, и номер и марку машины, и стоимость балов, которые он задавал, и грандиозные счета в ресторанах, и оплату массажистов, и даже клички лошадей.

Сосновский уже не пользовался полотенцем, он просто ладонями смахивал пот с лица. Затем он встал, поклонился и сказал:

¹ Вайсензее — район в Берлине.

— Я восхищаюсь искусством советской разведки. Вы знаете обо мне больше, чем я сам, и я готов мобилизовать свою память и ответить на все, что вас интересует.

Когда он стал рассказывать о полученной им информации в отношении военных планов Гитлера, мы поняли, что Гиммлер подбрасывал полякам дезинформацию, которая была призвана создать впечатление, будто у Германии нет никаких планов в отношении Востока, в том числе и Польши, что все их помыслы, мол, обращены только на Запад — на Францию и Англию. О том, как фактически развивались события после 1939 года, Сосновский не знал, так как был в заключении, в германской и польской тюрьмах, а затем попал к нам. В течение длительного времени он был в полной изоляции от внешнего мира.

Замечу также, что наш агент, который работал в гестапо, был у нас под вопросом. Через Сосновского мы получили возможность проверить его надежность, и, кроме того, Сосновский дал информацию о разведке Риббентропа и сложных перипетиях в отношении германского министерства иностранных дел с абвером и гестапо. Эти сведения имели для нас особую ценность.

НАША СПРАВКА

ЗРУБИН Василий Михайлович (1894—1972) — легендарный советский разведчик, генерал-майор.

Василий Михайлович Зарубин родился 4 февраля 1894 года в городе Подольске Московской области. Свое детство провел на Таганке. В семье вместе с ним было четырнадцать детей.

В. М. Зарубин активный участник Гражданской войны, коммунист с 1918 года. В 1921 году был призван в органы ВЧК, а вскоре переведен на работу в разведку и направлен в Китай под прикрытием сотрудника КВЖД, центр которого находился в Харбине. В Москву вернулся в 1925 году и был направлен на работу в нелегальную разведку. С конца 20-х до конца 30-х годов Василий Михайлович находился на нелегальной работе в регионе Германии, Франции, Дании и Швейцарии. Находясь на нелегальной работе, естественно, имел различные фамилии. В Германии и Франции, например, был чехословацким подданным и именовался как Ярослав Кочек. Имел также фамилию Херберт. Во всяком случае, его сын, родившийся в Париже в 1932 году, был зарегистрирован как Петер Херберт.

Приобретя огромный опыт разведывательной работы, Василий Ми-

Михайлович Зарубин в 1941 году был назначен резидентом в США, где он находился до 1944 года.

Дважды женат. Первая жена — Ольга Георгиевна Васильева. С ней и маленькой дочерью он находился на работе в Харбине. Разошлись супруги в 1926 году, а в 1929 году Василий Михайлович женился на Елизавете Юльевне Розенцвейг, с которой находился на нелегальной работе и на работе в США, где Елизавета Юльевна проводила работу по добыванию секретной информации, связанной с созданием атомного оружия. Е. Ю. Зарубина была официальным сотрудником разведки в должности начальника отделения.

(Подробнее о В. М. Зарубине см. в Приложении.)

Глава 5

ПОСТЕЛЬ НА ВЗРЫВЧАТКЕ

Я уже говорила, что в тот вечер 22 июня 1941 года мы провожали наших детей на Курском вокзале в пионерский лагерь в Осипенко (Бердянск). Бабушки ворчали: «Война началась, а они детей в лагерь отправляют». Отцов на перроне мало — каждый на Лубянке ждал новых заданий. Некоторые мамы тайком смахивали слезы, а одна из них не выдержала, вытащила ревущую девушку из вагона, приговаривая: «Пошли, пошли домой». Вслед им послышались упреки: «Вот так и рождается паника, вот так и другие, пожалуй, потащат ребят домой».

Сумерки сгустились, стало совсем темно. Свет не зажигался ни на улицах, ни на перроне, ни в вагонах. Поезд, словно нехотя, тронулся, в окнах мелькнули прижатые к стеклам ребячьи носы. Мы вздохнули с облегчением — наши дети уезжали в безопасное место на Азовском море, уж туда гитлеровцам не добраться...

Но первая же ночь в пионерлагере, как мы потом узнали, была для ребят бессонной — Бердянск подвергся фашистской бомбардировке. Днем ребята вместо веселых игр стали копать траншеи. А через несколько дней они уже отправились в обратный путь, который продолжался почти месяц. Поезд по несколько дней стоял на запасных путях и в тупиках, пропуская воинские эшелоны. Грязных, голодных, измученных ребят пионервожатые привезли в Москву и сдали родителям. И ни одного больного, ни одного раненого или «пропавшего без вести»...

Вот уже более ста дней никто из нас не заглядывал домой. Квартиры пустые, семьи эвакуированы. Мы, сотрудники Особой группы, созданной в конце 1941 года по указанию ЦК партии, занимаемся отбором, организацией, обучением и переброской в тыл врага диверсионных и разведывательных групп.

В кабинетах на Лубянке (а их в распоряжении Особой группы много, основной состав сотрудников эвакуирован) в одних сейфах револьверы и патроны, наручные часы, компасы, в других — партийные и комсомольские билеты, списки отправленных в тыл, их «легенды». На полу — ящики с патронами. Толовые шашки, бикфордовы шнуры. Бутылки с зажигательной смесью.

Каждый из работников Особой группы, на основе которой была создана Отдельная мотострелковая бригада особого назначения (ОМСБОН), тоже готовился к тому, чтобы в любой момент направиться в тыл врага. Готовилась к этому и я. Разучивала свою роль сторожихи на переезде у маленькой железнодорожной станции.

В те дни активно работала творческая изобретательская мысль. Радисты-коротковолновики делали расчеты, как сдвинуть радиоволны советских передач, своего рода радиомаяки, чтобы дезориентировать гитлеровскую авиацию, заставить бомбардировщики сбрасывать бомбы в открытое поле, а не на города, не на Москву. В Наркомате пищевой промышленности разработали рецепты горючих смесей для зажигательных бутылок. Кондитеры и пивовары вместе с пиротехниками изготовили сотни тысяч зажигательных бутылок — этого эффективного оружия против фашистских танков, заменявшего противотанковые ружья.

По ночам мы выезжали в парки, леса, совхозы, далеко за Москву, и закапывали под кустарниками ящики с толовыми шашками, патронами, оружием, бутылками. Нанесли эти места на карты, делали записи. Многое потом пригодилось боевым группам.

В утренние часы я отправлялась в ЦК ВЛКСМ — здесь у нас штаб, затем на учебное стрельбище в Мытищи, на аэродром или к подопечным домой. Во время воздушных тревог — а с 22 июля они были ежедневные — в бомбоубежище. В нем и спали. Под головой вместо подушки противогаз, вместо матраца — голые доски, но засыпали моментально. Час-другой — и снова за работу.

Одни группы предназначены для подрывной работы на

железных дорогах по уничтожению живой силы и техники врага, они сбрасываются на парашютах в леса, другие — разведывательные — должны осесть в городах. Для каждой группы своя легенда, своя программа действий. Разведгруппа — это почти всегда семья: дед, бабушка, внук или внучка. «Дед» — руководитель группы, «бабушка» — его заместитель, «внук» или «внучка» — радист-шифровальщик.

Деды и бабушки — старые большевики, лет под шестьдесят и старше, с огромным опытом подпольной работы и партизанской борьбы во время Гражданской войны. По возрасту и состоянию здоровья они освобождены от военной службы, должны ехать в эвакуацию с семьями, но наотрез отказались. Только на фронт, на передовую или в партизанский отряд. Появились у нас и «испанцы» — бойцы различных родов войск, участники сражений в республиканской Испании, члены интернациональных бригад.

...Полковник нашей службы Георгий Иванович Мордвинов¹ отбирал людей из «старой гвардии». Мордвинов — человек легендарного мужества и отваги, бывший командир крупного партизанского соединения в Приамурье. Он закончил Институт востоковедения, китаист. Дважды его приговаривали к смертной казни. Первый раз попал в плен к японцам, второй раз, уже будучи разведчиком, «провалился» в одной из европейских стран. Оба раза сумел выскользнуть из рук вражеских контрразведок.

Я работала в паре с Георгием Ивановичем, мы подбирали для его «стариков» дочек, внуков, других помощников.

Как-то раз он решил поехать к себе домой на Беговую улицу, чтобы сменить застиранную рубашку. Свою квартиру он отдал под склад обмундирования, боеприпасов, пустых бутылок (для «зажигалок»). В тот день бутылки как раз должны были завезти.

К вечеру я вернулась на Лубянку, Георгия Ивановича не было. Не пришел он и позже, когда прозвучал отбой тревоги. Я решила поехать на Беговую, чтобы выяснить, не случилось ли с ним что-нибудь, тот район гитлеровцы как раз и бомбили.

Каково же было мое удивление, когда, открыв незапертую дверь в его домик, я увидела его спящим на лежанке, сооруженной... из толовых шашек. Присмотревшись, увидела, что он жив, дышит. Поняла, что ночью он зани-

¹ Подробнее о Мордвинове см. в Приложении.

мался разгрузкой, а так как спал не более двух-трех часов в еутки, то, смертельно усталый, повалился на взрывчатку и заснул... Подумать только, какой опасности он подвергался!

Я растолкала его, и мы поехали в подмосковный совхоз закапывать очередную порцию боеприпасов.

...Большая личная дружба связывала меня с Анатолием Шубиным, сибиряком, в прошлом — погонщиком собачьих упряжек, знатоком сибирской тайги и тундры. По профессии он автомеханик. Одним из первых был сброшен на парашюте в тыл врага. Впоследствии еще четыре раза переходил фронт с боевыми заданиями — и на парашюте, и на лыжах, и пешком с клюкой, загримированный под старика. Он был великолепным связником с партизанскими отрядами. Был такой случай: он наткнулся на подбитую немецкую танкетку, сумел исправить, и партизаны успешно использовали ее в своих боевых действиях.

После войны мы семьями подружились с Шубиными — Анатолием Евдокимовичем и его женой Ниной Алексеевной. Каждый раз в День Победы, после встречи у Большого театра, в крохотную квартиру Шубиных набивались партизаны. Нина готовила к этому дню знаменитые сибирские пельмени.

Анатолий Евдокимович умер от рака крови. Нина Алексеевна посвятила себя общественной работе, возглавила совет партизанских вдов и до сих пор держит связь с бывшими партизанами, помогает чем может им и их семьям.

НАША СПРАВКА

ШУБИН Анатолий Евдокимович (1911—1975) — участник Великой Отечественной войны, партизан-динамовец.

До войны А. Е. Шубин, по профессии автомеханик, спортсмен-мотогонщик, неоднократно участвовал в полярных экспедициях в Арктике, на острове Врангеля, на Чукотке. В экспедиции на острове Врангеля работал вместе с Леонидом Васильевичем Грозовым.

В годы войны Анатолий Шубин воевал на фронте и в тылу врага. Был командиром взвода танкеток. В тылу врага воевал в составе партизанского отряда, который возглавлял будущий Герой Советского Союза Анисим Ильич Воропаев. Был в этом отряде минером, механиком и разведчиком. В то же время в северо-западном районе Смоленской области в партизанском соединении под командованием Бати воевал в качестве его начальника штаба Л. В. Грозов.

...Леонид Васильевич Громов родился в Симбирске, геолог. Первый «губернатор» острова Врангеля. Первооткрыватель в тех местах, считавшихся бесплодными, рудных ископаемых. Началась война. Леонид Васильевич от эвакуации отказался, жену и трех малолетних детей отправил в Сибирь. Решил идти на фронт, хотя уже перешагнул призывной возраст. О настырном геологе нам сообщили из военкомата.

В беседе со мной Громов дал согласие направиться в качестве начальника штаба в партизанское соединение Бати. Как известно, это партизанское формирование очистило от немецких захватчиков значительный район на Смоленщине. В нем восстановили советскую власть, создали школу и больницу, колхозы исправно вносили продналог, в дни 1 мая и 7 ноября устраивали парады и демонстрации. Охраняли и оберегали эту землю до прихода Красной Армии.

В послевоенные годы Громов возглавил одну из кафедр Геологического института в Москве. Свою богатейшую коллекцию минералов он передал городу Ульяновску¹.

...Ночью, когда прозвучал отбой воздушной тревоги, мы провожали в тыл две группы. Одну возглавлял Бойко-Павлов, другую — Флегонтов. Оба с большим опытом партизанской борьбы на Дальнем Востоке. Я принимаю на хранение их партийные билеты.

В Гражданскую войну Флегонтов, кавалерист, был командиром партизанского отряда. Сейчас возглавил группу конников, пробрался с ними через линию фронта на Смоленщину, провел ряд дерзких операций. Был ранен, вывезен на Большую землю, а затем по выздоровлении — снова в бой. Во время второго рейда на фашистский гарнизон под Минском Флегонтов вместе с конем был сражен вражеским снарядом. Похоронен там же в деревне. Школьники — красные следопыты создали в этой деревне музей его памяти.

Когда партбилеты записывались в ведомости, и старые и молодые коммунисты диктовали их номера по памяти. Чекисту-разведчику Василию Ивановичу Пудину это спасло жизнь. Напоровшись на мину при переходе линии фронта, из его группы в три человека остался в живых он один, и то с оторванной ступней. Его подобрала белорусская колхозница, ночью перетащила к себе в хату (район

¹ Подробнее о Л. В. Громе см. в Приложении.

был оккупирован гитлеровцами) и затем помогла связаться с партизанами. Пудин просил сообщить о нем в Москву. Москва ответила, что будет выслан самолет с посадкой на партизанском аэродроме, но как этот человек может доказать, что он действительно полковник Пудин? Василий Павлович сообщил номер своего партбилета, сданного на хранение в ЦК партии.

...Одним из организаторов Особой группы и ОМСБОНа стал наш опытный кадровый разведчик Андрей. Под этим именем работал Павел Судоплатов. Впервые я встретилась с П. А. Судоплатовым в 1936 году в Финляндии. Наша резидентура — ее возглавлял Борис Аркадьевич Рыбкин (Кин) — получила задание установить связь с неким разведчиком, нелегально переброшенным через финляндскую границу. В телеграмме Центра указывались место встречи и пароль. Кто скрывался под именем Андрей, ни я, ни Кин, разумеется, не знали.

В назначенный час мы с Кином выехали на окраину Хельсинки и увидели на высокой деревянной перекладине, огораживавшей дорогу, молодого человека в обычном затрапезном костюме. Он сидел и беспечно болтал ногами. Ветер трепал его густые темные волосы. Мне он был незнаком, и я забеспокоилась — почему именно здесь, на обусловленном месте встречи, оказался подозрительный субъект. Кин, который вел машину, усмехнулся, сделал незнакомцу упреждающий знак рукой: «Оставайся на месте!» — и мы поехали дальше. Спустившись в долину, Кин повернул машину и сказал мне: «Это и есть Андрей. Я его знаю по Лубянке. Мы с ним не раз бывали на инструктивных докладах для лекторов по международному положению...»

Машина снова пошла в гору. Андрей уже прохаживался вдоль перекладины на обочине, Кин притормозил и произнес пароль, хотя оба узнали друг друга и обменялись улыбками. Получил отзыв. Еще пароль, контрольный.

Место было пустынное. Обзор хороший.

— Быстро в машину, — скомандовал Кин Андрею и велел мне пересест на заднее сиденье.

— В случае чего, — добавил Кин, — можешь обнять мою жену, чтобы скрыть свою физиономию.

— У меня времени в обрез. — Андрей явно торопился. — Сообщите в Москву. Прибыл нормально. Остановился на жительство у Павло. Имейте в виду, я для Павло представляю украинское националистическое подполье.

О моей фактической роли Павло знать не должен. Так решил Центр.

Кин повернул машину на лесную дорогу.

— Здесь, Андрей, я вас выброшу. Пойдете по этой дороге до трамвайной остановки...

— А далее везде,— сыронизировал Андрей.

— Следующая встреча, основательный разговор, в пятницу. Заберем на том же месте. А пока осваивайтесь с городом и окрестностями. Присмотритесь получше к Павло, он наш, постарайтесь с ним подружиться.

Кин остановил машину.

— Итак, до встречи!

Сидя в машине, я присматривалась к нашему новому подопечному. Меня поразила кожа на его лице и шее. Красная, бугристая. Заплывшие глаза. Андрей заметил мое недоумение и пояснил, что двое суток, пока он пробирался через болота и озера, его пожирало комарье. Я вынула из сумки флакончик с гвоздичным маслом. Летом комары в Финляндии действительно одолевают нещадно...

Андрей имел задание Центра внедриться в руководство ОУНа (Организация украинских националистов) в качестве эмигранта «из Совдепии». Ему следовало выявить антисоветские планы ОУН, ее связи с иностранными разведками, агентуру и диверсантов на Украине. И главное, расколоть Провод — верховную власть этой организации.

Встречались с Андреем мы обычно в лесу под Хельсинки, забирали его в машину, я его кормила всякой домашней вкуснятиной. Он был всегда голодный: немудрено, жил на скудное оуновское пособие. На закуску он тут же в машине получал любимое лакомство — плитку шоколада с калеными орехами. За это благо ему приходилось немедленно расплачиваться. Шоколад был швейцарский, пахучий, каленые орехи тоже. Поэтому я заставляла Андрея заедать шоколад чесноком или луком. А он не выносил ни того, ни другого, но вынужден был покоряться и вдобавок потом дыхнуть...

Фигура Андрея в нашей разведке уникальная и требует специального обстоятельного рассказа.

Задание Центра Андрей выполнил блистательно. Он завоевал расположение руководителя Провода — галичина, бывшего полковника австро-венгерской разведки, действовавшего под началом адмирала Канариса, шефа абвера.

В Финляндии представителем ОУНа был наш агент Павло, человек-легенда. Он очень много сделал в нашей разведке, сыграл большую роль в установлении Андреем связей с филиалом ОУНа в Париже, Берлине и Вене.

Пришло время, и Андрей по предложению Провода должен был вернуться на Украину, чтобы там в условиях подполья продолжить нелегальную оуновскую деятельность. Сопровождать Андрея до финляндско-советской границы Провод поручил полковнику петлюровской армии Роману Сушко.

...Помню день, когда мы сидели с Андреем в овраге — он только что приехал из Парижа в Хельсинки — и обдумывали, почему именно Сушко, мужчина в возрасте, взялся сопровождать до границы молодого сильного парня. Советской закордонной разведке Сушко был хорошо известен как специалист по диверсиям и террору. Это он, Сушко, был одним из организаторов крупной диверсии в 1921 году, когда с территории Польши на Украину была переброшена группа в три тысячи сабель под командованием генерал-хорунжего Юрко Тютюнника, полковника Романа Сушко и полковника Отмарштейна. Вот этого-то Отмарштейна полковник Сушко и убил, после того как их зловещая диверсионная затея провалилась.

Андрей поразил нас зрелостью и дальновидностью своих суждений.

— Очень возможно, — сказал он, — Сушко и его группа решили меня уничтожить. Считают меня виновником раздора в руководстве Провода. От них всякого можно ждать. Ведь мы затеяли большую и важную игру, из которой должны выйти победителями. Обязательно победителями. Поэтому, дорогие мои друзья, — Андрей обнял Кина и меня, — если я по дороге домой пропаду, надо во что бы то ни стало выяснить, что произошло. Утонуть я не могу, плавая в любое время года в любом озере и море... Я заставлю Сушко идти впереди меня, он будет у меня ведущим. Вступить в драку со мной он не посмеет. Я его одолею. Но... меня или нас обоих может в этой глухомани задрать медведь, загрызть волк, засосать болото... В конце концов, не исключено, что запросто финская погранстража пристрелит. Если Сушко меня убьет, мы проиграли. Во всех других случаях после моей гибели игру надо продолжать, послать другого оперативника...

Андрей ушел в сопровождении Сушко. Об этом нам

дал знать Павло. Мы полагали, что через пару дней получим телеграмму о его прибытии.

Прошло три, четыре, пять дней — ни слуху ни духу. Несколько суток ждали его на нашей границе. Выстрелов на финляндской границе не зафиксировали. Что же стряслось?

В Центре пришли к выводу, что Андрей погиб. Но как погиб? Оставаться в неведении было нельзя, и нам предлагалось принять все меры для выяснения обстоятельств его гибели.

Выход мы видели только в одном: рассекретить Андрея перед Павло и включить Павло в поиск. Так и сделали. Павло сказал, что никогда не сомневался в Андрее, «печенкой чувствовал — наш, просто влюблен в него». Через Павло стало известно, что Андрея задержала финляндская погранохрана и он водворен в тюрьму. Наша телеграмма в Центр начиналась словами: «Счастливы сообщить Андрей жив здоров находится в финской тюрьме. Руководство ОУН принимает меры к его освобождению...»

Вскоре Андрей был освобожден и продолжал действовать по своей «легенде».

...В жгучие июльские дни сорок первого по Маросейке, на углу которой находится здание ЦК ВЛКСМ, вытягивалась по тротуару нескончаемая очередь молодежи, главным образом из не достигших призывного возраста. Было среди них много и девушек. Все они требовали немедленной посылки на фронт, и только на передовую.

Я отбирала из этих ребят радистов, переводчиков со знанием немецкого языка, парашютистов, лыжников, «ворошиловских стрелков» и включала в наши группы, которые именовались «Смерть немецким захватчикам».

Глава 6

В ХРАМЕ БОЖЬЕМ

Мы встретились с Василием Михайловичем в кабинете райвоенкома. Я уже знала, что в военкомат обратился епископ Василий, Василий Михайлович Ратмиров, с просьбой направить его на фронт, чтобы «послужить Отечеству и защитить от фашистских супостатов православную церковь».

Я пригласила епископа к себе на квартиру. Беседовали несколько часов. Василий Михайлович рассказал, что при-

надлежал к «обновленческой» церкви, но разочаровался в ней и в 1939 году ушел на пенсию. Сейчас ему 54 года. В связи с тяжелым положением в стране он обратился к Патриаршему местоблюстителю митрополиту Сергию принять его обратно в лоно церкви и простить его «обновленческий» грех.

Митрополит понял благие намерения владыки Василия и назначил его Житомирским епископом. Но Житомир вскоре был занят немецкими оккупантами, и тогда его назначили епископом в Калинин. Он рвался на фронт и поэтому обратился в райвоенкомат.

Я спросила его, согласится ли он взять под свою опеку двух разведчиков, которые не помешают ему выполнять долг архипастыря, а он «прикроет» их своим саном. Василий Михайлович не сразу согласился, подробно расспрашивал, чем они будут заниматься и не осквернят ли храм Божий кровопролитием. Я заверила его, что эти люди будут вести тайные наблюдения за врагом, военными объектами, передвижением войсковых частей, выявлять засылаемых к нам в тыл шпионов.

Епископ согласился.

— Если это дело серьезное, я готов служить Отчизне.

— В качестве кого вы сможете их «прикрыть»?

— В качестве моих помощников. Но для этого им надо основательно подготовиться.

Мы договорились, что я доложу руководству и на следующий день встретимся.

Я предложила начальству кандидатуру комсомольца-радиста, которого отобрала в ЦК комсомола. А руководителем группы назначили подполковника нашей службы Василия Михайловича Иванова, по имени и отчеству тезку епископа. Владыку Василия с его будущими помощниками знакомила каждого в отдельности. Подполковник епископу пришлось по душе, что же касается комсомольца-радиста (не помню его фамилии), то епископ в нем усомнился и для начала поручил ему выучить хотя бы молитву «Отче наш». Комсомолец вел себя довольно развязно, но я знала, что он первоклассный радист, и надеялась на его благоразумие.

К сожалению, парень оказался легкомысленным и на вопрос владыки, выучил ли он молитву, бойко ответил: «Отче наш, блины мажь. Иже еси — блины на стол неси...» — и нечто непотребное в том же духе.

— Хватит,— остановил его епископ.— Считайте себя свободным.

А мне сказал, что такого несерьезного человека взять с собой не может. Я и сама поняла это.

Посоветовались с руководством и решили выделить вторым в разведгруппу нашего кадрового работника Ивана Васильевича Куликова.

НЕБОЛЬШОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

*(Из воспоминаний полковника в отставке
Ивана Васильевича Куликова)*

Когда меня, двадцатидвухлетнего сержанта истребительного батальона войск НКВД, пригласили в кабинет начальника управления по работе в тылу врага П. А. Судоплатова, я очень удивился. Еще большее удивление вызвало присутствие в кабинете Судоплатова молодой высокой женщины, очень привлекательной наружности, в темном платье. Я уже совсем ничего не мог понять, когда меня стали подробно расспрашивать, как я отношусь к церкви и часто ли бываю на богослужении.

Рассказ мой сводился к тому, как лет восьми вместе с другими мальчишками я отправился на Пасху в соседнее село в церковь, но так и не попал на службу, поскольку детдомовцы по дороге поколотили деревенских ребят. Зоя Ивановна и Павел Анатольевич заразительно смеялись.

Владыко Василий обучал своих помощников слову Божьему и другим церковным премудростям на квартире у Зои Ивановны. И только церковное обличье примеряли в кабинете у П. А. Судоплатова. Владыко Василий забраковал митру¹, так как этот головной убор был предназначен для церковных служителей более высокого ранга.

Ивану Васильевичу Куликову было 22 года, он закончил авиационное училище, в начале войны был зачислен в истребительный батальон. Епископу Иван Васильевич понравился.

Иванов и Куликов тоже установили между собой добрый контакт. Получили шифрованные клички: Иванов — Васько, Куликов — Михась. Владыка Василий каждый день у меня на квартире обучал их богослужению: молитвы, обряды, порядок облачения. К слову скажу, облачение для епископа и его помощников мы получили из фондов музея. Одно из них, шитое жемчугом, епископ отклонил,

¹ Митра — позолоченный головной убор, использовался высшим духовенством во время торжественного богослужения.

заметив, что это одеяние для священнослужителя более высокого ранга и применяется в более торжественных случаях. Обменяли его на другое.

Группа сложилась дружная, удачная. 18 августа 1941 года ее направили в прифронтовой Калинин. Службу они начали в Покровской церкви Пресвятой Богородицы, но 14 октября вражеская авиация разбомбила ту церковь, и епископ со своими помощниками перешли в городской собор.

Вскоре немцы заняли Калинин. Владыка Василий послал Куликова — Михася к бургомистру, попросил взять его и помощников на довольствие, магазины в городе опустели. Бургомистр обещал, но тут же епископа вызвали к начальнику гестапо. Через переводчицу, православную немку Линду, владыка объяснил местному фюреру, что он, епископ, при советской власти был посажен в тюрьму и отбывал наказание на Севере, в Коми. Начальник гестапо выразил надежду, что русский священник, обиженный комиссарами, окажет содействие немецкому командованию, в частности, поможет выявить укрытые продовольственные склады. Епископ уклонился от прямого ответа: его главной заботой является духовная жизнь паствы, ею он крайне озабочен, к этому обязывает его высокий духовный сан.

Молва о владыке Василии, столь ревностно пекущемся о своих прихожанах, быстро распространилась в городе. Жители потянулись к собору. А молодые, статные и красивые, отличавшиеся скромностью и строгостью нравов помощники владыки завоевали симпатии у людей, и в особенности у девушек.

Разведгруппа оперативно выполняла задание. Васько и Михась налаживали связи с населением, выявляли пособников оккупантов, собирали материалы о численности и расположении немецких штабов, складов и баз с военным имуществом, вели учет прибывающих пополнений. Собранные сведения немедленно передавались в Центр через заброшенную к ним радистку-шифровальщицу Аню Бажену (Марту). Аня сняла комнату у местной жительницы, и Михась регулярно с ней виделся.

Злодеяния гитлеровцев начались с первого часа их появления в городе. На улицах то и дело возникала стрельба, одиночная и автоматная. Под угрозой смерти жителей согнали на центральную площадь и на их глазах на виселице казнили обнаруженных коммунистов и партизан.

Город находился в руках оккупантов два месяца, это были адовы дни.

Разведгруппа Васька получила указание Центра уходить из города с немецкой армией. По состоянию здоровья епископ идти пешком не мог. Бургомистр обещал приставить машину или подводу со старостой, но никто так и не появился.

После освобождения города к нашему командованию посыпались заявления о «подозрительном» поведении епископа и его служек. СМЕРШ готов был арестовать группу, но Москва приказала взять ее под охрану. Тем временем при выходе из собора откуда-то появившийся милиционер схватил епископа за руку и, scomандовав: «Попшли в НКВД», увел его. Васько и Михась последовали за владыкой. Дежурному по НКВД милиционер заявил, что привел «попов, продавших ся немцам». Неизвестно, чем бы это кончилось, если бы в дело не вмешался заместитель начальника местного управления Крашенинников (только он знал о группе Васька), и инцидент был исчерпан.

Результат работы разведгруппы был убедительный. Кроме ранее переданных шифрованных радиодонесений, Васько и Михась доложили, что ими выявлено более тридцати агентов гестапо, поименно и с адресами, составлен перечень и указаны места тайных складов оружия; гитлеровцы, видимо, еще надеялись вернуться в город.

Патриотический подвиг епископа Василия Ратмирова был высоко оценен. За то, что он проявил мужество и не бросил в трудный час свою паству, решением Синода ему был присвоен сан архиепископа. От советской разведки Василий Михайлович получил в знак благодарности золотые часы. Васько, Михась и радистка были награждены орденом «Знак Почета». По указанию патриарха Алексия владыка Василий был назначен архиепископом Смоленским.

История эта имела и лирическое продолжение. В декабре 1990 года Иван Васильевич Куликов навестил меня в Переделкине. Мы вспоминали события полувековой давности, и он, улыбаясь, поделился со мной такой деталью, которая не нашла отражения в официальных материалах о деятельности разведывательной группы в Калининне.

Деталь трогательная и многозначительная. Ежедневно

на богослужение в собор приходила миловидная девушка. Она усердно молилась и не упускала из виду каждое движение Михася. И Михась, признаться, размахивая кадилом, искал глазами эту привлекательную незнакомку и старался поймать ее ласковый взгляд. Безмолвное объяснение в любви.

Что ж добавить? После Победы игумен стал снова капитаном, сбрил бороду и усы и явился к этой девушке с предложением руки и сердца. Очень смущена была Люда таким превращением Михася и чуть не сбежала, но попала в крепкие объятия Ивана Васильевича Куликова. Так они нашли свою судьбу. Поженились. Счастливы живут и по сегодня, вырастили двоих детей. Семья полковника Куликова пестует сейчас четверых внуков.

Глава 7

ПО БАРЕНЦЕВУ МОРЮ

Предстояла разлука с мужем. Борис Аркадьевич направлялся советником посольства в Швецию¹.

Накануне его отъезда все перевернулось в моей судьбе. Меня вызвал нарком и спросил, чем занимаюсь. Я сказала, что готовлюсь идти работать в тыл. «В качестве кого?» — «Железнодорожной сторожихой на переезде». Нарком рассмеялся. «Немцы такую сторожиху арестуют и расстреляют. Ехать вам надо в Швецию».

Это было в один из октябрьских дней 1941 года, когда враг рвался к Москве. Александра Михайловна Коллонтай, под руководством которой мне довелось работать раньше, запросила Наркомат иностранных дел направить и меня в Стокгольм в качестве пресс-атташе посольства.

Пришлось сдавать дела.

Взвалив на спину рюкзак с партбилетами, я иду в ЦК партии, в учетный отдел к товарищу Воробьевой. Выкладывая партбилеты на стол, и этот милый старый товарищ сверяет билеты с ведомостью. Кончится война, и к

¹ До 1947 года отношения СССР со Швецией поддерживались на уровне миссий. Но в 1943 году А. М. Коллонтай был присвоен ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла СССР. Поэтому я и называю миссию посольством.

ней придут за своими партбилетами. Многие погибли в боях с фашистами, некоторые, попав в плен, последуют примеру генерала Карбышева — станут бойцами движения Сопротивления. На многих партбилетах рукой Воробьевой будет написано: «Погиб в бою с фашистскими захватчиками», но ни на одном партбилете бойца ОМСБОНа не потребуются написать: «Проявил малодушие», «Перебежал на сторону врага». Таких не было. Так, Лазарь Паперный, бывший рабочий московского часового завода, спортсмен-лыжник, был направлен с заданием в тыл врага и напоролся со своей группой на немецкую засаду. В бою погибли все двадцать три его бойца. Поняв свое безвыходное положение, Паперный выдернул чеку и бросил гранату себе под ноги. Взорвал себя и окруживших его гитлеровцев. Бойцы группы Паперного были посмертно награждены орденом Ленина, а Лазарь Паперный удостоен звания Героя Советского Союза. Бойцы ОМСБОНа в плен не сдавались.

НАША СПРАВКА

ОМСБОН — отдельная мотострелковая бригада особого назначения, в состав которой входили спортсмены-динамовцы — солдаты и офицеры органов государственной безопасности и внутренних дел. ОМСБОН был создан с началом Великой Отечественной войны, и его члены, сформированные в небольшие мобильные отряды численностью от десяти до тридцати человек, показали пример мужества и героизма в партизанских отрядах и во вражеском тылу. Достаточно назвать имя одного члена ОМСБОНа — Николая Кузнецова — и читателю станет ясен характер и содержание этой организации.

Московский стадион «Динамо» явился тем местом, где впервые были сформированы боевые группы ОМСБОНа, куда завозилось снаряжение и необходимое вооружение для новых групп, постоянно уходивших отсюда в тыл врага. На «Динамо» до сих пор, через 50 лет, собираются ветераны ОМСБОНа.

Через несколько дней мы вдвоем уже летели на «уточке» (У-2) в Архангельск. Самолет шел низко над ржаво-бурыми осенними кронами деревьев. Вечернее небо с угасающей зарей было слюдянисто-серое. Мы летели с юга на север, а с северо-запада на нас шла темная гремущая туча. Это была армада фашистских бомбардировщиков. Черные зловещие машины в несколько ярусов прошли

над нами, и наш самолет совсем вжался в лесную чащобу. В страшном грохоте мы не слышали друг друга, но понимали: враг летит бомбить Москву. На востоке всплеснулась и запульсировала огневая щетка противовоздушной обороны.

В Архангельске наш самолет долго кружил над аэродромом, где пылали костры,— немцы здесь только что «отбомбились». В городе темным-темно. Идем, вытянув вперед руки, натыкаемся на прохожих, спрашиваем, как пройти до гостиницы.

Утром мы в английской военной миссии. Борис Аркадьевич предъявляет дипломатические паспорта и спрашивает, есть ли возможность в ближайшее время лететь или плыть в Англию. Английский капитан учтив и вежлив:

— Вы прибыли вовремя. Завтра утром в Великобританию летит «Каталина».

— Летающая лодка? — со знанием дела осведомляется муж.

— Да, да, и вам мы можем предоставить одно место.

— Но нас двое.

Английский офицер разводит руками:

— Но «Каталина» — военный корабль, и, для того чтобы занять в нем место, женщина должна быть королевой.

— Как же быть?

— Не беспокойтесь. Через двадцать четыре часа вы будете в Шотландии, а мадам через несколько дней отправится пароходом, который возвращается в Англию. Но это займет, конечно, длительное время. — Что-то похожее на снисходительную улыбку появилось на лице офицера. — На днях в Скапа-Флоу отправится наш пароход, он гражданский, пассажирский, мадам будет предоставлено место.

Утром на следующий день муж улетел. На душе у обоих было тревожно. Муж пробовал шутить: «Не огорчайся и знай, что для меня ты всегда королева. До скорой встречи!»

...В Швеции я бывала и раньше. Путь из Москвы до Стокгольма на самолете занимал тогда что-то около шести часов. Сейчас, во время войны, Швеция, объявившая о своем нейтралитете, оказалась в кольце: со стороны Балтийского моря — фашистская Германия и оккупированные ею Польша, Дания и Нидерланды; с северо-запада — оккупированная Норвегия и с северо-востока — выступившая на стороне Германии против Советского Союза Финляндия.

Самый короткий путь в Швецию теперь был по Баренцеву морю в Англию и оттуда самолетом через Северное море и Норвегию.

...Я получила каюту на большом пассажирском пароходе, который привез в Советский Союз английскую экономическую делегацию и увозил в Англию польских офицеров, бывших у нас в плену.

Пароход принял на борт пассажиров и вышел в море, чтобы стать на рейд. Простояли на рейде несколько суток — ждали «погоды», а она должна быть дождливой, туманной или штормовой, чтобы шансы на успех немецких подводных лодок и авиации были наименьшими.

На седьмой день, когда над морем навис туман, тронулись в путь. Каждое утро в семь часов раздавался сигнальный свисток и над головой топот ног. Двести офицеров-поляков выходили на палубу и занимались зарядкой.

Море было серое, неприветливое, довольно бурное, качало основательно. Так прошел второй день нашего путешествия.

Я оказалась в кают-компании вместе с капитаном и его помощниками, а также несколькими министрами, назначенными в состав польского эмигрантского правительства в Лондоне.

Моим соседом по столу оказался словоохотливый старичок, министр земледелия, отлично говоривший по-русски. Он ежеминутно уверял, что влюблен в море и нет большей радости для него, чем встреча с морем. «Оно напоминает мне пашню, а корабль — пахаря, — говорил он с пафосом. — После войны и нашей победы мы продадем большую работу по демократизации нашей страны. Я даже за ликвидацию помещичьих хозяйств, землю надо раздать крестьянам. Но я противник вашей коллективизации, — продолжал он. — Коллективизация — это техника, тракторы, гарь, это химические удобрения, а земля приемлет только натуральное удобрение — навоз, который дают коровы и лошади. Долой химию и технику, да здравствует живая лошадиная сила и коровий навоз!» — восклицал он, щелкая пальцами.

На третий день в небе появились зловещие силуэты самолетов. Наш пароход ошестинился десятком зенитных пушек и пулеметов, которые безостановочно взметали в небо огненные стрелы. Трассирующие пули прошивали яркими стежками темнеющее небо. Однако ни один самолет не был сбит. Вот от самолета отделилась тяжелая

темная капля и понеслась вниз. Чмокнула в бурные волны, вздыбила фонтан воды. Издали казалось, что на раскаленную сковородку разбили яйцо и оно зашипело в кипящем жиру.

Мы собрались в кают-компанию и слушали эти всплески, заглушающие треск пулеметов. Мой новый знакомый министр земледелия сидел и, сложив руки, читал какую-то молитву по-польски. Люди мрачно прислушивались, все в напряжении, в ожидании. «Справа по курсу. Слева по курсу»,— определял взрыв бомб полковник, возглавлявший отряд польских офицеров. Не скрою, мне было страшно. До этого я пережила много бомбежек, но на земле. А когда под ногами бездна...

Однажды около пяти часов вечера бомбежка была особенно интенсивной, над нами летали два или три самолета. Традиционный файф-о-клок — пятичасовой чай — на столе не появился. В кают-компанию вошел помощник капитана и, увидев наше угнетенное состояние, воскликнул: «Как, уже семнадцать ноль пять, а чай еще не сервирован?» И, вызвав стюарда, приказал накрыть столы. В это время где-то поблизости грохнул взрыв, заглушая треск орудий. Помощник капитана весело рассмеялся и сказал: «О, эти асы сбрасывают свой груз в море, чтобы доложить командованию, что они потопили несколько наших кораблей. Они слишком высоко летают, и шансы попасть в цель равны один к ста. Я вам сейчас продемонстрирую». Он отщипнул от своей булочки кусочек, скатал горошину, положил на пол маленькую плоскую зажигалку, высоко поднял руку, прицелился, разжал пальцы. Горошина упала далеко от цели. «А они летают намного выше, чем я показал,— добавил он.— Поупражняйтесь, и вы поймете, что можете с аппетитом выпить прекрасный чай со свежим кексом». И он стал разливать чай, приглашая к столу.

Через несколько дней дежурные налеты фашистских бомбардировщиков прекратились. Наш пароход, не получив никаких повреждений, двигался к месту назначения. Мы стали чаще выходить на палубу. Светило солнце. Большие стаи касаток, обгоняя пароход, резвились, высоко выбрасываясь из воды. Свободные от вахты моряки с увлечением бросали им кусочки хлеба и объясняли мне, что дельфины прокладывают курс кораблю, умело обходя мины.

Так мы «шлепали» по Баренцеву морю больше недели

и наконец вошли в бухту Скапа-Флоу, расположенную на Оркнейских островах. Это главная операционная военно-морская база флота Великобритании — английский Кронштадт.

Неба не видно: колышутся воздушные заградительные аэростаты, серые, под цвет воды. На фоне вечерней зари из моря вырастали причудливые силуэты гор, окружающих бухту.

В круглой бухте множество военных и вспомогательных судов, буксиров, катеров. Среди них, как сигары в пепельнице, торчат разных размеров корабли. Кормами вверх. Штук шесть-семь. Это я видела собственными глазами и вспомнила, что в печати было сообщение о том, что германская подводная лодка, пройдя под минные заграждения, ворвалась в бухту, выпустила торпеды, потопила эсминец. Но я вижу, что не один корабль зарылся носом в воду.

Я распрощалась с капитаном, командой. Меня и польских министров на катере в сопровождении морских офицеров доставили на материк. Затем на разбитом грязном автобусе, словно побывавшем в боях, двинулись по раскисшей дороге. С фанерных щитов на оконных проемах, обклеенных плакатами, смотрели строгие глаза, а из раскрытого рта вылетали строчки: «Молчи, тебя слушает враг!», «Враг рядом с тобой, помни!». Стало жутковато.

Уже совсем развиднелось, автобус вырвался из распада гор в долину. Пологие склоны гор во многих местах были густо засыпаны серыми валунами. Мне даже показалось, что они шевелятся. Старичок министр, сидевший рядом, пояснил: «Это отары знаменитых шотландских овец. Когда-то они сделали Англию богатой. Недаром спикер в парламенте и сейчас занимает свое высокое место, сидя на мешке, набитом овечьей шерстью».

Горы обвалились внезапно, и открылось море — хмурое, мгlistое. Дорога шла теперь вдоль морского берега. Потянулись длинные сельские улицы с серыми каменными домами, обнесенными низкими оградами. Время от времени возникали островерхие крыши и за зубчатыми стенами высокие башни старинных замков.

Но вот автобус остановился, пропуская оркестр, наигрывавший на длинных волынках какой-то бравурный мотив. За оркестром шли шотландские солдаты в коротких клетчатых юбках, запахнутых и застегнутых на бедре огромной английской булавкой. Короткие куртки, на голо-

ве шапочки с перьями, через плечо, как скатка шинели, свернутый клетчатый плед и на ремне — автомат.

Въехали в Эдинбург, столицу Шотландии. Город-парк. Город-музей древней и современной причудливой архитектуры, с балконами, выступами, башенками, колоннами по одной стороне улицы, а по другую сторону — парк с памятниками, фонтанами.

Автобус остановился у какой-то замысловатой башни. Многоярусные готические ниши с орнаментами, фресками и шпилями над ними. Все устремилось ввысь, и сооружение кажется кружевным, легким, летящим. Под нижними сводами беломраморная фигура пожилого мужчины с мудрым лицом, сидящего в глубоком раздумье. Это памятник писателю Вальтеру Скотту. Вот он, поэт и романист, волнующий и сегодня души молодых и взрослых. И рядом с грандиозным монументом Скотту — скромный памятник его современнику, величайшему поэту Шотландии Роберту Бернсу, прожившему, как и Пушкин, всего тридцать семь лет, но оставившему человечеству богатое поэтическое наследство.

Следов войны в городе не видно. Разве только на клумбах вместо роз пожухлая картофельная ботва, кочерыжка от капусты и многочисленные плакаты на щитах: «Копай ради победы!», а на стенах знакомые уже: «Молчи, тебя слушает враг!»

Переночевала в гостинице при Северобританском вокзале, где было сыро и даже в шубе холодно. Чаю не было, грызла галеты, запивала ледяной водой.

В ресторане тоже холодно, дымно от табака. Зал с витражами и лепными украшениями заполнен офицерами, среди них молодые женщины в мундирах, но, в отличие от мужчин, они сидели в пилотках.

Подшли два офицера: один в английской, другой в шотландской форме, но не в юбке, а в длинных ярких клетчатых брюках. Официантка в полувоенной-полуспортивной одежде принесла по мисочке супа и на крохотной тарелке жаркое: кусочек консервированного мяса, листок серой тушеной капусты и одна картофелина в мундире. Потом подала большой чайник, розетку с горкой сахарного песка и одну чайную ложку. Я шепнула ей, что она забыла подать чайные ложки. «Забыла? — изумилась официантка. — Миссис, наверное, иностранка и не знает, что у нас весь металл идет на нужды фронта и мы подаем только одну ложечку на столик».

Шотландский офицер, сидевший рядом, протянул мне ложечку. «Остальные пять ложечек перекованы на снаряды против Гитлера, миссис,— улыбнулся он и пододвинул мне розетку.— Я отказываюсь от своей порции в вашу пользу». Английский офицер поступил так же. Мне осталось их поблагодарить. «Сенк ю вери мач!» — «Вы иностранка, миссис?» — спросил шотландец. «Да, я из Советского Союза».— «Из Москвы?» — «Из самой».— «О, русские изумляют мир. Поздравляю вас!» — сказал шотландец, встав из-за стола.

Глава 8

ТОТ САМЫЙ ЛЛОЙД ДЖОРДЖ

Утром поездом выехала в Лондон. В вагоне разноязычный говор, улавливаю — плохо с продовольствием. Нет топлива. Но главная тема все же — прорыв гитлеровских войск к Москве. Отчаянные споры — отстоят ли русские свою столицу? Я заставляю себя не ввязываться в дискуссию. Мой английский язык слишком беден для полемики. Весь путь до Лондона провела в вагоне как глухонемая.

В Лондоне еду на такси в наше посольство. Глядя по сторонам, холодею от ужаса — деловой центр города, Сити, изуродован, искалечен. Каменные основания зданий, построенных на века, все же устояли под натиском гитлеровской авиации, но повсюду горы бесформенных глыб мрамора, скрюченных железных балок. И над всем этим хаосом возвышается собор Святого Павла с зияющей пробоиной на куполе. Улицы тем не менее расчищены, и девушки в защитных комбинезонах и кокетливо надвинутых на лоб пилотках тащат на тросах аэростаты.

Шофер такси, поняв по адресу, который я назвала, что я советская, на прощанье сказал: «Мы молимся Богу за победу русских, иначе гитлеровцы коцентрировали бы весь наш великий остров». Это был новый глагол в английском языке, возникший после варварского уничтожения гитлеровцами города Ковентри.

С сильно бьющимся сердцем поднималась я по ступенькам нашего посольства в Лондоне — что-то ждет меня там? Долетел ли муж? А если долетел, то почему не встретил на вокзале? Ведь в посольстве о прибытии паро-

хода должны были знать. Что с Москвой? И горячие споры пассажиров в поезде, и газетные афиши на стендах: «Бой за Москву», «Гитлер назначил парад в Москве»... Как все это понимать? Как добрались до Ижевска мама с Володей? Эти вопросы жгли сердце.

Первый, кого я увидела в вестибюле, был наш старый друг Иван Андреевич Чичаев.

НЕБОЛЬШОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

«Моим «крестным отцом» в разведке,— пишет Зоя Ивановна,— был полковник Иван Андреевич Чичаев, проработавший в ней всю жизнь».

В годы войны полковник И. А. Чичаев находился в Англии и выполнял координационную функцию между внешней разведкой СССР и спецслужбами англо-американских союзников.

Год 1930-й. Харбин. Летняя влажная духота окутала многочисленные магазинчики и торговые лавочки, разбросанные по всему городу среди значительного количества небольших мукомольных и маслоделающих предприятий, сделала вялыми прохожих, среди которых большинство европейцев.

Харбин — центр богатой сельскохозяйственной и лесопромышленной провинции Хэйлуунцзян в северо-восточной части Китая на реке Сунгари, притоке Амура. Сунгари около Харбина очень широкая, мутная, с большим количеством небольших и совсем крошечных островков. В то время по берегам реки еще кое-где можно было видеть ядовитые, как будто полыхающие, опишно-маковые плантации. Это сейчас в Харбине более двух миллионов жителей. А тогда, в 1930 году, население Харбина едва достигало пятидесяти тысяч.

Возник Харбин в 1898 году на месте небольшой рыбацкой деревни. Толчком к возникновению и быстрому развитию города послужило строительство Россией из стратегических соображений Китайско-Восточной железной дороги. Первая узловая станция КВЖД в Маньчжурии так и называется Сунгари или Харбин. Здесь же расположено управление КВЖД, другие официальные представительства Советской России, генеральное консульство.

Лето. Жарко. Около Сунгари влажно. Молодая женщина едет на велосипеде. Велосипед дамский, популярной тогда марки ВС-А. Одета в модную, до колен, широкую юбку-плиссе серого цвета. Белая, без рукавов, кофточка из батиста, на голове легкая соломенная шляпа с короткими полями. Женщина совсем молодая, ей 23 года. Работает она заведующей секретно-шифровальным отделом советского Нефтяного синдиката в Харбине. И поэтому зовут ее, несмотря на молодость, по имени и отчеству — Зоей Ивановной.

Синдикат продает китайцам бензин и другие нефтепродукты. Его конкуренты — две западные фирмы, «Стандарт» и «Шелл». Зоя Ивановна почему-то нравится эмблема фирмы «Шелл» — большая красивая раковина.

Вот уже год она живет в Харбине с мамой и полуторагодовалым сыном Володей. Из-за сына пришлось взять с собой и маму.

Когда крутишь педали, хорошо думается. Вспомнился Иван Андреевич Чичаев — начальник отделения в иностранном отделе ОГПУ, где перед выездом в Харбин она две недели находилась на стажировке. В 1928 году она из Смоленска переехала к мужу, который был на партучебе в Москве. Она — Зоя Ивановна Казутина. В Москву приехала не просто к мужу, а по партийной путевке для работы в Педагогической академии имени Н. К. Крупской (теперь это Московский государственный педагогический университет имени В. И. Ленина). Затем взяли на работу машинисткой в транспортный отдел ОГПУ на Белорусском вокзале Московско-Белорусской железной дороги (МБЖД).

В апреле 1929 года приняли в члены партии, а в августе того же года пригласили на Лубянку. На Лубянку шла волнуясь, хотя уже почти год сама была сотрудницей ОГПУ. Волнуясь, нашла в «сером» доме отдел кадров, а через час уже была в иностранном отделе. Увидев Ивана Андреевича, успокоилась.

Иван Андреевич, разливая чай, сказал:

— Садись к столу, разведчица, — и усмехнулся.

— Как вы меня назвали?

— Разведчицей.

— Я же еще девчонка! — И, смутившись, наклонила голову.

— Что девчонка, это верно. — Иван Андреевич мешал ложечкой чай в стакане и смотрел на нее внимательными и добрыми глазами. — Девчонка! — повторил он уже серьезно. — Но профессией твоей теперь будет разведка, а значит, ты разведчица. Поедешь в Харбин, — Чичаев отхлебнул чай из стакана, — для работы в Нефтяном синдикате. Синдикат, — продолжал Иван Андреевич, — это твое прикрытие, это лишь легальная возможность для твоей разведывательной работы.

И началась специальная стажировка. Пароли, отзывы, тайники, конспиративные квартиры... и другие разведывательные понятия. Стажировка бурная, захватывающая, скоротечная, как весенняя гроза.

Ехать на велосипеде становится труднее. Твердый грунт все чаще сменяется укатанным песком. Среди прохожих реже встречаются европейцы, появились рикши. Это пригород Харбина Фу-дзи-дзянь, где живет в основном китайское население. Китайцы внешне добродушны, улыбаются и кланяются даже детям. Женщин не любят.

Зоя Ивановна остановилась и спросила у проходящего европейца нужную ей улицу. Садясь на велосипед, поморщилась от боли — правая нога ниже колена плотно забинтована. Она всего неделю как научилась

ездить на велосипеде, ни в Смоленске, ни тем более в Москве ей делать этого не приходилось. А вчера она упала и сильно ободрала правую ногу. Но именно это и поможет ей выполнить задание Центра.

Вспомнила свой первый день рождения в Харбине. Положение и зарплата позволяли ей содержать домашнюю работницу. Но в Харбине эти обязанности выполняли мужчины. Был и у них с мамой домработник, которого все звали русским именем Миша. Встречая гостей, китаец Миша, обращаясь к мужчинам, постоянно говорил: «Капитано, капитано» — что значило господин. Зоя Ивановне он говорил: «Мадама-капитано, мадама-капитано...» — и это вызывало у нее усмешку.

...А вот и нужная тебе улица, мадама-капитано. Маленький домик за невысоким палисадником. Проехав мимо, Зоя Ивановна слезла с велосипеда. Огляделась. Зашла в кусты и сняла бинт. Оторвала его от засохшей раны, и снова, как вчера, появилась кровь. Щепоткой земли потерла ногу вокруг раны, спрятала в сумочку бинт, взяла велосипед и, прихрамывая, направилась к калитке того дома, мимо которого только что проехала. Вошла в палисадник, сделала несколько неуверенных шагов к крыльцу. Навстречу вышла женщина. Зоя Ивановна знала — она на семь лет старше ее.

— Господи! Что с вами?

— Упала. Простите, ради Бога, еще не умею как следует ездить.

— Больно?

— М-ы-ы-ы...

— Проходите, вот сюда. Садитесь. Я сейчас принесу теплой воды и йод. Садитесь, садитесь.

Зоя Ивановна села и увидела устремленные на нее с противоположной стороны комнаты широко открытые глаза девочки лет четырех. Девочка держала на коленях большую куклу и, не мигая, смотрела на гостью. А та улыбнулась девочке, спокойно осмотрела комнату, перевела взгляд на свою кровоточающую рану и... похолодела — к засохшему краю раны прилип маленький кусочек нитки от сорванного бинта. Как можно приветливее спросила девочку:

— Как тебя зовут?

— Маша.

— Машенька, какая у тебя красивая кукла! — А в пальцах уже крутила снятый с ноги обрывок нитки бинта.

Вошла мать Машеньки с тазиком теплой воды в руках, улыбнулась:

— Сейчас я промою вашу рану, а потом...

...А потом пили чай, по-бабьи болтали о детях, о жизни в Харбине и ни словом не обмолвились о мужьях.

Возвращалась Зоя Ивановна в центр города уже в сумерках, не домой, а на конспиративную квартиру, в дом, половину которого занимал начальник харбинской полиции. Задание выполнено — установлен хороший, дружеский контакт с женщиной, муж которой, один из руководи-

щих советских работников в Харбине, месяц назад, бросив семью, бежал в Шанхай, прихватив с собой большую сумму казенных денег.

...А потом частые и по-настоящему дружеские встречи с матерью Маши. Ее признания в том, что совершил муж. Признания о его нелегальных приездах в Харбин для встречи с семьей. Его муки и сомнения. И наконец встреча с ним Зои Ивановны и его согласие явиться с повинной.

Зоя Ивановна и ее руководство выполнили обещание, данное матери Маши, о том, что ее муж, если он явится с повинной, не будет репрессирован. Деньги, которые он так «неосторожно» взял в государственной кассе, были им постепенно выплачены, и своим трудом, в том числе и на разведку, он восстановил свое доброе имя.

«Вернулась из Китая в Москву,— вспоминает Зоя Ивановна,— в феврале 1932 года. Некоторое время работала начальником отделения в иностранном отделе ОГПУ в Ленинграде, курировала Эстонию, Литву и Латвию, но недолго, всего несколько месяцев. С этого времени вся моя жизнь была связана только с Европой».

И вот Иван Андреевич идет ко мне навстречу, распахнув руки. Но почему он, а не Борис? И работает Чичаев в другом советском посольстве — при эмигрантских правительствах стран, оккупированных гитлеровцами... Значит... Я окаменела. И вдруг из-за колонны выходит — чур меня, чур меня! — мой муж, Борис. Нервное многодневное напряжение взорвалось, и радость встречи я обильно полила слезами, хотя всю жизнь считалась неплаксивой.

Иван Андреевич скомандовал:

— Сырость не разводить, и без того здесь хватает, и марш в машину, поедem к нам домой обедать. Ксюша мировой пирог испекла, целый месяц карточки на муку сбегала.

— Здесь тоже карточки? — спросила я.

— Да еще какие, сахар в мизерных дозах, его берегут только для детей, хлеб, молочные продукты — в общем, все, все. И мы, дипломаты, живем по карточной системе. Говорят, и короли тоже, а здесь собрались многие короли Европы — норвежский, югославский и греческий, нидерландская королева.

Вечером пытались ловить по радио Москву, но фашисты усердно забивали московское радио трещотками, звонками, барабанным боем.

— Вот она, Москва-матушка, как ее усердно забивают. Жива, стало быть, и гитлеровцы по ее улицам не гуляют,—

заметил муж, пытаясь сквозь хаос визга, какофонии звуков поймать сводку Совинформбюро. Из эфира слышались отдельные слова — «продолжалось...», «оставили город...», «потери фашистских захватчиков...».

На следующее утро мы с мужем пошли в наше посольство с визитом к послу Ивану Михайловичу Майскому, которого муж хорошо знал.

НАША СПРАВКА

МАЙСКИЙ Иван Михайлович (1884—1975) — советский историк и дипломат.

С 1929 по 1932 год И. М. Майский был Полномочным Представителем Советского Союза в Финляндии. С 1932 по 1943 год Иван Михайлович — Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в Великобритании, а с 1943 по 1946 год заместитель наркома иностранных дел Советского Союза.

В 1946 году Майский избирается действительным членом Академии наук СССР. Перу И. М. Майского принадлежат труды по истории всемирного рабочего движения, по истории Испании и книга воспоминаний.

Иван Михайлович принял нас в своем просторном кабинете. На стене большая карта Советского Союза, утыканная красными и черными флажками, обозначающими линию фронта.

Майский расспросил меня, как прошло путешествие, очень интересовался организацией и засылкой в тыл врага наших диверсионных и разведывательных групп. Сообщил, что через день в Швецию летит английский самолет и для нас уже заказаны два места, а затем с лукавинкой в голосе спросил, не хотим ли мы посмотреть живого Ллойд Джорджа?

— Как, того самого? Про кого мы в комсомольские годы сочиняли не очень вежливые частушки? Ведь он был наш злейший враг,— не удержалась я от реплики.

Майский засмеялся:

— Именно тот самый, именно был врагом. Он автор страшного для Германии Версальского договора. Он поддерживал Черчилля в его планах удушить новорожденное Советское государство в колыбели. Их замыслы не оправдались. Одно время он ориентировался на Гитлера, как на «санитара от коммунистической заразы». Но когда Гитлер

захватил почти всю Европу и ринулся на Советский Союз, Ллойд Джордж пересмотрел свои позиции. Он до сих пор возглавляет либеральную партию, выступает за открытие второго фронта и стал ярким врагом фашизма. Завтра он с супругой придет ко мне на завтрак.

Могла ли я когда-нибудь представить себя в обществе Ллойда Джорджа? Он вошел, вернее, его ввела крупная, еще не старая, довольно красивая женщина, его жена. Ллойд Джордж невысокого роста, на розовом черепе, щеках, подбородке белые пушистые клочки волос, ноги его слушаются плохо.

Ллойд Джордж что-то говорит, я не могу разобрать даже, на каком языке, видно, у него нелады с дикцией. Его не понимает и Майский, в совершенстве владеющий английским языком. Жена Ллойда Джорджа — его многолетняя секретарша — является своеобразным переводчиком с английского на английский, только она и понимает своего супруга. Ллойд Джорджа интересует судьба Москвы — «ведь Гитлер назначил парад на Красной площади».

— На Европейском континенте только одна столица не даст себя полонить — это Москва, — категорически опровергает досужие вымыслы фашистской пропаганды советский посол. — Никогда не бывать Гитлеру в Москве, разве только в качестве военнопленного. Никак иначе!

Майский делает решительный жест рукой.

Ллойд Джордж улыбается, показывая великолепные зубные протезы под стать белоснежным бакенбардам.

После весьма скромного завтрака посол приглашает посмотреть короткометражный фильм о Москве. На экране Кремль, часы на Спасской башне показывают 12 часов, полдень.

— Биг Бен¹, — с удовольствием произносит Ллойд Джордж, произносит четко. Сравнивает часы на башне Кремля с часами на Вестминстерском аббатстве.

Мирная Москва, с витринами, не заваленными мешками с песком, улицы без противотанковых ежей, площади, не замаскированные под здания и парки, на крышах нет зенитных орудий. Милая солнечная Москва, беспечные дети, веселая молодежь, на речном трамвае молодые люди что-то поют (фильм немой), наверное, «Мы кузнецы, и дух наш молод...».

Вспомнилось, как в последний вечер мы с мужем шли

¹ Биг Бен — главные часы Лондона.

по улице Горького, предъявляя почти на каждом углу ночные пропуска. Напротив Моссовета в темноте вдруг остановились, пораженные странной картиной: посередине улицы вертелись сами по себе серебристого цвета сапоги, высоко над ними поворачивался из стороны в сторону такой же серебряный шлем, а между ними четко регулировал движение транспорта блестящий жезл, самой же фигуры регулировщика не было видно. Мы догадались, что сапоги, каска и палочка покрыты какой-то краской, которая серебрится под синим светом ламп. Очевидно, этот камуфляж страховал регулировщика от наезда машин. В других районах столицы мы такого не видели.

Фильм закончился широкой, раздольной песней Лидии Руслановой. Ллойд Джордж был восхищен.

— Так, значит, немцев в Москве нет! Я очень рад слышать это.

— Есть, есть немцы в Москве — Вильгельм Пик, Вальтер Ульбрихт, Бертольд Брехт, Анна Зегерс,— сказал Майский.

Ллойд Джордж рассмеялся и крепко потряс руку посла.

Прощаясь с Борисом Аркадьевичем, Ллойд Джордж спросил:

— Вы впервые в Лондоне?

— Да.

— Вам интересно, наверное, побывать в парламенте,— подхватил Майский.— Давайте попросим мистера Ллойд Джорджа получить туда пропуск.

— О, я был бы весьма признателен,— откликнулся Рыбкин.

Проводив Ллойд Джорджа, Майский сказал:

— В парламенте сейчас происходят непривычные для нас вещи. Всерьез обсуждался, например, вопрос — можно ли приравнять командиров воздушных кораблей к морякам и разрешить им курить трубку.

— А на днях,— добавила жена Майского,— был депутатский запрос насчет дамских чулок. Их нет в продаже, а ходить на работу с голыми ногами считается неприличным. Нашли выход. В дамских парикмахерских на ногах рисуют чулки — шов, пятку и даже штопку.

Бориса Аркадьевича сопровождал в парламент сын Ллойд Джорджа и по пути рассказал занятную историю. В парламенте шла горячая дискуссия — что делать со шпагой на статuae Ричарда Львиное Сердце, надломленной

осколком снаряда. Следует ли реставрировать эту шпагу или оставить «в назидание потомству». Спор был жестоким. Сын Ллойд Джорджа высказался так: «Ричард был король драчливый. Он постоянно с кем-то воевал и почти всю жизнь прожил вне Англии. Но король есть король, и памятник ему должен быть таким, каким задуман». Добавлю к этому одно: недавно я видела памятник королю Ричарду Львиное Сердце по телевизору. Шпага в его руке выпрямлена. Англичане верны себе. Традиция превьше всего.

Борис Аркадьевич до моего приезда успел ознакомиться с Лондоном, а так как у нас оставались только сутки, то мы решили, что он будет моим гидом и покажет мне самое-самое. Но этого «самого» оказалось весьма много.

Что меня потрясло — это почти начисто уничтоженные фашистскими бомбардировщиками целые районы. Невольно подумалось о Москве, которую гитлеровская авиация бомбила каждый вечер. Таких бомбежек мы успели пережить множество, но Москва не была разрушена. ПВО была на высоте.

А вот английские газеты пишут, что осенью 1940 года в течение двух месяцев фашисты методично с десяти вечера до семи утра бомбили британскую столицу. За ночь налетало по 300—500 бомбардировщиков. Было уничтожено и основательно повреждено более миллиона домов и коттеджей. Из-под развалин извлечено 50 тысяч трупов. Раненых не считали. Последний массированный удар гитлеровцы нанесли Лондону в мае 1941 года.

Мы ехали через восточный район Лондона — Ист-Энд. Поразил нищенский вид кварталов, узеньких улочек, поперек которых протянуты веревки, и на них сушилось рваное белье. По улицам текли мутные потоки. Оборванные ребятишки возились в грязи. Ни деревца, ни зеленого кустика, низкие серые домишки перемежались с развалинами.

Желтый смрадный воздух становился все гуще, и дальше десяти — двадцати метров ничего уже не было видно.

В метро спустились по эскалатору. Стены оклеены яркими довоенными рекламными плакатами. Когда вышли на перрон, были потрясены: вдоль всей платформы тянулись в три яруса нары, сбитые из досок. Для пассажиров

оставалась узкая полоса по краю платформы. На нарах люди лежали, сидели, спали, читали, играли в карты. Много женщин с малолетними детьми. Под головой у каждого на нарах большой узел с домашним скарбом. Иные прикрыты «одеялами», сшитыми из четырех номеров газеты «Таймс», каждый номер страниц двадцать, не менее. Удушливый запах, мусор, слабо освещенные платформы являли собой жуткое зрелище. Я невольно подумала о нашем московском метро, в котором даже в дни войны было тепло, чисто и светло...

Хайгетское кладбище походило на огромный город. Широкие проспекты, улицы, переулки, тупики. На центральных проспектах тяжелые гранитные склепы, кружевные мраморные часовни, острокрылые ангелы и высеченные из мрамора скульптурные портреты усопших.

В длинном ряду маленьких мраморных и гранитных плит, тесно уложенных друг к другу, Борис Аркадьевич разыскал могилу Карла Маркса. На седой гранитной плите было высечено:

Здесь покоится

Женни Маркс

1814—1881

Карл Маркс

5.5.18—14.3.83

Анри Лонге

Елена Демут

Никакого памятника. Только серая плита в рамке желтого гравия на месте последнего пристанища любимой жены Женни, самого Карла Маркса, внука и служанки — друга семьи.

...Через несколько дней на самолете ночью — в Швецию. Обрядили меня в комбинезон, нацепили парашют, лайфджекет (спасательный жилет) с лампочкой и свистком. Удивилась свистку. «Отпугивать акул в Северном море, если попадете в воду», — отшутилась служащая аэродрома.

Тьма... Гул мотора — говорить невозможно. Иллюминаторы в самолете плотно зашторены. Летели час, два. Муж, как я понимаю, сладко спит. Осторожно отодвигаю уголок материи. Делаю щелочку — тьма... тьма... Еще часа два полета, и вдруг стюард раскрывает шторки на иллюмина-

торах. Сквозь круглые оконца видны блестящие пунктиры. Под нами Швеция. Она не затемнена. Пролетаем над поселками, городами. Опускаемся на аэродроме.

Летели через Северное море шесть часов.

НЕБОЛЬШОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

(Рассказывает полковник Э. П. Шаранов)

Люди, поверхностно знавшие Зою Ивановну Воскресенскую, говорили, а некоторые даже утверждали, что она когда-то, где-то была на нелегальной работе. В качестве «нелегала» в действительности она никогда и нигде не работала. Но в народе бытует старая пословица: «Огня без дыма не бывает». Так вот в данном случае, как я уже сказал, огня вообще не было, а дым появился потому, что Зоя Ивановна готовилась к работе на нелегальном положении, но по ряду причин на эту работу не попала.

Расскажу об этом поподробнее и по порядку.

В 1932 году Зоя Ивановна приехала в Германию. Весь 1932 год она провела в Берлине. Цель ее поездки состояла в том, чтобы изучить в совершенстве немецкий язык. Жила в пансионе «Мадам Роза» на Унтер-ден-Линден и на частной квартире у профессора музыки фрау Альбины Шульц. Воочию видела забастовки, которые в это время происходили в Берлине. Когда забастовали водопроводчики, ей и ее квартирной хозяйке приходилось умываться, готовить еду и пить кофе из воды, которую они предварительно запасли прямо в ванной. В Берлине находилась официально как жена беспартийного специалиста. Из Берлина в том же 1932 году и в начале 1933 года несколько раз ездила в Австрию с целью ознакомления с обстановкой в этой стране и изучения австрийского диалекта немецкой речи.

Уже будучи больным человеком, практически прикованным к постели болезнью, она неоднократно вспоминала время, проведенное в Берлине в том далеком, но памятном 1932 году. Когда ей потребовалось продлить визу пребывания в Берлине, она первоначально решила сделать это путем имитации болезни. Но врачи, как вспоминает Зоя Ивановна, будто назло, ничего не нашли. Она болезненно усмехается: «Теперь бы они на меня посмотрели».

Перед поездкой в Берлин Зоя Ивановна несколько месяцев провела в Латвии. Там тоже изучала обстановку, привыкала к заграничной жизни. Было ясно, что руководство намерено использовать ее для выполнения какого-то особого задания.

И вот однажды ее вызвало высокое начальство.

— Поедете в Женеву по соответствующей легенде. Там познакоми-

тесь с генералом «Х», который работает в генеральном штабе и тесно сотрудничает с немцами. Станете его любовницей. Нам нужны секретные сведения о его работе и о намерениях Германии в отношении Франции и Швейцарии. Вам понятно?

— Да, понятно. А обязательно становиться генеральской любовницей, без этого нельзя?

— Нет, нельзя. Без этого невозможно выполнить задание.

— Хорошо. Я поеду в Женеву, стану генеральской любовницей, раз без этого нельзя, выполню задание, а потом застрелюсь.

Вспомнив об этом и рассказав, Зоя Ивановна молчит.

— И что же потом? — спрашиваю я нетерпеливо.

— Потом?! Потом задание отменили. «Вы нам нужны еще живой», — констатировало начальство.

Так закончилась ее первая попытка перейти на нелегальное положение в разведывательной работе.

— А уже во второй половине тысяча девятьсот тридцать третьего года, — продолжает свой рассказ Зоя Ивановна, — я была в Австрии. Жила в Вене в гостинице около Гедехнискирхе (памятник-церковь). Там, в Австрии, я должна была выйти замуж.

— Как это замуж?! — удивляюсь я.

— Фиктивно, конечно. С первым мужем по фамилии Казутин я разошлась еще до поездки в Китай, а с Борисом Аркадьевичем познакомилась позднее, уже в Хельсинки, куда он приехал в тысяча девятьсот тридцать шестом году.

— Так вот, — рассказывает дальше Зоя Ивановна, — была у меня легенда: в Риге получить латвийский паспорт, затем в Австрии выйти замуж. Поехать с мужем в Турцию и по дороге «поссориться». После этого муж должен уехать, а мне предлагалось остаться в Турции и открыть там свой салон мод. Таким образом должна была состояться моя нелегальная работа в разведке. Но и вторая попытка кончилась безуспешно. До Вены-то я доехала, а замужество, хоть и фиктивное, не состоялось. Жених не приехал, — вновь заразительно смеется Зоя Ивановна.

В разведывательной жизни Зои Ивановны было много и курьезных случаев, почти во всех странах, где она находилась по работе: Китай, Финляндия, Швеция.

Вот что по ее рассказам осталось в моей памяти.

Лето. Лесистая местность близ Хельсинки. Северные низкорослые хвойные деревья, среди которых прогуливаются две молодые женщины в летних безрукавных платьях. Одна из них европейка, другая японка. Беседуют, отмахиваясь сосновыми веточками от комаров. Одна из них Зоя Ивановна, другая ее агент — жена японского дипломата, работающего в Финляндии.

Вечером того же дня прием в президентском дворце. В гардеробной комнате женщины приводят себя в порядок. Недалеко от себя Зоя Ива-

новна увидела своего агента. Она была в бальном, глубоко декольтированном платье, а шея и руки у нее были ярко-красные, вспухшие от укусов комаров. Зоя Ивановна посмотрела на себя в зеркало и ужаснулась. Быстро накинула на себя накидку, а муж отвез ее домой. Вернувшись во дворец, Кин сказал, что его жена неожиданно почувствовала себя плохо. Потом он рассказывал, что многие женщины обращали внимание на жену японского дипломата, а та объясняла мужу и его коллегам, что ездила днем на дачу поливать цветы, где ее и покусали комары.

«А если бы мы обе были в таком виде, что можно подумать? — задает Зоя Ивановна сама себе вопрос. — Никогда не знала, что комары могут служить в контрразведке. Вообще-то в этой Финляндии, — смеется Зоя Ивановна, — климат не совсем подходящий для разведывательной работы, особенно летом. Однако, — продолжает Зоя Ивановна, — бывают случаи и посмешнее. Разведка — это жизнь, а в жизни всякое бывает».

День выдался морозный и солнечный. Воскресенье. На Садовом Кольце Москвы многолюдно. Зима 1935 года принесла много хлопот дворникам. Снег не успевают убирать даже на основных магистралях столицы. Автобусы сбиваются с графика.

На остановке в автобус маршрута «Б» вошла высокая, стройная женщина. Подошла к кондуктору. Поискала в сумке-муфте разменные монеты, смущенно улыбнулась, что-то сказала кондуктору. Достала бумажные деньги, громко сказала: «Товарищи! Кто может разменять рубли?»

Пожатие плечами, молчание, еле слышное: «У меня нет».

Женщина более твердо повторила свой вопрос: «Кто может разменять деньги?» И совсем робко: «Что же мне делать?»

Со своего места поднялся рослый мужчина в шапке-пирожке из серого каракуля, протянул кондукторше пятнадцать копеек и, получив от нее билет, протянул его женщине:

— Возьмите!

— Спасибо. Большое спасибо. Как я верну вам эти деньги?

— Когда-нибудь вернете. — Мужчина с интересом смотрел на молодую, интересную женщину.

— Скажите, пожалуйста, ваш адрес.

— Зачем вам мой адрес?

— Я пришлю вам деньги. Говорите, а то мне скоро выходить.

— Скажите лучше вы — как вас зовут?

— Зоя Ивановна, — ответила женщина и кокетливо улыбнулась.

Мужчина еще внимательнее посмотрел на случайную спутницу.

— Зоя Ивановна, — повторил он, — а Зоенька нельзя?

Зоя Ивановна сурово посмотрела на своего собеседника, смерила его с ног до головы строгим взглядом:

— Вам нельзя,— и вышла в открывшиеся двери автобуса.

Прошло три года. В Финляндии советское представительство «Интуриста» возглавляет Зоя Ивановна Рыбкина. Работа в «Интуристе» в Хельсинки дает ей легальную возможность проводить разведывательную работу. Вместе с выполнением других заданий в ее разведывательные обязанности входит поддержание связи с нашими нелегальными сотрудниками.

Парк на окраине Хельсинки. Низкорослые сосны, огромные, будто декоративные валуны, оставшиеся здесь от ледникового периода, чисто убранные дорожки. Зоя Ивановна не спеша идет в глубь парка. В руках небольшой тяжелый чемоданчик, который сейчас называют атташе-кейсом. Дышится легко, воздух чистый и свежий. А вот и одинокая скамейка под невысокой, но размашистой сосной. Здесь она должна ждать человека, который придет к ней на встречу. Они не знакомы. Известно только, что это должен быть мужчина, который свяжется с ней по паролю: «Вы позволите отдохнуть мне рядом с вами?»

В пароле каждое слово имеет свое значение. Не просто смысл фразы, подобранной к определенной ситуации встречи, но и особая расстановка слов. Ведь обычный человек, просто случайный прохожий наверняка скажет: «Позвольте мне отдохнуть...», а этот мужчина должен сказать: «Вы позволите отдохнуть мне...» На это она должна ответить отзывом: «Пожалуйста, садитесь, но я больше предпочитаю одиночество».

Порыв ветра прошумел в сосновых ветвях, осыпал на дорожку сосновые иглы и затих за соседним валуном. Зоя Ивановна даже не заметила, с какой стороны перед скамейкой появился высокий плотный мужчина. Он молча сел рядом, внимательно посмотрел на нее.

«Кто это?! — подумала она и внутренне насторожилась.— Почему он молчит?»

Мужчина еще раз пристально посмотрел на нее и, уже усмехаясь, сказал:

— Хорошо отдохнуть рядом с вами.

«Что это? Только часть пароля! Может быть, это провокатор? Нет, не похож на провокатора». А вслух как можно строже сказала:

— Что вам угодно?

— Вы позволите отдохнуть мне рядом с вами?

— Пожалуйста, садитесь, но я больше предпочитаю одиночество,— назидательно добавила: — Почему вы перепутали пароль?

— Ничего я не перепутал. Просто увидел симпатичную женщину и решил пошутить.

— Нашли место для шуток.— Зоя Ивановна пододвинула к мужчине чемоданчик: — Это деньги для вас, проверьте сумму.

Мужчина положил чемоданчик на колени, открыл его, посмотрел на пачки запечатанных долларовых купюр и со вздохом сказал:

— Здесь не вся сумма.

— Как не вся?! — Зоя Ивановна встрепелась. — Что получили из Центра, то полностью передаем вам.

— Нет, — спокойно сказал мужчина, но в глазах его бежали чертики, — здесь не хватает пятнадцати копеек.

— Каких еще пятнадцати копеек?!

— Тех самых пятнадцати копеек, которые вы должны мне, Зоянька! Неожиданно услышав свое имя, да еще произнесенное ласково, с расстановкой и издевкой, Зоя Ивановна моментально вспомнила заснеженную Москву 1935 года, автобус и мужчину, купившего ей билет за пятнадцать копеек.

Тугой комок подступил к горлу. Хотелось броситься на шею этому человеку, который вдруг стал таким родным и близким.

— Что же мне делать, — чуть не плача, сказала она, — у меня опять нет пятнадцати копеек.

— Вот и такие бывают встречи, — вздыхает Зоя Ивановна и продолжает рассказывать.

В резидентуру в Хельсинки, где я в то время работала заместителем резидента, поступила зашифрованная телеграмма, которая предписывала лично мне выехать в Стокгольм и там провести встречу с агентом, которого я раньше не знала. В телеграмме указывались пароль, опознавательные знаки агента, время и место встречи — у памятника Карлу XII, и тут же — повторяем: у памятника Карлу XIII.

Я пересчитала еще раз шифротелеграмму и с досадой вздохнула — так у памятника Карлу XII или Карлу XIII? Запрашивать Москву некогда, и есть ли памятник Карлу XIII. Ведь всем известен шведский король Карл XII.

Приехав в Стокгольм, я некоторое время уделила специальной проверке и поспешила в сквер. Вот он памятник Карлу XII. Стоит в полушубке, показывает шпагой на восток, откуда, мол, грозит опасность. Погода хорошая, солнечная. Вокруг памятника скамейки, сидят люди. Почти все мужчины читают шведскую газету «Стокгольмс Тиднанген» (как в шифротелеграмме), но ни у кого не торчит из кармана немецкая газета (как должно быть). Подошло назначенное время для встречи, а нужного человека нет. Я сделала несколько кругов около памятника Карлу XII, чтобы посмотреть еще раз внимательно на мужчин, не привлекая чужого внимания. И вдруг, о ужас! передо мной стоит памятник Карлу XIII в том же сквере метрах в трехстах от памятника Карлу XII. Придя в себя, я присаживаюсь на скамейку у памятника Карлу XIII. Но и здесь никого, кто бы читал шведскую газету, а из кармана торчала бы немецкая газета. Я вновь устремила к памятнику Карлу XII. Никого. Затем вновь к памятнику Карлу XIII. Тоже никого. И так целых полчаса с камнем на сердце и со свинцовыми ногами от памятника к памятнику.

Возвратясь в гостиницу, я как после тяжелой, непосильной физи-

ческой работы повалилась на кровать. Вечером контрольная встреча. Опять я меряю шагами расстояние от памятника Карлу XII до памятника Карлу XIII. Вновь внимательно осматриваю глазами газеты в карманах и в руках мужчин. Опять нет нужного человека.

А впереди у меня была бессонная ночь, ночь тревоги — задание сорвано, ночь самобичевания. Утром я еду в стокгольмскую резидентуру, чтобы признаться в своей плохой работе. А в резидентуре меня ждет новая шифротелеграмма: «Задание отменяется. Агент не придет. Возвращайтесь в Гельсингфорс».

— Обидно, — говорит Зоя Ивановна, — но зато какой урок!

Что касается уроков, то Зоя Ивановна всегда самым положительным образом относилась к воспитанию молодежи, которая посвятила себя работе в разведке. Зоя Ивановна всегда подчеркивала, что мелочей в работе разведчика никогда не бывает. Каждая деталь может при определенных условиях сыграть главную роль. Она не уставала повторять: забвение мелочей может на практике привести к роковым последствиям, в особенности при организации связи с агентурой. Много раз она вспоминала о своей, как она считала, неудачной встрече с женой японского дипломата в предместье Хельсинки и о комарах, о которых читатель уже знает и которые, оказывается, тоже могут служить на пользу контрразведке.

Зоя Ивановна рассказывала, что несколько лет ей пришлось работать с нашим нелегалом Павло, выведенным в свое время за кордон и внедренным в Провод ОУНа. Это был преданный нашему, как она любила говорить, делу и Родине человек. Умный, осторожный, обладающий быстрой реакцией. Но у него был один недостаток: он мог забыть час, назначенное место встречи, перепутать день, опознавательный знак, сигнализацию.

Однажды он поехал по делам ОУН в Берлин. Мог задержаться там на несколько недель. Нужно было договориться с ним о способах связи после его возвращения, но его забывчивость... И чтобы он не мог перепутать место и время встречи, Зоя Ивановна предложила ему следующее.

— У тебя, — сказала она ему, — кличка Павло, которую ты, надеюсь, помнишь. Начинается она с буквы «П», а в ней пять букв. Запомни пять «П» — понедельник, пятница, пять часов, Пакенхюля (название улицы на окраине Гельсингфорса), правая сторона. Кроме того, ты всегда ходишь с палкой. Если палка у тебя будет к моменту встречи в правой руке, то это значит все в порядке. Если в левой, то это сигнал тревоги и, значит, встреча отменяется.

— Запомни, — наставляла Зоя Ивановна, — Павло, все на «П», и встреча после твоего возвращения состоится в ближайшую пятницу или понедельник.

Вернулся Павло из Берлина месяца через два. Пришел на встречу вовремя и в назначенное место, да еще с хорошими результатами.

Опираясь на палку правой рукой. Когда Зоя Ивановна встретила с ним, он спросил ее — заметила ли она, какой у него был победный вид. С тех пор Павло больше не пугал условия связи.

Говоря о подготовке молодежи к разведывательной работе, Зоя Ивановна всегда акцентировала внимание на детальное, четкое знание иностранного языка, на котором разведчику предстоит работать за рубежом, и приводила по этому поводу такой пример.

После оккупации гитлеровцами Чехословакии на связь с нашим агентом в Прагу был послан сотрудник немецкого отдела Центра капитан Леонтьев. От агента, к которому на встречу был направлен Леонтьев, Центр ожидал важную информацию по Германии, в частности о ведущейся там подготовке к военным действиям против Советского Союза. Но через несколько дней от Леонтьева неожиданно пришла шифрованная радиограмма: «Был по указанному адресу, но в дом нет входа». Начальник отдела П. М. Журавлев послал ему ответную радиограмму примерно следующего содержания: «По нашим предположениям, дом без дверей не бывает, сообщите подробности и повторите адрес и номер дома». Леонтьев ответил: «Адрес такой-то, дом номер такой-то, но на закрытых воротах надпись на чешском языке: «Входа нет». И снова из Центра к неудачливому разведчику идет сообщение о том, что указанная вами надпись на воротах означает: «Прохода через двор нет, а вход должен быть нормальный».

И еще один пример необходимой осторожности и аккуратности при соблюдении конспирации в разведывательной работе.

— Летом в Финляндии, — рассказывает Зоя Ивановна, — встретила с агентом в лесу. Мы сели с ним на пенки и стали разговаривать. Неожиданно пошел дождь. Но мы оба были в плащах и поэтому продолжали наш разговор. Дождь вскоре прекратился. Пора было расходиться — ему в одну сторону, мне в другую. Я посмотрела ему вслед и увидела, что на спине у него часть плаща сухая и светлая, а часть — мокрая и темная. Догнала его и велела сесть на мокрую траву, чтобы намокла и нижняя часть плаща, иначе за три версты видно, что он в лесу где-то сидел. Посмотрела на свой плащ — та же картина. Пришлось и мне в буквальном смысле слова сесть в лужу. Посмотрела на свой плащ — все в порядке, теперь можно было спокойно разойтись.

Зоя Ивановна задумалась. Снова заговорила о конспирации, о том, какую важную роль она играет в разведывательной работе.

— А дети? — спросила она и посмотрела на меня внимательно.

— Что дети? — не понял я.

— Роль детей в вопросе все той же конспирации. Их поведение может одним махом перечеркнуть все усилия родителей в конспирации. Если хочешь, я расскажу тебе два примера на эту тему.

Сотрудник ИНО Брокманн был командирован на работу в Берлин. Было это еще до гитлеровского переворота в Германии. С ним поехали

жена и два сына, мальчишки лет по десять — двенадцать. Как-то он пошел с семьей гулять по городу. Ребята увидели в витрине магазина велосипеды. «Купи», — пристали они к отцу. Родители стали объяснять, что пока на такую покупку у них нет денег, придет время — купят. Мальчишки пристали как с ножом к горлу, никакие объяснения и уговоры не помогали.

— Если ты не купишь, я начну кричать, что ты работаешь в ГПУ, — пригрозил старший.

Придя домой, Брокманн в первый и, наверное, в последний раз выпорол сына, чтобы тот навсегда забыл, что его отец работает в ОГПУ.

— А мой сын, — улыбается Зоя Ивановна. — Я работала, как ты знаешь, начинала свою разведывательную работу в Харбине. Поехала туда с мамой и сыном, которому было около пяти лет. Однажды мы пошли с ним в парикмахерскую. Я сидела в женском отделении, а его за занавеской стригли в мужском отделении. Слышу — какой-то мужской голос спрашивает:

— Мальчик, ты чей?

— Мамин.

— А кто твоя мама?

И маленький Володя вдруг говорит:

— Моя мама больше не коммунистка, а папа коммунист, поэтому он остался в Москве.

Я с закрутками на голове зашла за занавеску. Какой-то мужчина стоит рядом с парикмахером, который стрижет моего сына. Увидев меня, он сказал с масленой улыбкой на лице: «У вас, мадам, прелестный мальчик». Затем поклонился в мою сторону: «Разрешите представиться — профессор Устрялов». Это был известный в Харбине белоэмигрант, сотрудник газеты «Смена вехи».

После моего возвращения из Китая в Москву в 1934 году я попросила направить меня на работу в Ленинград, потому что там с квартирами было легче, чем в Москве. К тому же мне хотелось заняться по настоящему оперативной работой, а в Москве я боялась, что меня могут посадить на какую-нибудь канцелярскую работу. Ну вот, я поехала в Ленинград. Тогда начальником ИНО был Слуцкий, который и согласился направить меня на работу в Ленинград. Начальником ИНО в Ленинграде в то время был некто Молотковский. Молотковскому я не понравилась, думаю, потому, что мне в ту пору не было еще и двадцати пяти лет. Ну, в общем девчонка, хотя я уже два года проработала в Китае. Но вскоре Молотковского отозвали и на его место в качестве начальника ленинградского ИНО приехал А. П. Федоров. Да, тот самый Федоров, который значительно позднее стал известен по делу «Трест», как его организатор и разработчик.

С Федоровым у меня был хороший контакт. Федоров вообще был исключительный человек. Очень интересный и содержательный. Естест-

венно, он нам, его сотрудникам, ничего не рассказывал о деле Савинкова. Мы об этом не имели никакого понятия. Это все было строго засекречено. Очень мало кто знал о таких операциях. Очень узкий круг лиц. И это правильно. Иначе такая широкая гласность в разведке может уничтожить саму разведку. Поэтому здесь надо быть очень осторожным.

Во время службы в Ленинграде Федоров и его заместитель Адамович готовили меня для разведывательной работы в Финляндии, потому что Финляндия была соседом Ленинградской области. И во второй половине 1935 года я действительно уехала в Хельсинки в качестве представителя «Интуриста». В резидентуре в то время было всего четыре человека, а резидентом Генрих Бржзовский, позднее отозванный в Москву и арестованный как враг народа.

Добрые воспоминания об Андрее Федорове, как о честном человеке и великолепном профессионале, Зоя Ивановна пронесла через всю жизнь. Но и в этой светлой струе было немало дегтя. Это, во-первых, то, что Федоров был репрессирован, хотя уже потом реабилитирован. И во-вторых, жизнь, брошенная на произвол судьбы, его жены и соратницы...

По этому поводу Зоя Ивановна, уже будучи известной писательницей, обращалась в различные инстанции, чтобы чем-то помочь вдове Федорова. Сохранилось письмо З. И. Воскресенской-Рыбкиной заместителю председателя КГБ СССР Г. К. Ценеву, которого она знала еще по работе в Финляндии.

Вот это письмо.

Глубокоуважаемый Георгий Карпович!

Прежде всего разрешите поздравить Вас с успехом многосерийного телефильма «Синдикат-2», главным консультантом которого Вы были. В наше сложное и тревожное время очень важно всячески укреплять в народе уважение, любовь и доверие к работе чекистов, а недругов — грозно предупредить. Эту благородную цель, как я понимаю, Вы и ставили этим фильмом и нашли широкое признание. Заключительный аккорд — высокие слова Леонида Ильича о задачах чекистов звучат убедительно и веско.

Я слышана о вашей чуткости и внимании к людям. Вы меня едва ли помните, но мы с Вами встречались после войны в Вене в семье Осиповых — Анатолия Ефимовича (ныне покойного) и его жены Надежды Доминиковны. Все это заставило меня обратиться именно к Вам по делу, имеющему отношение к кадрам этого фильма.

В тридцатые годы я работала в Ленинграде в ИНО ПП ОГПУ, начальником которого был Андрей Павлович Федоров. Он уделял большое внимание воспитанию нас, молодых разведчиков, передавая свой богатый опыт. Часто он собирал оперативных работников у себя дома.

Его жена Анна Всеволодовна подкармливала нас, а Андрей Павлович умело и интересно придавал этим вечеринкам характер своеобразных семинарских занятий.

В настоящее время Анна Всеволодовна (с которой я, к сожалению, с тех пор не встречалась), по рассказам моих товарищей, тяжело больна, с трудом передвигается по комнате, давно не выходит на улицу, не может себя обслужить (ей за 80 лет). Дочь ее со своей семьей и внуками живет где-то за Уралом, по мере возможности материально ей помогает. Анна Всеволодовна получает персональную пенсию союзного значения в размере 60 (шестидесяти!) рублей. Прожить на такую пенсию невозможно. Она болезненно переживает благотворительную помощь соседей по коммунальной квартире, где она живет. Человек она гордый и самолюбивый, просить и жаловаться не любит.

Сколько ей еще осталось жить? И почему о ней должны заботиться посторонние люди? Она была верной и единственной подругой Андрея Павловича, помогала ему в работе, делила с ним все невзгоды и, как Вы понимаете, испила до дна горькую чашу, после того как Андрей Павлович стал жертвой культа личности.

Я считаю своим партийным и чекистским долгом информировать в Вашем лице руководство КГБ о ее бедственном положении и просить скрасить ее оставшиеся дни, обеспечить ей необходимый жилищный минимум, прикрепить к ней постоянного человека по уходу и обслуживанию. В славные дела и подвиг А. П. Федорова она внесла и свой вклад. Ведь в отличие от всех профессий жена разведчика всегда является помощником мужа, и Анна Всеволодовна должна быть вознаграждена, должна с удовлетворением познать, что в нашей стране никто не забыт и ничто не забыто.

С глубоким уважением

*З. Рыбкина-Воскресенская,
полковник в отставке,
Заслуженный работник НКВД СССР,
ныне — писательница,
Лауреат Гос. премии СССР и премии
Ленинского комсомола*

6 августа 1981 г.

Моя миссия

Глава 9

БЮЛЛЕТЕНЬ НАХОДИТ ЧИТАТЕЛЕЙ

И вот я в кабинете посланника в Швеции — Александры Михайловны Коллонтай. Мне шел в ту пору тридцать пятый год. Александра Михайловна готовилась отметить свое семидесятилетие.

— Приступим к делу, — говорит Коллонтай после приветствия. — Завтра вечером я хотела бы подробно поговорить с вами и вашим мужем, а сейчас...

— Что я должна делать?

— Вот это мы сейчас и обдумаем. Задача такая: противопоставить клеветнической пропаганде гитлеровцев и их пособников в Швеции правду о СССР и советском народе. Задача непростая. Швеция наводнена фашистскими газетами, книгами, листовками и брошюрами, постоянно крутят кинофильмы и ведут радиопередачи, которые прославляют так называемую «великую миссию» нацистской Германии. Например, на центральной улице Стокгольма Кунгсгата германское посольство в огромной витрине каждый день помещает устрашающие шведов военные фотографии и карту мира, на которой они старательно закрашивают все новые и новые территории, отошедшие к «непобедимому» «третьему рейху»... Мы должны довести до шведской общественности правду о положении в СССР. В первую очередь наладить регулярный выпуск «Листка советских новостей» или, — Александра Михайловна задумалась, — пожалуй, назовем это более нейтрально: «Информационный бюллетень». Будем сообщать шведам сводки Совинформбюро.

Далее она посоветовала «ловить» радиосводки по ночам, когда их Москва передает для районных и областных газет. Нацисты глушат эти передачи, но разобрать кое-как можно.

— Статьи заказывать по телеграфу, — продолжала

она. — Но основное — это радио. В вашем распоряжении работники торгпредства, инженеры-приемщики, которые сейчас остались без дела и по одному, по два уезжают в Советский Союз. Отъезд их зависит от английских самолетов, которые берут на борт не более одного-двух человек.

— Где же будем печатать бюллетени, в какой типографии? — спрашиваю я.

Александра Михайловна задумалась, словно что-то другое отвлекло ее мысли, а потом вдруг сказала:

— Посольство имеет право использовать собственный множительный аппарат. Купим ротатор. Мне кажется, — она постучала по столу сложенным лорнетом, — наш бюллетень надо издавать на трех языках: на русском — для советской колонии, на английском — для наших союзников и иностранных посольств и, конечно, на шведском...

Я сидела и записывала в блокнот указания посла.

— Далее, — продолжала Коллонтай, — договоритесь с кинотеатрами о демонстрации наших кинофильмов — будем заказывать их из Москвы с диппочтой. Установите связь с прогрессивными газетами. Подумайте, каких советских писателей и журналистов привлечь... Итак, начинайте действовать, — заключила Александра Михайловна. — Нельзя терять ни одного дня. Тут недавно вечерняя газета «Афтонбладет» оглушила шведов известием, что «Москау ха фаллит» («Москва пала»), и шведский нейтралитет сразу дал крен в сторону фашистской Германии.

...Александра Михайловна информировала шведский МИД, что в советском посольстве образовано пресс-бюро и его возглавляет «мадам Ярцева». Мне позвонили из пресс-центра МИДа и пригласили в «Гранд-отель», где ведущий отделом прессы представит меня корпусу иностранных и шведских журналистов.

В банкетном зале «Гранд-отеля» собралось человек сорок — корреспонденты из разных стран. Среди них две женщины — одна из Соединенных Штатов Америки, другая из Норвегии. Шведский дипломат выстроил мужчин, как на параде, во главе с женщинами, и стал представлять. «Соединенные Штаты Америки...» Маленькая, подвижная женщина, улыбнувшись, дружески пожала мою руку. «Норвегия...» Статная, крупная, голубоглазая блондинка с мягким любопытством смотрела на меня и даже обхватила меня за плечи. «Корреспондент из Великобритании...» Обмен рукопожатиями и улыбками. «Венгрия...» Плотный

молодой мужчина протянул руку. Я сжала обеими руками свою сумочку, и его рука, повиснув в воздухе, опустилась. В зале возник сдержанный шумок и какое-то движение. «Румыния...» Я сделала вид, что не заметила наклона его головы, и шагнула вперед. «Япония...» Слышу, вижу. Рядом с ним стоят навтыжку несколько человек в одинаковых костюмах и с одинаковыми лицами. «Корреспонденты Германии...» — уже не так торжественно произнес шведский дипломат. Они развязно протянули (хорошо, что еще не вскинули) руки. Не взглянув на них, я проследовала дальше. Цепочку замыкал наш корреспондент.

Ряды журналистов смешались, и тут немцы, итальянцы, венгр — все те, кому я не подала руки, покинули банкетный зал. Я увидела, что это обстоятельство огорчило заведующего отделом прессы, а наш представитель ТАСС принялся мне популярно объяснять, что Швеция нейтральна и что журналисты здесь работают в общей комнате и нормально общаются друг с другом.

— Шведы нейтральны, но не мы с вами, — заметила я.

Об этом инциденте я рассказала Александре Михайловне, спросила, так ли надо было мне поступить. Она сказала, что позиция моя правильная.

...Через неделю начал выходить «Информационный бюллетень» советского посольства.

Рассылаем его в редакции газет, журналов, информационным агентствам, видным политическим и общественным деятелям, союзным посольствам. Но как распространить его среди населения? Придумали. Закупили телефонные справочники городов и поселков (в Швеции телефон уже тогда имелся в каждом жилом доме) и стали рассылать нугад каждому пятому, десятому. Бывало, бюллетень возвращали с ругательным письмом обратно, но появились и первые подписчики: «Мой сосед Свенсон получает, а мне почему-то не присылают». В большом количестве шли письма-приветствия, в которых шведы выражали свою поддержку сражающемуся Советскому Союзу, желали ему скорейшей победы над захватчиками. Писали шахтеры из Кируны, священнослужители, жители провинциальных городов.

На первых порах тираж бюллетеня не превышал тысячи экземпляров, но скоро возрос до двадцати, потом и до тридцати тысяч.

...7 ноября 1941 года. Под Москвой развернулась небывалая по своим масштабам и героизму битва. На Красной площади столицы состоялся парад частей Красной Армии. Суровый, заснеженный город. На Можайском, Волоколамском направлениях соединения Рокоссовского и Говорова отбивают бешеные атаки нацистских полчищ. На Ленинградском шоссе у поселка Химки фашисты подошли близко к столице, установили дальнобойные орудия для обстрела.

Весь мир потрясен тем, что на Красной площади состоялся традиционный парад и красноармейцы, пройдя строевым шагом, уходили прямо на поле сражения.

...Идет война. Швеция объявила себя нейтральной. Но какой зыбкий этот нейтралитет. Вместе с продвижением гитлеровских войск на советском фронте нейтралитет дает крен в сторону Германии и, того и гляди, опрокинется. Швеция разрешила транзит через свою территорию на северный финский фронт немецких войск и немецкой техники. Шведская руда, шарикоподшипники оснащают германскую военную промышленность. Немцы требуют кредиты. Служба пропаганды распространяет слухи о «зловещих» планах Советов в отношении Швеции, сеет панику.

Нацистские клеветники из германского посольства публиковали фотографии, «свидетельствующие о зверствах Красной Армии». Фотографии действительно ужасающие, но... изображена на них «работа» самих фашистов на Восточном фронте, на временно оккупированных территориях.

Наше посольство получило по телеграфу текст ноты советского правительства о повсеместных грабежах, разорении населения и чудовищных злодеяниях германских властей в захваченных ими советских городах и поселках. Нота датирована 2 января 1942 года и адресована послам и посланникам стран, с которыми СССР имел дипломатические отношения.

Мы решили ознакомить шведскую общественность с этой нотой, поскольку газеты Швеции информации о зверствах гитлеровцев не давали. Мы напечатали 200 тысяч экземпляров бюллетеня — тираж неслыханный по здешним меркам.

Бандероли наши на почте не принимали, поэтому ноту пришлось рассылать в закрытых конвертах с наклеенными

марками. Работали над печатанием и упаковкой двое суток. Наняли два грузовика, чтобы перевезти наше послание из пресс-бюро на почтамт.

Ждали реакции читателей. Что скажут, как отзовутся? Прошло несколько дней, и вот в пресс-бюро ко мне пришел посетитель-мужчина, отказавшийся назвать, кто он и откуда. Сказал лишь, что немецкое посольство прознало о нашей работе, заявило протест шведскому министерству иностранных дел и, по указанию властей, все наши пакеты свалены в подвал и, как приказано, «подлежат уничтожению». Выпалив все это и сказав «адье», незнакомец быстро ушел.

Я позвонила по нескольким адресам знакомым шведам и спросила, получили ли они наш бюллетень с нотой. Никто не получил.

Помчалась в посольство к Александре Михайловне и рассказала ей об этом. Действия почты незаконны: ведь каждое письмо оплачено в тройном размере, поскольку пакеты довольно увесистые,— нота занимала больше десяти страниц.

Александра Михайловна была крайне возмущена, красные пятна покрыли лицо и шею. Она позвонила министру Гюнтеру. Тон у нее был необычный — приказной, командирский. Она потребовала немедленной рассылки нашей почты. «Оплачено все по существующим нормам, конверты, перевозка, и притом это почта советского посольства, неприкосновенная. Как можно было так распорядиться? Надеюсь,— заключила Коллонтай,— господин министр проконтролирует и пресечет беззаконие чиновников почты». В разговоре с министром она дала понять, что эта беспрецедентная акция совершена под давлением германского посольства.

Звонок возымел действие.

Вскоре к нам посыпались письма. Были они разные. Большинство корреспондентов с чувством гнева отзывались о фашистских злодеяниях и выражали свое искреннее сочувствие пострадавшим. Пастор из Северной Швеции написал благодарность от его прихожан и сообщил, что он ежедневно молится и просит Господа Бога о даровании победы Красной Армии.

Самое любопытное то, что министр Гюнтер пригласил нашего посла к себе и заявил протест против распространения среди населений этой ноты, которая «наносит ущерб здоровью, расшатывает нервную систему людей,

и, что самое страшное, эту ноту читают дети». Запоздалый демарш министра Гюнтера, несомненно, был результатом дальнейшего нажима германского посольства. Немецкие дипломаты использовали положение на нашем фронте: оно оставалось тяжелым.

Приведу еще одну деталь, так сказать, «бытового» характера. В те дни хозяин дома, у которого мы с мужем снимали квартиру, потребовал арендную плату за полгода вперед, мотивируя тем, что «вы скоро станете эмигрантами, немцы вот-вот займут всю страну и платить вам будет нечем».

С демонстрацией советских фильмов ничего не получалось. Владельцы кинотеатров отказывали нам под «благовидным» предлогом: «Ваши ленты некоммерческого характера». В этом тоже сказался диктат германского посольства, любым путем стремившегося подорвать нашу работу.

Но выход был найден. Александра Михайловна порекомендовала подыскать для пресс-бюро помещение с кинозалом. Во вновь строящемся здании мы арендовали и вскоре заняли нижний этаж, оборудовали в нем зал для демонстрации кинолент и ротаторную с двумя, а затем с тремя множительными аппаратами. Наше помещение обладало статусом «экстерриториальности», поскольку считалось собственностью советского посольства.

Жители Стокгольма получили возможность регулярно знакомиться с нашим киноискусством. Помню, начали мы с трилогии Марка Донского, запечатлевшей языком кино автобиографические повести Максима Горького «Детство», «В людях», «Мои университеты». Желающих получить пригласительные билеты на советские кинофильмы было много, и мы устраивали несколько сеансов.

В противовес немецкой витрине с фальсифицированными фотографиями мы устроили свою витрину в помещении «Интуриста» на Вокзальной площади. Помещали там сводки Совинформбюро, фотографии с фронта и из тыла, изоматериал.

Наша витрина сразу же стала популярной у жителей и гостей Стокгольма. С гордостью вспоминаю, как вагоновожатые трамваев, чьи маршруты пролегали мимо нашей витрины, останавливались перед «Интуристом», чтобы пассажиры могли познакомиться с новой информацией.

Немцы и их местные приспешники не давали нам покоя. То по требованию шведских властей после протеста

германского посольства приходилось снимать разящие карикатуры Кукрыниксов на Гитлера, то фашиствующие юнцы промчатся на велосипедах и закидают нашу витрину грязью. Однажды эти молодчики обстреляли ее тяжелыми чугунными гайками из рогаток, и грандиозное зеркальное стекло рухнуло... Возмущенные вандализмом шведские рабочие пустили «шапку по кругу» и на вырученные деньги помогли восстановить витрину и организовали ее охрану.

Глава 10

НЕЗРИМЫЕ СВЯЗИ

Два дня спустя после приезда мы с мужем пришли к Александре Михайловне. Она, характеризуя положение в Швеции, напомнила, что успехи немцев на фронте активизировали здесь антисоветские элементы, вырос тираж правых и профашистских газет. Шведы попали в ловушку, расставленную Германией, поскольку страна не имеет минерального топлива (нефти, газа, угля) и даже автомашины стали ездить на дровяном топливе.

— Да,— не сдержал улыбки Борис Аркадьевич,— эти прицепы у автомашин похожи на походные кухни. На улицах дышать нечем от дыма.

— Даже король разъезжает с таким прицепом,— сказала Александра Михайловна,— хотя его машина, как и наши дипломатические, двигается на бензине... И вот, друзья мои, хотела бы вас предупредить, мы вынуждены считаться со шведским нейтралитетом. Он весьма своеобразен. Вы видите, немецкая и английская разведки здесь хорошо укоренились, а мы, как всегда, опаздываем...

Действительно, опаздываем, подумала я. Не случайно мы с Кином (таково его имя по нашей службе) уже обдумывали, как организовать на в общем-то пустом месте активно действующую нашу резидентуру.

— Немцы имеют грандиозный пропагандистский аппарат и тщательно следят за каждым нашим шагом. Германское посольство чуть ли не каждый день заявляет протест в шведский МИД по поводу любого нашего культурного мероприятия. И разрешите мне быть откровенной, во всем, что касается вашей работы, будьте архи-архиосторожны,—

Александра Михайловна многозначительно подняла указательный палец.— Недавно шведская полиция арестовала сотрудника нашего военного атташе, он вечером встретился с каким-то человеком в парке, и, когда здоровался с ним, вдруг со всех сторон засветились прожекторы и застрекотала кинокамера. Молодому человеку грозит многолетнее тюремное заключение. Имейте в виду, по шведским законам вас могут обвинить в шпионаже даже за сбор официальных печатных изданий, газетных вырезок на какую-то определенную тему, затрагивающую государственную безопасность страны. На мою помощь вы всегда можете рассчитывать, и я надеюсь, как говорят дипломаты, на взаимопонимание...

— Можете в этом не сомневаться,— сказал Кин.— Мы заинтересованы, чтобы Швеция и далее оставалась нейтральной, ведь это одна из важнейших площадок в Европе, с которой мы можем вести наблюдение за противником.

— Понимаю, понимаю. Вам надо выходить в свет, устанавливать связи с интересующими вас кругами,— заметила Александра Михайловна,— и полагаю, что смогу появляться на вернисажах, премьерах в опере и всяких благотворительных вечерах в сопровождении нашего милого пресс-атташе.— Дружелюбием было проникнуто каждое слово Александры Михайловны.— Но... о вашей работе,— усмехнулась она,— я ничего не знаю. Не так ли?

Я порадовалась такому обороту дела и вспомнила, что два года назад ситуация у меня складывалась совсем иная.

В конце 1939 года, когда началась печально известная так называемая «зимняя война», я была направлена в Стокгольм с задачей восстановить связи с агентурой в Финляндии. Необходимо было знать истинное положение в стране. Прилетела самолетом, явилась в полпредство к Коллонтай, но Александра Михайловна встретила меня холодно:

— О вашем приезде я не была осведомлена. С какой миссией вы прибыли?

— Война с Финляндией,— пожала я плечами.

— Вот этого я и опасалась. Вы понимаете, что происходит,— сказала она, и я почувствовала ее встревоженность. Она так волновалась, что вопреки присущей ей деликатности даже не пригласила меня сесть.— Шведы создают отряды добровольцев, которые направляются

в финскую армию. Недавно в газетах сообщали, что один из них в подтверждение своего «геройства» привез отрезанную голову русского солдата... Ужас... Французы в помощь финнам формируют корпус. За нашим полпредством и всеми нашими работниками ведется наблюдение. Любое неосторожное действие может привести к тяжелейшим последствиям.

— Я все понимаю, Александра Михайловна, и сделаю все от меня зависящее, чтобы не осложнить обстановку.

В тот раз она не предложила мне жить в ее квартире, а распорядилась предоставить мне гостевую комнату. Мало того, она направила телеграмму Молотову, бывшему тогда наркомом иностранных дел, с просьбой немедленно отозвать меня, «поскольку деятельность советской разведки в Швеции в данной обстановке может привести к осложнениям». На эту шифровку последовал ответ: «...товарищ такая-то выполняет задание своего руководства».

Задание я выполнила, срывов не произошло. Поэтому можно понять, какой камень сейчас свалился с моей души. Понимание нашей службы со стороны Александры Михайловны воодушевляло.

НАША СПРАВКА

КОЛЛОНТАЙ Александра Михайловна (1872—1952) — советский государственный и партийный деятель.

Александра Михайловна родилась в Санкт-Петербурге 1 апреля 1872 года в семье Михаила Алексеевича Домонтовича и его жены Александры Александровны Масалиной.

Отец А. М. Коллонтай был сыном украинского помещика, принадлежавшего к старинному дворянскому роду. Закончив Петровско-Полтавский кадетский корпус, а затем императорскую военную академию, Михаил Алексеевич Домонтович в 1849 году начал военную службу в Петербурге и, успешно продвигаясь по служебной лестнице, вскоре стал генералом.

Александра Александровна Масалина, мать А. М. Коллонтай, была дочерью финского скупщика леса. Сама Коллонтай в своих воспоминаниях писала о матери: «Сердечная, упрямая и волевая — она не принадлежала к тому светскому кругу, в котором вращался отец».

Сестра Александры Михайловны — Евгения Михайловна — обладала прекрасным голосом. Впоследствии она стала известной оперной певицей, выступала на сцене Мариинского театра под именем Евгении Мравиной.

Сдав экстерном экзамены на аттестат зрелости, шестнадцатилетняя Шура получила право быть учительницей. В эти годы у нее проявляется склонность к журналистике. Свои первые небольшие рассказы она публиковала в журнале «Русское богатство». Известный русский писатель В. Г. Короленко сказал о них, что они «возбуждают интерес». Уже в 90-е годы Александра Михайловна печатает ряд статей политического характера в журнале «Научное обозрение»...

В 1891 году Александра Домонтович в Тифлисе познакомилась с Владимиром Коллонтай, который жил там со своей матерью. Его мать — Прасковья Ильинична — учительница, была женой ссыльного поселенца, участника польского восстания 1863 года.

Вскоре Владимир Коллонтай поступил в военное училище в Санкт-Петербурге, а затем стал учиться в военно-инженерной академии. Весной 1893 года они поженились, а спустя год у них родился сын Михаил. Однако семейные отношения не сложились. Они все меньше понимали друг друга. Владимир Коллонтай стремился стать генералом, а Александра Коллонтай тяготилась замкнутой домашней жизнью. После мучительных сомнений и внутренней борьбы она оставляет мужа. В своих воспоминаниях она писала: «Я продолжала горячо любить своего мужа и, уходя от него, страдала и болела душой. От Коллонтая я ушла не к другому. Меня увлекала за собой волна нараставших в России революционных волнений и событий».

13 августа 1898 года А. М. Коллонтай, оставив сына у своих родителей, уехала в Швецию, а оттуда в следующем, 1899 году в Англию, где она также знакомилась с различными политическими течениями.

После раскола РСДРП на II съезде в Лондоне на большевиков и меньшевиков А. М. Коллонтай не примкнула ни к тем, ни к другим. Однако после нарастания революционного шквала в России в 1905 году А. М. Коллонтай все больше поддерживает отношения с большевиками.

В 1908 году феминистки решили созвать Всероссийский женский съезд. Коллонтай готовила группу из 45 человек, стоявших на пролетарских позициях. Но когда съезд поставил вопрос об образовании в России «внеклассового» женского центра, группа работниц — сторонниц А. М. Коллонтай — покинула съезд.

Первая мировая война, начавшаяся 1 августа 1914 года, застала А. М. Коллонтай вместе с сыном, студентом Петербургского технологического института, приехавшего к ней на каникулы, в Берлине. Через два дня она была арестована и помещена в одиночную камеру на Александрплац. А 4 августа она неожиданно была освобождена. Помог мандат, выданный ЦК РСДРП Коллонтай как участнице Международной женской социалистической конференции. Видимо, немецкие полицейские решили, что русская социалистка не может быть шпионкой русского царя.

В 1915 году А. М. Коллонтай вступила в партию большевиков.

19 марта 1917 года в «Правде» появилось извещение: «Вчера из-за границы прибыла А. М. Коллонтай, известная деятельница и писательница международного социал-демократического движения, вступившая в число сотрудников «Правды». 10 октября 1917 года она присутствовала на историческом заседании ЦК, где было принято решение о вооруженном восстании.

В январе 1918 года ВЦИК поручает Коллонтай возглавить делегацию для поездки в Стокгольм с целью «раскрыть глаза трудящимся массам на происходящее в Советской России».

В 1919 году она назначается начальником политотдела дивизии, которой командовал Павел Дыбенко, раньше возглавлявший Центробалт. Затем ведет политическую работу в Донбассе, в Киеве и в Крыму. В сентябре 1919 года возвращается в Москву и возглавляет коммунистическую работу среди женщин. В разгар этой работы она неожиданно заболевает — брюшной тиф и заражение крови после перенесенного острого нефрита. Только в сентябре 1920 года возвращается к работе. Ее назначают заведующей женотделом ЦК партии. В это время она пишет ряд статей и брошюр.

4 октября 1922 года приказом наркома иностранных дел Г. В. Чичерина она назначается советником представительства РСФСР в Норвегии, 9 октября уезжает в Осло, а 9 августа 1924 года она была повышена в должности и стала посланником СССР в Норвегии.

14 апреля 1926 года Коллонтай уехала из Норвегии, а 17 октября того же 1926 года ЦИК Союза ССР назначил ее полномочным представителем в Мексику. В Мексике Коллонтай выполняла не только роль полпреда, но одновременно она была и торгпредом. За время пребывания Коллонтай в Мексике значительно улучшилось отношение населения этой страны к СССР. Пройдет много лет, и в 1946 году мексиканский посол в Москве Нарциссо вручит Александре Михайловне в знак признания ее заслуг орден Агила Ацтека с лентой.

После возвращения из Мексики Коллонтай в октябре 1927 года вновь получила назначение в Норвегию, а 24 июля 1930 года она получила агреман (изъявление правительством данной страны согласия на принятие в своей стране) в Швецию, где она проработала до марта 1945 года сначала посланником, а потом послом Советского Союза.

Последние семь лет своей жизни Александра Михайловна находилась в Москве. Работала советником Министерства иностранных дел СССР. Скончалась от инфаркта 9 марта 1952 года.

Мы с Кином включились в работу. Первое время пришлось очень трудно, сложности одолевали. Кроме нас в резидентуре поначалу были двое — шофер и дворник. Затем прибыли два оперативных работника. Мы вместе с ними подготовили подробный план. Один должен был

организовать наблюдение за германским воинским транзитом через Швецию, второму было поручено создать агентурную группу, которая бы фиксировала характер грузов, транспортируемых морским путем между Швецией и Германией. Оба были инженеры, и им поручалось искать источники информации о поставках Швецией Германии военной техники.

Центр утвердил меня заместителем резидента. Душой и главой резидентуры был Кин. Разведчик первого поколения, он имел значительный опыт чекистской работы — в контрразведке и в разведке внешней.

Семья Рыбкиных была большой. В основном — земледельцы, виноградары. Старший сын работал на заводе кузнечом, а его сын получил образование инженера-авиаконструктора. Средний в семье — Борис мечтал отправиться в дальние края, чтобы разведывать земные недра. Но нужда заставила 10-летнего мальчугана идти в типографию учеником наборщика. Восемь лет простоял он у наборной кассы. Память об этом осталась на всю жизнь: указательный палец у левши был непоправимо искривлен.

Жил типографский ученик впроголодь, часть денег посылал родителям и старался все же хотя бы немного скопить для своей будущей учебы. Много читал, усердно занимался самообразованием.

Свершилась революция. Его, сдавшего экстерном за вечернюю школу, приняли студентом в Петроградскую горную академию. К этому времени он успел познакомиться с разными политическими течениями и партиями, их появилось множество, побывал на собраниях и митингах эсеров, меньшевиков, анархистов, но больше всего ему понравилась программа партии большевиков.

С головой ушел в учебу, но судьба распорядилась по-иному.

Рыбкин стал чекистом...

По представлению коллегии ВЧК он был назначен оперативным работником в Разведывательный отдел. Вскоре его направили на работу в Персию (Иран) в составе закупочной комиссии Внешторга. Понадобилось закупить у персов зерно. Речь шла о солидной сделке.

Персидские купцы сочувственно кивали головами, наполняли пиалы чаем и неизменно повторяли, что охотно помогут «добрым соседям». Когда же заходил вопрос

о цене, купцы махали руками: «Ай, ай, какой разговор, бери задаром». На возражение, что наша страна имеет возможность и обычай расплачиваться за купленное, они хором уговаривали принять сотни тысяч тонн зерна «в подарок». Волянка такая продолжалась несколько дней, пока наконец купцы назвали свою цену, которая намного превышала среднемировую. Наши закупщики ахнули. Купцы развели руками: «Ну, вот и договаривайся с русскими. Предлагаем — бери задаром, не хотят, назначаешь самую малую цену — говорят «дорого», не подходит. Ай-ай, ничего не поймем». В конце концов наши закупщики сумели настоять на своем и договорились с персидскими торговцами о сходной для нас цене.

Замечу к слову, что так вели себя купцы во многих странах, где нам приходилось вести закупки. Подобное было у Коллонтай с норвежской сельдью. Схожая ситуация сложилась и у меня в Китае в 30-е годы. Работая экономистом в представительстве Нефтесиндиката в Харбине (моя «крыша»), я оформляла сделку на продажу нескольких вагонов, наполненных великолепно раскрашенными банками с бензином. Бензин был нами направлен китайской фирме, и вскоре мы получили письмо, в котором фирмач писал, что его «больные трахомные глаза увидели в бензине мутный цвет, грязный осадок, песок. Я верю, что ваш бензин прозрачен, как утренняя роса с цветов лотоса, но что делать с моими глазами. Прошу вас, помогите моим глазам видеть в ваших нарядных банках такой же безукоризненно чистый бензин, как в тусклых банках «Стандарда» и «Шелла»...».

За время пребывания в Персии Рыбкину удалось приобрести несколько агентов. После этого он побывал в ряде стран — во Франции, Болгарии, Австрии. Несколько лет работал в аппарате в Москве, участвовал в разработке планов и осуществлении разведывательных операций. В 1936 году был направлен резидентом в Финляндию. Это государство в ту пору занимало не ключевое, но важное положение в стратегических планах гитлеровской Германии.

Я к этому времени уже шесть-семь месяцев была в Финляндии, успела познакомиться со страной и нашей резидентурой. Прежний резидент был отозван в Москву; и вместо него прибыл консул Ярцев, он же Рыбкин. Приехал один, без семьи. Очень официальный, подтянутый, требовательный.

Поначалу у нас не сложилось взаимопонимание. Мы спорили по каждому поводу. Я решила, что не сработаемся, и просила Центр отозвать меня, в ответ мне было приказано помочь новому резиденту войти в курс дел, а потом вернуться к этому вопросу. Но... возвращаться не потребовалось. Через полгода мы запросили Центр разрешить нам пожениться. Я была заместителем резидента, и мы опасались, что Центр не допустит такой «семейственности». Москва дала «добро».

НЕБОЛЬШОЕ ДОПОЛНЕНИЕ

*(Из воспоминаний Надежды Доминиковны
Синицкой-Осиповой)*

Я познакомилась с Зоей Ивановной что ни есть в самый Новый, уже 1936 год.

В советскую колонию в Хельсинки, где я в то время жила с мужем, который работал в торговом представительстве и занимался продажей нефтепродуктов за границей, примерно полгода назад приехала высокая, молодая и красивая женщина. Об этом я знала из разговоров с другими женщинами, но сама ее не видела.

И вот когда все собрались вместе, чтобы отметить Новый, 1936 год, вновь вспыхнули разговоры о Зое Ивановне.

— Приехала холостячка, чтобы наших мужей сбить с толку.

— Перед такой женщиной ни один мужик не устоит.

— Не хватало нам забот, так черт бабу прислал.

Но тревожные ожидания наших женщин не оправдались, на новогоднем вечере Зоя Ивановна не появилась. Минут через тридцать — сорок после традиционного тоста я поинтересовалась у кого-то, а почему нет нашей новой сотрудницы, она что, брезгует нашим коллективом? Но мне сказали, что она неожиданно заболела и потому не смогла принять участие в новогоднем вечере. Зная, что Зоя Ивановна живет одна в этом же доме, я взяла бутылку вина, собрала какую-то закуску и поднялась к ней в комнату. Это была действительно молодая, высокая и очень милостивая женщина. У нее, оказывается, обострилась печень, и она решила не ходить на Новый год, чтобы ее поведение не восприняли за капризы, так как она вынуждена соблюдать определенную диету. Мы просидели с Зоей Ивановной почти всю ночь вдвоем, болтая о женских всячинах. Так мы с ней познакомились и сразу же подружились. Наша дружба кончилась только с ее кончиной в январе 1992 года.

Сначала мы дружили вдвоем. Потом к нам присоединился мой муж. Вскоре в Хельсинки приехал Борис Аркадьевич Рыбкин. Это уже была компания, и мы все свободное от работы время проводили четвером.

К тому времени Зоя Ивановна сдала свою комнату и жила в одной из комнат нашей квартиры. Поэтому, как правило, мы встречались у нас — к нам приходил Борис Аркадьевич. Очень скоро я стала замечать, что он равнодушно относится к Зоеньке. И она, как я почувствовала, тоже была к нему безразлична.

Мои подозрения в их симпатиях очень скоро оправдались. Однажды Борис сказал мне, что Зоя ему очень нравится, но она, по его мнению, на него не обращает никакого внимания. Я ответила ему, что он не прав, и просила поверить моему женскому чутью. Он сомневался. Тогда я предложила: «Знаешь что, Борис?! Вот пока Зою нет, давай забирай ее вещи и вези к себе. А когда придет, я скажу ей, что она больше здесь не живет, и все объясню».

Так мы и сделали. Когда пришла Зоенька, то она сразу заметила опустевшую комнату, а я с серьезным видом сказала ей: «А ты здесь больше не живешь». От изумления и непонимания она просто не могла ничего сказать. Тогда я обняла ее и тем же серьезным тоном добавила строго: «Ну хватит мучить мужика. Ты что, не видишь, он уже весь высох?» И, уже смеясь, все ей объяснила. Поскольку все ее вещи действительно были у Бориса, она под моим конвоем отправилась к нему домой. Так, как в сказке, они и стали жить вместе.

Впоследствии мы с Зоей Ивановной часто гуляли вместе по улицам Хельсинки. И только много позже я поняла, что зачастую эти прогулки использовались ею и для того, чтобы убедиться, нет ли за нами слежки. Поняв это, я стала уже сознательно помогать ей обнаружить за нами наблюдение и помочь ей с кем-нибудь тайно встретиться.

Люди, которые вели за нами наблюдение, устроили свой наблюдательный пункт прямо против нашего дома, и из окна им было хорошо видно, когда мы выходили на улицу. Поскольку мы с ней почти одного роста, то Зоенька нередко надевала мое пальто и шляпку и уходила из дома, особенно в вечернее время. Иногда мы обе переодевались, то есть менялись одеждой, и обе выходили на улицу, но с небольшими интервалами, я впереди, она сзади.

Часто мы делали так. Не спеша шли по улицам, вместе заходили в магазин, что-то рассматривали, иногда даже покупали какую-нибудь мелочь, а потом шли на выставку или на вернисаж, а там через некоторое время я уходила, а она оставалась, или наоборот, — я продолжала рассматривать картины, а она потихоньку исчезала. Я знала, что, оставаясь, она либо с кем-то встречалась там же на выставке, либо затем тоже уходила, используя другой выход.

Однажды, гуляя таким образом по магазинам, даже я заметила одного мужчину, который неотступно следовал за нами, и на очень небольшом расстоянии, так что мог слышать наши разговоры. Зоенька тоже обратила внимание на этого человека и тихонько шепнула мне: «Смотри, как я его сейчас прогоню». Продолжая осматривать витрины

и прилавки магазина, она около мясного отдела, обращаясь ко мне, но в упор смотря на нашего преследователя, громко сказала: «Хочешь, Надюшка, я тебе шпик покажу?!» — и этот мужчина моментально исчез из магазина.

Помню, часто летом и даже осенью мы выезжали на машине на природу. Иногда это были действительно выезды за город на шашлыки, но в таком случае с нами был Борис Аркадьевич. А когда мы ездили втроем, то это была ее работа. Осипов сидел за рулем, а мы с Зоенькой сзади. Останавливались где-то в лесу, и пока мы с мужем готовили еду, Зоя Ивановна на это время куда-то исчезала. Теперь думаю, что она встречалась с Павлом Судоплатовым, который за два года до ее смерти некоторое время жил у нас на даче в Переделкине.

Глава 11

МАДАМ ТЕРВА ПЯА

В Финляндии мадам Вуолийоки была весьма популярна. В деловых кругах ее называли мадам Терва Пяа (здравомыслящая голова). Талантливый, обаятельный прогрессивный деятель с мировой известностью, она была великим экспериментатором. Разносторонняя предприимчивость в сложных жизненных обстоятельствах, широкая эрудиция характеризовали ее.

Эстонка по национальности, она вышла замуж за финна, и Финляндия стала ее второй родиной. Получив отличное образование в Петербургском университете и в Берлине, она была удостоена звания магистра философии.

На наследство, доставшееся от умершего мужа, Вуолийоки приобрела лесопильный завод и основательно изучила лесопромышленный мировой рынок.

Кризис, разразившийся в 1929 году, разорил ее. На последние деньги она завела на севере сыроваренный завод. Но и он обанкротился. Тогда ее деловой дар перебросился на сельское хозяйство. Купила небольшое имение, наняла рабочих, завела животноводческую ферму, углубилась в сельскохозяйственную науку, и поместье ее приносило немалый доход.

Затем бразды правления она передала в руки компетентного управляющего, а сама засела за письменный стол и принялась писать пьесы, которые быстро обрели известность, шли во многих странах мира. На наших сценах

ставились ее драматические произведения «Женщины Нискавуори», «Каменное гнездо», «Юстина».

Вуолийоки была большим другом Советского Союза, не скрывала своих симпатий к нам. Она и ее единомышленники оказали влияние на мирное разрешение непопулярной «зимней войны», советско-финского конфликта 1939—1940 годов. Активно выступала она против финляндско-германского альянса в 1941 году и возглавила финляндскую «шестерку» горячих сторонников мира.

В бытность в Финляндии мы с мужем подружились с мадам Вуолийоки. Узнав, что мы в Швеции, она в 1942 году приехала в Стокгольм. Ей понадобилось лечить больную печень, и она устроилась в местную больницу Красного Креста. Отсюда позвонила мне домой и просила ее навестить.

Я приехала в больницу с цветами и фруктами, прихватив в сумочке два тоненьких блокнота, на которых можно было писать заостренными палочками. Блокноты были с «секретом». К верхнему краю гладкой деревянной дощечки была прикреплена прозрачная пленка, и на ней четко проступали оттиснутые черные буквы. Но стоило приподнять прозрачный листок, как все написанное исчезало.

Один блокнот я передала мадам Вуолийоки и написала на нем палочкой: «Нас здесь могут подслушивать. Будем переписываться». Меры предосторожности были необходимы. За нашим другом, приехавшей из воюющей Финляндии, шла слежка, и мой визит к ней не мог остаться незамеченным.

Хэлла Эрнестовна хорошо владела русским языком, но говорила с очень милым акцентом, сопровождавшим смешные обороты речи (например: «безработие волноваются», или «я сегодня повесилась — сто тридцать килограммов, майн гот, как много», или «я не могу обходиться без шінка» (ветчины).

Экспериментировала она и над собой, глотала динамит, чтобы похудеть, потеряла тридцать килограммов, но разрушила организм и целый год пролежала в больнице.

Несмотря на свой вес, она была весьма энергичной, подвижной. Приобрела автомашину, которой пользовался царь Николай II во время посещения Финляндии. Ей пришлось купить эту царскую машину не случайно, в любую другую она втискивалась с трудом. Но и тут случился казус. На царскую машину наехал грузовик, произошла авария. У Хэллы Эрнестовны были поломаны ноги, руки,

ребра, как осталась жива — непонятно. Вновь длительное время пробыла в больнице и все же, как птица Феникс из пепла, возвратилась к жизни.

С самой ранней молодости Вуолийоки пользовалась известностью в разных слоях общества. А уж общительность ее рождала легенды. Словно магнитом, она притягивала к себе людей.

Еще в 1917 году к ней в имение по рекомендации друзей явился Джон Рид, молодой американский журналист, который пробирался через европейские воюющие страны в Россию, только что свергнувшую царя.

Вуолийоки помогла Джону материально и зарядила его своим восторгом перед начавшимся великим обновлением России. На обратном пути уже после Октября он снова остановился у Хэллы Эрнестовны и там набрасывал план своей знаменитой книги «10 дней, которые потрясли мир».

Дарование Вуолийоки проявлялось во всем, с чем она сталкивалась. Владея пятью или шестью языками, она переписывалась со многими крупными политическими деятелями, писателями, художниками, деловыми людьми.

...В больнице я пробыла у нее часа три. Нас, безусловно, прослушивали. Заходила то одна сестра, то другая, спрашивали: «Не угодно ли чего?» Кто-то открывал дверь и заглядывал: уже который час мы общались молча.

В своем блокноте Хэлла Эрнестовна подробно описала (все той же волшебной палочкой) положение в Финляндии, взрыв антисоветской кампании, охватившей страну. Силы оппозиции, которые стоят за выход Финляндии из войны, поясняла она, не имеют пока значительного числа сочувствующих, но в их рядах есть весьма авторитетные трезвые головы, понимающие, что поражение фашистской Германии неизбежно и что Финляндия должна как можно раньше выйти из этой бойни.

«Кто же возглавит оппозицию? Кто стоит за нею?» — спрашиваю я кончиком палочки в своем блокноте.

Хэлла Эрнестовна чертит:

«Паасикиви. Левые социал-демократы, депутат сейма Кай Сундстрем, журналистки Мирьям Рюдберг и Сюльви-Кюлики Кильпи. Поэтесса Синерво. Врач Маури Рюэмя. Это влиятельные люди. Ну, и без меня дело, конечно, не обходится, хотя я почти безвыездно живу у себя в имении. Круглый год. В городе бываю редко, я боюсь бомбежек, а на мое имение русские сбрасывать бомбы, надеюсь, не будут».

Палочка быстро бежала по прозрачному листку, и я успевала прочитать написанное, пока легким щелчком не отрывала пленку и все исчезало. Высказанное ею было для нас необычайно важно.

В то свидание я передала мадам Вуолийоки книгу шведского классика Стриндберга «Виттенбергский соловей» («Näkterojalen i Wittenberg») и написала, что по этой книге мы будем переписываться тайнописью.

«Ключ к ней вы найдете на странице 6 этой книги. Запомнить легко, цифра «6» — месяц и год вашего рождения».

Хэлла Эрнестовна все понимала с полуслова.

— Хорошо, используем конспирацию... Ах, какой вкусный виноград! — воскликнула она, увидев вошедшую медсестру, и угостила ее ягодами.

Я распрощалась и ушла домой.

Через пару месяцев мы получили от Хэллы сообщение: «В связи с тяжелым положением на советском фронте гитлеровское командование требует все больших поставок солдат на фронт». Послание завершала фраза: «Я верю в победу!» Письмо было закамуфлировано ключом, взятым с 6-й страницы романа Стриндберга.

Прошло еще несколько тяжелых месяцев. Однажды мне принесли домой корзину с цветами, и в ней вместо визитной карточки в конверте была записка на английском языке: «Я здесь проездом, навещу вас завтра утром. Мэри».

Мы с Кином поняли, что это та самая Мэри, кузина Хэллы Эрнестовны, которая и раньше жила в Финляндии, вышла замуж за англичанина и сейчас возвращается домой в Лондон. В свое время мы с Кином встречались с Мэри в Хельсинки.

Утром Борис Аркадьевич ушел на работу, а я осталась ждать Мэри. Она привезла горестную весть. Хэлла Эрнестовна арестована, находится в тюрьме. Дело в том, что Вуолийоки приняла у себя в имении советскую парашютистку-разведчицу. Среди рабочих в имении был агент финской охраны. Он донес своему начальству о появлении у Вуолийоки подозрительной женщины, которая так же внезапно исчезла. Весной в лесу, когда растаял снег, был найден парашют. Советская разведчица была обнаружена в Хельсинки во время работы на радиостанции и арестована. Газеты сообщали, что она в тюрьме и психически больна.

Хэлле Эрнестовне грозит пожизненное заключение, а учитывая чрезвычайное военное положение, не исключена и смертная казнь.

Мэри спешит сейчас в Лондон, чтобы организовать кампанию в защиту Вуолийоки.

— Прогрессивные люди мира откликнутся, защитят Хэллу от расправы,— уверенно заключила Мэри.

Вскоре писатели и ученые подняли голос в защиту мадам Вуолийоки, негибавшей Терва Пяа, и суд вынужден был под давлением общественности заменить ей смертную казнь пожизненным заключением.

Хэлла Эрнестовна осталась верна себе. В тюрьме она написала две части автобиографической трилогии, свято веря в победу СССР над фашизмом и в силы демократической Финляндии.

После подписания перемирия с Финляндией в сентябре 1944 года Хэлла Вуолийоки новым демократическим правительством была назначена председателем радиокомитета страны, но вскоре оставила эту должность и уехала в свое имение, написала третью часть биографии «Я не была заключенной».

Умерла бесстрашная Терва Пяа в 1954 году. Но ее книгам, пьесам суждена долгая жизнь, в народе сохраняется о ней благодарная память.

ИЗ АРХИВА З. И. ВОСКРЕСЕНСКОЙ

В личном архиве Зои Ивановны об этом эпизоде есть запись под названием «Корзина с цветами», которая раскрывает любопытные подробности приезда Мэри в Швецию.

«В 1942 году наш агент Поэт из Финляндии прислал к нам в Стокгольм в качестве связника для передачи информации свою родственницу, работницу Международного Красного Креста Мэри Д. Связь эта заранее обусловлена не была. Мэри приехала в Стокгольм, зашла в цветочный магазин и послала мне на квартиру корзину с цветами. В карточке, которая была приложена к цветам, стояла подпись — Мэри. Я с ней была знакома по Финляндии и догадалась, что это именно она.

В назначенный день утром муж ушел на работу, а я сказалась больной и осталась дома. Приходит Мэри. Я провела ее в самую дальнюю комнату, в спальню. Там она сняла шубу и не мешкая стала шепотом излагать информацию, которую ей поручил передать Поэт.

Я делала краткие заметки в блокноте. Вдруг раздался звонок в дверь. Я решила не открывать. Звонили все настойчивее. Мы притаились. Затем кто-то стал возиться с дверным замком. Я накинула поверх платья халат и вышла в переднюю.

Дверь открылась, и в переднюю вошли трое: швейцар дама и с нею двое неизвестных мужчин в штатском. Я возмущенно спросила, что все это значит, как смеют врываться в квартиру дипломата (муж был советником посольства, я — пресс-атташе), да еще открывать дверь своим ключом.

Один из мужчин оглядел вешалку, видимо, хотел проверить — висит ли очень приметная шуба Мэри. Но шуба была в спальне. Тогда второй сказал, что они из санинспекции и пришли проверить — не завелись ли в даме клопы и тараканы. В договоре на наем квартиры действительно был пункт, в котором говорилось, что квартиросъемщик обязан беспрепятственно предоставлять санинспекции квартиру для проверки — не завелись ли клопы и тараканы. Но это означало тщательный обыск всей квартиры, когда отодвигалась мебель, переворачивались постели, снимались картины.

Я потребовала немедленно оставить мою квартиру и сказала, что позволю мадам Коллонтай и в министерство иностранных дел с жалобой на нарушение экстерриториальности квартиры дипломата. Спросила, откуда у них ключ от квартиры. Мне объяснили, что у швейцара от всех квартир имеются ключи и что такой порядок заведен во всем городе.

— Но это не дает вам права без разрешения входить в квартиру дипломата! — Я выставила их и заперла дверь.

Цепочки на дверях не полагалось, и по договору мы не имели права без ведома хозяина дома, с которым заключили договор на наем квартиры, делать какие бы то ни было доделки, не могли даже лишней вешалки повесить.

Как быть дальше? У Мэри был английский паспорт... Задержать ее полиция едва ли могла бы. Шведы с большим уважением относились тогда к англичанам. Но все же такая возможность не была исключена. Мы вытряхнули сумку Мэри, проверили все ее содержимое, вырвали из ее блокнота условные записи. Но как она должна объяснить посещение этого дома? Решили, что в случае задержания она скажет, что искала представителя шведского Красного Креста и что ей дали неправильный адрес. Она обошла, мол, несколько квартир в этом доме, и везде ей отвечали, что такого человека здесь нет. Что никакой корзины с цветами она не посылала. В общем — все отрицать.

Было ясно, что за домом и за нашей квартирой установлено наблюдение. Выше нас этажом жила семья другого советника нашего посольства М. Ветрова. Его жена с детьми была дама. Ветровы — муж и жена — знали о нашей роли в посольстве и помогали нам в работе.

Я сказала Мэри, чтобы она пошла в квартиру Ветровых, сказала бы, что прислала ее я, и просила бы посидеть там несколько часов. Я вышла на лестничную площадку — было пусто. Мэри прощмыгнула на другой этаж в квартиру Ветровых. Жена Ветрова была сообразительной женщиной, ни о чем не расспрашивая, провела Мэри в одну из комнат и оставила там.

Я позвонила мужу и, зная, что телефон прослушивается, в очень нервном тоне стала рассказывать, что в квартиру вломились какие-то подозрительные типы, наверное воры, что я насмерть перепугана и прошу немедленно приехать домой, потому что очень плохо себя чувствую. Он сказал, что доложит о случившемся послу и придет за мной.

Муж приехал. Мы сели в машину, а у дома заметили наружное наблюдение и за углом еще одну машину, принадлежавшую, по всей видимости, полиции. Поехали в посольство. Машина из-за угла тоже двинулась за нами. Ветрова мы отпустили домой, поручив ему, когда стемнеет, выпустить его незваную гостью.

Как потом выяснилось, за Мэри все же топали, но не задержали, и она беспрепятственно через несколько дней улетела в Англию».

Глава 12

ОСТРЕЕ ДЕТЕКТИВА

Сочельник — канун Рождества — в Швеции, как и в других европейских странах, самый торжественный праздник. В сочельник не ходят в гости, все собираются дома: Окна ярко освещены, и шторы раздвинуты. Видно, как на другой стороне улицы люди хлопочут вокруг елки, сервируют столы: традиционные шинке, капуста, колбасы и, конечно, всякие сладости.

В большом зале посольства собралась советская колония. Одной семьей. Рядом в столовой дети, для них приготовлены лакомства.

Я увлекла мужа в курилку, чтобы иметь возможность выкурить сигарету. А Борис Аркадьевич, который за всю свою жизнь не выкурил ни одной, подошел к окну. Улицы были пусты. В ярком свете фонарей сверкали снежинки и, как бертолетова соль, украшали голые ветви деревьев и стены домов.

— Ни одной машины, ни одного велосипедиста. — Борис Аркадьевич вглядывался в поблескивающую темноту. — Я шел сюда мимо генерального штаба, там светится

одно-единственное окно, наверное, в кабинете дежурного. В такую ночь гитлеровцам ничего не стоит оккупировать Швецию... Ну, пойдем в зал, там что-то зашумели.

В зале действительно было оживленно. Возгласы, приветствия. Все окружили гостя — Мартина Андерсена-Нексе. Да, это он, знаменитый датчанин, автор знакомых всем нам романов «Пелле-завоеватель», «Дитте — дитя человеческое»... Я увидела среднего роста, плечистого человека лет за семьдесят, пышноволосого, седого, с высоким выпуклым лбом. К нему обратилась Александра Михайловна:

— Дорогой Мартин, как я рада, что ты сегодня пришел к нам. Благодарю тебя.

— Я пришел к себе домой. Сочельник — праздник семейный, а моя семья здесь. Я с вами всеми, и я привел с собой свою семью. — Он представил жену. — Прошу любить и жаловать. — Взял ее под левую руку и поцеловал в щеку. — Очень горжусь тем, что здесь и мой младший сын, не подумайте, что это мой правнук. — Он погладил по голове мальчика лет десяти, и тот вскинул на него такие же синие, как у отца, глаза.

Когда застолье близилось к концу и взрослые увлеклись игрой с детьми вокруг елки, я улучила момент и подошла к писателю. Сказала, что я его давняя читательница и поклонница и сейчас, как пресс-атташе посольства, хотела бы получить у него интервью.

— Охотно, охотно, — согласился он и поведал историю, происшедшую с ним несколько дней назад.

— Как вы знаете, я коммунист, моя родная Дания оккупирована гитлеровцами, в их лапах оказался и я. У меня большое сердце, и мне хотелось, чтобы оно поскорее перестало биться. Я сидел в холодной камере и простудился. Наши датские врачи, которых гитлеровцы заставляли работать, диагностировали воспаление легких и настояли на переводе меня в госпиталь. Я лежал и мысленно писал трилогию о Мартине Красном, но не имел возможности изобразить это на бумаге. Мне не разрешили пользоваться моим оружием — пером и бумагой. А я задумал большую работу. Я пишу реальную жизнь и презираю писателя, выкидывающего самое головокружительное сальто-мортале под куполом храма искусств. Мне всегда хотелось согреть простое человеческое сердце или осушить хотя бы одну слезу отчаяния и безнадежности...

Он приложил платок ко рту, чтобы отдышаться.

— Понимаете, искусство для искусства никогда не вла-

дело моим сердцем. Я предпочитал выпекать для своих собратьев чистый ржаной хлеб, а не кондитерские изделия.

— Как вы попали сюда, как вам удалось выбраться?

— О, это было детективное приключение... Я лежу в палате, задыхаясь от кашля, и вдруг поздно вечером появляются четыре эсэсовца в своей черной форме и говорят, что меня везут на допрос к самому Гиммлеру. Датские врачи запротестовали: «Вы не довезете его до Берлина. Он очень болен. Умрет по дороге». — «Небось не помрет, он красный, а все покойники белые или черные». Меня закутали в несколько одеял, перевязали веревками и понесли. Швейцар в госпитале, увидев меня, всплеснул руками: «Прощай, Мартин, не поминай нас лихом на том свете». «Schattapl!» («Заткнись!») — гаркнул один из эсэсовцев. Меня втиснули в машину, и, когда она тронулась, сидевший рядом эсэсовец, не стесняясь других, неожиданно вымолвил: «Дорогой Мартин, мы — коммунисты, а не нацисты. Мы долго готовились к этой операции, мы увозим тебя в Швецию. Шведские товарищи разминировали проход в проливе». Трудно было мне поверить этим словам. Я сомневался. Думаю, провокация. Хотят выведать у меня адреса моих друзей-коммунистов. Меня погрузили в лодку, мы немало времени шли по проливу, пока не пристали к берегу. Где это было, я понять не мог. Наконец меня внесли в дом рыбака-шведа. Он был необычайно радушен, сказал, что я на шведской земле, в безопасности. Обнял меня, дал чашку ячменного кофе, спросил, куда собираюсь дальше. Я поблагодарил его. «Конечно, к Коллонтай, моему старому другу». — «Тогда я подарю тебе свой праздничный костюм». — «Нет, нет, — ответил я. — Дай мне какую-нибудь старую рыбацкую робу и непромокаемые сапоги». Вот в таком виде я и появился сюда. Коллонтай сначала не узнала меня, встретила холодным взглядом. Но когда я сказал ей: «Александра, это я, Мартин, я прибыл из гитлеровской тюрьмы, чтобы выпить у тебя чашечку экта кофе (настоящего кофе)», она распахнула объятия: «Мартин, это ты, дитя человеческое». А я ей в ответ: «Что ты, Александра! Я теперь не дитя человеческое и не Пелле-завоеватель, а Мартин Красный...» Из Копенгагена приехали моя жена и младший сын, и вот мы здесь. Какое счастье! Теперь продолжу трилогию о Мартине Красном, моем любимом герое...

На всю жизнь запомнилось это исповедальное ин-

тервью Мартина Андерсена-Нексе, данное мне, пресс-атташе советского посольства, в Сочельник 1942 года в Стокгольме. История поострее любого детектива, но закончившаяся благополучно благодаря мужеству датских подпольщиков-антифашистов.

Взявшись за руки, мы примкнули к хороводу вокруг елки, а Борис Аркадьевич объявился в моей шубе с наклеенными белой бородой и усами и стал раздавать детям подарки, которые заблаговременно и в изобилии заготовил.

НАША СПРАВКА

АНДЕРСЕН-НЕКСЕ Мартин, настоящая фамилия Андерсен, псевдоним Нексе (1869—1954), писатель, видный представитель литературы социалистического реализма, заложил основы реалистической датской литературы. Член Коммунистической партии Дании с 1919 года.

Мартин Андерсен-Нексе автор таких известных романов, как «Пелле-завоеватель» и «Дитте — дитя человеческое». Его перу также принадлежат «В железном веке», «Кротовы кочки», «Черные птицы», «К свету», историческая трилогия биографического характера «Мартин Красный», «Потерянное поколение» и «Жанетта», сборник очерков и рассказов «Солнечные дни», публицистическая книга «Навстречу молодому дню», драма «Люди с Дангорда» и две пьесы «На рассвете» и «Два мира».

Глава 13

КТО ЕСТЬ КТО

Наша дружба с профессором Шайковичем началась еще в Финляндии. Незадолго до войны он перебрался с женой и дочкой в Швецию, получил кафедру в старинном Упсальском университете, основанном еще в XV веке. Шайкович — высокообразованный человек, в свое время окончил Петербургский университет. Происходил он из старинной сербской семьи, но всю свою жизнь связал с Россией. Дружил с Горьким, Марией Федоровной Андреевой, Репиным, Бурениным; его первой женой была дочь художника Шишкина, рано умершая. Второй брак был тоже с незаурядной женщиной из русской дворянской семьи. Полиглот, она владела, помимо европейских язы-

ков, древнееврейским ивритом и современным идиш.

Шайкович мастерски рассказывал всяческие житейские истории, происходившие с ним. В 1905 году ехали они с Горьким из Финляндии в Петербург. На границе в вагон зашел таможенный чиновник и спросил: «Что везете недозволенного, господа?» На что Горький весело ответил: «Везем русскую революцию». Таможенник опешил.

Профессор был гурманом и сам любил готовить сербские национальные кушанья. При этом он вспоминал какие-то экстра-блюда у Репина. Известно, что Илья Ефимович был вегетарианцем, мяса, рыбы и прочей живности не ел. Но, по словам Шайковича, Репин был не только живописцем, но и куланирным скульптором и из всяких каш мог подать на блюде роскошную перепелку или пороссячью голову из овощей...

Шайкович ревностно служил делу прогресса, без колебаний перешел на сторону Октябрьской революции, близко к сердцу принимал все перипетии в истории нашей страны.

Одним из первых он просигналил нам в 1941 году о концентрации немецко-фашистских войск в Финляндии. Сообщил, что немцы прибывают туда в гражданской одежде. Его наблюдения подтверждали добываемые нами разведывательные сведения: Финляндия готовится выступить на стороне Германии. Живя в Швеции, он поддерживал старые связи с финской профессурой, имея информацию «из первых рук». Через родственников, своих и жены, он располагал данными о положении в оккупированной Югославии.

Другим нашим помощником, выполнявшим эпизодические задания, стала американская журналистка Аннетта, работавшая в те дни в Стокгольме. Она была нашим верным союзником, статьи и заметки, которые помещала в своем журнале, отличались и оперативностью и достоверностью. Я установила с ней дружеские отношения. Помню, что Центр, выполняя просьбу ЦК партии, поручил нам найти в Швеции человека, желательно американца, через которого можно было бы пересылать деньги Розе Тельман, жене Эрнста Тельмана, находившейся в Германии в тяжелейшем положении. После прихода гитлеровцев к власти она была без всяких средств к существованию. Аннетта охотно выполнила это поручение. Во всей своей деятельности она была надежным человеком.

Круг нашей работы расширялся. Мы работали по шестнадцать — восемнадцать часов в сутки и справиться с таким объемом не могли (днем обязанности по посольству, вечерами — наша служба). Осложняло жизнь и то, что мы постоянно находились под наружным наблюдением. Чтобы ввести в заблуждение охранку, установили режим выезда за город. Ежедневно в определенные часы тянули за собой «хвост». «Мол, они каждый день выезжают кататься на лыжах, на подкурах (сани) — зимой, на велосипедах и на автомашине — летом».

Мы сами занимались шифровальной работой, печатали «почту» на пишущей машинке, фотографировали документы, писали тайнописью, стряпали и сооружали тайники. Мне было запрещено иметь домработницу, поэтому уборкой занималась сама. Приходилось иногда готовить кушанья для дипломатических посольских приемов, и после ухода гостей порой обнаруживала на кухне чаевые «для повара».

Мы запросили Центр прислать шифровальщика с женой-машинисткой. Вот об этой супружеской паре и пойдет дальше речь.

...Это был «дитя своего времени». В 20-е годы мальчишка потерял родителей, стал беспризорником. Пристроился в воровскую шайку «форточником» — так он сам говорил о себе. Фамилии своей не знал, и его записали «Пролетарский». Пролетарский и стало его паспортной фамилией.

Из разговора с ним выяснилось, что он был в колонии правонарушителей. Слыл «стукачом», за сообразительность был взят в органы. Окончил школу НКВД и при распределении приглянулся начальнику шифровального отдела.

Он всячески старался оправдать свою фамилию, обладал даром речи, особенно когда кого-либо или что-либо обличал.

Так случилось, что Пролетарский под именем Петрова был послан к нам на работу шифровальщиком. Но теперь этот бывший «форточник» с трудом пролез бы и в окно. Плотнo скроенный, среднего роста, темноволосый, неторопливый, он был самоуверен и самодоволен.

Кин предложил мне ввести эту пару — Пролетарского и его жену — в курс дела, рассказать им о местных обычаях, о правилах поведения, показать город, магазины, вечерами передавать «хозяйство». Им дали комнату для жилья рядом с «шифровалкой».

И вот мы идем по городу. Жена много моложе его, вертлявая, жеманная, просит пойти в магазин, чтобы «приодеться», хотя оба были экипированы в Москве вполне прилично. Повела их в универмаг «ПУБ» в центре Стокгольма. Перед витриной оба остановились и ахнули — их поразило изобилие товаров. «Вот это да! — воскликнул он. — Давайте зайдем». И оба кинулись к прилавкам с лихорадочно горящими глазами. Она набирала все подряд. «Обождь, надо сперва рассчитать, давай приглядывайся пока и не забывай, что там у нас война, кровь льется, а мы тут безделицы перебираем. О фронте думать надо», — произнес он старательно рассчитанным голосом, а у самого глаза рысью бегают; полки обшаривают.

В это время продавщица распаковывала коробки и раскладывала по прилавку наборы ножей, вилок и чайных ложечек. «Это что, серебряные?» — спросил он у меня. Продавщица подтвердила, серебряные. «Заверните всего по полдюжины». Я перевела, помогла ему расплатиться в кассе. Его жена взяла покупку, но он выхватил из ее рук. «Зазеваешься, у тебя и слямзят. Дай-ка я понесу».

По дороге домой он все время оправдывался: «Хоть и война, но мы люди культурные, я, например, без ножа и вилки обедать не могу, просто есть не стану... А вот когда ем, все думаю, как там на фронте. Я бы добровольцем пошел, да знаю, начальство не пустит. А если бы и пустили, так все равно в штаб засадят, а здесь тоже ведь штаб, да еще какой...»

Вечером я рассказала Кину о своих впечатлениях.

— Я еще никогда не видела такого азарта и такой страсти к приобретению. Но самое неприятное то, что вся их возня сопровождалась какими-то фальшивыми патетическими возгласами... Впрочем, может быть, я ошибаюсь, на такую должность знают, кого отбирают.

Кин ответил как-то неопределенно:

— Поглядим, поглядим...

В работу Пролетарский и его жена включились нормально.

Однажды утром зашла к ним в комнату, предварительно постучав, требовалось отправить срочную шифровку. То, что я увидела, меня поразило. Они завтракали. На засаленной бумаге была нарезана дешевая колбаса, ломти хлеба лежали на голом столе, рядом казенные стаканы с чаем без блюдец, хотя на днях они говорили, что приобрели сервиз. Ножей, вилок, чайных ложек видно не было.

Канцелярский стол, весь в чернильных пятнах, скатертью покрыт не был.

— Что это вы так по-студенчески?

— Мы патриоты, на фронте знаете, как едят. Вот и мы по-скромному, не так как некоторые,— с ударением произнес он.

Я поняла намек. С детства я была приучена мамой красиво накрывать на стол, и супруги Петровы это видели.

Прошло еще несколько месяцев. И вот однажды утром Петров передает Кину закрытое письмо с сургучной печатью и просит направить диппочтой в Москву.

— Что за письмо? — осведомился Кин.

— Это мой секрет.

— Но не от меня.

Кин взял ножницы, вскрыл пакет и, прочитав, помрачнел.

— Это гнусный донос на честного человека. Вы знаете, что он наш работник, офицер, жена его педагог, преподает здесь в школе, у них двое детей. И вы занимаетесь таким подлым делом. Подсчитали, сколько за месяц они съели мяса, хлеба, что купили для ребят.

— А шуба, шуба,— прервал Кина Петров.— Знаете, сколько она стоит? Наверно, тыщи. А откуда у него такие деньги? Не иначе как от английской разведки.

— Почему вы решили — от английской?

— Так он же английский изучает.

Кин бросил письмо в камин и поджег его.

По совместительству с работой шифровальщика Пролетарский ведал кассой резидентуры. Мы получали у него деньги, давали расписки, затем заменяли их документами о понесенных расходах, чеками из магазинов или почтовыми квитанциями. Свои же расписки забирали обратно и тут же уничтожали.

Как-то я получила у Петрова крупную сумму и спустя некоторое время передала ему квитанцию почтового перевода и отчет о других расходах. Расписку попросила вернуть. Он в это время собирался сжечь собранные у сотрудников черновые документы. Бросил в камин и мою расписку в ворох бумаг и поднес зажженную спичку.

Я ушла.

Месяц-два спустя он напомнил мне, что за мной «есть должок, и немалый». Я удивилась, тем более что речь шла о крупной сумме, за которую я отчиталась.

— Я вам передала квитанцию на денежный перевод и отчет о расходах.

— Совершенно верно. Расписку я вам вернул, и вы ее при мне уничтожили. Но ведь это совсем другая сумма...

Я была ошеломлена. Можно забыть расход на какую-то мелочь, на несколько крон, но речь шла об огромной сумме — о трехстах кронах.

Я стала мучительно вспоминать все свои расходы. Гнала от себя мысль, что он мог эти деньги присвоить.

Получив зарплату, я тотчас внесла названную сумму в кассу резидентуры и все ждала, что Петров «вспомнит» и вернет мне мою расписку...

Самое страшное произошло много времени спустя. Уже в 1944 году, когда я сдавала дела резидентуры и готовилась первым же самолетом вылететь из Стокгольма в Лондон и затем в Москву, Петров предъявил моему преемнику якобы непогашенную мною долговую расписку. Вот в эту минуту я поняла всю меру падения этого человека. Он просто присвоил возвращенные мною деньги. И не только мои. Он систематически обворовывал товарищей по резидентуре. Пьянство, разгул — его стихия.

Я сделала все, что могла, дабы погасить предъявленную мне сумму. В акте о сдаче дел внесла постскрипту: «В свое время я полностью отчиталась в полученных деньгах, расписку при мне, как всегда, Петров бросил в камин, но, оказывается, он расписку не сжег, а деньги присвоил».

По приезде в Москву я написала по этому поводу рапорт, указала, что этому человеку доверять нельзя и его надо немедленно отозвать. Но руководство решило запросить о нем нового резидента и получило ответ, что «Петров его вполне устраивает и он ему доверяет», а у Ирины (моя кличка), мол, с Петровым не сложились отношения.

После окончания войны Петров вернулся в Москву, его повысили в должности и через несколько лет вместе с женой вновь направили за рубеж. В Австралии он захватил кассу посольства и резидентуры и стал невозвращенцем «по политическим мотивам». Как выяснилось, его завербовала австралийская разведка. В Австралии он и умер в июне 1991 года.

Уже в наши дни, а именно 15 сентября 1991 года, в газете «Московские новости» появилась корреспонденция из Мельбурна обозревателя газеты «Эйдж» Виталия Витальева, которую, полагаю, уместно здесь привести.

Называется корреспонденция «Шпион, который умер в богадельне». Вот ее текст:

«Это были странные похороны: ни безутешных родственников, ни внезапно попритихших детишек, ни даже традиционной вдовы с заплаканными глазами. Покойного провожала в последний путь лишь небольшая группа мужчин в черных костюмах, в основном сотрудники австралийской секретной службы АЗИО...

Владимир Петров умер в одном из мельбурнских приютов для престарелых в возрасте 84 лет. За 17 лет, проведенных в приюте, его всего лишь несколько раз навестила жена Евдокия. Но формально навещала она не Владимира Петрова, а Свена Эллисона. Именно под этим именем Петров жил в Австралии с тех достопамятных дней 1954 года, когда и произошли события, сделавшие его имя чуть ли не нарицательным.

Кстати, Владимир Петров, так же как и Свен Эллисон, не являлось истинным именем умершего в Мельбурне русского старика. Человек, выдававший себя за Петрова, родился 15 февраля 1907 года в маленькой сибирской деревушке и получил имя Афанасия Шорохова. В 1923 году он вступает в комсомол и одновременно меняет свою фамилию — нет, пока еще не на Петрова, а на Пролетарского, дабы подчеркнуть свой революционный пыл.

В 1927 году Шорохов — Пролетарский становится большевиком и после непродолжительной службы на флоте зачисляется в ОГПУ, где получает должность шифровальщика. В 1937 году он впервые попадает за рубеж, на юго-запад Китая, где НКВД готовил большевистский переворот. За хорошую службу он получает орден Красной Звезды. В Китае он женится на своей коллеге, молодой шифровальщице Дусе, и уже вместе шифровальная чета едет в 1942 году в Стокгольм, в советское посольство под именем Владимира и Евдокии Петровых.

В Швеции Петров занимался слежкой за русскими эмигрантами, однако основной его функцией было шпионить за послом Советского Союза Александрой Коллонтай. Евдокия Петровна тоже не теряла времени даром и пыталась завербовать собственного преподавателя шведского языка, однако безуспешно.

Через несколько лет чета получает новое назначение — в Австралию. В канберрском посольстве Петров был в должностях третьего секретаря, консула и атташе по культурным вопросам одновременно. Однако главной его обязанностью, как и раньше, оставался шпионаж.

В июле 1951 года АЗИО — австралийская разведка —

заинтересовалась Петровым. К нему прикрепили внештатного агента по имени Майкл Бялогуски, музыканта, поляка по происхождению. Петров и Бялогуски становятся завсегдатаями канберрских пивных, ресторанов и ночных клубов.

Все чаще и чаще в присутствии Бялогуски Петров поругивает своих коллег по посольству и самого посла Генералова, из чего делается вывод: Петров готов стать перебежчиком. В 1954 году за 5 тысяч фунтов стерлингов он согласился предоставить АЗИО информацию о советских агентах в Австралии и некоторых других странах, но с условием: после этого ему будет предоставлено политическое убежище.

Условие было принято, и 2 апреля 1954 года Петров официально становится невозвращенцем. Интересно, что его жена Евдокия не имела ни малейшего представления о его планах.

Откровения Петрова произвели в Австралии и во всем западном мире эффект разорвавшейся бомбы. Мало кто представлял себе истинные размеры советской шпионской сети. Это был мощный удар по лейбористскому движению, которое в представлении многих ассоциировалось тогда с коммунизмом и Россией.

Но вернемся к Петровым. 20 апреля 1954 года дипкурьеры, они же агенты МГБ, предпринимают попытку насильно вывезти Евдокию Петрову из Австралии в СССР¹. Информация об этом просочилась в австралийскую прессу, и на аэродроме в Сиднее состоялась демонстрация протеста. Но Евдокию затолкали в самолет, который взял курс на Москву.

Присутствовавший в аэропорту член парламента Билл Уинворт заявил премьер-министру Австралии Мензису, что Евдокию Петрову, по-видимому, увозят против ее воли. Мензис приказал посадить самолет в Дарвине.

В Дарвине она сказала ожидавшим поодаль гебистам: «Вы свободны... Я остаюсь...» На самом-то деле все бы-

¹ Это утверждение автора корреспонденции неправдоподобно. Такое поручение дипкурьеры не могли выполнять, так как у них существуют свои очень важные и неизменно определенные функции. Дипломатические курьеры везут дипломатическую почту (пакеты, чемоданы и мешки-вализы), которую они не выпускают из рук и отвечают за нее жизнью.

По другим данным, Евдокию отбивала австралийская полиция, действовавшая по просьбе Петрова.— З. В.

ло как раз наоборот: свободной становилась Евдокия.

Свобода эта оказалась, впрочем, весьма относительной. Всю оставшуюся жизнь Петровым суждено было провести под чужими именами и под охраной. Никто не знал, где они жили, никто не ведал, что под видом больного старого шведа Свена Эллисона скрывался один из самых известных перебежчиков двадцатого столетия. Информация о месте пребывания Петровых до недавнего времени считалась в Австралии государственной тайной, и на сей счет существовал особый декрет. Тем не менее австралийский автор Роберт Манн в 1981 году издал подробное исследование «Дело Петрова».

До конца своих дней Петров жил в постоянном страхе, опасаясь возмездия.

Как верно заметила одна из мельбурнских газет, перебежав из сталинской России на Запад, Петров всего лишь изменил географию своего страха».

Вспоминаю эту мерзкую историю и с горечью думаю: в нашей службе такие ЧП стали появляться все чаще...

ИЗ АРХИВА З. И. ВОСКРЕСЕНСКОЙ

В личном архиве З. И. Воскресенской есть запись, озаглавленная «Предатели», — об известной уже читателю истории с четой Петровых. Эта история постоянно волновала Зою Ивановну по двум причинам, во-первых, потому, что она никак не могла понять истоки предательства у людей, имевших действительно пролетарское происхождение. И, во-вторых, ее очень обидело то, что другие, в том числе ее руководство в Центре, какое-то время, а точнее говоря, до самого момента предательства больше верили Петрову, чем ей, во всяком случае, сомневались в ее честности и правоте.

«М. Горький где-то писал, что если предателя сравнить с тифозной вошью, то последняя обиделась бы». Я часто думаю о том, как он, предатель, о котором поведу речь, бывший беспризорник, затем комсомолец, затем получивший партийный билет, присвоивший себе фамилию Пролетарский, и она, Дуся, его жена, дочь рабочего, комсомолка, принятая в партию, стали на путь предательства. С чего это началось? Когда? Как дошли они до жизни такой? Что мы, работавшие рядом с ними, проглядели? Ведь родились они оба не предателями, а стали ими. Как? Когда?

Приехали они в Стокгольм в 1942 году, проделав от Москвы в Швецию почти кругосветное путешествие. В Атлантике их корабль был торпедирован, их спасли. Оба были командированы для работы в стокгольмской резидентуре под фамилией Петровы. Он — шифровальщик, кассир и пом. резидента по совколонии, она в качестве шифровальщицы.

...На собраниях Петров выступал с ура-победными речами, то громял «нытиков», то отчитывал кого-то за то, что тот вздумал справлять день рождения своего ребенка, где даже «отплясывали» и пели песни, когда идет кровопролитная война. Требовал немедленно откомандировать в Москву сотрудника военного атташе, узнав, что у него какие-то родственники остались на оккупированной территории и что немцы обязательно используют их для вербовки этого сотрудника. Кин старался втолковать Петрову его функции, пытался умирить его чрезмерное рвение и подозрительность, что создавало нервную обстановку в колонии. Петров злорадствовал по поводу «Красной капеллы», пытался даже возражать против посылки в Центр телеграммы с просьбой отменить приказ о посылке Директора на связь с двойником. После отзыва Кина в Москву он обратил пристальное внимание на меня...

Однажды я получила из Москвы запрос по делу, которое вел Кин. Меня удивило, что по этому вопросу запрашивали меня, а не Кина, который находится в Москве (я не знала, что он в это время был на Кавказе). Петров из этого запроса сделал вывод, что Кина репрессировали, и все чаще стал намекать на то, что Кина пустили в «расход» за провал «Красной капеллы». Я поняла, что Петров прохвост. Он стал все чаще выпивать. Меня это встревожило: шифровальщик, имеет в своем распоряжении большие деньги резидентуры, может натворить беды. Хотела послать в Москву телеграмму, но Петров отказался дать мне шифры, очевидно поняв, что я могу послать шифровку о его поведении. Связаться с Москвой через посольского шифровальщика, а стало быть МИД, я считала себя не вправе. Диппочта тогда ходила чрезвычайно редко. Я ждала нового резидента. Приехал Роцин. Я рассказала ему о поведении Петрова, заявив, что я ему не верю. Стала сдавать дела...

...По приезде в Москву я доложила обо всем начальнику шифроуправления Шевелеву и своему начальнику Агаянцу. Шевелев сказал мне, что Петров все время на меня «капал». Агаянц решил, что у нас просто сложились нездоровые отношения с Петровым — Пролетарским. Как я узнала позже, Петров однажды напился пьяным и шведская полиция подобрала его в какой-то канаве и доставила в посольство. В карманах у Петрова были ключи от сейфов и печать. И все же он продолжал оставаться в резидентуре. Когда он вернулся в Москву, я не подала ему руки. Он был назначен начальником отделения Комитета информации по совколонии.

Прошло несколько лет. Петрова снова посылали куда-то за границу.

В 1955 году я работала в Воркуте. Как-то раскрываю газету «Правда». Читаю сообщение ТАСС о разрыве дипломатических отношений с Австралией. Оказывается, сотрудник посольства (понимаю, что работник резидентуры) Петров, захватив казенные деньги, стал предателем, не-возвращенцем, продался иностранной разведке, а его жена, которая якобы пожелала вернуться в Москву (чему я не верю, так как она была также корыстолюбива и полностью находилась под влиянием и властью Петрова), была отбита австралийской полицией, насильно вытаскана из самолета. Правительство Австралии отказалось выдать Петрова, обворовавшего посольство. За этот недружелюбный акт советское правительство порвало дипломатические отношения с Австралией.

Читая это потрясшее меня сообщение, я вспомнила вдруг горящие алчностью и вожделием глаза обоих Петровых перед витриной универсального магазина в Стокгольме, украденные Петровым у меня деньги, страсть к накопительству, к приобретению дорогих вещей, вспомнила, как Петров после приемов в посольстве ходил и собирал недопитые бутылки вина и коньяка, его пристрастие к выпивке, его демагогические речи на партсобраниях, его «архидбительность», его кичливость своим пролетарским происхождением (вернее — люмпенпролетарским), голодным детством и прочее, прочее».

НАША СПРАВКА

В архиве Службы внешней разведки Российской Федерации хранится дело на Зою Ивановну Рыбкину под псевдонимом Ирина за № 24267. Это дело, в котором более двухсот пятидесяти страниц, состоит из различной переписки резидентур в тех странах, в которых Зоя Ивановна работала, и Центра. Большая часть, причем значительно большая, представляет из себя письма-кляузы Петрова на Зою Ивановну и ее мужа Бориса Аркадьевича Рыбкина. Есть и письма самой З. И. Рыбкиной из Стокгольма, в которых она была вынуждена доказывать начальству свою непричастность к якобы исчезнувшим из кассы резидентуры деньгам. Но таких писем не много.

НЕБОЛЬШОЕ ДОПОЛНЕНИЕ ПО ЭТОМУ ПОВОДУ ПОЛКОВНИКА Э. П. ШАРАПОВА

Мне пришлось быть рядом с Зоей Ивановной, когда создавалась эта книга, я был одним из тех; кто настойчиво советовал написать ее. Почти все эпизоды этой книги мне довелось, и не один раз, слышать еще задолго до создания рукописи. Тем не менее читая и перечитывая это

произведение, я нахожу все новые моменты, вернее уже известные мне эпизоды, которые вызывают у меня новые дополнительные воспоминания и размышления. Поделюсь некоторыми из них.

В главе «Мама» этой книги Зоя Ивановна пишет о встрече со своей матерью на Ярославском вокзале Москвы после возвращения из Швеции через Англию и Баренцево море.

— Мамочка, ты больна, почему ты так безумно похудела?

— Знаешь, я получала по твоему распоряжению тысячу рублей, этого хватало на десять килограммов картошки.

Мне стало холодно. Я переводила всю свою зарплату в валюту и считала, что мама с сыном обеспечены. Но ей валюту обменивали по твердому курсу на рубли.

Можно понять Зою Ивановну, которая, услышав это от матери, тут же сравнила покупательную способность шведских крон и тысячи рублей, да еще в военный 1944 год. Ее мать с сыном практически голодали, если бы не вещи, которые Александра Дмитриевна продавала и меняла на продукты?! А разве нельзя было обеспечить хотя бы сносным питанием семьи таких сотрудников?! Конечно, шла война, можно понять — всем было трудно... многим еще трудней.

Но эти строки наводят на размышление о том, что и в последующие годы отношение к сотрудникам разведки не слишком изменилось, тем более если сравнивать их материальное обеспечение с сотрудниками других зарубежных спецслужб.

Я моложе Зои Ивановны ровно на 25 лет. В 1955 году она ушла в отставку, а я в этом году пришел на работу в органы государственной безопасности. Но отношение к материальному обеспечению сотрудников осталось то же. Конечно, эти люди неплохо обеспечены в сравнении с другими категориями граждан. Но вот некоторые сравнения и наводят на грустные размышления. Выезжая для работы за рубеж, разведчик легальной резидентуры находится там в каком-то учреждении, где он соответственно получает зарплату, равную по должности так называемому «чистому» сотруднику, то есть человеку, который не связан с нашими спецслужбами. Но сотрудник разведки, кроме работы по «прикрытию», выполняет свою, порученную ему государством, разведывательную работу.

«Подожди, подожди! — скажет мне читатель. — А зарплата в Союзе, которую он получает в рублях?» Да, такую зарплату он получает, но далеко не полностью, а лишь от 25 до 50 процентов. А там, за границей, когда «чистый» сотрудник, скажем, посольства, по окончании рабочего дня возвращается домой к своей семье, разведчик только начинает, как правильно пишет Зоя Ивановна, свою многотрудную работу.

Или обеспеченность разведчиков жильем. (Я не имею в виду квартиры в Советском Союзе. Здесь, если сотрудник не имел своего собственного жилья, его просто не посылали в заграникомандировку, а вместо него ехал другой человек, уже имевший квартиру, хотя подчас это было

не равнозначной заменой и, естественно, сказывалось на интересах дела. И давать квартиры не торопились, поэтому большинство сотрудников разведки живут в кооперативных домах, то есть в квартирах, купленных за свой счет.) Так вот я имею в виду обеспечение жильем в период работы в заграничной командировке. Сотрудник, тем более если он дипломат, получает квартиру, за которую платит частному владельцу из государственных средств. Хорошо? Да, отлично. Но опять же сравнения!

Мне приходилось в 70-е годы работать в Западной тогда еще Германии и по работе иметь общение с представителем Центрального разведывательного управления США. Я жил в трехкомнатной квартире с женой и маленьким сыном, за которую платил из государственной казны. Хорошо? Превосходно! Эта квартира была метражом даже больше моей московской квартиры, тем более если учесть, что десятки лет я вообще не имел собственного угла. Но... опять но, но тот же мой американский коллега, находясь в такой же должности, что и я, пользовался двухэтажной виллой, имея ту же семью — жену и маленького ребенка.

В своей книге Зоя Ивановна описывает предательство Петрова — Пролетарского позднее в Австралии и его подозрительное поведение во время пребывания в Швеции. Что поражает в этом рассказе? Прежде всего то, что честному, принципиальному работнику, в данном случае Зое Ивановне, приходилось доказывать — и перед кем — перед собственным начальством свою честность. А руководство разведки, имея достаточно фактов, не хотело отстранить Петрова от оперативной работы и послало его в очередную командировку в Австралию. Почему?

И тем не менее это предательство Петрова — Пролетарского было, пожалуй, единственным со стороны нашей разведки в течение нескольких десятилетий. А потом? Потом предатели в 60, 70 и 80-х годах стали появляться как опарыши. И каждый такой предатель стремился показать свою наибольшую лояльность той стороне, куда он перебежал, и готов был выдавать секреты, о которых знал, а заодно и о которых мог лишь догадываться. А ведь каждое предательство стоило советскому государству очень дорого — нужно было менять так называемых «засвеченных» сотрудников, на подготовку которых были затрачены большие суммы и которых нельзя было использовать на оперативной работе, направлять новых, подчас недостаточно подготовленных работников и так далее. Одним словом, много негативных побочных явлений связано с предательством, уже не говоря об интересах самого дела.

Моя оперативная судьба избавила меня от общения с предателями, но дважды и на меня пахнуло этим мерзким зловонием. С одним из таких ублюдков я формально работал в одном отделе, но, к счастью, в разных странах, и поэтому практически мы друг друга не знали. А второй раз мне предстояло свидание с одним из таких, получившим потом кличку Гнус. Мне повезло там, где обычно обыкновенным людям не везет — у меня лопнуло колесо. И поскольку я был начинающим водите-

лем, то на замену колеса у меня ушло много времени, и я, как теперь в этом не сомневаюсь, к счастью, опоздал на встречу с этим предателем.

Так почему все-таки в последние десятилетия резко возросло количество предательств? Разумеется, в каждом конкретном случае налицо целый комплекс своих, сугубо индивидуальных причин, но главная причина все-таки — это моральная деградация общества.

Что же делать? Возможно ли вообще свести до минимума факты предательства?

При нынешнем состоянии общества — очень трудно.

Да, надо улучшить работу по изучению и подбору кандидатов на службу в разведке; повысить материальное благосостояние сотрудников разведки тоже необходимо в соответствии с реальной затратой их физического труда и нервного напряжения, но при этом усилить и уголовную ответственность за государственную измену. Каждый факт измены должен автоматически нести за собой смертный приговор, который обязательно самой разведкой должен быть приведен в исполнение. Предателям, тем более из разведки, снисхождения и пощады быть не может.

Глава 14

ГЁТЕБОРГСКИЙ ОРКЕСТР ИСПОЛНЯЕТ СЕДЬМУЮ...

Встреча Нового, 1943 года. За столом большинство — женщины. Многие мужчины — работники торгпредства уже улетели на английских самолетах в Лондон, а затем с конвоем кораблей отправляются в Советский Союз, чтобы вступить в действующую армию.

Новый год советские люди встречают в Швеции на час раньше, по московскому времени. Мы выслушали сводку Совинформбюро. Она радовала. Красная Армия под Сталинградом завершила окружение 22 гитлеровских дивизий и громит их. Все взволнованы, свершен великий подвиг, приближающий нас к победе. В сводке названы освобожденные города и районы. Враг оставляет за собой пепелища, виселицы, выжженные земли.

Бьют куранты. Никогда, кажется, не замирает так сердце и испытываешь чувство огромной, нежной и неистребимой любви к Родине, как слушая бой кремлевских курантов на жужбине.

И неожиданно, даже не знаю, с чьего почина, люди стали снимать с себя золотые кольца, серьги, мужчины расставались с часами, военный атташе выложил на стол портсигар с дарственной надписью, в годы Гражданской войны он сражался в буденновской коннице. Александра Михайловна позвонила из санатория, спросила, как советская колония встречает Новый год, и сказала, что вносит в Фонд обороны свою золотую цепочку от лорнета. «А для меня в универмаге «Темпо» купите за крону цепочку «под золото» — кто посмеет подумать...» Уборщица Нюра сняла с плеч настоящую черно-бурую лису, на которую копила два года деньги, чтобы удивить потом своих рязанских земляков. И я сдала свои золотые часы. Бухгалтер составит опись и первой оказией ценности отправит в Советский Союз. Еще раньше работники посольства отдали облигации Государственного займа в Фонд обороны.

— За победу! За нашу славную Советскую Отчизну! — поднимаем мы бокалы.

Ночь... У нас в комнатах пресс-бюро сотрудники «ловят» по радио сквозь хаос вражеских помех новости из Советского Союза. Бюллетень выходит теперь ежедневно, а советские газеты появляются в Швеции раз в два-три месяца.

Сажусь у радиоприемника. Передают из Москвы информацию для областных и районных газет. Записывают сразу несколько человек, вылавливают по слову, иногда схватывают только начало слова, потом соединяют вместе. Закончена сводка. И вдруг из эфира доносится музыка. Что это? Сквозь вой, треск сильно, как родник, пробивается мощная мелодия. Все замирают... Музыка волнует и своей суровостью, и светлыми нотами, горем и надеждой. «Мы передавали Седьмую, Ленинградскую симфонию композитора Дмитрия Шостаковича», — заключает диктор.

И в ту же ночь в Москву летит телеграмма с просьбой выслать партитуру новой симфонии.

Проходит немного времени, и партитура, заснятая на фото пленку, летит через Средний Восток и Африку, плывет на корабле в Америку, оттуда в Англию и затем опять на самолете в Швецию.

Я по совету Александры Михайловны еду в Гётеборг к главному редактору газеты «Гётеборгсхё-ок-ханделстиднинген» Сегершельду и прошу помочь установить контакт

с известным не только в Гётеборге, но и далеко за пределами Швеции симфоническим оркестром.

Сегершельд весьма доброжелателен и готов содействовать организации концерта. Приглашает посетить вместе с ним его друга-мецената, «шведского Третьякова», коллекционера произведений художников северных стран, за которым и будет решающее слово в этом деле.

Еще несколько недель — и Ленинградскую симфонию Шостаковича исполняет лучший в стране Гётеборгский оркестр. Публика сидит завороженная. Женщины смахивают слезы. Язык музыки интернационален. Заключительные аккорды симфонии собравшиеся выслушивают стоя...

Это было первое в Европе исполнение симфонии Шостаковича. Министру иностранных дел Гюнтеру пришлось выслушать протест германского посольства против «нарушения шведского нейтралитета».

И никто не знал тогда, в каких условиях Дмитрий Дмитриевич писал это свое сочинение — в нетопленной квартире, с огарком догорающей свечи на рояле. Блокадный Ленинград...

Могла ли я в тот момент представить, что пройдет четверть века и в 1968 году я буду удостоена высокой чести в Свердловском зале Кремля вместе с Дмитрием Дмитриевичем Шостаковичем получать Государственную премию СССР.

...Удалось договориться с рядом шведских газет о публикации в них очерков, статей, рассказов ведущих советских писателей и журналистов.

«Дорогой Алексей Николаевич! — идет за подписью Коллонтай телеграмма Алексею Толстому. — Очень прошу прислать Ваши замечательные рассказы для публикации в шведских газетах». Просьба встречена добром. В шведской периодике появляются «Рассказы Ивана Сударева» Толстого, его острая, емкая, полная драматизма художественная публицистика. Шведы постигают русский характер. Клеветнической геббельсовской пропаганде противостоит суровая, убеждающая правда советского русского мастера слова.

Одновременно Александра Михайловна обращается к своему другу Илье Эренбургу с просьбой присылать специально для шведов статьи, написанные «так ярко, как Вы умеете...».

С Ильей Григорьевичем Эренбургом я была уже знакома. Расскажу, когда и как это случилось.

Однажды в 1936 году я оказалась в Стокгольме у Александры Михайловны Коллонтай. Приехала в полпредство рано утром, чтобы до начала работы повидаться с ней, поделиться впечатлениями и заботами, она всегда обогащала меня своим знанием и пониманием обстановки.

У дежурного охраны я увидела человека, по облику своему рабочего, в дешевом мятом костюме, в темной рубашке с повязанным пестрым, плетеным из гаруса галстуком.

— Я где-то вас видела и сейчас мучительно думаю где? — сказала я.

— Не мучайтесь, — ответил незнакомец. — Я Эренбург.

— Боже мой, простите, Илья Григорьевич.

— Нет проблемы, — ответил он и стал выбивать в пепельницу свою трубку.

— Скажите, это ваша четырнадцатая трубка?

— Это делает вам честь, значит, вы знаете мои «Тринадцать трубок». Bravo!.. И пойдемте к Александре Михайловне. Она наверняка уже у себя в кабинете.

Александра Михайловна обрадовалась встрече с Ильей Григорьевичем, пригласила нас обоих к себе на обед. Мы провели вместе и вечер. И тогда я впервые услышала его слова о полных мужества, горечи и разочарования днях, проведенных им в республиканской Испании. Эренбург возвращался из Мадрида в Москву.

Не было ничего удивительного в том, что шведские читатели с необычайным интересом встретили публикации Ильи Эренбурга. Более того, в одно из моих посещений редакции газеты «Гётеборгсё-ок-ханделстиднинген» главный редактор Сегершельд прямо заявил: день, когда мы печатаем Эренбурга, для нас самый доходный день — все экземпляры распроданы, и печатаем дополнительный тираж.

Ко мне обратилась журналистка из женского журнала с просьбой дать интервью на тему «о социализации детей в Советском Союзе». Я долго не могла понять, что от меня хотят. Она сказала, что шведских женщин очень интересует вопрос, имеет ли право женщина-мать в Советском Союзе встречаться со своими детьми, знают ли дети своих родителей, имеют ли право родители давать им имена, или «все это делает государство». У меня мурашки забегали по телу — так страшно стало от подобного представления о нашей жизни. Впрочем, чему удивляться, если шведская

интеллигенция, ее элита судили тогда о нашей литературе главным образом по Достоевскому, он был самым читаемым писателем, а о географии Советского Союза шведы в дни войны знали по газетным сообщениям и фронтовым сводкам.

Хотелось познакомить шведскую общественность с нашим образом жизни. Я понимала, что начинать надо с публикации материалов не пропагандистского характера. Взяла две книги — воспоминания генерал-лейтенанта А. А. Игнатьева «Пятьдесят лет в строю» и сборник о религии в России. С этими книгами отправилась в издательство «Боньер» — самое крупное издательство в Северной Европе. Находилось оно в Стокгольме.

Меня принял генеральный директор, он же владелец издательства господин Боньер. Шла к нему в кабинет через длинную анфиладу — сквозному ряду комнат-библиотек, где под зеркальными стеклами на полированных полках размещались тысячи и тысячи книг, выпущенных издательством «Боньер» за все годы его существования. Меня поразила эта анфилада — Храм книги.

Господин Боньер выслушал мою просьбу издать названные книги на шведском языке. Я принялась доказывать, что весьма желательно сделать это быстро, выпуск этих книг поможет шведам и всем северным народам лучше понять русского человека, его характер, взгляды, мировоззрение.

Директор издательства заинтересовался обеими книгами и стал объяснять, что очень быстро сделать это невозможно, требуется время, чтобы перевести текст на шведский язык, подготовить оформление, выполнить многообразные типографские работы.

— Раньше чем через три месяца нечего и думать, — извиняющимся тоном произнес господин Боньер.

Удивлению моему не было предела. В такие сроки в нашей стране печатался и печатается только «официоз», директивные материалы, поступающие из высших эшелонов власти. А литературные произведения и тогда и сейчас проходили и проходят анфилады издательских лабиринтов и появляются на свет не через месяцы, а через годы...

ПОДСНЕЖНИКИ И НЕНАВИСТЬ

Она пришла ко мне в пресс-бюро в лыжных ботинках, в шерстяном толстом костюме и шапке, молодая, красивая и очень усталая.

— Я к вам с большой просьбой,— обратилась она по-норвежски.

Я ответила:

— Jaoj icke tala norske. Tabar ne tusk Sprechen Sie Deutch? (Я не говорю по-норвежски. Говорите ли вы по-немецки?)

— Да, конечно,— ответила она.— Сейчас это так нужно.

— Назовите себя. Кто вы?

— Я член Народного антифашистского общества. Зовите меня просто Альма. Дело в том, что мы организовали у себя подпольное кино. Очень просим дать несколько советских кинофильмов, которые мы могли бы показывать нашим людям. У нас есть возможность переснять эти ленты на узкую пленку. Хотелось бы иметь фильмы о ваших партизанах, о Ленинграде, о Сталинграде и, конечно, о любви...

Мы пересели за круглый столик. Я вскипятила кофе, и разговор принял задушевный характер.

Альма рассказала, что норвежская молодежная организация Сопротивления, которая входит в антифашистское общество, сожгла помещение, где хранились копии паспортов норвежских граждан с фотографиями. Гитлеровцы часто проверяют у жителей паспорта и сверяют их с теми фотографиями, которые хранят в картотеке.

— А теперь они этой возможности лишены, и мы можем сегодня жить по одному паспорту, завтра по другому.

— В Норвегии немцы создали концлагеря для русских военнопленных. Имеете ли вы с ними связь?

— Да, это так,— подтвердила Альма.— Всем, чем могут, норвежцы помогают русским, а недавно произошло уникальное событие. Немцы привезли в Норвегию на корабле большую партию советских военнопленных, погрузили их в железнодорожный состав и отправили с юга на север страны. На одной из остановок русские перебили охрану и ушли в лес, в горы, в направлении к Швеции. Гитлеровцы устроили облаву. С самолетов сбрасывали

листовки, призывали население задерживать беглецов и сдавать немецким властям. Угрожали: за любую помощь русским — расстрел на месте. И несмотря на это...

— Да, да,— перебила я ее.— Около двух тысяч человек уже добрались до Швеции. Шведские власти их интернировали.

Пленные рассказывали нам подробности. Пробираясь через лесные чащобы, которыми покрыты горы Норвегии, наши товарищи, вырвавшиеся из концлагерей, находили на деревьях развешанную одежду, обувь, перевязочный материал, бинты, вату, карты, хлеб, сыр, даже молоко, компасы, записки: «Идите прямо на восток, чтобы вам в глаза всегда светило солнце». Были даже чертежи с указанием тропинок, дорог, мостов через горные реки, по которым можно безошибочно обойти расположение немецких гарнизонов у границ со Швецией.

Анонимная щедрая помощь спасла жизнь нашим соотечественникам, хотя некоторые норвежцы и жестоко заплатились за это.

У нас еще мало знают, какой размах приобрели силы сопротивления фашизму в Норвегии, в этой небольшой стране отважных мореплавателей и первопроходцев, стране Амундсена, Нансена, Тура Хейердала. В годы войны норвежцы были крепко спаяны ненавистью к оккупантам, их мужество и отвага беспредельны. Норвежский флот — большие и малые суда сумели вовремя уйти в Англию и вывезти с собой золотой запас, правительство и короля Хокона VII.

Немцы мстили норвежцам за все.

Идет молодой человек, в руке семь красных гвоздик. «Семь гвоздик в честь короля Хокона VII». Красивый цвет, гвоздики — символ борьбы и свободы. Гестапо хватается юношу. Расстрел.

Из кармана пожилого человека торчит кончик гребенки. Жители почтительно приветствуют его. Они знают: гребенка — это призыв: «Вычешем интервентов из страны!» Старика хватают гестаповцы.

Даже канцелярская скрепка на нагрудном кармане приводит гитлеровцев в ярость. Ведь она означает: «Скрепим в борьбе единство!»

Девизом норвежских патриотов были стихи поэта Нурдаля Грига, призывавшего к борьбе:

Смерть озаряет, как вспышка,
Путь непреклонной судьбы.

Самые лучшие гибнут
В пламени нашей борьбы.

.....
Лучших смывают волнами,
Пулей сметают с земли.
Будущему эти люди
Отдали все, что могли¹.

Нурдаль служил во время войны в английской армии капитаном. В декабре 1943 года он полетел бомбить Берлин и там погиб.

Молодые подпольщики в горах, селах, фиордах выводят из строя технику врага. Ими руководят вожаки комсомола, обосновавшиеся в горах. Наш разведчик, нелегал Антон, находившийся в первые месяцы оккупации в Норвегии (о нем я еще расскажу), подобрал себе среди этих молодых людей надежных помощников.

...С Альмой установились добрые, дружеские отношения. Мы организовали печатание бюллетеней на тонкой бумаге, чтобы их удобно было тайно проносить в Норвегию и чтобы в случае проверки немецкие патрули не смогли их обнаружить. Прятали бюллетени в корешках книг, в спичечных коробках, в одежде, в обуви. Печатали их на шведском языке, который хорошо понимают норвежцы. Раз в неделю в пресс-бюро за бюллетенями являлся курьер от Альмы. Так новости из Советского Союза доходили до жителей оккупированной Норвегии. К слову скажу, что бюллетени, специально отпечатанные на тонкой бумаге, мы переправляли и в Финляндию, где шведский язык государственный.

Альма стала нашим помощником в разведке. Она первой передала нам информацию чрезвычайной важности о том, что немцы готовят сверхсекретное оружие, способное уничтожать все живое. Немцы расширили производство «тяжелой воды» на заводах компании «Норск гидро». Добытая с помощью сложного технологического процесса «тяжелая вода» вывозилась немцами из Норвегии в Германию. Акционерами «Норск гидро» были шведские миллионеры братья Валленберги, с которыми нам еще предстоит познакомиться.

Со своими курьерами Альма изо дня в день сообщала нам о передвижении в Норвегии немецких войск и военноморских судов.

¹ Перевод Евг. Долматовского.

Вскоре после Сталинградской битвы норвежское антифашистское общество прислало в Швецию свою делегацию. Их было пятеро — двое мужчин и три женщины, нелегально пробравшиеся в Стокгольм. Возглавляла их Айма.

Была торжественная и трогательная минута, когда норвежцы, пришедшие в пресс-бюро, развернули перед нами пронесенное через вражеские кордоны знамя с вышитой на нем красной звездой. Этот символ интернациональной солидарности они просили передать жителям Сталинграда, героически помогавшим Красной Армии отстоять свой город.

Я принимала это знамя по поручению нашего посла и высказала слова благодарности и пожелание успехов норвежцам в освободительной борьбе. С чувством признательности говорила об их бесценной помощи советским военнопленным, отважно вырвавшимся из концентрационных лагерей.

...Всегда испытывала и испытываю самое сокровенное чувство любви и уважения к Норвегии и ее людям. Эту небольшую северную страну омывает теплое Северо-Атлантическое течение. В апреле в столице Осло цветут миндаль и подснежники, а на севере — район вечной мерзлоты. Норвежцы обладают нежным и отзывчивым сердцем. Наше поколение помнит бескорыстную щедрую помощь норвежского народа, спасавшего от голода двадцатых годов наше детство.

Глава 16

ПАРОЛЬ: «ЗОЛОТЫЕ КОРОНКИ»

В Европе во время второй мировой войны оставалось немного нейтральных государств.

Советская разведка в Швеции имела своей основной задачей собирать информацию о политическом и экономическом положении Германии и ее военных планах. С этой целью наша разведка создала несколько опорных пунктов — разведывательных групп. В портах Норвегии действовала группа Антона. На севере Швеции в приграничной полосе с Финляндией наша агентурная группа регистрировала переброску в Финляндию немецкой военной техни-

ки и воинских частей. В южных портах Швеции другая агентурная группа наблюдала за взаимными германо-шведскими поставками.

С Антоном я поддерживала связь еще до войны. Антон — ветеран германского революционного движения, бывший моряк-подводник, один из руководителей известного Кильского восстания немецких моряков в ноябре 1918 года. С советской разведкой он был связан с начала ее существования. Это был своего рода немецкий Дыбенко, он пользовался большим авторитетом и любовью моряков германского флота. Человек крепко сбитый, суровый на вид, весьма организованный и требовательный. Одно время еще в буржуазно-юнкерской Веймарской Германии, до прихода к власти Гитлера, он был избран членом ЦК германской компартии, и связь нашей разведки с ним была прервана. Коммунистов, как правило, мы в разведку не привлекали. Это было запрещено, дабы не нанести компартиям ущерба и не давать повода обвинить Советский Союз в «экспорте коммунизма».

Когда Гитлер пришел к власти, Антон вынужден был выехать в Норвегию. Здесь мы и восстановили с ним связь.

Шел 1938 год. Понадобилось снабдить группу Антона новыми паспортами, шифрами, деньгами, инструкциями. В Норвегии в то время резидентуры у нас не было, и мне поручили поехать к Антону. В случае опасности я обязана была уничтожить паспорта и шифры и найти возможность передать ему деньги.

Я была тогда представителем советского «Интуриста» в Финляндии. Поехала в Норвегию через Швецию, куда добиралась пароходом, а оттуда поездом в Осло.

Поезд пришел рано утром. Я направилась в гостиницу. У дежурного администратора заполнила бланк, уплатила за номер. Было часов семь утра. Для того чтобы вызвать Антона на встречу, я должна была посетить зубного врача и просить его сделать «шесть золотых коронок на верхней челюсти». Таков был своего рода пароль для вызова Антона.

Врач принимал с десяти утра. Я решила передохнуть, заперла комнату, надела халат и прилегла. В девятом часу раздался стук в дверь. Слышу за дверью топот ног, видимо, нескольких человек.

— Кто там? — спросила я по-немецки.

— Директор гостиницы, мадам, откройте, пожалуйста.

— Я отдыхаю, прошу зайти часов в десять.

Шаги отдаляются. Приход неожиданных гостей меня насторожил. Нам было известно, что в Норвегии гестапо действует активно и создало там «пятую колонну». Если приход в гостиницу дело их рук, следует немедленно сжечь шифры, а паспорта разрезать на мелкие куски и спустить в унитаз. Но это значит надолго затормозить работу группы Антона и ее связь с Москвой.

Села в кресло и стала соображать, что же делать. Несколько раз сжимала пачку тоненьких листков шифра, но не набралась духа разорвать их. Кроме того, у меня в сумочке, если не ошибаюсь, было шесть паспортов. В них спасение для группы Антона. Нет, встречу с Антоном срывать нельзя. Засовываю паспорта за «грацию», в левой руке сжимаю шифр, готовясь в случае чего сжевать его и проглотить. Нарушу данную мне инструкцию? Да, нарушу. Но любым путем надо передать Антону тайную ношу, которую запрятала на себе.

Около десяти часов я стала у двери с сумочкой в руке, решив никого к себе в номер не впускать и вести диалог в коридоре.

Ровно в десять стук. Я мгновенно распахиваю дверь и перешагиваю через порог в коридор.

— Мадам, разрешите зайти.

Передо мной трое мужчин. Один из них отвернул лацкан пиджака, и я увидела на нем какой-то металлический знак. «Из полиции», — поняла я. Он сделал движение, как бы подталкивая меня обратно в номер, но я стала нарочито громко, почти истерически кричать:

— Ни в одном цивилизованном государстве, ни в одной гостинице я не встречала такого приема. Вам известно, я директор «Интуриста» в Финляндии, и мы в наших отелях в Москве не нарушаем покоя и оказываем приезжим гостеприимство.

Двери гостиничных номеров, вижу, открываются, вокруг нас собираются люди.

Рассерженная, оскорбленная, я громогласно заявила, что ни одной минуты не останусь в этой гостинице и с первым же поездом уезжаю обратно.

— Подайте мне чемодан, — потребовала я.

Директор отеля пытался уладить конфликт, просил остаться, зайти к нему, и он объяснит, что никаких злых умыслов здесь нет.

Я взяла свой маленький чемоданчик, сердито сказала: «Адье, господа» — и спустилась вниз. У подъезда стоянка

такси. Я села в первое попавшееся и нарочито громко, чтобы слышал швейцар, приказала:

— На вокзал!

Машина тронулась. Когда мы свернули на другую улицу, я попросила шофера подвезти меня к магазину на углу проспекта. Из магазина вышла на другую улицу, поймала такси и назвала другой крупный магазин, где — я это знала — был тоже выход на две улицы.

Убедившись, что «хвоста» нет, поехала к зубному врачу. В приемной сидела женщина, у которой только что удалили зуб, и врач пригласил меня к себе в кабинет.

Я удобно уселась в зубо врачебное кресло и произнесла условную фразу:

— Шесть золотых коронок на передние зубы.

Доктор глянул на мои белоблестящие, без единого изъяна зубы, все понял, широко улыбнулся и сказал: «Будет сделано». Это означало, что через час мы встретимся с Антоном на Холменколен, в живописном пригороде Осло.

Я вышла на улицу, убедилась, что слежки нет, на минутку забрела в кафе, съела пару бутербродов с лососиной и ветчиной, выпила чашку кофе и пошла «проверяться». Все было спокойно. На одной из тропинок Холменколен еще издали увидела Антона. Он смотрел на часы и с беспокойством озирался вокруг. Я пришла на место встречи с опозданием на одну минуту.

Антон, увидев позади меня какого-то прохожего, взял меня под руку и увлек в лес.

— Изобразим влюбленную парочку.

Мы уселись на пеньки. Он очень тщательно прочитал шифр, пролистал паспорта, поворчал, что одному из членов группы прибавили возраст на три года, поставили вместо «24 года» «27 лет».

— Узнаю русское «авось». Сойдет, мол. Ты мне скажи, как вы готовитесь к войне с Германией? Или все еще исповедуете заповедь «Чужой земли не хотим, но ни пяди своей никому не отдадим»?..

— Милый Антон, ты мне не нравишься, желчный, раздражительный. Я таким тебя не знаю.

— Признаюсь, я болен, у меня *Norbes sister*, опоясывающий лишай.

— Лекарство есть?

— Вот оно, лучшее лекарство, — похлопал он по паспортам. — Ребята примутся за дело, и я сумею пару день-

ков полежать. У нас все готово к операции. Будем хоронить немецкий транспорт с оружием для Франко... Скажи в Москве, чтобы на честность фюрера не рассчитывали. Я подготовил здесь письменный отчет о работе группы и финансовых расходах.

Антон вручил мне коробку игральных карт. В ней вместо карт была вложена его докладная записка. Я ее прочитала, записала содержание своим кодом в блокнот и объяснила ему, в какой обстановке я оказалась и что меня может ожидать. Отчет посоветовала немедленно сжечь.

Со свойственной ему прямоотой Антон спросил:

— Ты уверена, что не притащила за собой «хвост»?

— Наверняка нет, — ответила я.

Его интересовало положение в нашей стране, в партии. Он очень неодобрительно отозвался о чинимых у нас репрессиях, сказал, что он этого не понимает и воспринимает как «массовый террор против ленинцев». Признаюсь, я не располагала аргументированными возражениями, хотя мы с мужем часто на эту тему говорили, сами не понимая, откуда вдруг в нашей партии оказалось столько врагов. Я так ему и сказала.

...Антон стал свидетелем оккупации Норвегии фашистской Германией. Его группа провела крупную акцию: потопила несколько военных немецких кораблей, заложив в них мины замедленного действия с часовым механизмом.

Гестапо удалось напасть на след Антона, и он нелегально перешел в Швецию. Но и здесь гитлеровцы его обнаружили и потребовали у шведов его выдачи. Тогда мы предприняли свои меры.

Кин добился разрешения на свидание с Антоном в тюрьме и посоветовал ему «признаться» в шпионской деятельности против Швеции. «Об остальном мы позаботимся сами», — добавил Кин. Антон этот маневр принял и дал показания, что занимался в Швеции шпионажем в пользу советской разведки. Тем временем в Москве оформлялось принятие в советское гражданство Вольвебера — таково было настоящее имя Антона.

Переговоры со шведами закончились тем, что они отказались выдать его немцам, мотивировав свой отказ так — он должен быть судим по шведским законам.

После окончания войны товарищ Вольвебер, так и не дождавшись суда, был шведами освобожден и выехал в

спасенную от фашистов Германию. Он был назначен министром внутренних дел ГДР. Во время венгерских событий в 1956 году Вольвебер, как мне рассказывали немецкие товарищи, занял резко отрицательную позицию в отношении ввода советских войск в Венгрию. За это он был снят с должности министра и исключен из партии (СЕПГ). Вскоре он умер.

Глава 17

«ФАУ-1»

В кабинете Александры Михайловны Коллонтай собрались ее советники и военный атташе. На столе были разложены разного размера чугунные осколки какой-то бомбы. Их доставили помощники военного атташе и члены нашей разведгруппы, действующие на севере Швеции. Из утренних газет мы уже знали, что в Северной Швеции взорвался неизвестно откуда запущенный снаряд огромной разрушительной силы. Что это? Своего рода тунгусский метеорит? Но на каждом осколке выдавлено четко «Made in Germani».

В тот же день гитлеровцы оповестили мир через газеты и радио, что «Советы запустили на нейтральную Швецию таинственный снаряд». В правых и профашистского толка шведских газетах началась разнузданная антисоветская истерия.

— Несомненно, — вертит в руках бесформенный осколок Александра Михайловна, — это провокация.

Но надо разобраться, что к чему. Не первый раз Германия старается поссорить Швецию с Советским Союзом, вовлечь ее в войну, заполучить свежие шведские дивизии, флот. На какие только ухищрения не идут немцы, чтобы запутать шведского обывателя советской угрозой.

— Почему гитлеровцы указывают обратный адрес, почему бы им не выдать штамп: «Сделано в СССР»?

— По моим данным, — отвечает военный атташе послу, — немцы изобрели новое оружие, ракету дальнего действия. Запускают ее с катапульты.

— Но зачем было запускать снаряд на Швецию? — задает вопрос Александра Михайловна.

— Наши сведения таковы: идет испытание этого оружия,— говорит Николай Иванович.— В самой Германии его не испытывают: и территория не позволяет, и зачем разрушать свое, когда можно использовать нейтралов?

Завязался оживленный обмен мнениями. Сошлись на том, что это действительно испытание и немцам необходимо знать, где упал снаряд, какие разрушения причинил, какой глубины воронка, ее диаметр. Им необходимо получить точные сведения. По дипломатическому протоколу МИД Швеции обязан направить ноту МИД Германии с описанием времени, места и разрушительных действий, причиненных снарядом, о человеческих жертвах. А это немцам и требуется. Если их расчеты будут нотой подтверждены, шведы могут спать спокойно, если же нет — нужно ждать очередного скорректированного удара, нового запуска.

Военный атташе развернул карту Европы, взял со стола линейку и измерил расстояние от центра Германии до места падения снаряда в Швеции, затем измерил расстояние до Великобритании, Швейцарии, Турции, СССР и, потерев ладонью лоб, решительно сказал:

— Мне кажется, этот снаряд рассчитан в первую очередь против Англии.

— Совершенно согласна с вами,— говорит Александра Михайловна.

И, развивая эту мысль, подчеркивает, что не случайно применение этого оружия совпадает с предстоящим открытием второго фронта. Живая сила у немцев на исходе, им нужно деморализовать народ Великобритании, заставить Англию уступить, выйти из войны, заключить с Германией сепаратный договор.

— Пока же нам надо сделать все, чтобы погасить здесь антисоветскую истерию. Я поеду сейчас в МИД,— заключила Александра Михайловна.

Проходит несколько дней, и гитлеровцы уже в открытую заявляют, что новое оружие возмездия — «Фергелтунгсваффе», кратко «ФАУ-1» — предназначено для Англии.

За последующие месяцы тысяча четыреста две ракеты были применены против Англии. Пятьсот семнадцать «ФАУ-1» взорвались в Лондоне, крушили, сжигали жилые дома, целые кварталы. Но англичане выстояли, и никакие ракеты спасти Гитлера и его клику уже не могли.

...В советскую колонию прибыли в командировку два

молодых человека. Они не скрывали того, что являются военными летчиками, фронтовиками. На собрании в посольстве они полушутя-полусерьезно заявили, что посланы сюда с целью ознакомить советских людей с положением на фронтах.

На самом деле их приезд был связан с секретной операцией по закупке инструментов из знаменитой шведской стали, необходимой для нашей авиационной промышленности. По договору с Германией шведская руда и стальные изделия начисто вывозились немцами. Военная техника Германии — танки, артиллерия, самолеты на одну треть были оснащены шведскими шарикоподшипниками (СКФ), и немцы строжайше следили за тем, чтобы ни один грамм шведской стали не попал в руки их противников.

С советской стороны в операции по закупке шведских инструментов участвовали торгпред, косвенно, посол и Кин. Переговоры велись втайне, и шведы шли на эту сделку с опаской. Они потребовали, чтобы оплата за их изделия была осуществлена русской платиной. Кин получил бруски платины диппочтой и, показав их мне, спросил: «Что это?» Я увидела на столе продолговатые тусклые чушки со скошенными краями и какими-то вдавленными знаками. «Это олово?» — спросила я, вспомнив свою работу в юности паяльщицей на заводе в Смоленске. «Пошупай», — предложил он. Я схватила чушку, но еле оторвала ее от стола — такая она была тяжелая. Первый раз в жизни я видела внешне не столь блистательную, но безмерно тяжелую, дорогую, благородную русскую платину...

Летчики прилетели прямо из Москвы, пересекли линию фронта, и шведское правительство организовало их посадку на запасном аэродроме.

Рано утром пилот и штурман уехали из посольства. Им дали с собой большую сумку с очень красивыми яркими зажигалками — подарок от работников советской колонии их воинской части. Исчезли они так же внезапно, как и появились.

Коллонтай направила телеграмму о вылете самолета. Командир заверил, что обратный путь тщательно отработан и согласован с соответствующими штабами. Но до Москвы они не долетели — были сбиты огнем вражеской артиллерии.

Наши товарищи хотели сфотографироваться с этими веселыми, обожженными войной парнями, но они были суеверны...

Облик озорного пилота и чернявого штурмана, влюбивших в себя всю советскую колонию, до сих пор в моей встревоженной памяти.

Глава 18

ДИАЛОГ

В то утро Кин, как всегда, поднялся рано, сунул мне под подушку записку и умчался. Он каждое утро один час играл в теннис, а летом — в регби. Это не было просто спортивным увлечением. На теннисном корте по утрам собирались дипломаты, шведские промышленники, связанные коммерческими отношениями с иностранными государствами. Здесь заключались торговые сделки, дипломаты старались сформировать общественное мнение по актуальным вопросам. И разведчики, конечно, тоже не упускали своего интереса.

Я проснулась, пошарила рукой под подушкой, нашла записку, в которой после слов признательности и любви было написано: «А. М. пригласила меня для длительного конфиденциального, весьма важного разговора «tête-à-tête»¹. Понятно, значит, теннис не состоялся, и Кин сидит сейчас в кабинете у Александры Михайловны.

Что же мне делать, раздумываю я, продолжить работать над историей Аландских островов², о которых наши газеты тогда писали как о револьвере, нацеленном на Ленинград, или испечь давно забытые пироги, тем более что сегодня воскресенье и по радио сообщили о нашем легком успешном продвижении на Курском выступе и на Кавказе.

Кин вернулся взбудораженный, озабоченный, рассказал мне о беседе с Коллонтай. Постараюсь восстановить в памяти их диалог.

По моему восприятию, он выглядел так.

А. М. Очень, очень важно мне с вами посоветоваться. Сейчас даже шведы пересматривают, вернее, выправляют свой нейтралитет. Я вспоминаю, что король Густав V

¹ Tête-à-tête (фр.) — с глазу на глаз.

² Аландские острова — группа островов и скал, принадлежащих Финляндии, у входа в Ботнический залив Балтийского моря.

пожелал победы Гитлеру в войне против Советского Союза и грозил отречься от престола, когда шведское правительство готово было отклонить германское требование о транзите их войск и техники через Швецию... Времена наступили иные.

К. Вы правы. Вспомните, вопреки давлению Берлина шведы не пошли на запрет компартии.

А. М. Я все время думаю, как при помощи тех же шведов вырвать Финляндию из этой войны. Вы хорошо знаете эту страну, ее людей. Давайте вместе подумаем, как подойти к этому.

К. Да, мне довелось работать там четыре года.

А. М. И вы вели с финнами переговоры о заключении добрососедского соглашения.

К. К сожалению, финал тогда был драматичный.

А. М. Мне бы хотелось знать, как все это начиналось и проходило. Я об этом слышана, много читала, а сейчас мне важно узнать обо всем из первых рук.

К. Это было в 1938 году. В начале апреля я был вызван из Хельсинки в Москву. Обычно каждый вызов объяснялся — к чему следует быть готовым. Но даже прибыв в Москву, на Лубянку, мне было сказано только то, что меня вызывают на самый верх.

Хорошо помню — это было 7 апреля утром. У Спасских ворот я предъявил дежурному офицеру свое удостоверение личности. Молодой человек в гражданской одежде предложил проводить меня. В правительственном корпусе Кремля я был впервые. В приемной, очевидно, дежурный секретарь, взглянув на часы, сказал: «Присядьте, пожалуйста, через пять минут вас примут». Я еще не понимал, кто меня примет и по какому вопросу. Но вот раздался тихий звук зуммера. Секретарь распахнул дверь и пригласил меня пройти. Я вошел в кабинет и, к моему изумлению, увидел Сталина. Я стал по стойке «смирно».

Иосиф Виссарионович вышел из-за стола.

«Здравствуйте, здравствуйте, надеюсь, вы знакомы, — указал он рукой на присутствующих здесь Молотова и Ворошилова. — Присаживайтесь. Расскажите, пожалуйста, о себе, мне тут дали о вас «объективку», а я предпочитаю лучше раз увидеть и услышать».

Я доложил свою несложную биографию.

Затем Сталин стал подробно расспрашивать меня о Финляндии и проявил при этом хорошее знание истории и культуры нашего соседа.

«Сосед невелик, но границы его с нами уже растянулись более чем на тысячу километров. Кроме того, мы соседствуем с ним на Баренцевом море и на Балтике».

Сталин был хорошо осведомлен не только о политической, экономической и культурной жизни страны, он интересовался вооруженными силами, регулярной армией, воздушным и военно-морским флотами и военными формированиями партии ИКЛ¹.

Когда я сказал, что финны имеют два крейсера — «Ильмаринен» и «Вяйнямойнен», Сталин живо отреагировал: «О, это из древнего финского эпоса «Калевала». Спросил также, много ли сохранилось у финнов карельской березы, поинтересовался, чем финны привлекают в свои реки и водоемы угрей из Саргассова моря². Задал вопрос, знаком ли я с композитором Сибелиусом. Я был поражен широким диапазоном познаний Сталина. Как видно, к этой беседе он основательно подготовился.

А. М. О, я знаю, он на это и рассчитывал. Иосиф Виссарионович любит произвести впечатление.

К. Иногда Сталин делал паузу, молчал и молча чистил свою трубку, набивал ее свежим табаком. Трубка в его руке походила на четки. Он все время «играл» ею — постукивал по столу, посасывал, разжигал, и я заметил, что Сталин, как и я, левша. Но я, как и он, пишу правой рукой.

А. М. А мне кажется, что он больше действует не правой,— многозначительно сделала она ударение на последнем слове.

К. И все же я не понимал, зачем я тут понадобился.

А. М. Какие вопросы вам задавали Молотов и Ворошилов?

К. Пока Сталин меня расспрашивал, они молчали. Наконец Иосиф Виссарионович, обратившись к ним, спросил: «Ну, как ваше мнение, поручим ему?» Оба в знак согласия кивнули головой. «Так вот, дорогой товарищ, товарищ...» — замялся Сталин. «Рыбкин», — подсказал я. Сталин засмеялся. «У вас, разведчиков, всегда столько фамилий, профессий, что вы, наверное, в них сами запутались... Мы решили уполномочить вас вести строго секретные переговоры с правительством Финляндии». Молотов вставил: «Полпреда Асмуса мы отозвали, и вы будете

¹ ИКЛ — в то время самая крупная националистическая партия в Финляндии, ее организации были в каждом населенном пункте.

² Саргассово море отличается скоплением водорослей и рыб.

временным поверенным в делах. До приезда нового полпреда». — «Вы решили, — спросил Сталин у Молотова, — послать туда этого директора электростанции, как его? Древесный? Деревянный?..» — «Деревянский», — уточнил Молотов. «Но об этих переговорах ни одна душа не должна знать, — предупредил Сталин. — Речь идет о нашем желании заключить с Финляндией двусторонний оборонительный договор на случай, если Германия через территорию Финляндии напала бы на Советский Союз. СССР со своей стороны даст гарантии о своих мирных намерениях в отношении Финляндии и обеспечит независимость страны».

А. М. Оборонительный договор, — как бы взвешивая произнесла Александра Михайловна. — Это было бы то, что надо.

К. Я выразил сомнение: Финляндия вряд ли согласится на такое соглашение. Она увязла в своих обязательствах гитлеровской Германии. С помощью и силами германских специалистов финны возводят мощную линию укреплений на границе с Советским Союзом. «Это нам известно, — подтвердил Ворошилов. — Маннергейм большую часть времени проводит в Германии. Финские военачальники окончили германские военные академии». Я заметил, что следует учитывать и то, что профашистские военные отряды втрое превосходят регулярную армию Финляндии. Антисоветская кампания приняла в стране широкий размах.

«На кого ориентируется министр иностранных дел Холсти?» — спросил меня Молотов. «Безусловно немецкой ориентации», — ответил я.

Сталин сказал: «Объясните финнам, что советское правительство полно желания уважать независимость и территориальную целостность Финляндии. Но мы абсолютно убеждены, что Германия вынашивает далеко идущие планы агрессии против СССР, и следует дать понять, что, если германская армия высадит свои войска на территории Финляндии и обрушит оттуда атаки на нашу страну, Советский Союз не собирается пассивно ждать, пока немцы прибудут в Райяёки¹.

А. М. Очень, очень интересно. Я знаю, что за год до этого Холсти приезжал в Москву, заверял советских руководителей, что Финляндия желает жить в мире со своим

¹ Райяёки — тогдашняя пограничная станция с Финляндией.

восточным соседом и что Ворошилов предложил дать какие-то гарантии этому, но Холсти сослался на то, что такие вопросы решает правительство. А финское правительство никак не реагировало.

К. Сталин стал шагать по ковровой дорожке в своих мягких сапогах и размахивал трубкой, которую он все время держал в левой руке.

А. М. У Сталина правая рука плохо действует.

К. Я этого не заметил... Сталин продолжал ходить и как бы разговаривал сам с собой. «Вы подумайте,— говорил он, не обращаясь, собственно, ни к кому,— современная артиллерия способна расстрелять Ленинград с Карельского перешейка. Было бы очень важно заключить соглашение с Финляндией об обмене территориями. Они отодвигают свою границу, скажем, за Выборг, а мы их компенсируем районом, богатым карельской березой и мачтовым лесом с территории Карелии. Ведь финны на своей стороне все вырубили, лес снесли. Но это следующий этап...»

Я выразил сомнение, что коалиционное правительство Кааяндера в этой антисоветской обстановке, создавшейся в стране, способно пойти на какие-то шаги, в которых не заинтересована гитлеровская Германия.

Сталин сердито посмотрел на меня и спросил: «Вы сомневаетесь в своих способностях?» — «Нет, Иосиф Виссарионович, сомневаюсь в способностях финляндского правительства».

«А с Таннером можно говорить? Ведь он основатель социал-демократической партии Финляндии, партии очень влиятельной, известный государственный деятель, президент Международного кооперативного альянса». Я сказал, что Таннер занимает резко антисоветские позиции.

Разговор длился, наверное, часа два. Сталин интересовался также возможностями разведки.

Я вернулся в Финляндию, встретился с Холсти. Тот выслушал и сказал, что доложит премьер-министру, но поинтересовался, подразумеваю ли я, говоря о возможной советской помощи Финляндии, продажу ей советского оружия. Я ответил, что при переговорах об экономической помощи, возможно, будет принят во внимание и этот вопрос. Холсти сказал также, что без консультации с правительствами других Скандинавских стран едва ли Финляндия может решать эти вопросы.

Переговоры с финнами велись целый год. В октябре

1939 года, когда уже началась мировая война, советское правительство пригласило финскую правительственную делегацию в Москву, но переговоры закончились полным крахом.

А. М. Да, во всем мире эта война стала весьма непопулярной. Такой колосс, как Советский Союз, обрушился на маленькую Финляндию. Стоило многих усилий уговорить шведов не ввязываться в эту войну на стороне Финляндии... Сейчас ситуация иная, — резюмировала Коллонтай. — Теперь, думаю, можно уговорить шведов выправить свой нейтралитет, запретить немцам транзит войск и военной техники через Швецию на север Финляндии, а также использование шведского воздушного пространства для курьерских самолетов и шведских морских вод для перевозки немецких военных грузов. Скажите, есть ли в Финляндии сильная организованная антигитлеровская оппозиция, готовая вывести финнов из войны?

К. Конечно, есть. Это прежде всего Паасикиви, дипломат, бывший финский посол в Швеции, молодой парламентарий Кекконен, жена главного редактора газеты «Сосиали Демократи» журналистка Сьюльви Кюлики-Кильпи. Жена Таннера, как ни странно, в отличие от мужа стоит на крайне левых позициях, но большого влияния в социал-демократической партии не имеет. К сожалению, активная группа борцов за мир изолирована от общества — большая часть оппозиции заключена в тюрьмы.

А. М. Нам сегодня необходимо действовать сообща. Я надеюсь на вашу помощь, на помощь военного и военноморского атташе, на моих советников, на торгпреда. Мне нужна очень подробная информация — кто нам может способствовать в этом деле и кто будет препятствовать в Швеции и в самой Финляндии против ее разрыва с Гитлером.

...И началась целенаправленная работа всех звеньев: посольства и торгпредства, нашей службы, поиски контактов с людьми, которые могут способствовать выводу Финляндии из войны.

Александра Михайловна почти каждый вечер общалась с членами своей «команды», чтобы выслушать информацию и различного рода рекомендации. Она старалась воздерживаться от комментариев, вынашивая какой-то свой план.

ДИРЕКТОР

«Красная капелла» — наша разведывательная группа — действовала в Берлине еще до войны. Первые ее шаги связаны с приходом к власти Гитлера. В эту глубоко законспирированную группу входили представители прогрессивной немецкой интеллигенции, офицеры генерального штаба, бывшие руководящие деятели либеральных партий.

Еще находясь в Москве, мы восхищались самоотверженной деятельностью «краснокапельцев» и каждый раз с душевным трепетом ждали от них вестей...

И вот здесь, в Швеции, в 1942 году мы получаем сверхоперативное задание Центра: немедленно подыскать подходящего человека, которому можно доверить передачу для «Красной капеллы» нового шифра и кварцев для радиостанции.

Кин и я прибыли в здешнюю резидентуру практически на пустое место и только-только обзаводились нужными связями и приобретением агентуры.

Прежде всего надо было найти человека, имеющего деловые связи с Германией, совершающего регулярные поездки из Стокгольма в Берлин. Стали искать такого среди наших довоенных промышленных и коммерческих клиентов. Но, увы, многие из них, после того как война прервала торговые отношения с Советским Союзом, связались с фирмами других стран, преимущественно с английскими, а некоторые предпочли немецкие.

Кроме всего прочего, нам требовался человек абсолютно надежный, кому мы могли бы доверить уникальную ценность, которой располагала наша разведка в Европе, — неповторимую «Красную капеллу».

Мы понимали всю важность и ответственность задания. Тем более что срок нам был дан архикороткий — две недели.

Трудно передать наши переживания и каких усилий стоило найти такого человека. Дорожили каждой минутой. Перебрали десятки и десятки персонажей. «Проиграли» самые, казалось бы, невероятные и непредсказуемые варианты. И наконец — о счастье! — нашли.

Меня пригласила жена чехословацкого посланника на дамское чаепитие, и там я познакомилась с женой швед-

ского промышленника, русской по происхождению, но родившейся в Швеции. У нас сразу установился контакт, и мы с Кином подружились с этой семьей.

...Это был человек, назовем его Директор, который в любое время мог отправиться в Берлин по своим коммерческим делам. Я не называю его имени, возможно, он еще жив.

Нужно побывать в нашей шкуре, чтобы понять, как невероятно сложно в течение фактически нескольких суток не только привлечь, но и обучить нового агента правилам конспирации, умению вовремя учесть назревающий срыв, предусмотреть и предотвратить любые случайности.

Наш новый знакомый, теперь уже друг, с немалым трудом воспринимал тонкости и сложности предстоящей работы. Ведь раньше ничего подобного он не знал.

А задание выглядело так. Он должен по приезде в Берлин посетить кладбище и под скамейкой у одной могилы закопать крохотную коробочку с кварцами для радиостанции. На следующий день встретиться со Старшиной — руководителем «Красной капеллы» — и передать ему шифр.

Но как провезти шифр? Я придумала. Взяла кусок тончайшего белого шифона, приклеила кончики воздушной материи к листу бумаги. Вставила эту комбинированную прослойку в пишущую машинку и напечатала на ней шифр, порядок пользования им и условия работы радиостанции. Затем углы шифона срезала и сняла его с бумаги. Напечатанный текст оказался совершенно незаметным. Прочитать можно было, только наложив шифон на белый лист бумаги.

Я купила два одинаковых галстука, распорол один и вырезала из его внутренности часть фланели, которая прилегает к шее. Эту часть я заменила сложенным раз в восемь шифоном с текстом, напечатанным на машинке. Зашила галстук и с победным видом предложила Кину определить, в каком галстуке спрятано письмо на шифоне. Кин долго прощупывал оба галстука, обнаружил — и то не сразу — швы, но похвалил за первоклассную портновскую работу.

Весь вечер Кин растолковывал Директору, как действовать. Галстук «с начинкой» он должен повязать себе на шею, а в коробочку для запонок вложить кварцы и закопать на кладбище в условленном месте. При встрече со Старшиной передать ему галстук с шифром, а другой

такой же надеть на себя. Все, казалось, проще простого, но Директор никак не мог уяснить, почему понадобилось два одинаковых галстука. Понял лишь после популярного объяснения Кина: «За вами и Старшиной может быть слежка. Пришел на встречу в одном галстуке, а ушел в другом. Явная улика!»

Пока Кин обучал Директора элементарным правилам поведения разведчика, я занималась с его женой, назовем ее Катрин, учила вышивать русской гладью. Катрин с восторгом восприняла мои уроки и сказала, что у нее сохранился вышитый гладью ночной чепец ее бабушки.

Все эти дни мы вели активную шифрованную переписку с Центром. «Добро» на вербовку Директора под личную нашу ответственность было дано, план действий утвержден.

И вот он улетел на три дня в Берлин. Мы напряженно ждали его возвращения. И что же? Кин в условленное время пошел к нему и вернулся вконец расстроенный.

— Ты знаешь, Директор не выполнил нашего задания. — Я ахнула. — Он уверял меня, что, как только сел в самолет, все стали обращать внимание на его галстук. Когда шел по Берлину или ехал в метро, тоже отмечал подозрительные взгляды. Галстук не давал ему покоя. Он даже не решился ехать на кладбище. И все привез обратно. Ты подумай...

Признаться, мы были потрясены этой неудачей. Но психологию человека, впервые выполняющего конспиративное задание, можно понять. Его «заклинило» на этом злосчастном галстуке. Всю дорогу ему мерещилось, что встречные только и глядят на коварное украшение, повязанное под воротником его рубашки.

Мы доложили Центру об этой истории, объяснили случившееся неопытностью человека. Сообщили, что на следующей неделе он снова полетит в Берлин и мы со всем тщанием морально и «технически» подготовили его к выполнению задания. В ответ получили крепкий нагоняй. «Плохо работаете». Все же Центр вторичную поездку Директора разрешил.

На этот раз Директор вернулся сияющий, заявил, что все сделал, как поручено, и сам удивляется, откуда у него появилась такая смелость.

Шлем шифровку в Центр. Деловую, спокойную.

Прошло три-четыре недели. Вдруг получаем телеграмму, похожую на разряд шаровой молнии. «Ваш Дирек-

тор — провокатор. Все члены «Красной капеллы» арестованы и казнены». Центр предложил направить Директора в Берлин на связь с нашим бывшим агентом, работавшим в гестапо и разоблаченным, как «двойник». Связь с этим «двойником» прервана. «Вы увидите, — говорилось далее в шифровке, — что Директор вернется из Берлина еще более готовым к услугам нам...»

Мы просидели с Кином всю ночь, не сомкнув глаз. Оплакивали гибель героев «Красной капеллы». Обдумывали происшедшее. Взвешивали все «за» и «против». Как мы могли напороться на провокатора? Неужели ошиблись? И оба пришли к заключению, что в этом провале Директор не повинен.

Директор — честный человек. Словно рентгеном мы просветили множество деталей в его поведении, в его биографии, в его отношениях с нами, все нюансы, которые не изложишь ни в письме, ни в устном докладе.

Мы запротестовали. Что же получается? Если Директор — провокатор, он останется ненаказанным, если он честен, в чем мы уверены, его там схватят и он безвинно погибнет на плахе. Этого допустить нельзя. Погибнет ради чего? Ради того, чтобы Центр убедился в своем неправильном предположении? Не велика ли цена этой жертвы?

Мы настойчиво пытались доказать Центру свою правоту. Последовал приказ: «Выполняйте указание». Мы снова просим все взвесить. В ответ — грубый окрик. Тогда мы решили обратиться к наркому. Просили отменить указание главка, не губить человека.

Через пару дней пришел ответ. Посылка Директора в Берлин отменяется, с ним предложено прекратить всякую связь. Кину приказано отбыть в Москву. Я все поняла — нас решили наказать за непослушание.

...Борис Аркадьевич улетел на английском самолете в Лондон. Взял с собой теплые вещи: смену белья, плед, какие-то консервы, пару обуви. Багаж его не мог превышать пятнадцати килограммов. Так положено, ни грамма сверх!

А в это время в Лондоне наши торговые представители закупили партию пенициллина — новейшего антибиотика, который англичане уже ввели в промышленное производство.

Посол Иван Михайлович Майский объяснил Борису Аркадьевичу, что это чудодейственное лекарство способно

спасти жизнь сотням тысяч людей. Просил взять с собой пятнадцать килограммов пенициллина.

Борис Аркадьевич все понял. Чемодан со своим имуществом передал жене Майского в пользу Красного Креста. Поблагодарил за драгоценный груз и сказал: «Только бы не сбили проклятые фрицы в пути. Везу ведь тысячи жизней».

Лететь в Москву ему довелось через Францию, Португалию, Испанию, Алжир, Ливию, Египет, Иран, Ирак, Баку. В Африке шла война. По прибытии в Москву Борис Аркадьевич был направлен на фронт.

...Только после окончания войны было документально установлено, что «Красную капеллу» провалил не Директор, а другой европейский агент из военной разведки. Директор был реабилитирован, а с полковника Рыбкина снято тяжкое обвинение.

Ее главный подвиг

Глава 20

ВБЛИЗИ

Мы встретились с Александрой Михайловной Коллонтай у входа в посольство. Она вышла из машины, я соскочила с седла велосипеда.

— О, кстати, вы мне нужны,— сказала Александра Михайловна.

Горничная Рагнер ждала у раскрытого лифта, чтобы его кто-нибудь не перехватил и не заставил посла ожидать. Я обратила внимание на ярко-красные пятна на лице и шее Александры Михайловны. Глаза ее лихорадочно блестели и были, как мы их называли, «грозовыми». Я молчала и решила не задавать вопросов, видя, что Александра Михайловна чувствует себя плохо, явно поднялось давление. Она заметила мой тревожный взгляд и сказала:

— Была у Гюнтера, изругалась. Министр всячески оправдывался. Мол, это никакое не нарушение нейтралитета: немцы везут через Швецию раненых или возвращают выздоровевших, то же самое с военной техникой, в ремонт и из ремонта. Я выложила ему всю цифирь, которую от вас получила...

И тут я, к ужасу своему, вижу, что у нее вдруг скривились губы, перекосилось лицо и она медленно сползает по стенке лифта. Мы с Рагнер подхватили ее. Лифт остановился, и бесчувственную Коллонтай мы внесли в ее квартиру.

Мгновенно был собран консилиум. Врачи признали положение безнадежным. Пришла карета с красным крестом. Александру Михайловну положили на носилки, она была без сознания. Ее поместили в больницу.

Слухи о болезни Коллонтай распространились по всей стране, газеты предсказывали печальный конец. Журналисты с блокнотами в руках круглосуточно дежурили в приемном покое на первом этаже больницы Красного

Креста. У Александры Михайловны перебивали все «звезды» здешней медицины и все предсказывали неминуемый летальный исход. Кто-то посоветовал пригласить молодого профессора Нонну Сварц, уже имевшую в Стокгольме хорошую репутацию.

В холле перед палатой Коллонтай были советники и дипломатические работники посольства, сменяли друг друга. Нонну Сварц разыскивали на каком-то ученом симпозиуме. И вот она здесь. Высокая, спортивной стати, красивая, очень молодая, по виду лет 25—30. Профессор подробно ознакомилась с заключениями других специалистов, обследовавших Александру Михайловну, и с чувством неудовлетворенности отодвинула папку.

— Я должна обследовать госпожу министра,— сказала она и прошла в палату.

Мы сидели молча. Ждали заключения профессора. Она вышла погруженная в свои размышления. Наши мужчины поднялись.

— Положение весьма и весьма тяжелое. Жить мадам министр осталось недолго, несколько дней. Она лишена дара речи, парализована вся левая сторона. Однако надежда у меня теплится. Я могу предложить одно средство, которое прошло процесс эксперимента, но еще не утверждено,— и она назвала по-латыни лекарство.— Это сильное средство, оно должно вызвать кризис: или — или... Продлить существование можно лишь на несколько дней, лекарство же это даст немедленный эффект...

Я видела, как растерялись наши мужчины. Запрашивать Москву нет времени. А все мы в таких вопросах некомпетентны. Разгорелась острая дискуссия шепотом. Одни говорили, что надо довериться профессору Нонне Сварц, другие считали, что немедленная смерть от этого лекарства ляжет невыносимо тяжелым грузом на наши плечи.

— Я жду,— раздался требовательный голос профессора.— Я ждать могу, но болезнь ожидания не терпит.

Старший советник Владимир Семенович Семенов сказал:

— Надо верить судьбу Александры Михайловны в руки профессора. Иного выхода нет.

Получив согласие дипломатов, профессор Сварц сделала знак сопровождавшей ее медсестре, та подала ей свежий халат и понесла за ней аккуратный кожаный саквояж, очевидно медицинского назначения.

— *Omnia mea mecum porto!*¹ — кивнула профессор на саквояж.

Наступили мучительные минуты. Курильщики нервно поглощали антитабачные леденцы, боялись произнести лишнее слово. Прошло десять, пятнадцать минут, полчаса, сорок пять минут, прошел уже час. Что же это значит? Хорошо это или плохо?..

Наконец профессор вышла из палаты. Все краски погасли на ее цветущем лице. Она была бледна.

— Мадам Коллонтай будет жить, — говорит она и почти падает в кресло. — Мадам министр пришла в себя и даже узнала меня.

Владимир Семенович расцеловал руки профессора, даже не заметив, что они были еще в резиновых перчатках.

Нонна Сварц выходила из здания больницы Красного Креста сквозь строй журналистов, повторяя: «Мадам министр будет жить, мадам Коллонтай родилась под счастливой звездой».

На следующий день газеты писали, что в отличие от прошлогодней утки, подкинутой Геббельсом в шведскую печать, о смерти Черчилля, на этот раз шведские газеты воздержались от преждевременных мрачных прогнозов и сообщили, что «мадам Коллонтай будет жить».

Шли недели и месяцы медленного, но верного выздоровления. Восстановилась речь, но левая рука и нога оставались неподвижны. Александра Михайловна передвигалась в коляске. После больницы, осенью 1943 года, ее перевезли в санаторий Мёсеберг, на юге Швеции. Туда к ней не реже двух раз в неделю (чаще врачи не разрешали) приезжали работники посольства.

Со мной в то же время произошла беда. Мне пришлось перенести тяжелую операцию, после которой врачи рекомендовали реабилитироваться в санатории, и Александра Михайловна потребовала, чтобы меня привезли к ней в Мёсеберг.

Я провела с Александрой Михайловной целый месяц, который стал для меня университетом. За эти дни совместного пребывания в санатории мы ближе узнали друг друга и о многом было переговорено. Я глубже и лучше познала

¹ «*Omnia mea mecum porto*» (лат.) — «все мое ношу с собой», изречение греческого мудреца Биаса.

ее облик и хочу рассказать о своих собственных наблюдениях, о которых ни в каких книгах не сказано. Ведь большинство биографов лично не встречались с Александрой Михайловной и писали со слов других или использовали архивные материалы.

С чего же начать? Начну с ее образа жизни, с ее облика женщины.

...Квартира Александры Михайловны. Здесь редко кто бывал. Встречи с сотрудниками посольства, иностранными дипломатами, шведскими гостями происходили в официальных апартаментах посольства на Виллагатен, 16, на втором этаже. А ее квартира — на третьем. Три маленькие комнаты: гостиная, кабинет и спальня. В гостиной круглый стол, покрытый старинной плюшевой скатертью, два кресла возле, у стены диван. На столе всегда ваза с цветами... Домашний кабинет не больше шести-семи метров. Маленький дамский письменный стол на выпуклых точеных ножках, на нем чернильный прибор. На стенах в рамках портреты родных и близких. Книжный шкаф с любимыми книгами. В спальне торцом к стене широкая тахта, зеркальный шкаф. У двери на балкон — кресло-качалка. На балконе кормушка для птиц и ящичек с конопляным семенем. У тахты на стуле старенький патефон с единственной пластинкой: под мелодию вальса «На сопках Маньчжурии» Александра Михайловна утром делала зарядку. Никаких статуэток, украшений, картин в квартире не было. В спальне — большой портрет подруги, Ларисы Рейснер, погибшей в 1926 году.

НАША СПРАВКА

РЕЙСНЕР Лариса Михайловна (1895—1926) — русская писательница. В годы Гражданской войны была бойцом и политработником в частях Красной Армии. Член КПСС с 1918 года. Автор цикла очерков «Фронт» о событиях Гражданской войны в период 1918—1922 годов, опубликованных в 1924 году. Ее перу принадлежат также книги «Гамбург на баррикадах», «Уголь, железо и живые люди», «Берлин в октябре 1923 года», «Афганистан», «В стране Гинденбурга». Лариса Рейснер является также автором исторических очерков о декабристах и пьесы «Атлантида», опубликованной в 1913 году.

Я уверена, что у горничной Коллонтай, Рагнер, квартира была обставлена более комфортабельно, за исключением книг, конечно.

...А вот служебный кабинет был в другом стиле. Светлые стены увешаны фотографиями. В простенке между окнами — портрет Владимира Ильича Ленина. Такая необычная фотография: лицо гладко выбрито, умную усмешку не скрывают усы и борода, и под высоким лбом особенно привлекают внимание темные глаза. Фотография 1910 года в Париже. Именно тогда Александра Михайловна металась и искала свой путь — с кем идти и решила: с большевиками, с Ильичем. Но решение это пришло не сразу. Она находилась в плену обаяния личности Георгия Валентиновича Плеханова. Его фотография висит между книжными шкафами... Старые добрые друзья и единомышленники: Клара Цеткин, Роза Люксембург, Карл Либкнехт. Александра Михайловна несколько лет работала в германской социал-демократической партии, в левом крыле ее... Лаура и Поль Лафарги. С дочерью Маркса Лаурой и ее мужем Полем Лафаргом Александра Михайловна подружилась в Париже в годы эмигрантских скитаний... В комиссарской куртке Яков Михайлович Свердлов... Надежда Константиновна Крупская... Алексей Максимович Горький... Анатолий Васильевич Луначарский... Джон Рид... Бернард Шоу, изображенный карикатуристом Леем в виде боксерской перчатки. Фридьоф Нансен... Август Стриндберг... Соратники, друзья, добрые знакомые. Почти на каждой фотографии — автограф.

Одна стена в кабинете занята книжными шкафами. Здесь пухлые в желтом картонном переплете томики первого издания собрания сочинений Ленина с многочисленными закладками. Большая справочная библиотека по вопросам международного права, дипломатических отношений, книги видных государственных деятелей мира. Энциклопедия Брокгауза и Ефрона. Сочинения Пушкина, Гоголя, Некрасова, Гёте, Гейне, Шиллера, Шекспира, Мольера, Бальзака, Ибсена, Стриндберга. Многоязычная библиотека говорит о том, что владелец ее — полиглот с широким кругом интересов. Александра Михайловна читает все только в подлиннике.

На полу ковер неброских тонов, с протоптанной дорожкой от дверей к столу, подарок Серго Орджоникидзе.

В полированной поверхности письменного стола отражается хрустальная ваза. В ней всегда свежие розы золо-

тистых оттенков. К чайным розам у Александры Михайловны страсть с юных лет. Большой перекидной календарь испещрен пометками не только на день сегодняшней, но и на много дней вперед. В нем Александра Михайловна записывает памятные даты: дни рождения членов советской колонии, своих друзей, чтобы вовремя поздравить, национальные праздники иностранных государств, предстоящие приемы. В маленькой изящной конторке — стопки нарезанной бумаги, конверты, остро отточенные карандаши, визитные карточки. В особом отделении — письма, требующие ответа, впрочем, это отделение к вечеру освобождается. В обычае Александры Михайловны отвечать на письма, от кого бы они ни поступили, в тот же день. Деликатно тикают настольные часы в деревянной оправе. Каждая вещь всегда на своем месте, можно найти ошупью. Даже в самые бурные дни деятельности советского посла на столе образцовый порядок.

Письменный стол стоит торцом к окну. С левой стороны от рабочего жесткого кресла — тяжелая портьера. И мало кто знает, что за портьерой скрывается продолговатое зеркало и полочка под ним с расческой, пудреницей, губной помадой, духами, карандашом для бровей. Секретарь докладывает об очередном посетителе и знает, что надо помедлить минутку, пока Александра Михайловна отвернет портьеру, взглянет в зеркало, проведет расческой по челке, обмахнет лицо пуховкой, проконтролирует себя — не слишком ли усталый вид.

...О нарядах Коллонтай писали газеты, и Александра Михайловна смеялась до слез, читая о драгоценных фамильных шиншилах, в которые досужие журналисты превратили ее шубу из канадской кошки, или о фамильных бриллиантах. Нет слов, Александра Михайловна была одета элегантно, чуть-чуть модно и из моды выбирала только то, что ей шло, нравилось. У нее был свой, «коллонтайский» стиль во всем. Тонкие руки не соответствовали несколько располневшей с годами фигуре, но пышные рукава, перехваченные в нескольких местах лентами, воротник «а-ля Медичи» превращали скромное строгое платье в королевское.

Александра Михайловна не признавала вязаных кофт. «Это старушечье одеяние», — говорила она, и, если в квартире или кабинете было прохладно, она набрасывала на плечи накидку, сделанную, очевидно, из старого бархатного платья и опушенную по краям беличьим или кроличьим мехом.

Она умела носить вещи и часто очень тактично давала советы нашим женщинам на этот счет. Скажем, придет машинистка на работу в платье из парчи. Александра Михайловна скажет: «Весьма милое платье, очень вам идет, но дело в том, что в этой стране принято носить на работу или костюм, или свитер неблестящий. Понимаете, мы должны приспосабливаться к местным обычаям. Хотя и в нашей стране вы вряд ли наденете такое платье на работу». Она охотно давала советы, что сделать, как сшить, и говорила: «Модно то, что вам к лицу, модно то, что скрывает какие-то недостатки в фигуре». И женщины на всяких собраниях, приемах, праздничных вечерах ловили взгляды Коллонтай, и каждой она умело подсказывала, что «хорошо», что «лучше», не говоря о том, что плохо.

Любимые духи Александры Михайловны были «Суар де Пари», и в свои семьдесят лет она пользовалась духами, карандашом для бровей, губной помадой, пудрой, но только «чуть-чуть».

Александра Михайловна всегда подбирала к своему костюму шляпу и потом сидела и подправляла ее, тоже «чуть-чуть». То снимет лишний цветок, то вуалетку повяжет иначе, вместо перышка приколет булавку под цвет платья, опустит ниже поля или, наоборот, поднимет. Я не раз заставляла ее за этим занятием, и это было ее единственное рукоделие.

Кухонную страпню она не любила. К еде относилась равнодушно. Утром чашка не очень крепкого кофе с крохотной булочкой, кусочком сливочного масла и чайной ложкой мармелада. Обед самый неприхотливый, но зато к пятичасовому чаю всегда ждала от посольской поварики Анны Ивановны меренги, или булочку с тмином, или какой-то новый, изобретенный Анной Ивановной кекс. Вечерний чай называла пиршеством, хотя это «пиршество» составляло всего одно небольшое пирожное. На ужин простокваша и ломоть черного хлеба.

В посольстве на приемах, как обычно, гостям предлагался коктейль, о котором в дипкорпусе подшучивали, и часто всякие безалкогольные напитки называли «коктейль а-ля мадам Коллонтай». Застолье в советском посольстве всегда, а особенно во время войны, было скромным. И если у американского посла к обеду подавалась фаршированная индейка и зимой свежая клубника, Александра Михайловна потчевала гостей вкусно, но не перегружая

излишней пищей и не дурмания голову алкоголем. Сервировку стола она брала на себя. Для этого в буфете у нее был набор всевозможных фигурок, ваз. Посередине стола могли быть поставлены низкие вазы с цветами, или фарфоровые статуэтки, или шахматные фигуры — изделия и подарки художников-стеклодувов с фарфоровых заводов, палехских мастеров, резчиков по дереву, кости и других умельцев.

Я была свидетелем, когда Александра Михайловна указывала хозяйственнику развесить в столовой тарелки, которые она получала в подарок в первые годы революции от рабочих фарфоро-стекляных заводов. «Повесьте, пожалуйста,— говорила она,— вот эту». «Тарелка будет висеть,— продолжала она,— как раз напротив американского посланника Джонсона». На тарелке были изображены серп и молот, а по краю написано: «Кто не работает, тот не ест». «Он поймет намек, что давно уже пора открыть второй фронт». А против английского посланника сэра Виктора Маллета она распорядилась повесить тарелку с надписью: «Царствию рабочих и крестьян не будет конца». И при этом с усмешкой добавила: «Говорят, Маллет принялся изучать русский язык. Если не поймет, я ему переведу».

Александра Михайловна гордится тем, что ни одной государственной копейки на официальные подарки она не тратит: посылает дипломатам и государственным деятелям цветы, которые дарят ей.

...Коллонтай собирается на обед к английскому послу и осматривает многочисленные корзины с цветами. Цветы в посольстве всегда в изобилии — в корзинах, в вазах. Их присылают Александре Михайловне союзные дипломаты, шведские общественные деятели, писатели, художники — по всякому поводу и без повода, просто в знак почтения и признательности.

«Пошлите сэру Виктору Маллету вот эту,— говорит она секретарше, указывая на золоченую корзину с ландышами и крокусами,— только замените там карточку на мою визитную». И шофер отвозит корзину в английское посольство.

Вскоре в кабинете Коллонтай раздается телефонный звонок. Говорит сэр Виктор. «Мадам министр, неужели я огорчил вас — прислал цветы, которые вам не понравились, и вы их мне вернули». Александра Михайловна молниеносно находит: «О, что вы, сэр Виктор! Мне так

~~переправилась~~ ваша очаровательная корзина, что я заказала точную копию». — «Целую ваши руки и восхищаюсь вашим искусством», — отвечает посланник Маллет.

...В 9 часов утра Александра Михайловна спускается из своей квартиры в рабочий кабинет. По стуку каблучков на лестнице дежурная охрана посольства сверяет свои часы. И уже слышится звонкий, удивительно мелодичный и молодой голос: «Доброе утро! Вы не забыли, что сегодня приезжают дипкурьеры? Приготовлена ли для них комната? Очень хорошо. Спасибо... Анна Ивановна, чем это вам удалось так отчистить медные заслонки, сверкают, как на военном корабле. Да? Великолечно, но к этому порошку нужны еще и золотые руки... Александр Николаевич, поручите перевести статьи, отмеченные мною синим карандашом. В первую очередь из «Хувудстагбладет» и «Обсервера».

Александра Михайловна проходит к себе в кабинет, по пути в приемной чуть задерживается перед трюмо. Зеркало отражает среднего роста женщину в темном платье, о котором не скажешь «строгое». Какая-то деталь — брошка, белая кружевная подпушка под воротником, а главное, рукава придавали всегда нарядный и элегантный вид. Платьев не так много, а рукавов к ним несколько пар. Можно скомбинировать целый гардероб, отдать чуть-чуть дань моде, дипломатическому протоколу.

Голова увенчана слегка выющимися подстриженными волосами, в которых поблескивают серебряные нити, высокий выпуклый лоб прикрывает челка.

На шее неизменная тоненькая золотая цепочка, к которой прикреплен лорнет.

Очки? Да, она ими пользовалась, когда сидела одна в кабинете и писала, но... «Очки больно давят на переносицу, очки можно забыть, потерять, лорнет же всегда при себе, а впрочем, — смеется Александра Михайловна, — не люблю я очков, не идут они мне».

Внимание собеседника приковывали глаза Александры Михайловны, большие, чуть скошенные складочками век, очень синие глаза, не поблекшие даже в преклонные годы. И над ними, как два чутких крыла, густые темные надломленные брови. Ни один портрет не мог передать этих глаз, освещенных большой мыслью, то по-матерински ласковых и чуть грустных, то лукавых и веселых, то грозowych.

Но никогда их не заволакивало безразличие, равнодушие.

Рядом с ней не уживались будни, скука. Живая, темпераментная, веселая, она не любила даже на официальных приемах чинных и монотонных разговоров, всегда взрывала чопорную напыщенность остроумным словом. И никто так не умел смеяться и наслаждаться смехом, как Коллонтай. Смеялась она звонко, открыто, душевно.

Александра Михайловна обладала редким даром быть доступной, находить контакт с каждым человеком. В настольном календаре рядом с записью «обед у сэра Виктора Маллета» отмечен день рождения жены инженера торгпредства — послать открытку. Внимательна ко всем. С ней легко и просто и шоферу, и школьнику, и какой-нибудь старушке, пришедшей в посольство справиться о сыне, живущем в Советском Союзе. С первых слов пропадали у человека скованность, смущение. Она умела не подавлять, а возвышать человека.

Тяжело приходилось с ней иностранным дипломатам, сановникам, промышленникам. Сидит, бывало, в приемной какой-нибудь банкир, ворочающий миллионами, курит сигарету за сигаретой, поглядывает на часы. И, когда стрелка приближается к той минуте, на которую назначена аудиенция, начинает сдвигать с себя пылинки, нервно поправляет галстук, одергивает полы пиджака, весь подбегается и перед самыми дверями старается отдышаться, чтобы не внести табачного дыма в кабинет.

Как-то я сидела у Александры Михайловны и докладывала ей о ходе работы в пресс-бюро. Она посмотрела запись в календаре, отвернула обшлаг, глянула на часы и сказала:

— Через пару минут ко мне придет Генеральный консул оккупированной Бельгии. Его эмигрантское правительство в Лондоне. Вы оставайтесь здесь. Этот визит вежливости продлится не более пяти минут, и мы с вами продолжим...

В назначенное время порог кабинета переступил высокий элегантный старик. Представился. Александра Михайловна сразу завязывает разговор не о погоде, не о театре, как принято на таких приемах, а о жгучем вопросе объединения сил против фашизма, о втором фронте.

Затем незаметно взглянула на часы — неувловимое, одной ей свойственное движение, означающее, что аудиенция закончена.

А старый консул замялся. У него еще личный вопрос.

Он извлекает из нагрудного кармана небольшую фотографию на плотном картоне, протягивает ее Александре Михайловне.

Она вскидывает лорнет:

— Как? Это моя фотография. Здесь мне, наверное, лет семнадцать, но у меня нет такой. Откуда она у вас? Консул широко улыбается:

— О, мадам, с тех пор прошло более полувека, а точнее — пятьдесят три года. Ваш папа был тогда начальником иностранного отдела русского генерального штаба. Я был всего адъютантом у нашего военного атташе. Вы иногда появлялись на балах.

— Да, но это бывало редко, я уже тогда бежала от светской жизни.

— Я же был на каждом балу, искал вас. Имел дерзость посылать вам цветы, часами ходил возле вашего дома в надежде увидеть вас. Перед отъездом из России мне посчастливилось купить у фотографа этот ваш портрет. И сейчас, когда мое правительство предложило мне пост Генерального консула, я просил направить меня в Швецию, зная, что вы здесь. Я всю жизнь следил за вами. Читал ваши статьи и книги о рабочих, о социалистическом движении, не понимал вас. Когда узнал, что вы стали министром большевистского правительства, просто ужаснулся. Мне казалось, что вам уготована другая судьба. Увы, должен признаться, что в числе многих я не верил в прочность Советского государства. Сожалел о вас. А теперь пришел к вам, чтобы низко поклониться и высказать свое восхищение и глубокую признательность вам, вашей стране, вашему народу, который выносит на своих плечах судьбу нашей планеты.

Александра Михайловна протягивает консулу руку.

— В большой жизни какие только дороги не перекрещиваются, какие только встречи не происходят.

Консул ушел. Александра Михайловна сидит, задумавшись, постукивает лорнетом по столу, улыбается своей далекой юности. Рассказывает мне, что тогда, в семнадцать лет, она шла вместе с отцом, стуча каблучками о торцы, прислушиваясь к звяканью шпор позади нее. О, юности! Жалеет ли она о ней? Нет. Каждая пора жизни по-своему прекрасна, неповторима, и, умудренная опытом большой жизни, старость тоже красива, если только каждый день заполнен заботами о чем-то большом, когда некогда оглянуться назад, а смотришь все время

вперед. Тогда и старость отстает, не может угнаться за мудростью.

Вспоминается день 7 ноября 1943 года. В посольстве готовятся к приему. Прибудут шведские официальные лица и дипломаты союзных стран, а также стран, с которыми у Советского Союза существуют дипломатические отношения. Но японский и болгарский посланники на общий прием прийти не могут. Япония и Болгария в состоянии войны с США и Великобританией, а с Советским Союзом сохраняют дипломатические отношения.

Александра Михайловна предлагает мне помочь ей «занять» японского, а затем и болгарского посланника. Первым приходит поздравить с национальным праздником японский посланник. Входя, он низко кланяется, широко улыбается и поздравляет. Подают чай. Александра Михайловна заводит разговор о погоде, спрашивает, как переносит посланник шведский климат. Японский дипломат покашливает, нервничает, слова у него застревают в гортани. Наконец он улучшает момент и спрашивает:

— Госпожа министр, я имею поручение моего императорского правительства выяснить ваше личное мнение, как сложатся отношения между нашими странами после войны с Германией, которая, как теперь можно полагать, окончится вашей победой.

Лицо Александры Михайловны непроницаемо. Она звонит в серебряный колокольчик.

— Пожалуйста, еще чаю,— говорит она вошедшей горничной и обращается с вопросом ко мне:

— Вы знакомы с японским искусством составлять букеты цветов? Это изумительное искусство — икебана.

Я отвечаю, что нет, не знакома. Александра Михайловна начинает живо рассказывать об этом сложном искусстве под одобрительные и восхищенные реплики посланника. Но он заинтересован в другом.

— Госпожа министр, я хотел бы знать ваше личное мнение. Существует ли соглашение СССР с вашими великими союзниками в отношении Японии?

— Одну минуточку,— говорит Александра Михайлов^{на}, подходит к столику, берет толстую японскую книгу со множеством цветных фотографий икебана и спрашивает посланника:

— Скажите, это последнее издание? Я очень внимательно слежу за развитием этого вида искусства.

Японский посланник смахивает платком обильный

пот со лба, умоляюще смотрит на советского посла.

Александра Михайловна делает какое-то неуловимое движение, означающее, что аудиенция закончена. Распаренный японец с отчаянным видом встает со стула, низко кланяется и уходит.

Александра Михайловна тоже вздыхает, снимая напряжение, и звонко смеется:

— Бедный посланник, он сейчас возьмется за эту книгу и будет гадать. Я ему показала несколько сочетаний букетов, никакого отношения к интересующему его вопросу не имеющих. Я же его не спрашивала, почему Япония держит Квантунскую армию у наших границ в Маньчжурии.

Затем является болгарский посланник. Его занимает тот же вопрос. Он тоже пытается узнать «личное мнение» мадам Коллонтай, каковы планы Советского Союза в отношении Болгарии. Правительство царя Борис связало судьбу страны с гитлеровской Германией. Болгарский народ ведет героическую борьбу против фашизма, в стране действуют сотни партизанских отрядов. Все это известно Коллонтай, и она понимает состояние посланника фашистского правительства Филова, но... Александра Михайловна спрашивает болгарина, каков был урожай на розовое масло в истекшем году, вспоминает свое раннее детство, проведенное в Болгарии, когда ее отец, полковник царской армии, участвовал в русско-турецкой войне, освободившей Болгарию от турецкого ига, и был одним из авторов первой болгарской конституции. Предлагает посланнику попробовать печенье, которое напоминает ей болгарскую банницу.

Но посланник Филова настырен.

— Болгария высоко ценит подвиг вашего отца, генерала Домонтовича, и во имя старой дружбы...— болгарский посланник машинально вынимает из кармана пачку сигарет, вертит ее в руках.

— О, я доставлю вам сейчас удовольствие,— говорит весело Александра Михайловна.— Курите, разрешаю. Кстати, мадам,— указывает она на меня,— тоже курит и, наверное, уже проголодалась,— а затем следует движение, означающее: «Пора и честь знать»...

Болгарин ищет глазами пепельницу, сует сигарету в чашку с недопитым кофе и откланивается.

— Я уверена, что он сейчас пойдет гадать на кофейной гуще,— замечает Александра Михайловна, обмахиваясь веером.

...Александра Михайловна много читала. Читала быстро, схватывая основную мысль, не забывая проследить и за формой, и за средствами изображения. Мне кажется, что ничто так не характеризует и не раскрывает человека, как его отношение к книге, обращение с ней. Александра Михайловна брала в руки книгу каким-то удивительно бережным движением и перелистывала страницы с верхнего угла.

За утренним кофе она просматривала кипу газет. Толстый карандаш, с одной стороны красный, с другой синий, всегда лежал перед ней на столе. Она отчеркивала красным то, что следует немедленно перевести и по линии ТАСС сообщить в Москву; синим — что надо перевести и с чем ознакомить военного, военно-морского, торгового атташе или своих советников. Тогда она писала на полях инициалы: «Н. И.», что означало «Николаю Ивановичу» (военный атташе), и такие характерные пометки «нотабене», знаки восклицания, вопросительные. Опустошенные газеты сбрасывались ею на пол. Газета интересовала ее, пока она была в ее руках, а затем она превращалась, как говорят сейчас, в макулатуру.

Иное дело книга. К книгам, особенно любимым, она возвращалась не раз и, протягивая руку за ней, как бы приглашала к собеседованию.

В чтении, в разговоре Александра Михайловна очень легко переходила с одного языка на другой, скажем, с французского на шведский или с итальянского на немецкий, с английского на болгарский. Читала газеты на всех европейских языках, в том числе на нидерландском, румынском, греческом, чешском и других. На скандинавских языках она говорила с милым акцентом, который восхищал шведов, норвежцев, датчан. Натренированная память ее хранила сотни стихов, поэмы, и тоже на многих языках. Рядом с ней становилось совестно, что не можешь справиться с произношением шведского «у» (среднее между «ю» и «у») и, садясь в такси, несколько раз повторяешь водителю адрес посольства «Виллагатан шюттон» (Виллагатан, шестнадцать).

...Впервые я увидела Александру Михайловну Колонтай в Москве в Главконцесскоме в 1929 году. Она приехала с норвежскими коммерсантами для переговоров о концессии по отлову тюленей в наших водах. Она

поразила мое и не только мое воображение и своей элегантностью, и простотой, и восхитительной манерой интересно говорить о юридических пунктах договора, о выплавке тюленьего жира и выделке шкур. Она была и прекрасной дамой, и бизнесменом, и дипломатом, и поэтом одновременно.

Позже, когда я познакомилась с Александрой Михайловной ближе, я спросила, откуда у нее такие коммерческие навыки. Она пояснила, что в начале 1923 года Ленин посоветовал ей поехать в Норвегию торговым представителем и закупить там сельдь. Наша страна только-только выходила из голода. Но Александра Михайловна не умела торговать. Где, у кого учиться? «Учитесь у приказчиков», — посоветовал Владимир Ильич. В Норвегии она встретилась с рыбопромышленниками. Торговались. Понимала, что каждая выторгованная крона на центнере — это лишние рыбины, лишний килограмм рыбьего жира, так необходимого изголодавшимся людям, особенно детям. А предприниматели не уступали. Александра Михайловна вынула блокнот и принялась писать столбики цифр. «Мадам проверяет средние мировые цены на сельдь?» — поинтересовались норвежцы. «Нет, — ответила Александра Михайловна, — я высчитываю, сколько лет мне нужно будет прожить и проработать, чтобы покрыть разницу из своего заработка между ценами, назначенными мне моим правительством, и теми, которые предлагаете вы. Получается очень много, что-то около двухсот лет». Норвежцы умеют ценить шутку. Коммерсанты оказались джентльменами и установили нормальную, принятую на мировом рынке цену на сельдь...

Обаяние Александры Михайловны было огромно. Она обладала редким даром входить в контакт с людьми, окружать себя талантливыми помощниками. В некоторых очерках, появившихся в печати, и в кино Александра Михайловна показана во время войны одинокой, несчастной, изолированной. Даже в посольстве, по мнению иных авторов, бродили какие-то бестелесные тени. Это глубокое заблуждение, если не сказать, досужий вымысел. На самом деле она умела выкристаллизовывать и собирать вокруг себя здоровые силы. Так было и в самом посольстве, и в стране пребывания, в данном случае в Швеции.

Александра Михайловна встретилась с известным профессором-химиком Пальмером, который в свое время был на симпозиуме в Ленинграде, влюбился в этот город, в его

людей, в архитектурные памятники и ансамбли Северной Пальмиры, и предложила ему создать в Швеции Общество друзей Советского Союза и стать его президентом. Профессор охотно согласился и, более того, помог развернуть филиалы общества в крупных городах страны. В Гётеборге общество возглавил главный арбитр страны Пинеус.

Это общество, в свою очередь, способствовало возникновению клубов, в которых женщины шили, вязали теплые вещи для наших людей, главным образом для детей Ленинграда и партизан. Таких клубов в Швеции было более трехсот. Устраивались также благотворительные вечера, на них знатные дамы из влиятельных слоев общества сервировали столы, угощали чаем, за стакан которого приглашенные платили крупные суммы. Один видный судостроитель заплатил за чашку чая с русским бубликом пятьсот крон. На эту сумму можно было купить пять-шесть детских меховых комбинезонов.

Александра Михайловна откликалась на просьбы посетить вернисажи художников.

— Сегодня мы с вами идем к принцу Евгению. Он будет показывать свои новые картины,— сказала она мне.— Кстати, заедем в «Темпо» и чем-то освежим платья.

В магазине «Темпо» любая вещь стоит одну крону: перчатки, чулки, воротнички, украшения, пуговицы и прочее. Александра Михайловна выбрала две брошки: одну для себя с хрустальными камешками и другую для меня с сиреневыми стекляшками.

— Эта брошка хорошо будет выглядеть на черном бархате,— говорит она задумчиво.

Я смущена:

— Александра Михайловна, ну как можно вам являться к принцу в таких «драгоценностях»?

Коллонтай быстро парирует:

— Я надеюсь, что принц Евгений не приглашает на прием ювелиров. Он художник, понимает толк в живописи, а вот отличить хрусталь от бриллиантов чистой воды едва ли может. Кроме того, мне кажется, он близорук. И кто посмеет подумать, что мадам Коллонтай носит украшения из простого стекла. На бриллианты у меня нет ни денег, ни охоты их носить. Будешь думать — как бы не потерять, а у меня голова занята другими, более важными заботами,— смеется она.— Вам, полагаю, полезно познакомиться со многими великосветскими дамами. Они не чопорны, вместе с тем плохо знают нас, советских,

и Россию вообще и поэтому проявят к вам интерес.

И действительно, на этом приеме я познакомилась с графиней Поссе, которая тут же пригласила к себе на дамский чай, затем с четой иранского посланника, он после войны был послом Ирана в Москве, с рядом крупных промышленников, деловых людей. Все они, за малым исключением, приветствовали Коллонтай, и советский посол была, как сказал бы Лев Николаевич Толстой, «главным угощением» на вернисаже.

...Длинными зимними вечерами мы устраивались у радиоприемника. В Швеции во время войны радиоприемниками пользовались свободно, их не сдавали. Но гитлеровцы глушили радиопередачи из Советского Союза, Великобритании и даже из Швеции, что вызывало яростный протест шведов.

В полночь, как обычно, я слушала и записывала московские передачи, сводки Совинформбюро, утром за завтраком рассказывала последние новости Александре Михайловне. Она строго выполняла предписанный врачами режим — ложилась спать в 10 часов вечера.

У Александры Михайловны была потребность высказаться, поделиться своими мыслями. Мы говорили обо всем — о любви, о семейных отношениях, о положении наших женщин, и, конечно, главной темой была война. Как-то, передавая сводку Совинформбюро, я прочитала, что наши части понесли большие потери. Александра Михайловна, постучав лорнетом по столу, что означало крайнюю степень ее волнения, произнесла:

— Вы знаете, война началась значительно раньше, в 36, 37, 38-м годах. С тех пор вокруг меня образуются пустоты, исчезали один за другим мои друзья. Я знала всех наших военачальников. Кто из них остался?.. Я до сих пор гадаю, в чем провинился Михаил Николаевич Тухачевский. Старые военные специалисты, например Сергей Сергеевич Каменев, считали маршала Тухачевского одним из крупнейших военных теоретиков.

В эти минуты я вспомнила: в 30-е годы наша разведка получила сведения от нашего агента в Германии, что Тухачевский, находясь в плену у немцев во время первой мировой войны, был завербован ими и ему был организован «побег» из лагеря военнопленных.

Накануне войны я искала в архиве НКВД следственное

дело на Тухачевского, но нашла лишь одну папку с двумя-тремя листочками-«объективками». Следственного дела в архиве НКВД не оказалось, и никаких материалов, подтверждающих версию о «шпионаже» Тухачевского, я не обнаружила. А версия приобрела уже официальный характер, была прочно пригвождена в сознании общественности.

После смерти Сталина в ЦК партии была создана комиссия по расследованию дела Тухачевского. Меня вызывали на Старую площадь. Я изложила в объяснительной записке официальную версию о Тухачевском и написала свое мнение, смысл которого заключался в том, что это дело, по всей вероятности, сфабриковано в недрах германской разведки, чтобы уничтожить ведущего военачальника враждебного им Советского государства. Сейчас выясняется, что тогдашний наш агент в Германии — жена высокопоставленного чиновника германского МИДа — была расшифрована как наш агент и через нее подбрасывалась эта чудовищная «деза» о Тухачевском.

...Александра Михайловна положила мне руку на плечо и с горечью сказала:

— Знаете, как страшно было открывать газеты. Еще один... еще несколько... Враги народа... Как страшно... Когда я вхожу в свой кабинет и смотрю на развешанные фотографии, передо мной мемориал, я ступаю на ковер и каждый раз вспоминаю незабвенного Серго. Многое открыто неизвестностью... Безумно, горько терять друзей. И наконец, этот выстрел Павла Дыбенко. Он понимал, что за ним пришли, и покончил с собой...

Я все время слушала молча, но здесь спросила:

— Это была ваша самая страшная потеря?

— Нет,— ответила Александра Михайловна.— Павел уже не был для меня крылатым эросом. Но товарищем по партии, по идее он оставался.

В комнату вошла горничная, принесла «дежурную» простоквашу.

— Так¹,— принимая стакан, поблагодарила Коллонтай.

— Так,— ответила горничная, забирая поднос.— Гут нат,— пожелала спокойной ночи она и сделала книксен. Уходя, снова сказала: — Так со мюкет!

¹ Спасибо (норв.).

Александра Михайловна рассмеялась:

— Норвежцы в этом смысле более рациональны. Они сразу говорят: «Тюссен так!», отпускают вам одним разом тысячу благодарностей, а шведы эту тысячу выдают поодиночке...

— Я влюблена в Норвегию,— призналась я.

Александра Михайловна обратилась ко мне с неожиданным вопросом:

— Зачем вы вышли замуж?

— Брак по любви,— ответила я.

— Я за любовь, самую крылатую, поэтическую, красивую, но зачем брак? Зачем эти узы?

— Я хочу иметь мужа, и каждый раз дома, когда я прихожу с работы часа в четыре утра, а случается так, что он приходит раньше, я сажусь на сундук перед вешалкой, смотрю на висящую шинель, папаху, начищенные, приготовленные к утру сапоги, я знаю, это шинель моего мужа, любимого мною человека.

— Но почему на любовь нужно иметь документ? Я против этого. Брак обязывает женщину следовать за мужем, быть его принадлежностью. Мне тоже была уготована судьба быть женой комдива, а затем комкора. Я на это не согласилась. Но и Павел не согласился стать мужем советского полпреда.

— Ваш брак был зарегистрирован?

— Да, но это было сделано в пропагандистских целях. Чтобы люди знали, что помимо церковного брака есть и гражданский... Я за свободную любовь. Эту мою позицию многие истолковывают превратно, как «стакан воды». Нет, я враг пошлости и распушенности. Любовь для меня — это прежде всего поэзия.

...В санаторий приехал Михаил Владимирович Коллонтай с цветами, любимыми лакомствами мамы. Он осторожно прикоснулся губами к руке, лежавшей неподвижно, и перецеловал пальцы правой руки матери. Сколько взаимной любви и нежности я уловила в глазах и жестах Александры Михайловны и ее сына.

После обеда мы с нею и Михаилом Владимировичем выбрались в парк, покрытый толстым слоем снега, устроились на расчищенной скамеечке. Михаил Владимирович щелкнул фотоаппаратом и поспешил на поезд.

— Мишуля, свет души моей,— с пронзительной нежностью и грустью прошептала Александра Михайловна, глядя вслед удаляющейся высокой, стройной фигуре сына.

— Признаюсь,— обратилась она ко мне,— я всегда чувствую свою вину перед ним, моим самым драгоценным сокровищем. Мишуля талантлив, хорошо образован, на редкость грамотный инженер, мог бы быть организатором крупного предприятия. У него дар слова, он способен к общественной деятельности. Но он не стал ни тем ни другим, и в этом повинна я.

Я вопросительно посмотрела на Александру Михайловну:

— Чем же вы ему помешали?

— Я заслонила его. Он стал сыном известной Коллонтай, а не самостоятельной личностью. Я много позже поняла, почему он в девятьсот пятнадцатом году отказался от поездки в Соединенные Штаты Америки, когда я работала там по поручению Владимира Ильича. Мишуля оставался в Питере, голодал, но чувствовал себя самостоятельным... Он всегда должен был спрашивать у меня не совета, а разрешения и лишь единственный раз поставил меня постфактум со своей женитьбой. В нем был заложен мой бунтарский характер, но я, того не желая, его погасила. Я была эгоистична, старалась всегда, даже в студенческие каникулы, держать его при себе, ежечасно знать, где он, что с ним. А когда обнаружилось, что у него порок сердца, я просто увезла его с собой в Швецию, «устроила» его — талантливого конструктора инженером-приемщиком в нашем торгпредстве.

Много лет спустя я вспомнила этот разговор, когда мой старший двадцатилетний сын Володя с чувством укора сказал мне:

— Как мне хотелось, чтобы у меня была старенькая мама, о которой бы я заботился. Я бы горы мог сдвинуть ради нее. А то приходишь куда-нибудь, говоришь: «Я — Рыбкин». А тебя спрашивают: «Полковник Рыбкин и подполковник Зоя Рыбкина, это не ваши родственники?» Или говорят просто: «Вы сын полковников Рыбкиных?» — и сразу сникаешь, и гаснут всякие идеи и замыслы.

Слушая это, я действительно сожалела, что я не старенькая мама, что я родила его в 19 лет и что я тоже заслоняла его, мешала развернуться его многим способностям, и прежде всего таланту конструктора — изобретателя новейшей радиотехники.

КОНТАКТ

Александру Михайловну заинтересовала подробная характеристика шведских магнатов-банкиров братьев Валленбергов. Их влияние и роль весьма существенны, и они могут быть полезными в осуществлении плана, который в ту пору безраздельно владел Александрой Михайловной, — скорейшее выведение Финляндии из войны. Но как к ним подойти, к Валленбергам, что предпринять? Мысль эта бередила сознание, и Александра Михайловна вспомнила...

Эстрадный концерт на открытой сцене. Выступает любимец шведской публики Карл Герхард. Он не только актер-сатирик, он чемпион Швеции по теннису и общественный антифашистский деятель. «Я проигрываю в теннис только королю», — признается он. Публика хохочет. Королю Густаву 85 лет, но он играет в теннис с чемпионом и каждый раз «выигрывает» у него. «Мой проигрыш ничего не стоит по сравнению с проигрышем наших соседей», — продолжает Герхард. — Они играли в поддавки с «колон фем» (пятой колонной гитлеровцев) и вовлекли свои народы в беду. У одних хозяйничают в доме бандиты, другие сами вступили в бандитскую шайку». И публика понимает, что Герхард говорит об оккупированных фашистами Норвегии, Дании и втянутой в войну с Советским Союзом на стороне Германии соседней Финляндии. «А мы с вами избежали участи наших незадачливых соседей. Нас не завоевали, и мы не воюем. Почему?» Зал затихает. Герхард прохаживается вдоль сцены, помахивая стеклом, — высокий, стройный, в белоснежном фраке и цилиндре. Потом останавливается и, многозначительно подняв указательный палец, говорит: «Потому что в нашей стране не было «колон фем», а была и есть Коллон-тай!» Взрыв аплодисментов покрыл слова актера.

Александра Михайловна поднялась и раскланялась. Она видела, как присутствовавшие на концерте братья Валленберги аплодировали этой остроумной юмореске. Их искреннее расположение к любимому артисту Карлу Герхарду говорило о многом, и Александра Михайловна это учла.

Имена братьев Валленбергов были широко известны, их мультимиллионное состояние — капиталы, поместья, банки безграничны. Но их, как бы мы сейчас сказали,

альтернативная позиция была неясна. По данным разведки, братья Валленберги распределили между собой сферы деятельности. Якоб Валленберг был связан с германскими фирмами, занимался реэкспортом немецких товаров в страны антигитлеровской коалиции — США и Великобританию. Якоб получил из рук Гитлера самую высокую награду — Орден немецкого орла — «за особые заслуги». А брат его Маркус Валленберг способствовал укрытию германских капиталов в латиноамериканских и других странах на случай капитуляции Германии.

Оба брата Валленберги контролировали известную шведскую фирму СКФ, и производимые ею шарикоподшипники экспортировались для военной машины Германии, в первую очередь самолето- и танкостроения, артиллерии.

Германская и английская разведки пристально следили за деятельностью Валленбергов.

Крупные капиталы Валленбергов вложены в финскую промышленность, и исход войны для таких дельцов, как они, был ясен: Германия потерпит поражение, а вместе с нею и Финляндия, что и принесет им огромный ущерб.

Коллонтай взвесила все обстоятельства. Она решила установить контакт с братьями Валленбергами, и прежде всего с Маркусом, который был совладельцем «Эншильдабанка» в Стокгольме. Банк этот финансировал ряд предприятий в Финляндии. Идти на прямой контакт с домом Валленбергов Александра Михайловна считала для себя пока преждевременным. Поэтому она предпочла использовать знакомство с артистом Карлом Герхардом, которому особенно покровительствовал Маркус Валленберг.

Герхард взялся выполнить это поручение, и в результате Маркус Валленберг почтительно попросил у Коллонтай аудиенции. Встреча состоялась.

Валленберг почувствовал, что в его миссии мы заинтересованы много больше, чем он сам, сказалась коммерческая жилка. Он набивал себе цену.

— Я думаю, мадам Коллонтай, — сказал он, — ваша страна по-настоящему оценивает то обстоятельство, что мы, несмотря ни на что, сумели сохранить нейтралитет в течение всех этих военных лет и тем оказали вам реальную помощь.

На эти слова последовала убедительная реплика Александры Михайловны:

— Чера вен (дорогой друг), для вас не был тайной разработанный в начале этого (тысяча девятьсот сорок третьего) года германский план вторжения в Швецию под девизом «Полярная лиса». И все понимают, что этот коварный план был похоронен нашими «катюшами» на Курской дуге. Жаркое лето в центре России остудило пыл немцев.

Но Валленберг не успокаивался.

— Что говорить, мы однажды нарушили наш нейтралитет в пользу Советского Союза, когда продали для вашей военной авиационной промышленности столь необходимые ей инструменты из нашей сверхпрочной стали.

— Но ваш «Эншильдабанк» получил за это неслыханно высокую цену в виде русской платины, не имеющей аналога во всем мире.

И Валленберг понял, что перед ним не просто обаятельная женщина, а умный государственный деятель. И он изменил тон разговора. Он согласился поехать в Финляндию и повидаться с его другом Паасикиви. Паасикиви в свое время был посланником Финляндии в Швеции, и с Маркусом у них установились доверительные отношения. Маркус галантно предложил в распоряжение Коллонтай апартаменты в принадлежащем ему роскошном санатории «Сальчшёбаден».

— Паасикиви — противник этой войны, — сказал Маркус, — и я постараюсь внушить ему необходимость немедленного выхода Финляндии из войны. Иначе исход будет ужасный, страна просто исчезнет с географической карты...

— Не надо так страшно... — прервала его Коллонтай. — Финляндия будет существовать. Мы не помышляем уничтожить даже Германское государство, не покушаемся на судьбу немецкого народа и, разумеется, народа Финляндии.

ГЛАВА 22

ТИШИНА...

Александра Михайловна вернулась на работу в посольство и 7 ноября 1943 года устроила грандиозный прием в самом большом ресторане гостиницы «Гранд-отель».

Собралось человек четыреста, в посольстве такое количество гостей разместить было негде.

Она прибыла на прием, когда гости уже заняли места за столами. Ее везли в коляске, но Коллонтай не производила впечатления больного человека. К этому дню она заказала себе элегантное платье, на фоне высокого воротника выделялась красивая голова, в волосах прибавилось серебра, оно блестело в свете софитов, установленных в зале. На коленях ее атласного платья, сиреневого с серым, лежали роскошные розы. Гости встали; и разразилась буря аплодисментов и восторженных возгласов. Она кланялась и широким жестом правой руки приветствовала интеллектуальную элиту Швеции и не могла сдерживать слез. Смахнула их лорнетом, и счастливая улыбка осветила ее лицо, она поняла, что это дань ее Отечеству и что ее уважают... С таким восторгом Коллонтай еще никогда не приветствовали. И зазвучал ее мелодичный, вечно молодой голос.

Выступление Александры Михайловны было кратким, изящным, сильным. И снова овация и речи представителей прессы, литературы, искусства, промышленного мира, различных партий. Речь лидера компартии сменилась речью лидера влиятельной партии Центра. Выступали редакторы ведущих газет «Арбетет», «Дагенс Нюхетер», «Гётеборгшо-ок-хандельстиднинген». Создалась обстановка открытости и дружбы. Об этом приеме воскресшей Коллонтай писали газеты, астрологи предвещали удачное расположение звезд. Печать не забывала подчеркнуть, что шведская общественность единодушна в своем пожелании соседке-Финляндии успеть вовремя выйти из войны.

...Наступила пора мартовского солнца 1944 года. Александра Михайловна заявила в посольстве, что по рекомендации врачей ей следует в это переходное время, изобилующее капризами погоды, выезжать на ночь к берегу моря, где она будет спать с открытыми окнами и дышать морским воздухом. И люди понимали, что после напряженного дня семидесятидвухлетняя Александра Михайловна может позволить себе ночной отдых на берегу залива.

Я в те дни собиралась к отъезду домой. Александра Михайловна доверительно сообщила мне, что завязывает

мирные переговоры с финнами и что эти встречи будут проходить в «Сальчшёбадене».

— Приезжайте с Владимиром Семеновичем ко мне на ужин. Нужно, чтобы я примелькалась там, поскольку переговоры с финнами я буду вести по ночам... Спасибо вам за помощь.

Я передала приглашение Александры Михайловны Владимиру Семеновичу Семенову. В нашем посольстве он был вторым лицом — старшим советником. Во время отсутствия Коллонтай исполнял обязанности поверенного в делах. Молодой дипломат, имевший философское образование, он впоследствии занимал ответственные посты, был нашим послом в ФРГ, заместителем министра иностранных дел.

...Шофер умело ведет машину по лесной дороге. Блеснул залив, в который опускалось затуманенное солнце. На высокой скале расположилось нарядное, изысканной архитектуры здание, отделанное мрамором, со львиными бронзовыми головами на парадных дверях. Это и был отель-санаторий «Сальчшёбаден». Дорога к нему шла серпантинном, на пригорках, очищенных от снега, цвели разноцветные крокусы. Вечнозеленые голубые ели украшали зимний пейзаж.

У подъезда медсестры помогли Александре Михайловне перебраться из машины в коляску, швейцар и горничная приветствовали высокую гостью низким поклоном.

— Завтра приедете за мной, как всегда, утром, в восемь тридцать,— распорядилась Александра Михайловна.— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, приятных сновидений,— отвечает шофер.

Для Коллонтай были подготовлены апартаменты в бельэтаже. Во всех комнатах вазы со свежими цветами. Александра Михайловна попросила распахнуть дверь на террасу и накинуть на плечи накидку, опущенную мехом.

— Со вкра! (Так красиво!) — восхищенно сказала медсестра, оправляя накидку.— Что бы желала мадам на ужин?

— стакан простокваши не очень холодной и вечерние газеты. И вы можете быть свободной. Я доберусь до кровати сама, но закройте дверь на террасу и опустите портьеры на окна.

Медсестра сказала, что в случае надобности мадам может вызвать ее, нажав на кнопку звонка.

Александра Михайловна вынула из сумочки зеркало. О, очень бледна. Чуть-чуть пудры. Тронула губы розовым карандашом. Поправила челку на высоком лбу. В углу комнаты деликатно тикали напольные часы-башня. Еще есть время немного отдохнуть, собраться с мыслями.

Ровно в одиннадцать часов стук в дверь. Александра Михайловна устроила левую руку на подлокотнике кресла, выпрямилась:

— Дверь открыта. Прошу!

В комнату вошли трое мужчин в смокингах, поклонились, не подавая руки,— они представляли воющую сторону.

Александра Михайловна разрядила скованность:

— Я протягиваю вам руку.

Паасикиви подошел первым и осторожно пожал ее маленькую ладонь.

— Господин Паасикиви, мы с вами старые знакомые, и это знакомство было всегда под добрым знаком. Я надеюсь, и сегодняшняя встреча должна принести удовлетворение обеим нашим странам.

Паасикиви представил ей своих советников, отрекомендовав их как единомышленников.

— Итак, приступим к делу. Садитесь, господа!

Паасикиви продолжал стоять.

— Считаю для себя за большую честь начать эти переговоры именно с вами, госпожа министр,— сказал он.— Мы весьма ценим ваше сочувствие судьбе нашей страны. И как приятно, что мы разговариваем без переводчика на нейтральном шведском языке.

Переговоры были нелегкие. Несмотря на то что Паасикиви искренне примкнул к мирной оппозиции, требовавшей выхода Финляндии из войны, он стремился этот выход сделать беспроектным, без территориальных уступок и материальных возмещений. Иногда казалось, что из тупикового положения нет выхода, и аргументы и контраргументы повторялись с обеих сторон, как на испорченной пластинке. Но Александра Михайловна, глядя на угрюмые лица финнов, неожиданно произнесла по-фински:

— Ома мао мансика, му маа мустика. (Своя страна клубника, чужая черника.)

Паасикиви рассмеялся:

— Ойкен хювя! (Здорово!)

И разговор, похожий на угасающий костер, снова разгорался.

Паасикиви выезжал в Хельсинки и, как он позже говорил, «ломал хребты упрямам».

— Я им втолковывал, госпожа министр, смысл русской поговорки: «Скупой платит дважды». Они даже заучили ее на русском языке.

Встречи длились весь февраль и март. Что и говорить, шли они мучительно тяжело. Порой казалось, что к соглашению прийти невозможно, что надо разойтись. Разойтись по домам и продолжить войну?

Нет!

Александра Михайловна проявила в этих переговорах незаурядный талант дипломата и полемиста. Непреодолимые, казалось, преграды разбивались такой убедительной логикой советского посла, что умудренный политик Паасикиви только разводил руками и, тяжело вздохнув, говорил:

— Быть по-вашему.

...Утром 20 сентября 1944 года газеты и радио известили народы мира, что Финляндия порвала свой союз с фашистской Германией и подписала перемирие с Советским Союзом. Мировая общественность расценила этот акт как гуманное и великодушное отношение советской стороны к своему соседу.

Эту победу завоевали советские бойцы, и среди них старый ветеран — дипломат Александра Михайловна Коллонтай.

В этот день сыпались поздравления с одержанной победой.

Александра Михайловна с огромным удовлетворением поглядывала на карту Европы, окидывала мысленным взором почти полуторатысячную линию советско-финляндского фронта, на котором отныне наступила тишина, та особая тишина, которую так благословляют люди. Советские дивизии отходили на новые позиции, перебрасывались для решительного удара против основного врага — германского фашизма.

Как дорога человеку каждая минута такой тишины, когда не рвутся снаряды, не воют сирены, не полыхают зарева пожарищ, когда слышен звоночек велосипедиста на проселочной дороге, повизгивает пила лесоруба, журчит ручей.

Голова в седеющих кудрях откинута на спинку крес-

ла; глаза полужакрыты, больная рука покоится на подлокотнике кресла, губы улыбаются.

Это был главный подвиг ее жизни.

Тишина...

Тишина — это мир, это жизнь, свет в окнах, цветы на земле...

НЕБОЛЬШОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

(Шведский нейтралитет: факты, события, размышления)

Швеция, по европейским меркам, одно из крупнейших государств Европы, вот уже более 150 лет неуклонно проводит политику нейтралитета и благодаря ему сумела достичь больших успехов в своем экономическом, социальном и политическом развитии.

Для этой страны характерен весьма неодинаковый уровень экономического и культурного развития. Море и множество озер соединяли, а горы и дремучие леса отделяли различные области Швеции друг от друга и от соседних стран. Поэтому в течение многих столетий хозяйственные центры Швеции находились либо на берегах Балтики и проливов, ведущих из нее в Северное море, либо в озерном крае, лежащем между обоими морями.

Высоким темпам развития экономики Швеции соответствовал быстрый рост внешней торговли. Накануне первой мировой главными статьями шведского экспорта были лес и лесоматериалы, руда и металлы. Экспорт машин в эти годы был невелик и уступал экспорту мясомолочных продуктов.

Главным покупателем шведских товаров в начале XX века, как и раньше, продолжала оставаться Англия, но главным импортером для Швеции стала Германия. По мере индустриализации Швеции быстро возрастали ее торговые связи с царской Россией, куда сбывались машины в обмен на сельскохозяйственное сырье. Еще быстрее росли шведские капиталовложения в русскую промышленность. В экономике Швеции главную роль играл частный капитал, а в нем не последнее место занимал промышленно-банкирский клан Валленбергов.

В годы первой мировой войны Швеция становится не только основным экономическим партнером Германии, но и центральным исходным пунктом разведывательной работы Германии против России. Это положение объясняется рядом конкретных причин, и прежде всего тем, что правительственные и общественные круги Швеции были расположены к Германии. Германско-шведские и шведско-русские границы (в то время Финляндия принадлежала России в результате русско-шведской войны 1808—1809 гг.) были весьма удобны, в силу однород-

ности населения для заброски агентуры и эмиссаров из Германии в Россию, а самый короткий путь из России в Европу шел через Швецию. Шведско-русская довольно активная торговля, в свою очередь, позволяла использовать этот канал в разведывательных целях. Этому способствовала и контрабандная торговля между Германией и Россией, которая также велась через шведскую территорию. Для разведывательных агентурных целей активно использовалась вербовка шведов, финнов, евреев и русских, особенно из числа прогермански настроенной молодежи. Особой активности в этом плане достигла германская военная разведка против России, которой на территории Швеции руководил немец капитан Хэлдт.

Поэтому в целом в предвоенные и военные годы традиционный шведский нейтралитет можно назвать прогерманским нейтралитетом. Что касается промышленно-банкирского дома Валленбергов, то один из них К. А. Валленберг в период войны 1914—1918 годов был министром иностранных дел Швеции.

В конце 20-х и начале 30-х годов буржуазная печать Скандинавских стран возобновила обсуждение планов уже не антирусского, а антисоветского блока, в котором Швеции отводилась ведущая роль. В декабре 1929 года в Стокгольме состоялась конференция на тему «Оборота Северной Европы». Конференция прошла под знаком необходимости военного сотрудничества стран Северной Европы перед лицом «русской опасности».

Советская дипломатия противодействовала этим планам путем дальнейшего укрепления своих отношений с Прибалтийскими странами. Улучшению, в частности, советско-шведских отношений способствовало и назначение в июле 1930 года новым полпредом СССР в Швеции Александры Михайловны Коллонтай. Первая в мире женщина-посол — прекрасный знаток Скандинавии, она как нельзя лучше подходила для дела дальнейшего сближения советско-шведских отношений. А. М. Коллонтай проработала в Швеции сначала Полномочным Представителем, а затем Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР с 1930 по 1945 год. До этого она в 1923 году была полпредом и одновременно торгпредом в Норвегии, в 1926 году в Мексике, а затем вновь с 1927 по 1930 год в Норвегии (родилась Коллонтай в 1872 году, а умерла в 1952 году).

Начиная с 1934 года вопросы внешней торговли между Швецией и Россией отошли на второй план по сравнению с растущей опасностью новой мировой войны. Пришедшие к власти гитлеровцы развернули в Швеции интенсивную пропаганду, играя на традиционных симпатиях к Германии в этой стране. На шведов обрушилась целая лавина высокопоставленных докладчиков (Гесс, Фрик, фон Папен, Гаусгофер и др.) и соответствующей литературы из рейха, в частности, о мнимой советской угрозе Северу. Гитлеровская пропагандистская

организация «Нордиске гезельшафт» («Северное общество») нашла в Швеции ценного пособника в виде «Шведско-германского объединения» в Стокгольме. Наряду с открытой пропагандой гитлеровцы воздействовали и другими методами: субсидированием отдельных газет, подкупом журналистов и литераторов, изданием своей литературы через шведских подставных лиц, организацией встреч молодежи, писателей и т. д. Шведская печать все чаще сигнализировала о случаях германского шпионажа в Швеции. Германские власти то и дело заявляли официальные протесты шведскому министерству иностранных дел по поводу антинацистских выступлений в шведской печати.

В начале октября 1939 года в Швеции шли переговоры о персональном составе будущего правительства. Представитель консерваторов Е. Багге, выступая с речью в Гетеборге, высказался за создание такого коалиционного правительства, которое было бы «подлинно национальным», то есть включало не только лидеров крупнейших политических партий, но и представителей промышленных кругов. Это было главным условием консерваторов. В качестве возможных членов правительства консерваторы, наряду с другими кандидатурами, предложили на пост министра иностранных дел банкира Якоба Валленберга.

Несмотря на заинтересованность гитлеровцев в нормальном товарообмене со Швецией, их подводные лодки в океане вновь, как четверть века назад, топили одно шведское судно за другим. В ноябре 1939 года немцы минировали важный участок шведских территориальных вод у мыса Фальстербу-Удде, при выходе из Зундского пролива в Балтийское море. Одновременно правители фашистской Германии втайне обсуждали вопрос об оккупации Дании и Норвегии, что создавало серьезную угрозу и для Швеции. Одновременно планы перенесения военноморских операций на Балтику с базированием на шведские порты разрабатывались и Британским адмиралтейством.

Началась вторая мировая война. С первых же дней войны начались переговоры Швеции с Англией и Германией, причем тактика шведов заключалась в том, чтобы договориться как можно быстрее с англичанами и, в зависимости от результатов, с немцами. В переговорах же с Германией они ссылались на экономические, деловые соображения. И в тех и других переговорах принимали участие не только правительственные чиновники, но и крупные финансисты, например, банкир Якоб Валленберг в торговых переговорах с Германией и его младший брат Маркус Валленберг в торговых переговорах с Англией.

Учитывая важность англо-шведских и шведско-германских экономических связей, в Лондоне была учреждена постоянная экономическая англо-шведская комиссия, такая же, только шведско-германская, комиссия собиралась то в Берлине, то в Стокгольме.

После нападения Германии на Советский Союз поднялась новая волна реакции в Швеции. Многие шведские газеты писали, что Швеция

должна немедленно сделать свой выбор и присоединиться к борьбе Германии против «восточного варварства». Антисоветская кампания приняла столь значительные размеры, что вынудила советского полпреда А. М. Коллонтай обратить внимание премьер-министра Швеции Ханссона на тон шведских газет и особенно газеты «Социал-демократен», несовместимый с политикой строгого нейтралитета, провозглашенной шведским правительством. Информационное управление шведского правительства обсуждало в этой связи меры воздействия на газеты и планировало даже оказать на них экономическое воздействие с помощью банкиров М. Валленберга и Х. Манихеймера.

Советско-шведские отношения после начала войны ухудшились. Правда, по просьбе советского правительства Швеция формально взяла на себя обязательства по защите интересов граждан СССР в Германии. Шведские фирмы продолжали выполнять полученные ранее советские заказы, которые оставались на складах ввиду невозможности их вывоза. Однако шведские власти оказывали значительную помощь германской и финской армиям в наиболее сложный для Советского Союза период Отечественной войны. 25 июня 1941 года шведское правительство согласилось пропустить по железной дороге 163-ю германскую дивизию из Осло в Северную Финляндию.

В годы войны главным внешнеторговым партнером Швеции стала Германия. После вторжения гитлеровской Германии в Данию и Норвегию Швеция оказалась отрезанной от своих прежних рынков, которые поглощали перед войной 70% ее экспорта. Торговля же с Германией увеличилась на 33%. В 1941 году более 50% шведского импорта шло из Германии, а шведский экспорт в Германию составлял лишь 40%.

Вопрос о превращении Швеции в сателлита Германии решался на советском фронте. Провал плана молниеносной войны и битва под Москвой подняли дух всех честных шведов. Неожиданная для шведов русская оборона и очевидный просчет Германии в отношении продолжительности войны на Востоке заставили все большее количество людей сомневаться в будущем «новом порядке» в Европе по германскому рецепту. После битвы под Москвой шведы частично демобилизовали свою армию, считая, что угроза нападения со стороны Германии для них уменьшилась. В течение 1944 года с ведома шведских властей был налажен тайный ввоз оружия для сил Сопротивления из Швеции в соседние Скандинавские страны. Например, в Данию было ввезено 5,2 тысячи автоматов, 10 тысяч ручных гранат, 5 тысяч карабинов. Таким образом, нейтралитет Швеции постепенно приобретал для ее оккупированных соседей важное положительное значение.

На протяжении переломного 1943 года шведское правительство, не прекращая экономической помощи Финляндии, вместе с тем дважды советовало ее правителям выйти из антисоветской войны. В феврале 1944 года при содействии шведского банкира и промышленника Мар-

куса Валленберга была проведена неофициальная встреча между А. М. Коллонтай и прибывшим в Стокгольм представителем финляндского правительства Паасикиви. Через шведское министерство иностранных дел в феврале — марте того же года происходил дальнейший обмен мнениями между Хельсинки и Москвой. Шведская печать благожелательно комментировала советские условия перемирия, а шведские дипломаты и политики оказывали определенное давление на финских политиков. В июле 1944 года министр иностранных дел Швеции Гюнтер, склоняя финское правительство к миру, обещал ему помощь в уплате репарации.

Когда наконец 19 сентября 1944 года было заключено советско-финское перемирие, то в Швеции его приветствовали. Великодушные условия перемирия, отказ СССР от оккупации Финляндии расценивались в Швеции положительно и способствовали дальнейшему улучшению советско-шведских отношений.

В итоге можно констатировать, что если в начале XX века традиционный шведский нейтралитет имел ярко выраженную прогерманскую окраску, то в годы второй мировой войны этот нейтралитет находился под германским контролем. Швеция, к сожалению, не раз нарушала свой нейтралитет. В период «зимней», или «странной», войны она делала это по собственной инициативе, а в 1940—1943 годах в результате сильного нажима со стороны Германии. Надо сказать, что сохранением своего нейтралитета и государственной самостоятельности Швеция в немалой степени обязана позиции Советского Союза.

К богатейшему клану шведских банкиров и промышленников относится и Рауль Валленберг — дипломат, первый секретарь шведского посольства в Будапеште с 1944 по 1945 год. Р. Валленберг занимался в то время вопросами оказания помощи 15 000 евреям, проживавших в Венгрии.

Занимательная и непонятная история Рауля Валленберга напоминает историю современного графа Монте-Кристо, много лет проведенного, но не во французских, а в советских застенках, а затем бесследно исчезнувшего.

История Р. Валленберга началась с того, что шведский дипломат, по данным зарубежной прессы, 17 января 1945 года был арестован советскими органами контрразведки СМЕРШ и этапирован в Советский Союз (кстати, 17-е число называет лишь один источник, остальные публикации указывают просто — в январе 1945 года). Эта история многие годы не сходила со страниц зарубежной и отечественной печати. Только за последние годы об этом писали «Московские новости» (1989 г.), журналы «Эхо планеты» (1989 г.), «Молодая гвардия» (1991 г.), газеты «Вечерняя Москва» (1993 г.), «Известия» (1991 г., 1993 г., 1994 г.) и другие.

Арест Рауля Валленберга был вызван якобы тем, что он мог вы-

полнять какие-то задания секретных служб или быть их агентом, а некоторые публикации называли его даже специальным связником английских и американских спецслужб, направленным для связи с их агентом Л. Берия. Мол, и его такой странный арест, или приглашение поехать в Москву, и был определен тем, что его ждал Берия, да еще с пакетом. Мол, Сталин об этом не знал, а Валленберг, как связник, чем-то не угодил Берия, и его заключили в тюрьму, а затем убили, но не его, а его двойника, а сам настоящий Валленберг жив до сих пор и кому-то упорно служит. Только никто не говорит — кому?!

Что же доподлинно известно из этой исторической легенды? Молодой, 35-летний шведский дипломат, выходец одного из богатейших семейств мира, находясь в период 1944—1945 годов в Будапеште, занимался оказанием практической помощи евреям избежать смерти и депортации, будучи сам причастным к этой нации. Он доставал и передавал евреям охранные грамоты от имени правительства Швеции и других нейтральных стран, так называемые «Шутцпассы». В этой работе ему активно и успешно помогала жена министра иностранных дел правительства фашистской Венгрии Гобо Кемены баронесса Элизабет Кемена. Известно, что проведением этой работы в Венгрии Р. Валленберг занимался по просьбе делегации представителей американских еврейских организаций, приезжавших в 1943 году для этих целей в Стокгольм. Известно также, что оберштурмфюрер СС Адольф Эйхман, 38-летний шеф еврейского отдела гестапо, занимавшегося в Венгрии депортацией евреев, дважды пытался организовать покушение на жизнь Р. Валленберга, но безуспешно.

28 марта 1945 года крупный шведский банкир, все тот же Маркус Валленберг, обратился в советское посольство к А. М. Коллонтай с официальной просьбой помочь разыскать его пропавшего родственника.

Тем временем молва и ажиотаж вокруг имени Рауля Валленберга продолжали муссироваться зарубежной и отечественной прессой. Одни свидетели видели его заключенным в камере № 142 Лефортовской тюрьмы, другие читали свидетельство о его смерти от инфаркта в тюремной камере 17 июля 1947 года, третьи встречали его где-то в Сибири в 60-е и даже 70-е годы. Однако 18 августа 1947 года замминистра иностранных дел СССР А. Вышинский направил шведскому посланнику в Москве Р. Сульману официальную ноту, в которой говорилось: «В результате тщательной проверки установлено, что Валленберга в Советском Союзе нет и он нам неизвестен».

Однако настойчивость родственников Рауля Валленберга по его розыску и их обращения в официальные правительственные органы СССР привели к тому, что в октябре уже 1989 года в Москву прибыли родственники Рауля Валленберга, которым советской стороной опять-таки якобы были предъявлены найденные в сентябре того же года в архивах КГБ личные документы и вещи Рауля Валленберга: дипломати-

ческий паспорт, удостоверение личности, водительские права, записные книжки, американские, венгерские и шведские деньги и портсигар. По поводу портсигара его сестра Нина Лагергрей, урожденная Валленберг, выразила сомнение в его принадлежности брату, поскольку Рауль никогда не курил.

Фантазии, прогнозирование и предположения причин исчезновения Р. Валленберга продолжали извергаться как водопад, и все с брызгами «якобы». Дело дошло до того, что опять же в иностранной печати появились материалы «историков» и «публицистов», в которых высказывалась мысль, что в похищении Валленберга, если оно, конечно, было, замешан и Л. И. Брежнев, поскольку он в годы войны был начальником политотдела 18-й армии, дислокация которой в те годы проходила по северной части Венгрии.

Можно ли всерьез говорить о причинах исчезновения Р. Валленберга, если не фантазировать?! А если фантазировать, то почему нельзя предположить, что Валленберг на третий раз все-таки попал в руки переодетых в советскую форму сотрудников гестаповца Адольфа Эйхмана. И уж, во всяком случае, его нельзя считать «связником» для Берия, поскольку сам Л. П. Берия был на самом деле казнен не как английский шпион и «враг народа», а как, об этом теперь известно, конкурент, претендент на место первого человека в государстве, пережитившего его Н. Хрущева.

Что касается самой Зои Ивановны Воскресенской-Рыбкиной, оказавшейся по воле судьбы на самом острие разведывательной работы и в предвоенные и военные годы, то к истории с братьями Валленбергами, о которой она пишет в своей книге, как разведчица, она имеет лишь частичное отношение. Из архивных материалов Службы внешней разведки того времени видно, что основную работу по заключению перемирия с Финляндией вела все-таки советская дипломатия в лице Александры Михайловны Коллонтай, а разведка в лице Зои Ивановны лишь помогала ей, в изобилии снабжая справочными и характеризующими, как говорят в разведке, установочными материалами.

А может быть, не только судьба, а и прирожденные качества аналитика и исследователя выдвинули ее на самый гребень событий?! После работы в Китае она в 1932 году возвращается в Москву и некоторое время находится в командировке в Берлине, а в 1935 году уезжает на четыре года в Хельсинки. Перед войной Зоя Ивановна занималась «разведывательным» исследованием вопроса о сроках нападения Германии на Советский Союз. И снова работа на переднем крае разведки. С 1941 по 1944 год она в Швеции.

Опасности, потери

Глава 23

ПОД УДАРЫ КОЛОКОЛОВ...

Когда-нибудь я опишу эти девять месяцев тяжелого одиночества после отъезда Кина. Жила в сложной обстановке. В полной неизвестности о сыне, братьях, матери, где и что с ними. Из Центра шли телеграммы с запросами по делам, которые вел Кин. Справлялись у меня, в то время как Кин, считала я, уже давно находится в Москве. Не могла постигнуть, что происходит...

Но вот в начале 1944 года мне прибыла смена, и я должна была выехать в Москву.

Сдавала дела новому резиденту Василию Петровичу. Передавала ему наших агентов. С одним из них случился казус. Он (Карл) заупрямился и не пожелал продолжать сотрудничество. Василий Петрович и после моего отъезда пытался наладить с ним связь, но безуспешно. Истинные причины невозможно было понять. Центр настаивал: агент должен действовать. Василий Петрович измотался и в конце концов в своей шифротелеграмме доложил: «Карл был просто влюблен в Ирину, этим объясняется его отказ работать со мной» — и, чтобы не было недомолвок, добавил: «Влюблен платонически». История смешная, но говорю о ней всерьез, подобные случаи в разведке бывают. В нашей деликатной работе, построенной на еще мало познанной науке, именуемой человековедением, нельзя отбрасывать значение личных контактов, симпатий и антипатий, возникающих у людей, связанных с нами.

...Я должна была выехать в Москву. Легко сказать выехать, а на чем и как? Прежде всего требовалось отвоевать место в английском самолете, которые нерегулярно, но все же курсировали между Стокгольмом и Лондоном.

Вскоре возможность лететь в пассажирском «дугласе» мне была предоставлена, назначен день рейса. Я подписала

обязательство, что предупреждена об опасности перелета из Швеции в Англию и посему прошу родственников и всех близких в случае аварии самолета не предъявлять Королевскому правительству, другим властям и должностным лицам Великобритании каких-либо претензий и не требовать возмещения убытков. О каких убытках шла речь, было неясно, но обязательство я подписала, и меня облачили к полету.

Сидела в помещении английской миссии на аэродроме и ждала команды на посадку. Ждать пришлось долго. Но вот появился помощник английского военного атташе. Я обрадовалась.

— Можно идти в самолет? — с нетерпением спросила я и вскочила.

— К сожалению, мадам, я должен вас огорчить. Мы получили приказ отправить в Англию двадцать норвежских летчиков, им удалось перебраться из Норвегии в Швецию, и они теперь по их просьбе зачислены в военно-воздушные силы Великобритании. Будут помогать русским громить врага. Простите, но предоставить вам место мы не можем. Приносим глубокие извинения.

— Понимаю, понимаю, — не без нервной ноты сказала я, — претензий не имею.

Пришлось отправиться к себе в посольство.

Представьте мое состояние, когда наутро мы получили известие, что этот английский самолет с норвежскими летчиками был сбит фашистскими истребителями над Северным морем. Экипаж и летчики погибли. Непредсказуемы, непостижимы перипетии военной поры. Эти славные ребята-норвежцы наверняка не подписывали обязательства, которое подписала я, и так безвременно и безвинно ушли из жизни. Память о погибших своих сынах свято хранит норвежский народ в своем опаленном войной сердце.

И снова потянулось томительное ожидание. Прошло еще несколько дней. Наш военно-морской атташе Алексей Иванович Тарабрин поделился со мной новостью:

— Завтра прибывает английский самолет, на нем летят моя жена и двое моих малолеток и жена моего помощника тоже с двумя детьми. Все они пережили ленинградскую блокаду. Наконец-то мы обретем свои семьи. Все самое страшное позади.

Разве мог этот человек даже подумать, что непомерно тяжкая беда еще впереди.

Английский самолет, на котором летели семьи наших посольских товарищей, был расстрелян врагом в упор над нейтральной шведской землей. Взорвался... загорелся... рухнул... Все погибли. Чудом спасся шведский пастор. Взрывом его выбросило в кустарник, и он уцелел, хотя и сильно пострадал.

В ожидании семей Тарабрин и его помощник покупали игрушки, лакомства для своих ребят. Что говорить, эти семьи ждала вся наша колония. Любовью и подарками готовились встретить их, перенесших и ленинградскую блокаду, и переход с конвоем из Мурманска в Глазго, и перелет через коварное Северное море...

Ночью меня разбудил резкий стук в дверь. Я не удивилась. Тарабрин еще днем предупредил, что по приезде с аэродрома он придет за мной: «Как не выпить шампанского в честь приезда?»

Услышав стук в дверь, я откликнулась:

— Поздравляю, поздравляю, Алексей Иванович! Разреши мне приветствовать твою семью утром, сейчас я не в форме.

— Открой двери! — не сказал, а выкрикнул Тарабрин. Выкрикнул так, что мне стало не по себе.

Я накинула халат, включила свет. Алексея Ивановича трудно было узнать. Мертвенно-бледный, ни кровинки в лице. Каким-то потусторонним голосом он сказал:

— А мои-то сгорели. Все сгорели, все шестеро, четверо деток.

Он рыдал, закрыв лицо ладонями.

Я усадила его, обхватила за плечи, сама не в силах сдерживать рыданий.

— Сейчас поедem опознавать трупы. — Он тяжело поднялся с кресла.

В обгоревших останках Тарабрин и его помощник едва узнали своих. На одной руке спеклись золотые часы и браслет, которые Алексей Иванович подарил жене к ее тридцатилетию...

К вечеру в посольстве было установлено шесть урн. Две большие и четыре маленькие. Большие урны были окутаны газовыми шарфами, приготовленными для жен. На маленьких — октябрятские звездочки. В почетном карауле бесшумно стояли отцы погибших. Оба познали войну. Один был на Халхин-Голе, другой — в республиканской Испании. Они никогда не применяли оружие против

детей, они отважно защищали детство. Сейчас с мокрыми платками у лица они не могли сдерживать слез. Обоих обуревало чувство мести, они рвались в действующую армию.

А по улице Виллагатан растянулась бесконечная цепочка жителей шведской столицы. Люди пришли в советское посольство со словами соболезнования, возмущения актом вандализма, совершенного гитлеровцами.

Взрыв самолета потряс шхеры...

Взрыв в шхерах потряс сердца шведов...

На этом самолете в обратный рейс должна была лететь я.

...И наконец я сижу в военно-транспортном «дугласе». На спине — сумка с парашютом. Широим ремнем меня пристегнули к креслу. В наступивших сумерках самолет взмывает и набирает высоту. Член экипажа задрал бортовые окна черными непроницаемыми шторками и раздал пассажирам кислородные маски.

— Будем лететь высоко над Норвегией, занятой врагом, — говорит он. — Там и в небе хозяйничают они.

Кислородная маска непривычна. От дыхания на подбородке обмерзает край, и нужно все время обламывать ледяную бахрому. Когда невольно сдвигаешь со рта клапан, в ушах возникает колокольный звон. Слезы застилают глаза, не говорю уже обо всем остальном, что творится в организме. Внутреннее давление намного превышает внешнее, и это вызывает болезненное ощущение. Водворяешь маску на место — и колокольный звон в ушах затихает...

Моторы зарокотали глуше, словно куда-то отделились. Опять слышу колокол. За ним другой, третий. Вот уже много колоколов звонят чистым серебряным звоном, чувствую их совсем близко. Чудится, будто мы летим над рощей, освещенной солнцем, и из зеленых крон выглядывает высокая колокольня и до нее рукой подать, вроде она под самым брюхом самолета...

Руки шарят по лицу, натягивают на лицо холодную резину маски. Можно вдохнуть прохладную струю воздуха. Колокола звучат тише, рокот моторов усилился. В такт дыханию хлопает клапан кислородной маски. Самолет снова забирается высоко, и от разреженного воздуха сильно колотится сердце. Выдержат ли барабанные перепонки?

Штурман все чаще выходит из экипажного отсека, пробегает синим лучиком фонарика по рядам кресел, проверяет, все ли в порядке, как мы себя чувствуем.

Самолет пересек Северное море и приземлился в Шотландии. Пассажиры, держа друг друга за руки, в темноте добрались до аэродромного штаба.

Только тут мы узнали, что, когда мы пролетали над Норвегией, наш самолет атаковали немецкие истребители и один мотор машины вышел из строя. В фюзеляже и крыльях одиннадцать пробоин. Из-за шума моторов пассажиры не слышали стрельбы и спокойно реагировали на ненормальную вибрацию машины, полагая, что так и должно быть: воздушные ямы.

В помещение штаба привели залитого кровью человека, нашего пассажира. Им оказался инженер советского торгпредства. Мы решили, что он ранен, но он «успокоил» нас: на большой высоте у него лопнул пневмоторакс, наложенный на большое легкое, и у него горлом хлынула кровь. Инженер страдал тяжелой формой туберкулеза, но скрывал свою болезнь. Он рвался на фронт и добился отправки домой вне очереди. Он просил меня никому в Москве не рассказывать про его пневмоторакс. «Не то отправят в тыл», — поморщился он.

И вот я снова в Лондоне. По-прежнему туго здесь с продовольствием. По карточкам выдают самое необходимое. Главная забота — питание детей. В городе немало мелких лавок, в которых по более высокой цене можно что-то купить без карточек.

Захожу в такую лавчонку. Владелец, он же продавец, судя по моему плохому английскому, спрашивает, кто я, и, узнав, что русская, из Советского Союза, достает откуда-то лимоны, сыр, сахар и предлагает все это мне. Просит принять как подарок. Я категорически отказалась, объяснив, что могу расплатиться. «Ну, тогда по казенной цене», — отрезал он, и я стала обладательницей трех лимонов, четверти головки сыра и кулечка с драгоценным сахарным песком.

В советском консульстве мне сказали, что через несколько дней в Глазго начнет собираться конвой, который направляется в Мурманск.

Глава 24

КОНВОЙ

В Глазго прибыли поездом рано утром. Огромный, грохочущий, дымный, мрачный, закопченный город-завод. Такси у вокзала не нашла и поехала в порт на автобусе. У въезда на большую площадь путь автобусу преградили танки. Они выползали из раздвинутых ворот, окутанные синим чадом, громяхая гусеницами. Разворачивались на площади и выстраивались в ряд. За танками бесконечной вереницей шли рабочие в синих комбинезонах.

— Придется переждать,— сказал шофер автобуса и, отведя стеклянную дверь кабины, спустился на асфальт. Пассажиры тоже вышли. Толпа из проходных ворот вываливалась на площадь, и казалось, ей нет конца...

Взмыли вверх транспаранты: «Привет советским солдатам!», «Смерть фашизму!», «Требуем немедленного открытия второго фронта!»

На трибуну, установленную посредине площади, поднимались ораторы, произносили короткие горячие речи. В ответ — гул одобрения, крики «зиват!».

Между тем в толпе из рук в руки переходили кусочки мела и баночки с краской, и броня танков покрывалась надписями: «Спасибо, русский брат Иван!» «Good luck uncle Joe» («Удачи, дядя Джо!») — так англичане называли Сталина. «Желаю скорой победы!» — рабочий срисовывал русские буквы с плаката «Смерть фашистским оккупантам!».

На танке недалеко от нас девушка в рабочей робе чертила на броне «V» («Виктори» — победа), кто-то рисовал эмблему серпа и молота. Крупными значками «Виктори» были исписаны и стены завода и краны.

Эти грозные танки рабочие создавали для Красной Армии и понимали, что значит работать на общую победу. Делали по-хозяйски, быстро, хорошо. Рабочая солидарность порождала радость труда, ответственность.

На трибуну поднялся очередной оратор. В наступившей тишине прозвучал его голос: «Поможем восстановить Сталинград!» «Поможем!» — откликнулась единым возгласом площадь.

В толпе появились люди с беретами в руках. Пустили «шапку по кругу». Береты наполнялись монетами, денежными купюрами. Чувство одинодушия, чувство локтя ца-

рило здесь. Но вот взревели моторы, и танки, сопровождаемые приветственными возгласами, двинулись в сторону порта.

Тронулся и наш автобус. В порту я пробиралась по бесконечным лабиринтам из штабелей ящиков, тюков, бочек. Шла погрузка на пароходы. Причал уставлен десятками кранов, похожих на черных аистов. Клювами они поднимали в воздух танки, проносили их в выси и осторожно, как в копилку, опускали в пароходные трюмы.

Тысячи чаек хлопотливо носились над пароходами, из-под ног взлетали стаи голубей. Над портом колыхались десятки связок аэростатов воздушного заграждения.

После долгих расспросов я нашла нужный мне пароход. Добралась до капитана. Он стоял у трюма, в который в это время спускался танк, испещренный значками «V», изображениями скрепленных в пожатии рук, и я поняла, что наш пароход повезет танки в Советский Союз.

Я дождалась, пока капитан обратит на меня внимание. Боялась, что он тоже скажет сакраментальное: «Чтобы идти на пароходе, груженном военным снаряжением, надо быть королевой». Но он оказался весьма галантным человеком. Когда улыбался, выглядел совсем молодым, хотя легкая седина уже проступала на висках.

— Джордж, — окликнул капитан молодого матроса, — покажите миссис каюту, помогите устроиться, передайте коку, чтобы он принял на довольствие в кают-компанию даму.

Кабюта была небольшая, с четырьмя койками в два яруса. Верхние койки были откинуты и прикреплены к переборкам. Между койками стоял рундук, по бокам две тумбочки с углублениями на крышках, в которые вставлены графины с водой и стаканы.

Я передала Джорджу квитанции на получение моего багажа. Джордж был радужен:

— Располагайтесь, пожалуйста, миссис. Чемоданы принесут. Завтрак в восемь ноль-ноль, ленч (второй завтрак) — в тринадцать ноль-ноль, затем файф-о-клок-ти (пятичасовой чай), обед в двадцать ноль-ноль.

По совету Джорджа я заняла койку у внутренней переборки: здесь меньше качает.

Вверху грохотало, визжало, скрипело. И вдруг в этом неумолчном гаме, где-то совсем близко, раздались удивительно нежные звуки, казалось, кто-то играет на тоненькой флейте. Вспомнился душистый подмосковный лес пос-

ле дождя, отдаленный гром из завалившейся за лес тучи, и почему-то захотелось плакать. Музыка становилась все явственнее. Я раздвинула дверь, за нею стоял старый человек в тельняшке, с белоснежной бородой, бахромой обрамлявшей подбородок от уха до уха. В руках у него была музыкальная шкатулка. Она-то и издавала эти нежные звуки, тонко пробивавшиеся сквозь железный хаос.

— Здравствуйте, леди. Пожалуйте кушать,— пригласил старик.— Разрешите, я вас провожу.

Мистер Мэтью, как я узнала позже, много лет служил стюардом на пассажирском пароходе и будил своей музыкальной шкатулкой богатых путешественников, приглашая их к столу. Во время войны он стал помощником боцмана. С ним была неизменная шкатулка. Матросы любили слушать шотландские песенки, у них в кубриках шкатулка Мэтью была единственным музыкальным развлечением. Оторванные от дома, всегда в напряжении, они прислушивались к дивным звукам, обещавшим желанную встречу с родными, с землей и, главное, вселявшим надежду на обретение мирной жизни. Они готовы были без конца слушать волшебную музыку.

За столом в кают-компании капитан представил мне своих помощников. Старший помощник мистер Эдгард, по словам капитана, был хладнокровным, как огурец, но мог, если понадобится, быть едким перцем.

— Мой второй помощник, он же штурман, мистер Джефри,— продолжал капитан,— отличный парень. Мой третий помощник, мистер Рудольф, сейчас на вахте, познакомьтесь с ним позже. Он замучает вас рассказами о своем беби, которому исполнился уже год и которого он ни разу не видел. Если фотография его беби вам понравится, он станет вашим лучшим другом. А вот и старший механик, мистер Стивен, наш уважаемый дедушка...

Это был действительно пожилой человек, сухой, жилистый, чисто выбритый. Он по-старомодному поклонился без улыбки, чуть склонив голову.

— А теперь, миссис, познакомьтесь с нашим врачом мистером Чарлзом.— Капитан представил мне единственного на пароходе человека в очках, с маленькими черными усиками.— Доктор притворяется, что не любит море, но ходит на кораблях уже лет двадцать. Коллекционирует страшные морские истории, записывает их и когда-нибудь издаст интересную книгу. Отличный врач, признает только одно лекарство — крепчайший чай с морским воздухом.

— Как видите, миссис, у нашего капитана все гуси выглядят лебедями,— сверкнул золотыми зубами доктор Чарлз.

Он правда оказался интересным собеседником и по пути нашего следования вводил меня в курс событий.

— Прежде всего я хотела бы знать, что такое конвой, на котором мы поплывем? — спросила я у доктора.

Он весело рассмеялся.

— О, миссис, моряки не плавают, они ходят по морю и плавать ох как не любят. Впрочем, многим из них уже довелось это испытать. Наш капитан, к примеру, дважды был торпедирован. Мне тоже довелось раз плавать в Тихом океане, когда нас торпедировала японская подводная лодка. Меня спас тогда обломок от кормы нашего ушедшего в небытие корабля. А вот если придется плавать в Баренцевом море,— с грустью добавил он,— не приведи Дева Мария. Пять минут в ледяной воде, и, если даже спасут, ноги и руки... чик-чик...— Доктор Чарлз сделал выразительный жест, вроде бы отрубая себе руки и ноги.

— Так что же такое конвой? — нетерпеливо повторила я свой вопрос.

— Извольте.

И он объяснил, что сейчас в Глазго и на базе Лах-Ю формируется конвой и окончательно собирается в Рейкьявике в заливе Хваль-фиорд. Транспортные пароходы, груженные танками, пушками, самолетами, консервами, зерном, медикаментами, всем, что американцы поставляют Красной Армии по ленд-лизу¹. Таких пароходов насчитывается в одном конвое до шестидесяти. Это преимущественно английские корабли, среди них — старые, изношенные, но застрахованные. Поэтому расстаются с ними не жалеючи.

Для охраны конвой сопровождают военные суда Великобритании — крейсер, миноносцы, торпедные катера, авианосец. Их задача — отразить нападение на конвой как гитлеровских субмарин, так и бомбардировщиков с воздуха.

Доктор Чарлз окинул меня критическим взглядом и сказал:

— Напрасно, миссис, вы пустились в это путешествие.

¹ Ленд-лиз (англ.) — система передачи США займы союзникам по антигитлеровской коалиции в период войны вооружения, боеприпасов, продовольствия, различных товаров и услуг.

— Неужели и вы думаете, что женщина на корабле может принести несчастье? — удивилась я.

— Я убежден, что пребывание на корабле в конвое приносит неприятности самой женщине. Ее место на земле. В одном только я готов согласиться с немцами: кирхен, киндер унд кюхен (церковь, дети и кухня) — ее океан. Нельзя нарушать веками сложившиеся традиции.

— Мне кажется, война нарушила все эти условности. И в вашей стране я видела многих женщин в военной форме, — убежденно сказала я.

Спустя несколько дней в порт прибыл советский консул, чтобы проводить наш конвой и следовавших на одном из военных кораблей советских дипкурьеров.

Караван собрался в водах Северной Атлантики. Теперь это был большой отряд кораблей, растянувшийся на много миль по морю. Даже в ясную погоду не видно было его конца и края. Вокруг каравана сновали быстрые миноносцы, сторожевые корабли словно вглядывались в морскую даль своими наклонными мачтами. Авианосец, как на раскрытой ладони, нес на себе двенадцать самолетов.

На флагманском корабле помещался командный пункт с адмиралом во главе — командиром конвоя. На одном из транспортных судов располагался командный пункт командора — начальника транспортов. Сигнальщики на высоких мачтах с биноклями, флажками и свистками просматривали море, передавали команды.

Конвой шел противолодочным зигзагом: по сигналу с флагманского корабля все пароходы резко меняли курс каждые 15—20 минут, чтобы сорвать возможные атаки вражеских подводных лодок.

Я вышла на палубу. Порой налетал мокрый снег, или, как называют его моряки, снежный заряд, и тогда с кормы не был даже виден нос своего корабля.

На пароходе шла размеренная напряженная жизнь. Доктор Чарлз предложил спуститься с палубы в кают-компанию.

— Не то схватите насморк, — сказал он, — и доставите мне много хлопот.

Пароход стало сильно качать. В кают-компании ленч подавали, вставляя тарелки в глубокие гнезда. Я еле держалась на стуле, есть мне расхотелось. Я только старалась не упасть.

— Какой ужасный шторм! — сказала я с отчаянием. В кают-компании раздался дружный смех.

— Это далеко не шторм,— сказал капитан.— Всего четыре балла. Хотя в этом море и такой ветер разводит порядочную волну. Настоящие штормы еще впереди.

Я спустилась к себе в каюту. В коридоре меня, как булавку к магниту, приклеивало то к одной переборке, то перебрасывало к другой. Еле добралась до койки.

Пришел доктор Чарлз и предложил прикрепить меня к койке ремнями. Я отказалась.

— Напрасно. Хорошая волна вас сбросит, и вы будете кататься по полу.

Я подчинилась.

Море разыгралось не на шутку. Меня выворачивало наизнанку. Очень раздражала моя черно-бурая лиса, которая висела на стене, она раскачивалась и подпрыгивала. Казалось, она смеется надо мной своими стеклянными глазами. Вот ее хвост пополз вверх по переборке до самого потолка, а морда продолжает издеваться.

Ветер все глубже подкапывался под пароход, вычерпывал воду то из-под одного борта, то из-под другого, и было ощущение, что корабль проваливается в пучину по какой-то чертовой лестнице. Качка как зубная боль, к ней все время прислушиваешься и с напряжением ждешь, когда же она оставит тебя в покое.

Я вцепилась обеими руками в борт, боясь свалиться с койки. «Неужели не будет конца этому терзанию? Ненавижу штормовое море, да простят меня моряки...»

К вечеру рев ветра стих. Шторм словно с головой зарылся вглубь и теперь раскачивал пароход откуда-то изнутри, от самого дна. Белые барашки исчезли. Море не вздыбливалось волнами, а покрылось огромными впадинами, с гладкими, отполированными боками, а внутри впадин все пузырилось, кипело, ревело, не в силах утомиться.

Свирепый шторм сменился мертвой зыбью, изматывающей и корабли, и людей.

Аварийная тревога заставила меня сжаться в комок. Что это? Собралась с силами и решила добраться до кают-компания. По пути увидела старшего механика мистера Стивена, который, громыхая по трапу, бежал к капитанскому мостику, крича: «Танки, танки...»

Сирена аварийной тревоги продолжала выть. По трапам сыпались матросы, кочегары, радисты, коки. Никто ни о чем не спрашивал, все понимали — в трюме беда, с крепления сорвался танк.

Ломами, лопатами, топорами и просто голыми руками

моряки отдраивали смерзшийся брезент, прикрывавший трюм. Работали лихорадочно и, слыша грохот там, внутри трюма, думали об одном — успеть укротить чудовище.

А я стояла и чувствовала свою беспомощность, ненужность. Я ничем не могла помочь этим людям, сумевшим быстро забраться в трюм и закрепить сорвавшийся танк, грозивший изнутри протаранить корабль...

Утром на безоблачном небе взошло солнце. Было оно бледное, затянутое дымкой, словно и его измотал шторм.

...Морозный тихий день. Я вышла на верхнюю палубу и ахнула. Корабли не были похожи на те, что вышли из порта. По морю плыли сказочные хрустальные дворцы, сверкая на солнце бело-голубыми блестками. Мачты и тросы обросли ледяной бахромой сосулек. Палубные надстройки покрылись ледяным панцирем.

— Как красиво! — невольно воскликнула я.

— О, миссис, — покачал головой боцман, — это коварная красота. Сколько тонн льда висит на такелаже, приросло к палубам. Кораблям идти опасно...

Я поняла, что проштрафилась со своими эмоциями.

Матросы срубали лед. Сверкающие брызги летели вокруг. Сбитые глыбы льда сползали за борт.

...Около девяти часов вечера я поднималась по трапу в кают-компанию к ужину. Встала на ступеньку и не успела перешагнуть на другую, как неимоверной силы взрыв сбросил меня с лестницы. Можно было подумать, что само море раскололось до дна. На секунду свет погас. Я поспешила наверх, где слышались громкие взволнованные голоса. Навстречу мне шел стюард Мэтью.

— О, миссис, это торпеда в наш корабль. Вы свою шлюпку знаете?

Я не успела ответить: грохнул второй взрыв.

Я очутилась на палубе и увидела красную ракету, взмывшую вверх, и на ее фоне черный силуэт разломившегося корабля. Со злоеющим свистом в кипящую пучину моря опускались порознь нос и корма.

— Слава Богу, не в наш корабль. Видите, у нас спускают шлюпки, кое-кого спасти еще можно...

В кают-компанию собрались, словно ничего не произошло. Принесли ящики с виски. Началась попойка. Пили виски, не разбавляя водой. И каждый вертел перед лицом какой-то предмет: кто птичье перо, кто заячью лапку, кто куколку или статуэтку. Спешили своими амулетами отвести беду...

С моря доносились взрывы.

— Глубинные бомбы,— сказал доктор Чарлз.— Их сбрасывают наши военные корабли, чтоб поразить немецкие подводные лодки.

— Но эти бомбы поражают главным образом рыбу,— сыронизировал Мэтью.— Сейчас море покрыто слоем глушеной рыбы. А субмарину не так-то легко поразить.

Разговор подхватил доктор Чарлз и поведал мне удивительную историю.

В маленьком шотландском городе на берегу Северного моря жил часовых дел мастер. Много лет жил. Звали его онкел Питер, дядюшка Питер. Откуда и когда он приехал в этот город, никто не помнил, но главную улицу города невозможно было представить без маленькой мастерской, в окне которой всегда виднелась согбенная фигура дядюшки Питера с круглой лысиной на затылке и неизменной лупой в глазу.

Дядюшка Питер жил один, работал с утра до позднего вечера. Часто после обеда он шел прогуляться на парусной яхте в море, чтобы размять затекшие мышцы, проветрить легкие свежим морским воздухом. В этом случае он оставлял на подоконнике записку: «Ушел в море, вернусь в 14.30». Клиенты ценили аккуратность дядюшки Питера.

Особенно часто заглядывали к часовщику моряки. Дядюшка Питер мог отремонтировать часы, побывавшие в морской соленой воде и, казалось, неисправимо испорченные. Он мог оценить хронометр, купленный в любом порту мира. У него была своя страсть, или, как говорят англичане, хобби — коллекционирование часов. И часы, начиная от крохотных, вделанных в дамский перстень, и кончая большими напольными башенками, заполняли его маленькую чистенькую комнату.

Когда в Европе началась война, дядюшка Питер освободил от часов самое видное место на стене и прикрепил плакат: «Молчи, тебя слушает враг!» Теперь часто он вовсе отказывался брать деньги с моряков, особенно с военных, подводников, минеров. «Самое главное,— советовал дядюшка Питер,— не допускать в свои базы германские субмарины, чтобы они не нанесли ущерба славному британскому военно-морскому флоту». И моряки заверяли, что дядюшка Питер может быть спокоен: только что поставили донные мины и противолодочные сети на подходах к порту и оставили секретный фарватер для своих кораблей...

В один из октябрьских дней 1939 года произошло что-то непонятное. У двери часовщика собрались клиенты. Окно было завешено, на занавеске записка: «Ушел прогуляться в море. Буду в 12.00».

Часы на ратуше отзвонили двенадцать раз, но дядюшки Питера не было. Стали стучать в дверь, звонить. Дядюшка не откликнулся. Позвали полицмена. Взломали дверь. На голой стене комнаты вместо плаката «Молчи, тебя слушает враг!» висел портрет Гитлера. Все часы были разбиты, исковерканы. Кто учинил такой погром, уничтожил плоды труда многих лет?

Люди недоумевали. И только позже узнали, что в это время дядюшка Питер был на борту фашистской субмарины. В руках у командира подводной лодки была карта английских минных заграждений на подходах к военноморской базе Скапа-Флоу. Карту изготовил и передал своим хозяевам старый немецкий шпион дядюшка Питер. Фашистская субмарина на заданной глубине прошла по тайным проходам и торпедировала английские военноморские корабли. «Дядюшка Питер» принимал поздравления от команды германской подводной лодки с «блестящим завершением операции»...

...Всю ночь слышались разрывы глубинных бомб. И всю ночь я просидела в кают-компании в шубе, шапке, с расшнурованными башмаками. Так велел капитан, предупредив, что, попав в воду, надо первым делом сбросить башмаки, а то они потянут на дно. И все время я старалась запомнить путь к шлюпке № 4, в которую я должна была сесть, если наш пароход будет торпедирован.

На палубу страшно было выйти, но мне хотелось понять, почему мы так медленно стали двигаться и нас обгоняют другие корабли. Поняла это, услышав разговор капитана со старшим механиком. Механик убеждал капитана, что с углем все в порядке и что это «сумасшествие остаться одним в море без всякой защиты. Нельзя идти на верную гибель». Капитан ответил ему резко: «Я знаю, что делаю. Объясните матросам, что отстаем потому, что плохой уголь. Машины не в состоянии работать на полную мощность».

Действительно, остаться в море одним страшно. Но доктор Чарлз заверил меня, что капитан знает, что делает, и по секрету сообщил, что в трюмах нашего парохода не только танки, но и боеприпасы, снаряды, патроны, динамит... Немецкие субмарины прорвались внутрь каравана.

С утра, как обычно, может начаться бомбежка, на конвой обрушатся с воздуха немецкие бомбардировщики. Наш пароход может взорваться даже не от прямого попадания, а от детонации. Поэтому лучше отстать от каравана и остаться одному. Так вернее. Сейчас охота идет против всего конвоя, и немцы не будут отвлекать силы на наш пароход.

— Капитан умница,— сказал доктор.— Мы догоним конвой — он идет противолодочным курсом, а мы идем прямым и пройдем в три раза быстрее.

...В эту ночь, кроме меня, на пароходе наверняка никто не спал. Я же не ведала об опасности. А смерть в железном рогатом шлеме ходила вокруг корабля. Порой терлась шершавой щекой о борт, покачивалась на пологой волне. Днем я стала невольным свидетелем разговора капитана со своими помощниками. Пароход попал на минное поле. Это были мины, очевидно сброшенные с германских самолетов в море, а возможно, сорванные штормом с якорей и теперь разгуливающие по волнам.

Заметили их на рассвете. Срочно была усилена вахта, команда приведена в боевую готовность. Матросы, вооружившись баграми, биноклями, свистками, лежали на палубе у фальшборта и зорко вглядывались в волны. От резкого звонка впередсмотрящего все превращались в слух и зрение.

Матросы, завидев рогатую гостью, осторожненько отводили ее баграми, и огромная чугунная голова медленно уходила за корму, покачивая рогами. Матросы бегали по палубе на цыпочках, говорили вполголоса. Я не видела такой тревоги даже во время торпедной атаки. Матросы, не стесняясь меня, высказывали самые страшные прогнозы, что, мол, стоит такой мине стукнуться как следует о борт корабля, как сработают взрыватели и двести пятьдесят килограммов взрывчатки разнесут судно вдребезги.

Я холодела от ужаса, лучше б не знать.

С наступлением темноты капитан приказал заглушить машины и положил корабль в дрейф. С обоих бортов на воду были спущены шлюпки, матросы вглядывались в черные волны — не покажется ли страшная морда мины, а завидев ее круглую шишковатую макушку на волне, протягивали багры и самыми ласковыми словами провожали ее за корму, а вслед пускали страшные ругательства.

Утром, когда на востоке обозначилась бледная полоска

рассвета, вахтенный сигнальщик доложил, что море спокойно, мин не видно...

Спустя два дня между островами Шпицберген и Медвежьим мы снова примкнули к каравану и увидели наши советские военные корабли, которые приняли транспортные суда под свою охрану.

Да, советские военные корабли перепахали Баренцево море, охраняя конвои, спасая английские и американские экипажи с гибнущих и погибших транспортных кораблей. Высматривали каждый плотик, каждый обломок, за который мог ухватиться тонущий.

Еще мили две хода — и видны Мурманские сопки. Шестнадцать суток позади. Караван втягивается в горло Кольского полуострова.

Я с трудом перевожу на английский команды лоцмана: «Восемнадцать метров...», «Трави якорную цепь...» Опускаю непередаваемый с обеих сторон морской жаргон, стараюсь как можно быстрее превратить метры в футы.

Здравствуй, причал родной земли!

Глава 25

ГОРБУШКА ХЛЕБА

Мурманск. Почти весь день ушел на организацию причалов и якорных стоянок для пароходов. Капитан Эндрю попросил меня быть переводчиком у советского лоцмана и в благодарность за дружеское участие и добрую компанию в походе подарил мне цветную мозаику — фигурные кубики для взрослых. Храню их до сих пор.

Матросы помогли мне перенести вещи в гостиницу.

Было начало марта 1944 года. Над Мурманском уже на несколько часов появлялось солнце. Оно освещало мрачную картину разрушенного города. Руины, руины, руины...

И все же город жил. Торговали магазины. Сновали прохожие. Гуляли влюбленные парочки. Маршировали солдаты. Инвалиды на костылях в бушлатах и тельняшках. Это они извещали «купание» в Баренцевом море, где теряли руки и ноги. Фронтной город.

Вечерним поездом я отправилась в Москву. Пассажиров было мало. Моим соседом по купе оказался капитан 2-го ранга с девочкой, вид которой меня поразил. Голубая

прозрачность лица и не по-детски печальные глаза. «Болезная девочка», — решила я.

Поезд отправился. Я познакомилась с попутчиками. Он — командир подводной лодки, ленинградец, везет дочку на Украину к родственникам. Увидев наклейки на моих двух мешках и чемодане, он понял, что я прибыла из Великобритании с конвоем. Он и сам встречал и охранял конвой. Мой новый знакомый обратился ко мне на английском языке и сказал, что его жена, мать и младший сын погибли от голода в Ленинграде, а чудом оставшуюся в живых дочку знакомые привезли к нему в Мурманск. Просил ни о чем девочку не расспрашивать, она еще не может прийти в себя после пережитого. Назвал ее по-английски Элизабет.

Девочка мрачно смотрела на отца и потом сказала: «Я хочу есть». Я предложила устроить ужин. Достала сыр, лимон, сахар, купленные у английского торговца. Капитан вынул большой термос, американскую тушенку, хлеб. С изяществом, столь свойственным русским морякам, он расстелил салфетку, нарезал ровные ломтики хлеба. Я сняла красную корочку с сыра и заметила, что девочка схватила ее и проворно сунула под подушку. Я нарезала лимон, положила каждому в стакан. Капитан, которого, если память не изменяет, звали Сергеем Сергеевичем, подал чай и бутерброд прежде всего Лизе, а когда протянул бутерброд мне, она вскрикнула и схватила его за руку.

— Лиза, милая, хватит всем, всем, и тебе я дам еще много.

В руках у Сергея Сергеевича была большая горбушка хлеба.

— Дай, — сказала девочка повелительно.

Он положил горбушку перед нею.

— Эту горбушку съешь завтра утром. Ты же умница, знаешь, что много есть тебе еще вредно. Пей чай и ложись спать не раздеваясь. Мы с тетей пойдем покурим.

Мы вышли в коридор. Он закрыл дверь в купе и теперь уже по-русски шепнул мне:

— Моя девочка перенесла такой ужас, она крайне истощена и все съестное прячет даже от меня. И сейчас она вынимает спитой лимон из стаканов, подбирает крошки хлеба и куда-нибудь засунула горбушку. Врачи не разрешают ее обильно кормить. Это опасно после девятисот голодных дней. Подумайте только, Лиза ска-

зала мне со слов мамы, они съели умершую собаку...

Мы вернулись в купе. Спитой лимон исчез. Горбушки не было. Кусок еще не нарезанного сыра тоже исчез. Лиза спала, обхватив обеими руками подушку.

Неожиданно поезд затормозил и остановился. Дверь в купе резко отодвинулась, и проводница объявила, что поезд подходит к фронтовой линии. Близится время обстрела, поэтому надо быть готовыми в нужный момент покинуть вагон.

Вскоре послышался артиллерийский залп. Сергей Сергеевич схватил девочку на руки. Она проснулась, прислушалась и испуганно спросила:

— Это наш квадрат обстреливают?

— Нет, нет,— успокоил отец,— но нам надо выйти из вагона.

Мы спрыгнули из тамбура и спустились вниз по крутой насыпи.

Начался артиллерийский налет. Снаряды летели в сторону поезда, либо не долетая до нас, либо ложась где-то вдалеке.

Вдруг Лиза поднялась с земли, вскарабкалась на верх насыпи и бросилась в темный вагон. Отец поспешил за нею, и через несколько минут оба вернулись.

Обстрел усиливался. Сергей Сергеевич расстелил на снегу шинель и уложил на нее дочку.

Я устроилась рядом. При каждом новом залпе девочка что-то гладила рукой и приговаривала: «Не бойся, миленький, это не наш квадрат обстреливают. Я тебя никому не отдам. Ты ведь мой, мой...»

Я решила, что у девочки в руках кукла.

Артиллерийский налет кончился. Проводница пригласила пассажиров в вагон, и поезд тронулся дальше.

Спящую девочку Сергей Сергеевич принес на руках, бережно уложил на постель, отвернул подушку и взглядом пригласил меня посмотреть. Он посветил лучом фонарика, и я увидела корочку хлеба, обрезки сыра, кружочки спитого лимона, яичную скорлупу. А в руке у Лизы была крепко зажата горбушка черного хлеба. Вот за ней она и бросилась в вагон.

— Я знаю, что сейчас будет. Она ляжет на эту горбушку, ей лежать неудобно, но это сокровище отобрать у нее я не могу. Вспылит, и кончится все истерикой. Знаете,— продолжал Сергей Сергеевич,— у нас, подводников, самое сокровенное желание — отомстить за наших жен и детей.

В норвежском фиорде стоит гитлеровский линкор «Тирпиц». Он стал пиратом Баренцева моря. Ликвидировать «Тирпиц» — вот чего мы хотим. Командиру подводной лодки Лунину удалось атаковать проклятый линкор, в него было попадание двух торпед, он минимум на три месяца выходил из строя, но все же остался на плаву...

Утром, когда девочка проснулась, отец разжег спиртовку и в маленькой железной кружке сварил два яйца. Лиза с жадностью проглотила одно и потянулась за вторым.

Отец запретил брать.

— Второе только через два часа, так велел доктор, ты же знаешь.

Я стала расспрашивать Лизу, куда она едет, к кому. Она очень серьезно спросила меня:

— А вы знаете стих «Они сожгли родную хату»? — И, не дожидаясь ответа, без запинки прочитала стихотворение Михаила Исаковского.

Я похвалила ее за прекрасную память, великолепную декламацию, и подобие улыбки появилось на ее измученном лице.

Поезд приближался к Москве.

Глава 26

МАМА

Я не отрывалась от окна вагона. Всюду следы погрома, учиненного войной. И за всем этим бесконечные человеческие жертвы.

Поезд подходит к платформе. Кто меня встретит — мама? муж? сын? братья? Об их судьбе я ничего не знаю, и это незнание терзало сердце. Я так ждала маминых писем, они всегда были маяком в нашей жизни, и мне очень полюбились мамино слово, которым она заканчивала каждое письмо: «Кребко тебя целую». Эта милая ошибка умиляла сердце, и всегда приходило на ум пушкинское: «Как уст румяных без улыбки, без грамматической ошибки я русской речи не люблю»¹. И вот эта буква «б» усиливала крепость материнского чувства.

Где же мама? Ах, вот... Я выскакиваю из вагона.

¹ Пушкин А. С. Евгений Онегин. Гл. 3.

Боже мой, неужели это она? Нет, это ее тень. Такая худенькая, маленькая, хрупкая, а ведь совсем еще не старая, ей и шестидесяти нет. Рядом с нею Надюшка, мой старый друг. Мы звали ее Пампушкой за пышность форм, а сейчас она превратилась в тростинку с опавшего одуванчика. Где же муж?.. Впрочем, все потом...

Мы едем домой. Москва искорежена войной, но ни в какое сравнение не идет с Лондоном, который так меня поразил. Москву отстояли на земле и с воздуха.

Вот и наш дом. Большинство окон защиты фанерой или досками. Стекла вставлены только на стороне, которая выходит на улицу Горького.

Дома, как всегда, чистота и порядок и пахло натуральным кофе, от которого я уже давно отвыкла. Мы с мамой были заядлыми «кофейницами» и все наши серебряные ложки еще до войны отнесли в Торгсин в обмен на кофе. Но сейчас откуда этот кофе?..

Разговор идет впережку обо всем.

— Где Борис?

— На фронте,— отвечает мама.— Но уже по дороге домой.

— Володя кончил десятилетку? — спрашиваю о сыне.

— Он удрал от меня в армию. Жив. На днях получила письмо.

— А братья?

— Женя (младший) недавно был здесь, сейчас по дороге на фронт. Из госпиталя. А вот последнее Колино письмо.

Мама протянула мне открытку, грубый желтый картон. Коля-«середняк», как мы его называли, средний между мною и младшим Евгением. Открытка помечена июнем сорок третьего года. В ней слова сыновней любви. Открытка заканчивалась фразой: «Мама! Завтра в бой. Кончатся патроны, буду грызть зубами фашистскую гадюку... Спасибо тебе за все. Николай».

— Где он сейчас?

Мама тяжело вздохнула:

— Написала ему письмо, но мой треугольник вернулся обратно с припиской: «Выбыл в госпиталь». С тех пор ни звука. Несколько раз писала в полевую почту. Ответа нет.

— Мамочка, ты больна, почему так безумно похудела?

— Знаешь, я получала по твоему распоряжению тысячу рублей, этого хватало на десять килограммов картошки.

Мне стало холодно. Я переводила всю свою зарплату в валюту и считала, что мама с моим сыном обеспечены. Но ей валюту обменивали по твердому курсу на рубли.

Мама весело рассмеялась:

— Но уж чего у нас вдоволь, так это кофе. Я была в эвакуации в Уфе, и там в магазинах стояли мешки с кофейными непережаренными зернами. Жители покупали их, считая, что это бобы. Долго их варили, ругались, что не развариваются, и перестали покупать. Я привезла этого кофе килограммов пять, сама высушиваю и выжариваю. Хорошо получается.

Я понимала — мама уводит меня от мрачных мыслей.

Она принялась рассказывать, как жила в Уфе в полуподвальной комнате вместе с беременной молодой женщиной, женой офицера. Маме пришлось быть повивальной бабкой и обучать молодуху обращению с младенцем. Затем полтора года работала в госпитале бесплатно нештатной нянечкой. Писала письма раненым. Один безрукий офицер, прочитав написанное ею под диктовку письмо, сказал: «Целую крепко надо писать не через «б», а через «п».

— А ты меня никогда не поправила и поставила в неловкое положение.

Я обняла ее.

— Мамочка, я так люблю это слово, очень «крепкое». Всегда пиши так.

— А ты что ж? — беспокоилась она. — Опять соби-
раешься куда-то?

— Мамочка, ты же знаешь, что мы с Борисом служим. Всякое может быть. Себе не принадлежишь. Своей судьбой сами не распоряжаемся. Ты ведь сама была со мной и в Китае, и в Скандинавии.

Мама говорила, как, работая в госпитале, всегда искала среди прибывавших раненых своих сыновей, внука, понимала, что страдающему человеку нужно ласковое слово. Придумала гадание на картах. Раскидывала колоду и всегда выходило: «Письмо в дороге», «Свидание с трефовой дамой», «Любовь до гроба», «Бубновый интерес».

— А все твои блузки, что я прихватила с собой, я там поменяла на чеснок для раненых. Главврач считал меня своей помощницей.

Меня мучила мысль: моя месячная зарплата, на которую в Швеции можно было купить отличную шубу, превращалась в ведро картошки, которой мама делилась с

молодой соседкой. Как-то этой женщине, кормившей ребенка, захотелось котлет, и мама выменяла свое платье на мясо и поджарила десяток роскошных котлет. Голодная женщина съела их в один присест.

Какое счастье чувствовать руку матери на своем плече, прижаться головой к ее груди и никогда не услышать от нее ни упрёка, ни жалобы. И ее чувство любви к людям, к Родине. Каждый раз, когда шла подписка на заем, она говорила нам: «Подписывайтесь на три зарплат, не жалейте, нам хватит, а страна вон как разрушена, сколько несчастных живет без крова...» Мы с мужем много лет работали за границей. Привозили оттуда теплые вещи, одежду, обувь, но, когда началась война, все, что имели, отдали в фонд Красного Креста. По маминому совету.

Мама была удивительным человеком. После смерти отца отправилась со станции Алексин в Калугу хлопотать о пенсии. Мой отец Иван Павлович Воскресенский был помощником начальника железнодорожной станции в Алексине. Он умер от милиарного туберкулеза в октябре 1920 года. Но, потолкавшись по разным канцеляриям, мама плюнула и сказала: «Прокормлю детей сама». Из казенного дома нас выселили, дали теплушку, в которой мама уместила все наше имущество: двуспальная кровать, на этом ложе мы все четверо спали, швейная машинка, комод, стулья. За кроватью — стог сена и рядом — корова Красавка, она никак не хотела ступить на помост, и ее железнодорожники силой затолкали в вагон.

Ехали в Смоленск, где жила старшая сестра мамы, тетя Верочка. Добрый, красивый человек. Они снимали хорошую трехкомнатную квартиру. Ее муж — инженер, начальник железнодорожного депо. Для коровы Вера Дмитриевна заарендовала сарай. Приняла нас ласково и по-русски широко.

Было лето 1921 года. На рынке уже все можно было купить, появился весомый червонец, серебряная разменная монета. Медные пяточки были солидные, на пяточок покупали французскую булку и вдобавок кусок колбасы.

Вечером, когда Александра Дмитриевна и Вера Дмитриевна сидели за столом в кухне и обсуждали, чем заняться и как заработать, явился с работы Садоф Алексеевич, намного старше своей жены, лысый, с белыми усами, в чесучовом костюме, любящий во всем порядок, его ценили на службе, он жил интересами своего дела. Их квартира выходила окнами на железную дорогу. Вера

Дмитриевна рассказывала, что муж ночами напролет мог сидеть у окна и делать подсчеты, сколько раз прогудели маневровые паровозы. Каждый гудок, по его расчетам, стоил 10 золотых копеек. За ночь набирались рубли, и он выкладывал эти цифры на собрании машинистов. Сам ходил по железнодорожным путям, выявлял сгнившие шпалы, проверял работу стрелок, семафоров. Опускался в паровозные ямы. Машинистов и кочегаров знал по имени и отчеству и вместе с тем в немалой степени был наделен барством...

Он вошел, увидел нас, сидящих и жующих за столом, и сказал, проведя пальцем по усам:

— Это что же, четверо ртов на мою голову?

Мама вскочила с места и вышла. За ней выбежала тетка Вера. На следующий день мама продала корову, сено, сняла по Кукуевской улице у домовладельца Федорова двухкомнатную с кухней квартиру в деревянном доме с проваленным полом, куда мы и переселились.

Мама купила на базаре огромный чугун. Тетка Вера сказала знакомому летчику, что одна женщина, пожелавшая остаться неизвестной, может принимать у военных белье в стирку. И мы с мамой в этом котле, подогреваемом в русской печке, стирали белье. Тетка Вера подарила огромный трехведерный самовар, чтобы кипятить в нем воду для стирки.

Но этого заработка не хватало, а деньги, полученные за корову, таяли, и мама устроилась уборщицей на биржу ломовых извозчиков. Утром на рассвете мы ходили убирать огромное помещение. Сначала выгребали грязь лопатами, а потом мыли тряпками и холодной водой пол.

На столе в конторе я увидела какой-то странный железный ящик. Приподняла крышку, и мне бросилось в глаза полукружье рычажков с причудливыми навыворот буквами. Дотронулась до какой-то кнопки, и длинный черный валик уехал в сторону. Я испугалась, толкнула его обратно, а он уперся. Стала прилаживать крышку, но валик не пускал. Мама опешила.

— Это пишущая машинка, ты ее, кажется, сломала. Не надо было трогать. Но не расстраивайся,ждемся, пока придет секретарша.

Пришла секретарь, посмеялась над нашим невежеством, нажала какую-то кнопку, водворила на место валик. Все обошлось благополучно.

Но мама как раз в этот вечер заболела, высокая тем-

пература, я на извозчике отвезла ее в больницу. «Тяжелый фурункулез,— сказал мне врач.— Истощение организма».

Я осталась за хозяйку в доме. Восемилетний Женя и одиннадцатилетний Коля были предоставлены сами себе, озорничали, приходили домой побитые, грязные, голодные. И здесь выручил счастливый случай. Я встретила на улице товарища отца, военного, он часто бывал у нас в доме в Алексине. Рассказала ему о своих бедах. Он велел прийти к нему в штаб батальона, что находился у Молоховских ворот.

Меня зачислили красноармейцем 42-го батальона войск ВЧК Смоленской губернии. Так я вошла в самостоятельную жизнь. Мне было четырнадцать лет.

НАША СПРАВКА

ВОСКРЕСЕНСКАЯ Зоя Ивановна родилась 28 апреля 1907 года в г. Алексине Тульской области в семье железнодорожного служащего — помощника начальника станции Алексино — Ивана Павловича Воскресенского.

В семье Воскресенских было трое детей — Зоя Ивановна и два младших брата: Николай Иванович (1910 года рождения) и Евгений Иванович (1913 года рождения), Николай Иванович погиб на фронте Великой Отечественной войны в 1944 году, в Смоленске живет его единственный сын Виктор Николаевич Воскресенский. Евгений Иванович полковник в отставке, всю Отечественную войну прошел сапером, был несколько раз ранен и контужен, но остался жив. Сейчас живет в Виннице.

Отец — Иван Павлович — умер от туберкулеза в октябре 1920 года. После смерти отца мать — Александра Дмитриевна Воскресенская — переезжает с детьми, из которых старшей Зое было 13 лет, к дальним родственникам в Смоленск. В Смоленске Зоя Ивановна прожила до 1928 года в заботах о семье в качестве «младшей хозяйки» дома. Она помнила, что ее забота о братьях началась с того, что она вместе с матерью сшила из железнодорожной шинели отца два пальто для маленьких братьев.

Уже в 1921 году, в четырнадцать лет, она поступает на работу библиотекарем в 42-й батальон войск ВЧК Смоленской губернии и становится бойцом штаба ЧОН. Маленькая библиотекарьша гордится своей работой и особенно тем, что постепенно росло число читателей.

В 1923 году Зоя Ивановна переходит на работу в качестве политрука в колонию малолетних правонарушителей, которая находилась в

деревне Старожище под Смоленском. В колонии Зоя Ивановна проработала всего три года, но в ее памяти сохранилось много волнующих, незабываемых моментов. Она помнит, как старшие ребята из колонии, которым было по 17—18 лет (а самой воспитательнице двадцать) совершили кражу продуктов из кладовой колонии. На другой день Зоя Ивановна и заведующий колонией были в Смоленске в губкоме. По возвращении из Смоленска в колонию на дороге их подстерегали парни из их колонии с топорами и мешками, которые ошибочно считали, что они ездят в Смоленск в милицию жаловаться по поводу кражи.

Зато малыши дарили сполна Зое Ивановне свою нежность и ласку. Они приветствовали свою любимую воспитательницу, как рассказывала Зоя Ивановна, на своем тарабарском языке, который состоял в том, что в каждом слове первый слог менялся на «ШИ», например: «Шивствуй, шилая шиечка-шисомолочка!» Что означало: «Здравствуй, милая Зоечка-комсомолочка!»

В то время у Зои Ивановны возникает мысль написать книгу о жизни малолетних правонарушителей в колонии. Она уже начала собирать необходимый материал и писать текст. Но в то же время выходит в свет знаменитая «Педагогическая поэма» А. С. Макаренки, и Зоя Ивановна сжигает все свои записи. Недаром известный литературный критик И. П. Мотяшов в своей книге «Зоя Воскресенская. Очерк творчества» (издательство «Детская литература», 1979 г.) написал: «Выйдя в отставку, полковник Зоя Ивановна Рыбкина и дня не испытывала чувства растерянности. Часы отдыха — это она хорошо знала по себе — в миллион раз слаще, когда они выкраиваются из дней и недель упорной работы. А новое дело — его выбирать было не нужно. Все долгие годы трудной, нередко опасной службы, когда мысль и воля напряжены до предела и себе ни в чем не принадлежишь, а только огромному и важному, что зовется долгом перед Родиной, где-то в сокровенных тайничках души настойчиво и неизгладимо теплилась мечта о литературном труде.

Подчас она ощущалась даже как неосуществившееся призвание, от которого отклеили обстоятельства. Мечта мечтой, но служба — нелегкая, интересная и любимая — поглощала все время и силы. И все же иногда думалось: «Вот выйду в отставку, и тогда...»

В 1927 году по решению Смоленского губкома Зою Ивановну направляют на завод им. М. И. Калинина для организации пионерских отрядов из детей рабочих и служащих завода, который изготавливал для села ведра, бидоны, бороны и плуги.

В 1928 году Зоя Ивановна, будучи уже кандидатом в члены ВКП(б), переходит на работу в Заднепровский райком партии Смоленска в качестве заведующей учетно-распорядительным подотделом орготдела. Она гордится тем, что принимала в то время партийные взносы у будущего Маршала Советского Союза А. И. Егорова. Год назад она

вышла замуж за Казутина, который вскоре уехал в Москву на партучебу. От этого брака родился сын, которого назвали Владимиром. В конце того же 1928 года она из Смоленска переехала в Москву, но не просто к мужу, а по партийной путевке для работы в Педагогической академии им. Н. К. Крупской (теперь это Педагогический университет им. В. И. Ленина). В Москве из Педагогической академии ее взяли на работу машинисткой в транспортный отдел ОГПУ на Белорусском вокзале Московско-Белорусской железной дороги (МБЖД).

В апреле 1929 года Зою Ивановну приняли в члены партии, а в августе того же года пригласили на Лубянку, где ей предложили перейти на оперативную работу, а затем поехать в Харбин. Так началась ее жизнь в разведке, которой она посвятила двадцать пять лет.

В 1930 году Зоя Ивановна уехала в Китай. Перед отъездом развелась с мужем Владимиром Казутиным. Вернулась в 1932 году. Замуж за Бориса Аркадьевича Рыбкина вышла в Финляндии в 1936 году. В личном деле Зои Ивановны, которое находится в архиве Службы внешней разведки под псевдонимом Ирина № 24267, есть ее послужной список с указанием занимаемых должностей.

1921—1922 гг.	42 батальон войск ВЧК	— переписчица
1923—1925 гг.	Детская колония малолетних преступников	— политрук
1926—1928 гг.	Райком ВКП(б), Смоленск	— зав. учетным отделом
11.1928—05.1929 гг.	ОДТО ГПУ, г. Москва	— машинистка
05.1929—11.1929 гг.	Главконцесском СССР	— завмашбюро
11.1929—05.1930 гг.	Союзнефть, Москва	— замзав секретной частью
05.1930—05.1931 гг.	Союзнефть, Харбин	— секретарь
05.1931—03.1932 гг.	Союзнефть, Харбин	— экономист
1932—1933 гг.	Командировка по линии ИНО, Берлин — Вена	
1933—1935 гг.	Переводчик и уполномоченный ИНО по Ленинградской области	
1935—1939 гг.	Командировка в Финляндию	
1939—1940 гг.	Резерв назначения, Москва	
1940—1941 гг.	Оперуполномоченный 2-го отделения 5 отдела 1 управления	
1941 г.	Замнач отделения 1 отдела 1 управления	
1941—1944 гг.	Командировка в Швецию	

1944—1945 гг.	Начальник 1 отделения 1 отдела ПГУ
1946—1947 гг.	Нач. 3 отделения отдела 5А ПГУ
1947—1949 гг.	Замнач 3 отдела 2-го управления Комитета информации
1950—1954 гг.	Начальник 3-го отдела ПГУ

Далее послужной список Зои Ивановны обрывается, видимо, в связи с направлением ее в Воркуту, т. к. лагеря заключенных (ГУЛАГ) находились в ведении МВД.

Глава 27

БЫЛО И ТАКОЕ...

Через несколько дней после моего приезда в Москву дома появился уса́тый и борода́тый полковник Рыбкин, которого я доселе не видела в армейской форме ни с усами, ни с бородой. Я до слез обрадовалась, что он живой, невредимый, но никак не представляла в таком облике. Спросила, удалось ли ему побывать в местечке Ясно-Витебск, что на Днепропетровщине, повидаться с родными. Борис махнул рукой, отвернулся и убежал в другую комнату. Я услышала заглушенные рыдания. Справившись с отчаянием, он рассказал, что старший брат погиб в бою на фронте, а всех остальных гитлеровцы загнали в гетто. «И моих престарелых родителей тоже,— выдавил из себя он.— В живых остался младший брат Исаак, участник войны, фронтовик. Родители в гетто заболели сыпным тифом, но выжили. После гитлеровцы их повесили, по другим сведениям,— расстреляли. Расстреляли за то, что их сын — «важный комиссар в Москве». Заодно со стариками гитлеровские изверги казнили и двоих внуков, моих племянников...» Обо всем этом Борису сказала соседка — здешняя колхозница. На столе у нее в комнате Борис увидел скатерть, на плечах шаль, вещи знакомые, мы с Борисом купили их в Финляндии для родителей. Хата, где жили старики, была сожжена...

Борис Аркадьевич сбрил усы и бороду, переделался в штатское, и мы позвонили в секретариат управления с

намерением на следующий день объявиться на Лубянке и включиться в работу.

Война еще не кончилась. Шел март 1944 года. Прибалтика, Белоруссия, Крым, часть Украины все еще были заняты врагом, но близилось время, когда бои перейдут за пределы наших государственных границ.

По телефону доложили о своем прибытии и просили выписать пропуска, но нам ответили, чтобы ждали вызова. Ждали несколько дней, неделю, две, все без толку. Мы не понимали, почему в такое горячее время должны бездействовать. В чем дело? Борис Аркадьевич позвонил начальнику управления, вновь просил нас принять и вновь получил все тот же ответ: «Ждите...»

Наконец нас вызвали аж к наркому Абакумову. В другие времена докладывать наркому всегда ходили в сопровождении начальника управления, а здесь отделались настораживающим: «Идите сами».

Нарком Абакумов поздоровался, спросил о самочувствии, здоровье и затем, пожав плечами, произнес:

— Не знаю, что мне с вами делать.

Мы недоумевали. Нарком пояснил:

— Дело в том, что не распутана ваша связь, характер вашей дружбы,— он указал на Рыбкина,— с резидентом английской разведки.

Я была потрясена.

— Я вас не понимаю, товарищ нарком,— протестующе сказал Рыбкин.

Абакумов нажал кнопку, вызвал секретаря и велел ему пригласить заместителя наркома по кадрам Свинолупова с личным делом полковника Рыбкина.

Абакумов принялся нас расспрашивать, кто мы, в каких странах работали, состав семьи. Свинолупов пришел с довольно объемистым личным делом Кина.

— Так какая там дружба была у Рыбкина с английским разведчиком? — спросил Абакумов у своего зама.

Свинолупов полистал дело и зачитал:

— Вот выписка из показаний резидента английской разведки: «Моим ближайшим другом был полковник Рыбкин, с которым мы постоянно общались, играли в теннис, увлекались бильярдом...»

— О ком идет речь? — спросил Борис Аркадьевич. — Кто этот резидент?

— Петр Петрович О., — ответил Свинолупов.

— Полковник О.? — переспросил Рыбкин.

Замнаркома замешкался.

— Да, да, вроде он.

Рыбкин резко повернулся к наркому и с негодованием отрапортовал:

— Мы оба, — указал он на меня, — товарищ нарком, находимся в резерве у начальника управления внешней разведки полковника А., который года два назад был арестован по клеветническому обвинению в принадлежности к английской разведке. Год просидел в тюрьме, был освобожден за отсутствием состава преступления, полностью реабилитирован. До ареста был начальником отдела, после освобождения назначен начальником управления, и мы находимся у него в резерве.

Абакумов стал краснее помидора. С гневом захлопнул папку.

— Вам понятно? — спросил он своего зама. — Следственный материал поспешили подшить к делу. Двух разведчиков держим на консервации, могли бы, чего доброго, и уволить... Это черт знает что у вас происходит.

— Это не у меня, — попытался оправдаться Свинолулов. — Я все это получил в наследство.

— Наведите порядок, — уже рассерженно прорычал Абакумов. — Будьте здоровы...

Мы получили назначение. Я — в одно управление заместителем начальника отдела, Рыбкин — в другое управление начальником отдела.

Я снова занялась германскими делами.

В наш отдел поступали архивы гестапо, абвера, захваченные Красной Армией. Мы их разбирали, составляли описи, занимались переводами и, конечно, добывали информацию о положении в самой Германии. Определяли, какими еще человеческими ресурсами обладает в этот момент фашистская Германия. Подсчитывали по переписи 1939 года фольксдойче — немцев иностранного гражданства, проживавших в Румынии, Венгрии, Югославии, Австрии, Норвегии и в других странах и подлежащих призыву как в действующую армию, так и на трудовой фронт.

Именно в это время и наш Генеральный штаб занимался подсчетом ресурсов Германии в живой силе и технике. На одно из совещаний по этому вопросу начальник управления направил меня.

Непривычно было мне, женщине в штатском, оказаться среди генералов и маршалов. Впрочем, «сугубо штатской»

я не была, мне присвоили воинское звание полковника, и совсем недавно мы с моим товарищем по прежней работе Дмитрием Георгиевичем Федичкиным¹ вспоминали, как он, будучи заместителем начальника управления, принес мне домой приказ наркома, полковничьи погоны с тремя звездочками, папаху и в ней бутылку шампанского...

Так вот, возвращаясь к совещанию в Генеральном штабе, могу с удовлетворением констатировать, что данные нашей разведки и наши подсчеты по фольксдойче высокими военачальниками были признаны ценными, приняты и учтены в соответствующих расчетах.

Никогда мне не забыть ночь на 9 мая 1945 года. Никто не ушел домой. Мы сидели и ждали объявления о подписании Акта о капитуляции фашистской Германии. Были включены все радиоприемники. Желанная весть пришла в два часа ночи. Какое счастье! Радость, слезы, боль утрат...

Итак, свершилось то, чего с верой и надеждой добивались и добились люди Земли!

Мы с мужем шли домой по улице Горького, видели, как москвичи срывали с окон затемнение и загорался свет. Вспыхнули уличные фонари. На площади Пушкина двое пожилых людей, очевидно муж и жена, принесли горшочек с цветущей геранью и поставили к памятнику Пушкина. Мы подошли к ним.

В огромном доме, в котором мы жили, распахнуты двери во все квартиры. На лестничные площадки выносили столы, покрывали скатертями, выставляли вино, припасенное с первых дней войны ко Дню Победы, в которой не сомневались.

Это было ликование, великое братство, великое единение!

¹ Рукопись этой книги была уже в издательстве, когда мне позвонили и сообщили горестную весть: Дмитрий Георгиевич Федичкин 27 октября 1991 года умер, не дожив одного месяца до своих 90 лет, из которых более шестидесяти он отдал делу разведки. Последний из могикан... Многие годы мы были связаны с ним по работе. Он стоял у истоков разведки в 20-е годы. Успел оставить книгу «У самого Дальнего», в которой рассказал о себе. — З. В.

В ОГНЕННО-РЫЖУЮ МЕТЕЛЬ...

...Впервые за двенадцать лет совместной жизни нас отправили в отпуск в Карловы Вары на сорок пять дней. 6 сентября 1947 года ночью мы улетели из Москвы в Вену. Москва сияла огнями. Сверху особенно явственно выступали кремлевские стены и башни, обведенные ярким пунктиром электрических лампочек. Столица праздновала свое 800-летие.

Мы с Борисом Аркадьевичем в Вене уже бывали, но в разное время и в одиночку. А сейчас вместе совершили восхитительную прогулку в Венский лес, гуляли по Пратеру, парку, пересекающему центр города.

В свое время я не упускала возможности послушать знаменитого Стефана Цвейга. В переполненном зале театра, сидя на сцене за письменным столом с рукописью в руках, он монотонно читал свой новый рассказ. Тишина абсолютная. Перевернув последнюю страницу, он раскладывался и уходил за кулисы. Зал приветствовал его и долго-долго аплодировал. Он больше не выходил, в его манере этого не было, но венцы знали, что через неделю-две писатель вновь придет в этот зал с новым рассказом...

Всюду и во всем Вена оставалась верной себе. Музыка, вальсы Штрауса можно было услышать и в опере, и в маленькой закуской-бистро.

В Карловы Вары ехали на автомашине. Вот мы пересекли границу с Чехословакией, собственно, границы не было, просто на шоссе подняли шлагбаум. Увидев вывеску, похожую на ресторанный, зашли туда, чтобы закусить. Чех-хозяин узнал, что мы советские, из Москвы, и тут же на столе появились ветчина, отбивные, паштеты, салаты, фрукты.

— Хватит, хватит,— уговаривала я хозяйку, но она подносила все новые и новые блюда.

Все было вкусно, и мы плотно позавтракали.

Борис Аркадьевич достал бумажник и спросил, сколько мы должны. Хозяин и хозяйка замахали руками.

— Вы русские, вы спасли нас, мы считаем за честь угостить вас.

Они категорически отказались принять деньги. У нас с собой в машине было несколько бутылок вина и коробки конфет. Мы подарили их гостеприимным хозяевам. Жена

корчмаря прослезилась. А хозяин, узнав, что мы едем в Карловы Вары, поинтересовался, есть ли у нас с собой лопата.

— Лопата? Лопаты у нас нет. Зачем она?

— Может пригодиться,— убежденно сказал корчмарь.— В этом году большой урожай на яблоки и груши, случится ветер — дороги будут ими завалены. До самых Карловых Вар шоссе обсажены фруктовыми деревьями.

Так оно и было. Нам не раз приходилось выходить из машины и расчищать путь. На многих деревьях были подвязаны маленькие соломенные снопики, означавшие, что урожай с этого дерева муниципалитетом продан.

Следы войны всюду. У обочин дороги — то остов сгоревшего танка, то брошенное оружие, в жерло его засунут пучок травы.

В Карловы Вары приехали к обеду. Нас поместили в «Империял», один из двух санаториев, которые чехи подарили Советской Армии.

Работать вместе мы умели, а отдыхать... С утра бежали за газетами, покупали свежие советские, чешские, читали, спорили, не давали себе покоя. Все же постепенно вошли во вкус, к отдыху располагал и роскошный номер: кабинет, гостиная, спальня. Рано утром — к гейзеру, посасывали водичку из носиков карлсбадских кружек. Потом разгуливали по холмам вблизи «Империяла», ходили и вдаль.

Чешских крон у нас было немного, но на газеты и каждый день на букетик цветов у Бориса Аркадьевича хватало. Принес, помню, в день свадьбы букет роз и торжественно заявил: «Отныне и до самых последних дней у тебя всегда будут цветы». Он приносил их мне на мой рабочий стол в служебном кабинете. В воскресенье букет свежих цветов появлялся дома на обеденном столе. Этот сдержанный, немногословный, на вид суховатый человек имел большое, доброе и умное сердце. Как-то в порыве откровенности он сказал мне: «Если я прожил день и не совершил ничего полезного, не подарил никому радость и мне никто не улыбнулся, это потерянный для меня день».

Прогулки по окрестностям Карловых Вар были полны впечатлений. Мы оба умели мечтать, заглядывать в будущее, думали о том, что когда уйдем в отставку, то попросим дать нам какой-либо самый отсталый поселок или район, в который мы вложим весь наш жизненный опыт, все, что мы познали во время заграничных странствова-

ний: финскую чистоплотность; немецкую экономность; шведский менталитет — национальный характер, в чем соединились и благоразумие, и благополучие, и зажиточность, и тот внешний вид, когда трудно определить возраст шведа — от 30 до 60; норвежскую любознательность, свойственную вечным морским путешественникам; австрийскую любовь к музыке, книгам; болгарскую — к песням и танцам; английскую привязанность к традициям, в ней объединилось все — от великого до смешного.

В семейной жизни не было у нас жажды наживы, «вещизма». Мы ничего не нажили. У нас была жажда познания.

В те карловарские дни мы пережили взлет нашей влюбленности. Забрались как-то на вершину горы, на которой установлен памятник Петру Первому. «Петр Алексеевич, будьте свидетелем того, как я влюблен.— Борис Аркадьевич обхватил меня.— Вчера мне казалось, что это вершина любви, а сегодня я люблю больше, чем вчера. Неужели наступит час, когда любовь превратится в привычку? Нет, Петр Алексеевич, подобное не случится. Это наше, хотя и запоздалое, свадебное путешествие».

Но осуществить задуманное не довелось. Путешествие наше неожиданно прервала телеграмма из Москвы. Мне предлагалось немедленно вернуться домой, а Борису Аркадьевичу отбыть в Баден и дожидаться дипкурьеров, которые привезут «особо важное задание».

Решили, что я полечу в Москву из Вены. С Прагой авиасообщения тогда не было.

Мы отправились в Баден, близ Вены, остановились в гостинице. Баден со всех сторон окружен лесистыми горами, они были расцвечены осенними красками — от темно-рыжих до ярко-красных, и казалось, ни один листик еще не облетел. Было почему-то очень грустно. Утром я улетала и должна была ехать на Венский аэродром.

Помню нашу тревожную ночь. Налетела буря. Ветер выл, стонал, трещали деревья, предчувствие беды разрывало сердце. Я очень редко плачу. Разучилась с детства. Но в эту ночь я рыдала, не знаю отчего.

Под утро мы увидели, что за окном бушует рыжая метель, сквозь которую на мгновение возникали совершенно обнаженные деревья. А ветер, как погромщик, вздымал и вздымал копны пожухлых листьев...

Поехали на аэродром. Буря продолжала свирепствовать. По пути видели вырванные с корнем деревья.

На аэродроме самолеты были укреплены стальными стяжками. Полеты отменены. Разрешили подняться только большой грузовой машине. К ней нас и направили. Видим, один крохотный самолетик сорвался с тросов и, ломая крылья, кувыркаясь, вдруг оказался выброшенным за пределы аэродрома. Страшное зрелище.

Меня усадили в грузовой самолет, наполненный пустыми ящиками, бочками, картонными коробками. По бокам фюзеляжа — скамейки и одно подобие кресла, в него меня и усадили. Выяснилось, что летят в Москву за продовольствием к ноябрьскому празднику.

Борис Аркадьевич сунул мне в карман какую-то коробочку. Догадалась: духи «Шанель». Знала, что в Москве буду искать в перчатках, в пижамных карманах, в несесере записку. Крохотный листок с объяснением в любви он обычно упрятывал в моих вещах.

— До скорого свидания, — сказал он.

— Желаю удачи, — ответила я.

Мы простились. И оба каким-то шестым чувством поняли, что расстаемся навсегда. Чувство это не покидало меня два с лишним месяца и даже тогда, когда я получила его записку: «Новый год встретим вместе».

Но неожиданно меня вызвал заместитель начальника управления, в котором работал Борис Аркадьевич Рыбкин, и, пригласив сесть, по-солдатски прямо заявил:

— Ты прошла все: огонь и медные трубы и сейчас мужайся. — Он набрал воздух и глухо выдохнул: — Борис погиб.

Два эти слова не свалили меня с ног. Они просто не дошли до моего сознания, и я спросила:

— Совсем погиб?

— Да, совсем... Погиб там, но хоронить его будем здесь.

Советский разведчик Борис Аркадьевич Рыбкин погиб при исполнении служебных обязанностей.

«Погиб при исполнении служебных обязанностей» — значилось в приказе.

Каждое воскресенье с маленьким сыном мы ездили на Новодевичье кладбище.

— В Парк культуры, — объясняла я трехлетнему сыну, — сажать цветы на нашей клумбе.

Отец для него оставался живым. Он ждал его каждый день. Но через три года поехал на кладбище с бабушкой и сам прочитал: «Рыбкин Борис Аркадьевич.

Родился 19 июня 1899 г.— Погиб 27 ноября 1947 г.». Мальчик залился слезами, он все понял.

НЕБОЛЬШОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

(Размышляет полковник Э. П. Шарпов)

Прошли годы. Многие в архивах разведки сейчас уже открыто. Но вопрос о том, как же погиб полковник Рыбкин, так и остался закрытым. В архивах разведки, к сожалению, нет или не сохранилось никаких документов по этому поводу.

Однако на этот счет существуют две версии.

Первая, она же официальная: полковник Рыбкин Б. А. погиб под Прагой в автомобильной катастрофе.

До сих пор жив и здравствует офицер, который выезжал из Праги к месту катастрофы. Его фамилия Г. И. Рогатнев. По его незадокументированным рассказам, авария произошла из-за того, что водитель «шкоды», в которой находился полковник Рыбкин, обгоняя идущую впереди гужевую подводку, выехал на встречную полосу и столкнулся с автомашиной «студебеккер» с солдатами. И последнее, что якобы сказал Борис Аркадьевич, были слова: «Под мост, под мост», то есть Рыбкин имел в виду резко съехать на обочину в сторону встречного моста и тем самым избежать прямого столкновения. По словам Рогатнева, он не только помогал перенести тело Рыбкина в стоящую у дороги церквушку, но и беседовал с водителем «студебеккера» и с находившимися в кузове солдатами.

Вторая версия состоит в том, что полковник Борис Аркадьевич Рыбкин был преднамеренно убит. Об этом говорят различные большие и малые факты, вступающие в противоречие с официальной версией.

Во-первых, одновременно, но не под Прагой, а под Будапештом, в аналогичной ситуации погиб капитан Суриков... в шинели и с документами полковника Рыбкина Б. А.

Во-вторых, генерал Белкин неожиданно ночью поехал из Будапешта в Прагу не обычной дорогой, а по той, где произошла авария. Белкин и его шофер В. Черноусов видели два трупa, и ничего больше. А утром Г. Рогатнев еще застал солдат, свидетелей катастрофы, и только один труп (Рыбкина) и живого, но до сих пор находившегося в шоковом состоянии, бывшего за рулем «шкоды» майора Волкова. Г. И. Рогатнев и сейчас настаивает на своей версии.

Анализ этих и других фактов, перечисленных в письме Зои Ивановны, на мой взгляд, свидетельствует в пользу второй версии. И особенно тот факт, что, как пишет Зоя Ивановна: «Я хотела поправить розу, надвинувшуюся на его щеку, сдвинула ее и за правым ухом увидела зияющую черную рану...» А мне она бесчисленное количество раз

говорила, что она отчетливо увидела пулевое отверстие. Я не могу поверить в то, что мужественная, волевая сорокалетняя женщина-военнослужащая могла перепутать пулевое ранение с обычной, хотя и смертельной, травмой. И совсем непонятно, как сотрудница той же службы, полковник, жена, энергичная и властная женщина — Зоя Ивановна Рыбкина — не смогла (или не дали возможности) по горячим следам разобраться в истинной причине смерти своего горячо любимого мужа.

Относительно недавно, при встрече с бывшим начальником Четвертого управления, занимавшегося диверсионными операциями, П. А. Судоплатовым, в подчинении которого служил Б. А. Рыбкин, я задал все тот же вопрос — как погиб Б. А. Рыбкин? Павел Анатольевич ответил — конечно, автокатастрофа. Все остальное — это навязчивая идея Зои Ивановны. ...Но глаза! Глаза говорили, что он знает что-то другое.

Если принять за истину версию об убийстве Рыбкина, то неизбежно встает вопрос — кому и зачем была нужна его смерть?!

Возможно, она явилась результатом какой-то внутренней, служебной борьбы, внутренних неурядиц и неразберих. Ведь именно в 1947 году образовался так называемый Комитет информации, в состав которого вошла и разведка, что порвало внутренние кровные нити между другими подразделениями МГБ и что впоследствии было признано ошибкой в реорганизации. Возможно и то, что смерть Рыбкина была одним из эпизодов тогдашней антисемитской волны (Рыбкин был евреем). Органы государственной безопасности, как известно, были как раз одним из тех учреждений, в которых наиболее ярко просматривается линия то взлета, то падения роли евреев в государственной политике нашей страны. Во времена создания ВЧК, еще во времена Держинского, все ведущие, ключевые позиции занимали евреи, и не только ведущие — просто большинство сотрудников. Затем наступала волна репрессий, жертвами которой становились евреи, хотя бы потому, что их там было большинство. Были и такие времена в органах государственной безопасности, когда, например, на партийной конференции центрального аппарата по документам мандатной комиссии значился только один еврей, тот, конечно, который не скрывал и не менял фамилию и имя. Как раз в середине сороковых годов на устах советского руководства был «еврейский вопрос» — решалась проблема создания автономной еврейской республики — где? — в Крыму или в Палестине.

Смерть Рыбкина могла быть и результатом его участия в организации и проведении знаменитой Ялтинской конференции (4—11 февраля) 1945 года, где Рыбкин поддерживал контакты с представителями спецслужб США и Великобритании. Там, по настоянию нашей разведки, даже за час до начала переговоров был заменен американский гражданин, намечавшийся переводчиком между Рузвельтом и Сталиным. Нельзя исключать и эту версию.

А может быть, его смерть каким-то образом была связана с той работой, которую он проводил в последнее перед смертью время по восстановлению связи с нелегальной резидентурой в Турции. Нельзя забывать, что именно в Турции в годы второй мировой войны германским послом работал фон Папен, преемник Гитлера на посту фюрера, и которого сталинское руководство стремилось убрать, боясь того, что если фон Папен заменит Гитлера, то Германия еще до окончания войны пойдет на союз с Англией и США. Могли сыграть свою роль какие-либо отголоски и этих давних военных лет.

Так или иначе, об этом теперь можно лишь гадать. Однозначного ответа на этот вопрос нет.

Москва. 8 января 1995 года. На Новодевичьем кладбище, у одной из могил, стоит с непокрытой головой пятидесятилетний мужчина. А у самого обелиска на снегу лежат алые, как кровь, гвоздики. На черном мраморе золотом выбиты слова:

Полковник

Рыбкин Борис Аркадьевич

родился 19 июня 1899 года — погиб 27 ноября 1947 года.

Ниже есть еще одна надпись:

Воскресенская-Рыбкина

Зоя Ивановна

полковник, писательница

28.IV.1907 — 8.01.1992

Мужчина у этого памятника — сын Алеша, Алексей Борисович Рыбкин.

ВСПОМИНАЕТ ЗОЯ ВАСИЛЬЕВНА ЗАРУБИНА — ДОЧЬ В. М. ЗАРУБИНА

БЕЛКИНА Михаила Ильича я хорошо знаю, поскольку он жил с нами в соседнем подъезде в доме КГБ на улице Чкалова в Москве. Знаю его жену Ольгу Ивановну и двоих детей. Мы общались семьями. В настоящее время его младший сын Илья занялся бизнесом в области культуры.

М. И. Белкин был заместителем Абакумова — начальника контрразведывательного управления СМЕРШ в звании генерал-лейтенанта. Послевоенные годы он был нашим представителем в Юго-Восточной Европе с местом пребывания в Вене. Его арестовали где-то в

1950—1951 годах вместе с женой. Тогда арестовывали, как мы говорили, подъездами, сначала один подъезд, затем другой. Сидел он не долго. После освобождения из тюрьмы пошел работать простым рабочим на завод, с которого он был призван на работу в органы государственной безопасности. Когда он умер, то на похоронах было много рабочих с этого завода, которые хорошо отзывались о нем и гордились, что генерал-лейтенант не побрезговал и вернулся на работу к ним на родной завод.

Знаю я и капитана, или майора, Сурикова, который работал в одном управлении с Б. А. Рыбкиным под руководством П. А. Судоплатова. Познакомилась я с Суриковым как раз в кабинете Судоплатова, когда его направляли на работу не то в Прагу, не то в Будапешт. Я должна была курировать его семью во время его нахождения в командировке. Суриков отнесся ко мне более чем сдержанно, так как воспринял меня не как сотрудницу, а как дочь генерала Зарубина. Но с его женой Симой мы были в очень хороших отношениях.

И вот после его смерти я получаю от него письмо. Я впервые получила письмо от уже умершего человека. Это было письмо-исповедь. Видимо, Сима писала ему обо мне и о моей заботе о ней. В письме он просил извинить его за то, что он принял меня не за того человека. «Мне сегодня сорок лет,— писал Суриков,— и вот я подумал...» И дальше шли извинения и комплименты в мой адрес.

Глава 29

ВОРКУТА

Наступил 1953 год. С группой работников я была в Берлине. В конце февраля стали распространяться слухи, они проникали в здешние печать и радио, о тяжелой болезни Сталина. Помню, 4 марта все заговорили о его смерти, но московское радио молчало...

Наша группа жила в гостинице в Карлсхорсте. В ночь на 5 марта товарищи собрались в моем номере, мы пили чай и ждали подтверждения или опровержения этих все более и более обволакивающих нас слухов. Вполголоса спрашивали, кто может заменить вождя, и приходили к выводу, что «замены ему нет»... Глубокой ночью московское радио передало сообщение о кончине Сталина. Каждый из нас испытывал в ту минуту странное ощущение, позже мы признались в этом другу другу. Чувство невосполнимой потери и освобождение от страха...

Мы пошли в наше посольство. На здании, расположенном на Унтер-ден-Линден, уже висел огромный портрет, рама которого была обвита красными и черными полотнищами. Под портретом объявление, извещавшее, что утром состоится траурный митинг.

Пошли бродить по городу. Берлин еще лежал в руинах, но бывшая Фридрихштрассе, названная Сталин-алее, отстраивалась красивыми, светлыми домами. На площади возвышался грандиозный монумент Сталина. Нас поразило, что со всех сторон к этому теперь уже памятнику шли берлинцы. Они несли в горшочках комнатные цветы и аккуратно устанавливали их вокруг постамента. Сотни горшочков уже покрывали площадь, а люди все шли и шли. Мы воспринимали это как знак благодарности советскому народу, освободившему страну от гитлеровской чумы. Но ведь многие из этих людей с таким же энтузиазмом совсем недавно прославляли Гитлера. Когда же они были искренни?

В гостинице нас ждала телефонограмма, обязывающая возвращаться в Москву. Мы вылетели самолетом, но неожиданно приземлились на аэродроме под Варшавой.

— Придется вам потерпеть, — сообщил пассажирам командир экипажа. — Москва не принимает. Вылетим не раньше чем часа через два.

Несмотря на раннюю весну, день выдался невероятно жаркий, спрятаться было некуда. Под крышей самолета дышать нечем, горячо. Летевший с нами капитан-директор китобойной флотилии, знакомый всем Соляник, решил съездить в Варшаву и привезти оттуда хотя бы лимонада и чего-нибудь съестного. Вскоре он вернулся и привез несколько спасительных бутылок.

В Москву мы прибыли поздно вечером. Смерть Сталина всколыхнула народ. Я видела плачущих женщин и мужчин. В автобусе пассажиры разговаривали шепотом. В дни похорон тысячи граждан были подавлены в буквальном смысле этого слова, затоптаны...

После траурных дней стали приоткрываться черные страницы неоднозначной личности «отца народов». Начались аресты тех, кто участвовал в расправах 1927—1938 годов. На Лубянке поспешно освобождались от старых кадров, увольняли, как это обычно у нас делалось, всех подряд. Под подозрение брали каждого. В конце августа арестовали начальника Четвертого управления

НКВД генерал-лейтенанта Павла Анатольевича Судоплатова, которого сочли причастным к делу Берия (позднее был реабилитирован военной коллегией Верховного суда России).

Вскоре у нас в управлении состоялось отчетно-выборное партийное собрание. В состав нового парткома была выдвинута и моя кандидатура. Я выступила с самоотводом, объяснила, что в связи с арестом Судоплатова, с которым была в добрых отношениях в течение двадцати лет, считаю, что до выяснения его дела не могу быть членом парткома. Мою кандидатуру сняли. В перерыве ко мне подошли товарищи и осудили мой поступок, говоря, что мое заявление похоже на то, что я несу ответственность за Судоплатова..

После перерыва я выступила вторично и сказала, что несколько лет находилась за кордоном на нелегальном положении, была связана с Судоплатовым по работе, передавала ему указания Центра, принимала от него информацию. Мы обсуждали вместе тактику его поведения в стане врага. Эта совместная служебная работа перешла затем, когда Судоплатов был в Москве, в знакомство семьями.

На следующий день меня вызвал член коллегии НКВД Панюшкин и объявил, что я увольняюсь «по сокращению штатов». «Но моя должность не сокращается», — возразила я. «Вам объяснят это в управлении кадров». Я просила сказать, какие ко мне имеются претензии. Он молчал. Я поднялась и ушла.

В управлении кадров мне предложили ехать в Омск старшим оперуполномоченным. Я сказала, что это вызовет недоумение — полковник, начальник отдела становится оперуполномоченным, понижается на пять ступеней. «Тогда поезжайте в Балашов. Там Никита Сергеевич решил выделить из Куйбышевской области Балашовскую область. Будете там начальником отделения контрразведки». — «Я контрразведки не знаю, и ехать, очевидно, надо с семьей». — «Безусловно».

Я категорически отказалась и попросила объяснить мне причину такого ко мне отношения: в чем и как я провинилась? Как и в последующем во всех инстанциях, мне объяснили, что меня увольняют по сокращению штатов, в Москве для меня места найти не могут. До пенсии (25 лет службы) мне не хватает около года, а приказа о моей двухлетней работе в Китае найти не могут.

Я заявила начальнику управления кадров, что всю свою сознательную жизнь, все силы и здоровье отдала работе в разведке. Здесь я потеряла мужа. И сейчас ехать на периферию со старенькой больной матерью и восьмилетним сыном я не могу. Поэтому я прошу направить меня работать на Крайний Север, с тем чтобы я имела возможность оставить в Москве семью и в свое время возвратиться к ней.

Меня направили в распоряжение ГУЛАГа. Принял меня генерал Долгих. Он сказал, что ему позвонили из управления кадров МВД и распорядились направить меня на работу в один из лагерей. «Куда?» — спросила я. «На Колыму, — ответил он, — согласны?» — «Согласна», — твердо ответила я. «А если в Магадан?» — спросил он. «Тоже согласна», — кивнула я. Долгих развел руками. «Послушайте, я просмотрел ваше дело. Вы сейчас просто кокетничаете. Никуда не поедете, и зряшная это затея!»

Я ответила, что мне сейчас не до кокетства, у меня нет другого выхода: мне нужно доработать выслугу лет и я поеду в любое место, какое мне предложат. Долгих заявил, что ГУЛАГ первый раз посылает на работу в лагерь женщину. «Вас там немедленно проиграют в карты, а я буду вынужден нести за вас ответственность. Потом, вы знаете какие-то иностранные языки, а там в употреблении только матерный». Я ответила, что едва ли будет надобность в освоении этого языка. «Обойдусь без него», — твердо заявила я. «Неужели вы всерьез поедете?» — недоверчиво заметил он. «Мы с вами, товарищ генерал, ведем не светский, а деловой разговор», — ответила я. Тогда он вызвал начальника отдела кадров ГУЛАГа. Начальник отдела кадров сказал: «Пошлем в Воркуту. Это тоже за Полярным кругом, но ближе к Москве». — «Но имейте в виду, — добавил Долгих, — это бандитский лагерь! Для особо опасных преступников». И дал указание оформить мое откомандирование.

Я получила документы, прочитала в энциклопедии справку о Воркуте, попросила дать телеграмму о моем выезде, чтобы меня там встретили. Выехала я, если память мне не изменяет, в конце января 1954 года. Через сутки прибыла в Воркуту. Это был конец железнодорожного пути. Вместо здания железнодорожной станции стоял занесенный снегом под самую крышу вагон, к двери которого была прорыта траншея. Поезд прибыл поздно вечером. Мела пурга. Два прожектора освещали место стоянки

грузовых автомашин. Я с тремя чемоданами напрасно ждала, что ко мне кто-то подойдет. Машины грузились и отходили одна за другой. Осталась последняя грузовая. Я подошла к шоферу и попросила его подвезти меня до управления лагерями. Он сказал, что довезет меня только до города. «Ну, хотя бы до первой гостиницы», — упрасивала я. «А у нас в городе всего одна», — ответил он и предложил мне садиться в открытый кузов грузовика. В своей легкой шубе, шапочке и тоненьком шерстяном платке в этой круговерти метели я почувствовала себя просто раздетой. Подъехали к гостинице. Шофер сбросил мои чемоданы и поехал дальше. В гостинице мест не оказалось. Я умолила администратора взять на хранение мои чемоданы, спросила, где находится управление лагерями, и пошла его искать... В управлении был один дежурный. Я показала ему командировочное удостоверение и спросила, почему меня не встретили. Он пожал плечами и сказал, что ничего не знает. «Можете ли вы устроить меня в гостиницу?» — спросила я. «Нет!» — ответил он. А время приближалось к полуночи. Я попросила разрешения переночевать в каком-нибудь кабинете. «Диван только в кабинете начальника», — ответил он. — И на нем не уложите, на нем сидеть можно, и то только упираясь пятками в пол».

Он повел меня в кабинет. В комнате было жарко, а ноги быстро застыли. «Под ногами вечная мерзлота», — вспомнила из статьи в энциклопедии. Просидела всю ночь на скошенном диване, упершись ногами в пол. Утром я надела свою «цивильную» шубу и соболью шапку, а под шубой на мне была полковничья форма. Причесаться я не имела возможности.

В десять часов утра явился начальник лагеря в форме подполковника. От дежурного узнала, что фамилия его Прокофьев.

Мое появление там было для всех неожиданным. Прокофьев, просмотрев мои документы, безапелляционно заявил: «А вы нам не нужны. У нас уже есть свой начальник спецотдела — старший лейтенант Юферев. Вы работали в лагерях раньше?» — затем спросил он. «Нет», — ответила я. «А за что вас сюда прислали?» — «Меня прислали сюда не за что-нибудь, а для работы!» — ответила я. «Но я же вам сказал, что начальник спецотдела нам не нужен!» Я посоветовала ему связаться с Москвой и со мной этого вопроса не обсуждать.

Я попросила устроить меня в гостиницу или дать мне комнату, где бы я могла отдохнуть и привести себя в порядок. Он сказал, что этими делами не занимается, и направил к начальнику отдела кадров. Начальник отдела кадров, тоже подполковник, очевидно предупрежденный Прокофьевым, сказал мне, что запросит Москву, так как мой приезд «чистое недоразумение». Что же касается устройства жилья для меня, то в его обязанности это не входит.

От начальника отдела кадров я направилась в политотдел. Судя по любопытному взгляду на меня начальника отдела — майора, я поняла, что он тоже уже предупрежден о моем приходе. «Почему вы входите в мой кабинет в шубе и в шапке, неужели вам холодно?» — резко спросил он. Мой ответ: «Я рассчитывала на более теплый прием. А я не могу снять шубу и шапку, потому что моя меховая шапка не заменит мне папахи». Потом я повторила свой вопрос о жилье. Начальник политотдела сказал, что в его функции это не входит. В спецотделе меня встретил старший лейтенант, который отрекомендовался начальником спецотдела, и спросил, чем он может быть мне полезен. Я показала ему командировочное предписание и сказала: «Как видите, я назначена сюда начальником спецотдела». Юферов побледнел.

Я попросила его собрать сотрудников отдела и представить меня. «Я не знаю, как это делается», — ответил он. Когда сотрудники собрались, а их было человек тридцать, главным образом женщины, я сказала, что прибыла сюда из Москвы и что у меня большая просьба приютить меня на пару дней, пока не выяснится положение с квартирой. А прежде всего прошу дать мне возможность помыться, переодеться с дороги. Наступило гробовое молчание. Я спросила, кто из товарищей может предоставить мне возможность переночевать. Снова молчание!

Наконец одна пожилая женщина поинтересовалась: «А вы не скажете потом, что вам «шестерили»?» — «Не понимаю, что это значит». — «Вы что, лагерного языка не знаете?» — спросила она. «Нет, не знаю, — ответила я, — но обязательно выучу». Оказалось, что «шестерить» — это выслуживаться перед начальством. «Ну, ладно, я могу уложить вас на диване», — предложила эта женщина. Звали ее Клавдией Ферапонтовной. Жила она в коммунальной квартире, занимала небольшую комнату вместе с одной девушкой. Она работала инспектором спецотдела и была одной из первых поселенцев Воркуты. Своими рука-

ми построила себе избушку, в которой раз за разом провалились шесть или семь печек. «Уйдешь на работу, затопишь печку, поставишь щи варить, вернешься обратно — ни печки, ни щей. Лед подтаял, и печка провалилась». Суровая на вид, но благородная и доброй души человек. За внешней грубостью и блатным языком скрывалась ее житейская мудрость.

Клавдия Ферапонтовна отвела меня в свое жилище и ушла на работу. Вечером я рассказала ей о своих перипетиях с руководством лагеря. Она заметила: «Они только матерный язык понимают, и их не устраивает, что вы полковник, и к тому же баба».

Я три дня ходила на работу в отдел, знакомилась с сотрудниками, слабо представляя себе функции этого отдела. Моим главным наставником стала Клавдия Ферапонтовна. На четвертый день у меня был тяжелейший сердечный приступ: сказала нехватка кислорода.

Начальник управления, по-видимому, созвонился с Москвой и долго оправдывался, что меня не встретили, не получили, видите ли, никаких уведомлений о моем назначении и выезде в Воркуту.

Затем он предоставил мне комнату, тоже в коммунальной квартире. Комната была размером около шести квадратных метров. Пурга не раз вламывалась в окно и засыпала комнату до потолка снегом. Зато в спецотделе был большой кабинет с окнами на две стороны. Пол в кабинете был покрыт толстым ковром. Стояла дюжина стульев в белых чехлах, хороший письменный стол, сейф. На окнах топорщились накрахмаленные занавески, впрочем, и здесь окна снаружи на три четверти были занесены снегом. Дом был одноэтажный.

Мое появление в Воркуте произвело сенсацию. Оказалось, что во всей Коми АССР появился единственный полковник, и тот — женщина! Даже министр внутренних дел был майором, начальник внутренних войск — подполковник. Клавдия Ферапонтовна со смехом рассказывала, что в мужских парикмахерских втрое увеличилась клиентура, а в парфюмерном магазине раскупили весь одеколон. Под разными предлогами ко мне заходили начальники и сотрудники других отделов. От моей наставницы мне также стало известно, что Прокофьев, созывая совещание руководящего состава, распорядился, чтобы, поскольку в совещании будет участвовать женщина-полковник, «не материться» и вместо «ссучился», что

означало работать на администрацию, говорить «сотрудничать».

Все решили, что в Воркуту меня сослали за какие-то грехи, придумывались разные истории, высказывались всевозможные предположения и версии.

Быстро пролетели полгода, что засчитывалось за год службы. Я уже могла уйти на пенсию по выслуге лет, но в это время произошло слияние нашего бандитского лагеря с Особым лагерем, в котором содержались политические заключенные, и Прокофьев настоял на том, чтобы начальником спецотдела объединенного лагеря, насчитывавшего до 60 тысяч заключенных, оставалась я.

По указанию Центра с заключенными рекомендовалось вести политико-воспитательную работу. Политотдел привлек меня в качестве лектора-международника. Я выезжала в воинские части, бывала у заключенных, работавших в шахтах, в отделениях Особого лагеря. На моих лекциях, проходивших обычно в столовых, было всегда полным-полно народу. Подчас кое-кто из зеков пробовал хулиганить, но их тут же выбрасывали за дверь. Кстати, я часто в лекциях по привычке обращалась к присутствующим со словами: «Прошу внимания, товарищи!» В ответ слышались реплики: «Мы не товарищи, а зеки и каэры» (заключенные и каторжане). «Но вы будете товарищами», — говорила я.

В воркутинских лагерях у меня были любопытные встречи.

Я заболела цингой, и, хотя мама посылала мне лимоны, апельсины и черную смородину с сахаром, ничто не помогало, черные пятна все более и более покрывали ноги. Лагерные врачи рекомендовали вводить внутривенно витамины С-1 и делать массаж. Ко мне прислали расконвоированного заключенного, бывшего личного массажиста президента Эстонии Пятса. Массажист был высокого класса, он просто спас мои ноги.

Во время сеансов я выяснила прошлое массажиста. С ним работала наша резидентура в Эстонии в 30-е годы. Я, в то время начальник эстонского отделения в Ленинградском НКВД, руководила этой разработкой с целью его вербовки. Состоялась ли вербовка, не знаю, так как вскоре уехала в заграникомандировку, но по его поведению в лагере и по его отношению ко мне (разумеется, он не знал, что я разведчик), думаю, что вербовка тогда состоялась и пользу он принес. Я информировала

ла Центр о встрече с этим человеком в воркутинском лагере.

Еще одна встреча.

Я получила указание выявить и собрать в один лагерь всех заключенных немцев. Вернуть им отобранные при обыске ценности. Выдать новую лагерную одежду и обувь. По соглашению с нашими союзниками заключенные немцы возвращались в Германию.

Опрашивая каждого и сверяя опрос с личным делом, я вдруг узнала в одном пленном эсэсовце своего давнего знакомого. В 1939 году этот человек прибыл в Финляндию на практику из гитлеровской разведшколы. На одном из дипломатических приемов мы с ним оказались соседями по столу. Я поняла, что он проявляет живой интерес к Советскому Союзу, изучает русский язык. Имеет представление о нашей истории, исторической и художественной литературе. Он заинтересовал нашу резидентуру, и Кин просил Центр дать санкцию на его вербовочную разработку. Получили ответ: Центру он известен как убежденный нацист, предан фюреру, вербовка его невозможна. Кин, помню, рассмеялся и с горечью сказал: «Какой пассаж, наши руководители считают гитлеровцев в идейном отношении крепкими орешками, нам, мол, не по зубам, а нас все время в чем-то подозревают, не доверяют, проверяют, заставляют доказывать, что ты не верблюд...»

Однажды этот молодчик прислал мне скромный букет цветов. Кин сказал: «А не имеет ли он задание тебя вербовать?» — «Не говори глупостей», — рассердилась я. Вскоре наш «объект» уехал в Германию.

И вот почти двадцать лет спустя он стоит передо мной в новом лагерном бушлате, вертит в руках часы на золотом браслете и расширенными глазами смотрит на меня. Узнал. Я вижу, как мчатся сквозь время его мысли, он мучительно думает, где и когда он со мной встречался, и, чувствую, вспомнил. Я вижу это по выражению его лица. Он хочет что-то сказать, но я его опережаю общим вопросом ко всем присутствующим здесь немцам: «Все ли ценности вы получили?» Немцы кивают головами. «Все, все». — «Какие у вас имеются претензии, жалобы? Получили ли вы свежее белье и новую одежду, обувь?» — «Яволь, яволь!» (Да, да!) И наконец я спрашиваю: «Soll ich Ihnen adio oder aufwiedersehen sagen?» (Должна ли я вам сказать прощайте или до свидания?) — «Adio, adio!» —

хором отвечают немцы. «Ich will lieber aufwiedersehen sagen, frau Oberst» (Мне больше хочется сказать до свидания, госпожа полковник), — тихо произносит мой старый знакомый, проходя мимо меня.

Были картины страшные. Однажды в одном лагерном отделении я сидела в кабинете начальника. Туда вошел расконвоированный заключенный и, сделав какое-то резкое движение правой рукой над левой, хлестнул кровавой струей по лицу начальника отделения, залил кровью бумаги на столе. Начальник схватил его руку с разрезанной веной, а я нажала на кнопку — вызвала дежурного. Пришли солдаты. Фельдшер жгутом перевязал окровавленную руку. Ворвавшегося поволокли в медпункт. Как выяснилось, это было знаком протеста против отказа в его просьбах снизить срок наказания.

В другой раз, когда я была в спецчасти одного лагеря и проверяла постановку учета заключенных, соблюдение установленных сроков отбытия наказания, один из зеков, угрожая ножом, изнасиловал жену начальника отделения.

Самое страшное произошло в марте 1955 года, в день выборов в Верховный Совет СССР. В лагере был поднят мятеж. Заключенные протестовали против условий лагерной жизни, взяли в заложники несколько человек из администрации, в том числе начальника производственного отдела майора Зосимова. Предъявили ультиматум: всех «двадцатипятилетников», то есть осужденных на 25 лет тюремного заключения и отсидевших 10 лет, выпустить на свободу. На работу в этот день заключенные-шахтеры не вышли. На простынях, поднятых над головами, были начертаны слова: «Даешь уголек Родине, а нам Свободу!»

Мятеж был подавлен прибывшими танковыми и артиллерийскими частями и вооруженной охраной. Шестнадцать человек были расстреляны с вышек.

Приехавшие из Москвы и из столицы автономной республики прокуроры не привлекли никого из мятежников к уголовной ответственности — слишком велик был накал против лагерного режима.

Много десятков тысяч дел хранит воркутинский архив. Среди них дела на матерых бандитов, убийц, насильников, грабителей. Но там же в алфавитном порядке соседствуют дела таких «преступниц», как многодетные женщины, каждая из которых украла на прядельной или ткацкой

фабрике моток пряжи или ниток ради того, чтобы заштопать чулки себе или ребенку. Или дела на опоздавших на работу, виновные получали по пять лет заключения, а их детей на эти годы власти отправляли в детские дома. Очень круто судебные органы осуждали людей, у которых бандеровцы — украинские националисты под угрозой оружия забирали кур, яйца, хлеб. Этих мирных жителей, ограбленных бандеровцами, обвиняли «в помощи контрреволюционерам», и им давали аж до 15 лет. Сталинский указ действовал безотказно.

В самом страшном положении в лагере находились женщины. Заключенные в женском отделении работали на кирпичном заводе. Я добиралась туда в корзине, которую передвигали по тросу, протянутому над рекой Воркутой. В тот день мороз был 30—35 градусов. На кирпичном заводе в это время раздвигались ворота в грандиозную печь. В ней обжигали кирпич. Женщины в толстых рукавицах и тяжелых сапогах грузили на тачки и вывозили из этого ада кирпич. Я шагнула в эту печь и тут же вылетела обратно, боясь сгореть, а они выполняли норму.

После рабочего дня я зашла к женщинам в барак и увидела, что каждая из них создала на своей наре свой мир. Вышитые, обвязанные кружевом покрывала, белоснежные подушки и расставленные по всей постели иконки, фотографии в рамочках, главным образом детей, цветные открытки, клубки со спицами. Посредине барака стоял большой стол, покрытый свежей скатертью. Женские руки даже это тюремное помещение сумели украсить. Полы чисто выскоблены, и на печке, которая топилась, были навалены роботы, рукавицы. От них шел вонючий душающий пар.

Я сидела и записывала жалобы этих женщин. Некоторые срывались, истерически кричали, проклиная суд и «отца народов». Запомнилась одна заключенная, которая заявила, что за моток пряжи, оцененный в семьдесят копеек, она получила пять лет в лагерях строгого режима, а судьба троих детей ей до сих пор неизвестна, и мужа нет.

После посещения этого лаготделения я отобрала пачку дел и копии с них послала в Центральный Комитет партии, просила обратить внимание на это узаконенное беззаконие. Получила ответ из ГУЛАГа на бланке, который рассылался заключенным. Вижу свою фамилию

и ниже типографский текст: «В вашей просьбе отказано».

Были в моей воркутинской жизни и светлые дни. При 2-й шахте действовало дамское ателье, в нем обшивали воркутинских женщин. Возглавляла это ателье расконвоированная заключенная, осужденная на двадцать пять лет «за сотрудничество с гитлеровскими оккупантами». Звали ее Оля. Она шила мне жакет. Я ездила туда на примерку.

В лагере Оля отсидела уже более десяти лет. Было ей около тридцати. Миловидная женщина с роскошными волосами. Я удивлялась, как в таких условиях можно было сохранить такие чудесные косы. Спросила, что она натворила такого, что получила высший срок. «О, гражданин начальник. Я вам расскажу, но все равно вы мне не поверите». — «А все же...»

И она поведала мне свою историю. Оля из Орла. Была комсомолкой. Когда началась война, попросилась на фронт. Немцы подходили к городу. В военкомате молодой человек предложил ей остаться в Орле и, поскольку она в какой-то мере владеет немецким языком, постараться заслужить доверие гитлеровцев, выяснить их планы, настроения, потери, в общем, стать разведчицей. Два раза в месяц она должна была являться в условное место и закладывать в тайник свое донесение и вынимать оттуда (из дупла) очередное задание.

Оля дала свое согласие, отправила мать в эвакуацию, сказала ей, что задерживается здесь по комсомольским делам и потом приедет.

После оккупации города Оля быстро и легко вошла в офицерскую среду, вечера проводила в ресторанах, делая вид, что по-немецки она знает лишь несколько слов. Как условились, она ходила к тайнику в определенные и контрольные дни и... находила там свои донесения и никаких заданий.

Она была в отчаянии. Пыталась улизнуть из города, избежать грязных рук оккупантов. Но это ей не удалось.

Орел находился в руках гитлеровцев больше двадцати месяцев, и все это время Оля не теряла надежды, что ее разыщут.

После освобождения Орла от захватчиков советскому командованию посыпались донесения о предательском поведении этой «девки Ольги», которая плясала с эсэсовцами

в ресторанах, пила с ними вино и водку, разъезжала в их автомобилях. Она была арестована и как военный преступник предстала пред военным трибуналом.

Из ее рассказа по специфическим деталям, знакомым мне как разведчику, я поняла, что она говорит правду, и посоветовала ей подробно описать свои злоключения и просить Верховный суд пересмотреть ее дело. Олину исповедь я отправила фельдсвязью.

Минуло несколько месяцев, и вот однажды вечером, разбирая почту, я вскрыла правительственный конверт и, к неопишуемой своей радости, прочитала постановление о полной реабилитации Оли «за отсутствием состава преступления».

Я тут же вызвала свой «гнедой ЗИС» и распорядилась вознице быстро ехать на 2-ю шахту. К слову, этот возница тоже был расконвоированный заключенный, бывший путилевский рабочий, осужденный на 25 лет «за теракт против Сталина» (в пьяном виде запустил камнем в портрет вождя).

Мы приехали в ателье, когда работала ночная смена. Оли я не увидела и просила ее срочно вызвать. «Гражданин начальник,— взмолились женщины.— Оля сегодня мыла свои косы, а сейчас мороз за тридцать градусов. Замерзнет».— «Пусть закутается получше. Отнесите ей мой платок».

Оля быстро пришла.

— Добрый вечер, товарищ Оля! — обратилась я к ней.

— Вы, гражданин начальник, все время забываете называть нас зеками.

— Нет, на этот раз я вам по праву говорю «товарищ». Я с доброй вестью. Вы полностью реабилитированы решением Верховного суда СССР «за отсутствием состава преступления».

Оля прижала руку к сердцу и повалилась в обмороке. Женщины успели ее подхватить, уложили на раскроечный стол, окружили, обласкали. И когда Оля пришла в себя, она разрыдалась. Плакали и все вокруг. Это были счастливые слезы.

...Я провела в Воркуте около двух лет. Воркута стала для меня большой жизненной школой. Я познакомилась с тысячами изломанных, исковерканных судеб. Видела

и пыталась помочь тем, кто был наказан несправедливо.

За работу в лагере я не получила наград или благодарностей. Никаких. И сегодня со светлым чувством вспоминаю самый большой подарок, полученный мною. Это были два волшебных белоснежных кустика флоксов. Их вырастили для меня заключенные шахтеры и преподнесли мне зимою, принесли на квартиру в сорокаградусный мороз. Флоксы были уложены в старый каркас абажура и бережно закутаны в лагерные куртки. Таких душистых цветов белее воркутинского снега я никогда не встречала.

Настоящая награда!

НЕБОЛЬШОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ ПОЛКОВНИКА Э. П. ШАРАПОВА

Размышляя о жизни Зои Ивановны Воскресенской и ее товарищей по работе в органах государственной безопасности, в данном случае в разведке, таких, о которых она упоминает в своей книге, как Леонид Васильевич Громов, Павел Матвеевич Журавлев, Василий Михайлович Зарубин, Иван Васильевич Куликов, Наум Исаакович Эйтингон, Георгий Иванович Мордвинов, Василий Петрович Рошин, Павел Анатольевич Судоплатов, Елисей Тихонович Сеницын, Борис Аркадьевич Рыбкин, Дмитрий Георгиевич Федичкин, Павел Михайлович Фитин, Анатолий Евдокимович Шубин и Иван Андреевич Чичаев, приходишь к определенным выводам.

Первый вывод состоит в том, что эти люди, родившиеся в конце прошлого XIX или в начале нынешнего XX века и ушедшие, к счастью не все, в мир иной в последней четверти этого века, смогли остаться живыми в годы страшных репрессий. А ведь именно эти люди были на острие различных политических и социальных событий. Волны репрессий 1935—1939 годов с пиком 1937 года, периода 1946—1947 годов и периода 1951—1953 годов, продолжавшегося уже после смерти Сталина, вспыхнули с новой силой именно в 1953 году после его смерти в результате борьбы претендентов на первую роль в государстве и захватили абсолютно все социальные и, если так

можно выразиться, профессиональные слои нашего общества. Но, может быть, это покажется странным для читателя, именно в органах государственной безопасности в процентном отношении было больше всего жертв репрессий. Как так?! — скажет читатель. Ведь они как раз и были орудием исполнения... Как ни странно, но именно так. Объясняется это, во-первых, тем, что сотрудники сами были в гуще политических и социальных событий, во-вторых, убирали свидетелей и исполнителей незаконных актов репрессий, то есть убивали друг друга. И в-третьих, там, где вакханалия, всегда царит абсурд. Я помню, например, как мне рассказывал отец, который двадцать пять лет прослужил в органах ВЧК — ОГПУ — НКГБ — МГБ, такой случай из его жизни. Придя на работу в 1936-м или 1937 году, а мы жили тогда в Иркутске, отец узнал, что арестован его сосед по лестничной площадке, которого он давно и хорошо знал. Отец бросился к начальнику, чтобы доказать невиновность этого человека. И как рассказывал отец, ответ начальника поразил его циничностью и хладнокровием: «Ты знаешь, что у нас существует план арестованных. Мы можем освободить из-под стражи твоего соседа, но тогда ты должен сесть на его место».

Почему же все-таки эти люди не попали под жернова репрессий, а репрессивный пожар большинство из них лишь опалил и раньше времени сделал белыми их головы? На мой взгляд, причина в том, что это были умные, одаренные от природы люди с аналитическим складом ума, что позволило им вести себя осторожно и правильно наперед просчитывать все или почти все свои поступки и действия. Та же Зоя Ивановна стала начальником одного из ведущих отделов разведки, курировавшего работу разведчиков во всех немецкоговорящих странах не за какие-либо другие заслуги, а лишь в результате своего склада ума. Об этом говорит то обстоятельство, что ее продвижение проходило постепенно, начиная от самой маленькой рядовой должности — оперативного уполномоченного. Другими словами, все ее поведение и ее работа были видны руководству длительные годы, что позволило всесторонне взвесить ее деловые качества. В случае других причин такое назначение носило бы быстрый, скачкообразный характер. Кстати, я не знаю ни одного случая, когда женщина в разведке занимала бы подобную должность.

Второй вывод из моих размышлений состоит в том, что

Зоя Ивановна и ее товарищи всю свою жизнь находились под пристальным наблюдением со стороны своего окружения, которое, как правило, носило субъективный и извращенный характер. Так, в довоенные и военные годы люди, если им, конечно, было известно о принадлежности того или иного лица к разведке (как Зоя Ивановна), относились к ним с чувством боязливого «уважения» и осторожности. А после ухода такого человека на пенсию боязливое «уважение» сменялось чувством брезгливого пренебрежения, но и все той же осторожности.

Помню, как Зоя Ивановна рассказывала, что жившая в одном доме с ней на Красноармейской улице Москвы поэтесса Маргарита Шагинян предупреждала соседей, чтобы они были осторожнее в общении с Воскресенской, поскольку «у нее руки по локоть в крови». Рассказывая мне об этом, Зоя Ивановна добавляла, что она действительно имела боевое оружие в годы войны — пистолет системы «ТТ», но стреляла из него только в тире.

Подобные настроения не дают покоя некоторым людям и после смерти Зои Ивановны. 20 октября 1993 года по российскому каналу телевидения прошла передача под названием «Лясы». В этой передаче некая Марина Кудимова, живущая в Переделкине, в дачном доме, где раньше жила Зоя Ивановна, выступала с «разоблачениями» Зои Ивановны Воскресенской «за ложь в литературе и жизни». «Ложь», по словам Кудимовой, заключалась в том, что Воскресенская, оказывается, не просто полковник Советской Армии, как об этом писали раньше, а полковник КГБ. Работу Зои Ивановны в детской колонии Кудимова характеризовала как «обман детей чекисткой, чьи руки в крови».

Вот так. И это в наше время, всего за полтора года до пятидесятилетия Великой Победы, для достижения которой не жалели своих жизней миллионы советских людей, и разведчики в первую очередь.

Но справедливости ради надо сказать, что 16 июня 1994 года, но уже по первому каналу Центрального телевидения был показан фильм «Гитлер — Сталин. Тайная война», где Зоя Ивановна предстала перед телезрителями как полковник Рыбкина — аналитик, который на основании разведывательных данных предсказала дату нападения Германии на Советский Союз.

И третий, последний и главный, вывод заключается в том, что люди, о которых идет речь, были в большинстве

своём начисто лишены стяжательства и вещизма. Для себя лично им ничего не нужно было. И эта черта характера, а вернее, этот образ жизни, во всяком случае у Зои Ивановны, остался до конца жизни. Мало кто знает, что известная на всю страну и за рубежом писательница Зоя Ивановна Воскресенская почти все свои гонорары перечисляла в детские дома и приюты.

Зоя Ивановна Воскресенская и ее коллеги никогда не служили себе, они служили делу, своей Родине.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СЛОВО О ЗОЕ ИВАНОВНЕ ВОСКРЕСЕНСКОЙ (РЫБКИНОЙ)

*Вспоминает полковник
Э. П. Шаранов*

С З. И. Воскресенской я познакомился на литературной почве. Стремление заниматься литературным трудом появилось у меня еще во время учебы в средней школе. Было даже намерение поступить на учебу в Литературный институт имени М. Горького. Но помешали многие обстоятельства. Закончив историко-филологический факультет Ярославского государственного педагогического института имени К. Д. Ушинского, я в том же 1955 году был призван на работу в органы государственной безопасности. Но, как говорится, в глубине души всегда теплилась надежда на возможность заниматься литературой. Примерно в 1970 году я написал небольшой рассказ о деревенском мальчике, который позднее получил название «Лешка». Черновик этого рассказа всего на нескольких листах долгое время находился в одном «потайном» отделении моего портфеля. И вот как-то мы принимали в Германии писателя Михаила Стельмаха (я тогда служил там). Как часто бывает в таких случаях, не хватило водки, и, когда решили, кому бежать, я отдал свой портфель товарищу. Потом случайно портфель оказался у М. Стельмаха, который обнаружил там рассказ, прочитал его и счел нужным сообщить моему товарищу свою рекомендацию — заняться литературой... Так неожиданное участие Стельмаха толкнуло меня к дальнейшим литературным занятиям. Но напечатать рассказ было не так-то просто. И наверняка я бросил бы эти попытки, если бы не письмо того же Михаила Стельмаха.

Уважаемый Эдуард Прокофьевич!

Извините, что не мог Вам своевременно ответить. Ваш рассказ «Счастье», по-моему, хорош, поэтичен и по-человечески, без назиданий, без дидактики рассказывает, что такое доброе дело для человека. Не огорчайтесь, что Вас не понял корреспондент одной газеты — субъективизм не так легко изжить.

*Примите мои самые лучшие пожелания. Михаил Стельмах.
Киев, 20.01.74 г.*

Это письмо и послужило толчком, поводом моего знакомства с Зоей Ивановной. Мне нужно было получить консультацию писателя-профессионала. Зная, что она когда-то работала начальником того же немецкого отдела, где работал и я, я, набравшись храбрости, отправился к ней на квартиру. Но об этом я расскажу несколько позднее, а сейчас мне хотелось бы сказать, каким характером обладала эта женщина.

Одни говорят, что этот человек соткан из чувства добра, нежности и заботы к окружающим ее людям. Другие утверждают, что основные ее черты — это черствость, безразличие и даже жестокость по отношению к другим. Но те и другие сходятся в одном: Зоя Ивановна — человек железной воли. В действительности все эти чувства, кроме жестокости, проявлялись в ней по-разному в зависимости от того, с каким человеком ей приходилось сталкиваться и в каких обстоятельствах. Она, например, терпеть не могла в людях расхлябанности, недисциплинированности, ну и уж совсем выводил ее из себя человек-лгун. Больше всего она ненавидела ложь. А в целом — стержнем ее характера были жажда добра, желание приносить людям пользу.

Расскажу несколько эпизодов, которые показывают всю палитру ее многообразного характера.

Зима 1974 года. Декабрь. Заснеженная Москва. С трудом найдя букетик цветов (в то время в Москве было трудно с цветами, особенно зимой), еду в метро на станцию «Аэропорт» искать Красноармейскую улицу.

По совету моего товарища, немного знавшего Зою Ивановну, я позвонил ей по телефону и попросил «оказать помощь начинающему литератору». Меня выслушали, и ровный, официальный голос коротко сказал в трубку: «Приезжайте».

Поднимаясь на шестой этаж писательского дома на Красноармейской улице, я вдруг болезненно почувствовал бессмысленность и даже глупость своего предстоящего визита. Известная на всю страну писательница, лауреат нескольких премий, человек, только что издавший трехтомник своих произведений... и я, никогда и нигде не издавший ни одной строчки. Нелепость?! Но было уже поздно. Я позвонил. Дверь почти сразу же открыли. Передо мной стояла высокая, стройная женщина в темном, строгом платье с невысоким воротничком-стойкой, отороченным белым кружевом. На ногах домашние тапочки из серого войлока, но без примятых, стоптанных, как обычно, пяток. Темно-русые, заколотые на затылке волосы. И глаза — внимательные, серые, изучающие. Это теперь я могу дать ее подробное описание. А тогда... тогда я ничего не видел. Видимо поняв мою растерянность, Зоя Ивановна сдержанно улыбнулась и сказала: «Проходите, раздевайтесь. Вот вешалка».

Ее улыбка сняла с меня и робость и скованность.

Посреди комнаты, которая служила кабинетом и гостиной однове-

менно, чуть ближе к окну стоял письменный стол. Напротив окна диван-кушетка со съёмными подушками, обитый красной, тисненой тканью. Ближе к двери маленький журнальный столик.

Меня усадили на диван. Я робко протянул свое литературное творение. Зоя Ивановна, стоя, взяла листы, присела на краешек стула, прочитала заглавие, перелистала страницы, положила их на письменный стол, встала и сказала: «Соловья баснями не кормят. Хотя вы и не соловей,— при этом она хитро улыбнулась,— но чаем я вас напою. А потом поговорим». Так началось наше знакомство и литературная работа.

Это я потом узнал, что в квартире всегда бывает много посетителей — и взрослых и детей — писатели, читатели, коллеги-чекисты. Иногда до десятка и более человек одновременно. И всех их принимали сердечно, но без каких-либо слащавостей, всех поили чаем, а если нужно, и кормили. Мне самому неоднократно приходилось помогать Зое Ивановне по ее просьбе принимать гостей, особенно в дни праздников детской книги. Делегации детей, учителей и библиотечных работников приезжали не только из близких к Москве областей, но и с Дальнего Востока.

Много позже я узнал, что в квартире есть еще одна комната-спальня. Кроме широкой кровати под голубым бархатным покрывалом и трюмо, все в этой комнате было занято шкафами с книгами. Над кроватью висел голубой ковер и большая картина, написанная маслом, с изображением березовой рощи зимним голубым вечером. Голубой колорит ковра и картины очень сочетался с голубым бархатным покрывалом. Голубое — вообще было любимым цветом Зои Ивановны.

На всю жизнь запомнил еще один эпизод. Несколько первых встреч мы провели с Зоей Ивановной на ее городской квартире. И вдруг, уже летом, она звонит мне по телефону и предлагает провести очередную встречу в Красной Пахре, где она в то время на лето снимала дачу у вдовы писателя Алексея Мусатова. Со свойственной разведчице точностью писательница объяснила, как проехать в этот дачный поселок... «После второй дорожки поверните направо (тогда мы еще обращались друг к другу на «вы»), увидите дачу за большим, высоким забором. Это дача Константина Симонова, а напротив, третья дача А. Мусатова. Я буду вас ждать». И строго, как она это умела, спросила:

— Сколько времени вам нужно на дорогу?

— Минут сорок — пятьдесят.

— Жду вас ровно через час.

Купив по дороге цветы и торт, я через час въехал в дачный поселок писателей в Красной Пахре и без труда нашел нужную мне дачу. Открыл ворота, загнал машину во двор и, окрыленный скорой встречей с Зоей Ивановной, взяв цветы и торт, направился в дом. В большой комнате никого не было. Поставив на стол коробку с тортом и прижав к себе букет красных гвоздик, я стал терпеливо ждать. Никого. Минуты через три громко позвал: «Есть здесь кто-нибудь?» К моему удивлению, из соседней

комнаты вышла незнакомая мне женщина. Я любезно завел с ней разговор о житье на даче, не выпуская, однако, из рук цветы. Женщина с улыбкой поддержала мой разговор, ни о чем не спрашивая. Поговорив еще минут пять, я осторожно спросил: «А где же Зоя Ивановна?» Незнакомка улыбнулась еще приветливее и, хитро посмотрев на меня, показала рукой за окно: «Зоя Ивановна там... живет в соседнем доме». С извинениями и смущением я забрал торт и перегнал машину в соседний двор.

Расставляя на столе чайную посуду, Зоя Ивановна без улыбки слушала мой восторженный рассказ о моем чуть ли не героическом вторжении в чужой дом. Она не перебивала меня, сервируя стол. Но когда я закончил, посмотрела на меня еще внимательнее и строже и сказала: «Это не делает вам чести.— Потом помолчала и совсем сухо добавила: — Ни как разведчику, ни как литератору». Можно понять мое состояние. Я готов был, как говорят в таких случаях, провалиться куда угодно.

Года через три я напомнил Зое Ивановне об этом разговоре. На ее лице разлилась мягкая, женственная улыбка. Затем она погасила ее, строго, как в тот раз, посмотрела на меня, но в глазах по-прежнему горели веселые чертики и, не сдержавшись, рассмеялась: «Конечно, негодяй, мало того, что заблудился в двух соснах, чуть было не отдал цветы другой женщине, да еще и расквастался».

АНКЕТА

специального назначения на Воскресенскую-Казутину Зою Ивановну

I группа вопросов (о родителях)

1. Отец умер где-то в ноябре 1920 года. По происхождению — сын железнодорожного служащего; сейчас ему было бы 45 лет. Суду и следствию после Октябрьской революции не подвергался.

Мать — жива — Александра Дмитриевна Воскресенская, девичья фамилия — Васильева; дочь железнодорожного рабочего (отец был слесарем депо станции Узловая Тульской губернии). В настоящее время она проживает в городе Смоленске по Кукуевской улице в доме № 6 у Федорова. Суду и следствию после Октябрьской революции не подвергалась. Я помогаю матери в материальном отношении — в этом наша связь.

Муж — Казугин Владимир Григорьевич, крестьянин-батрак Смоленской губернии, Рославленского уезда и волости, проживает по улице К. Маркса, д. № 16, кв. 5.

2. Отец рабочим не был.

3. «—» крестьянином не был.

4. Отец служил на Сызрано-Вяземской жел. дороге. Начал с переписчика вагонов и кончил запасным агентом ст. Алексин Тульской губернии. Наград и отличий не имел.

5. В частноторговых и промышленных предприятиях не служил.

6. Мать занимается домашним хозяйством и шитьем белья на дому.

7. Имею двух братьев — Николая 17 лет и Евгения — 14 лет. Первый работает на 1-е октября с. г. Евгений — учится в девятилетке, проживают оба с матерью.

8. Ближайшие родственники — сын — 1,5 года; две тетки: одна — Лидия Дмитриевна Васильева — работает счетоводом и другая — Вера Дмитриевна Пронина — занимается домашним хозяйством. Первая проживает в деревне Чудовское и вторая в деревне Гринево.

II группа вопросов (о знакомых)

1. Мои знакомые и товарищи: 1. Дубкова Мария Владимировна, завучами Заднепровского РК ВКП(б), познакомились в райкоме, связывает общая работа.

2. Пичугова Екатерина Александровна — машинистка РК ВКП(б).

3. Пичугов Степан Герасимович — командир 18-й эскадрильи.

4. Тихомиров Александр Николаевич — секретарь ячейки ВКП(б) пивзавода.

5. Лецинский Борис Владимирович — политрук 190-го полка.

6. Максимов Василий Львович — инструктор РК ВКП(б). Со всеми меня связывает партийная и райкомовская работа. Кроме того, меня знают и я их — Болдин Михаил Александрович — секретарь РК ВКП(б), Катаев Елисей Николаевич — зав. орг. отделом РК, Спицын — инструктор РК ВКП(б) и так далее. Знакомы все секретари Заднепровской организации и весь комсомольский и партийный актив района.

7. Мои знакомые в ОГПУ: Титов Василий — работает в ОГПУ, Сухарев Федор — помощник уполномоченного в ОГПУ.

III группа вопросов

1. Родилась в 1907 году, в п-ке Узловое Тульской губернии Бочаровского уезда. Метрическая выписка утеряна моими родителями. Но во всех партийных, комсомольских и профсоюзных документах указано так.

2. Училась с 7-ми до 9-ти лет в жел.-дор. школе в п-ке Узловое, затем училась в гимназии несколько месяцев (в г. Алексине Тульской губ.). После революции окончила 1 ступень — училась на средства отца. В 1923—1924 гг. училась в 3-м классе школы взрослых — на свои средства.

3. Учась в 3-й школе — работала в Заднепровском райкоме ВКП(б) — машинисткой.

4. Работала на заводе Калинина — паяльницей с ноября 1925 года по август 1926 года (документ прилагается).

5. Землесобственником не была и собственности не имела.

6. На военной службе не была.

7. В Красной Армии не была.
8. В боях не участвовала.
9. В плену не была.
10. _____
11. В февральском и Октябрьском перевороте не участвовала — имела 9—10 лет от роду.

IV группа вопросов

1. С ноября по апрель работала переписчицей-машинисткой в 42-м батальоне в ВЧК. Уволилась по сокращению штатов. С июля по октябрь 1923 г.— в Заднепровском райкоме ВКП(б) — машинисткой, уволилась по сокращению штатов, с октября по апрель — в штабе ЧОН — уволена по своему желанию. С апреля по октябрь 1924 года работала в военно-окружном финансовом комитете — машинисткой — откомандирована РК ВЛКСМ.

С октября 1924 года по февраль 1925 года работала управделами Заднепровского РК ВЛКСМ и откомандирована им же в детскую колонию малолетних преступников — политруком, где проработала с февраля 1925 года по ноябрь 1925 года. В 1925 году в ноябре ввиду острой неврастении из колонии ушла и поступила на металлургический завод имени Калинина паяльщицей, где проработала до августа 1926 года, ушла с работы ввиду рождения ребенка, а в октябре того же 1926 года поступила в Заднепровский райком ВКП(б) в качестве делопроизводителя, где работаю до сих пор.

Документы, имеющиеся у меня, прилагаю.

V группа вопросов

1. Под судом ни при царизме, ни при Соввласти, ни при других правительствах — не была.
2. а) под следствием никогда не была.
- б) была как свидетель в нарсуде в июле 1925 года по делу малолетних преступников.
3. Не судилась.
4. Арестована никогда не была.
5. Оштрафована не была и адм. взысканиям не подвергалась.
6. Комдезами не подвергалась.

VI группа вопросов

1. В партию вступила в марте 1927 г. Была рекомендована комсомолом, в котором состою с 1923 года. Утверждена ячейкой при заводе Калинина, затем Заднепровским райкомом ВКП(б) и, наконец, губкомиссией по приему и губкомом ВКП(б).

Мои поручители: Дубкова Мария Владимировна, Тихомиров А. Н., Максимов Василий Львович — тогда был ответственным секретарем ячейки завода имени Калинина, Силенек Мария Яковлевна (член Смоленского губсуда, тогда была завженотделом Заднепровского РК) и Иванов Т. Ф. (ответ. секретарь ячейки ВКП(б) спиртзавода).

2. Партвзысканиям не подвергалась.

VII группа вопросов

Вопрос: Известно ли Вам, что сообщение ложных сведений в анкете является уголовно наказуемым деянием, особо тяжелым в чекистской анкете, если неизвестно, то вы об этом предупреждаетесь.

Ответ: Известно.

подпись:

Воскресенская.

6.X.27 г.

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА З. И. ВОСКРЕСЕНСКОЙ

(Выступление по радио)

Родом я с Тульской земли, как и мои предки, о которых мне известно только до третьего поколения. Родилась в железнодорожном поселке при станции Узловая, там прошли младенческие годы. Но своей настоящей родиной считаю город Алексин, в котором провела детство. Это волшебный край приокских заливных лугов с запахом полевой клубники, кондового бора с толстым миштым ковром, где даже в пасмурный день светло от бронзовых мачтовых сосен, красавицы Оки с широким правобережным пляжем тончайшего золотистого песка и крутыми левыми берегами, которые осенью являют собой такую яркую палитру красок, от которой сладко щемит сердце. Ока была богата всяческой рыбой, леса — ягодами и грибами, березовые рощи — птичьими хорами. Шесть десятилетий миновало с тех пор, а я помню каждую излучину реки, большак в лесу, огромную березу на краю железнодорожной насыпи, сосну-колдунью, от которой шла многоступенчатая лестница к железнодорожным путям. И наш бревенчатый домик в зарослях сирени, а зимой утопающий в снежных сугробах, а от калитки до крыльца глубокий снежный коридор. И школа... И первая учительница Мария Павловна Малинина. Она умело и уверенно приобщала нас к миру прекрасного, доброго. Враг зубрежки, приучала к самостоятельной работе с книгой. Затем было много учителей и в гимназии, и в трудовой школе, и в вечерней, но ни одного не запомнила. А Марию Павловну — на всю жизнь.

А первое знакомство с театром произошло встречей с труппой московского Малого театра, приехавшего на гастроли в Алексин. В имении «Борок» у художника Поленова познакомилась с его коллекцией картин. В доме хранились замечательные изделия моей прабабки — крепостной художницы золотойшейки и кружевницы. Другими дома были чудомастера Мышегского завода, кружевные изделия из чугуна их соревновались с изделиями моей прабабки Матрены. На Мышегском заводе была изготовлена решетка вокруг Александровского сада в Москве, украшающая его до сих пор. Мышегские мастера отливали фигуры для Триумфальной арки, что стоит до сих пор на Кутузовском проспекте в Москве.

Все вокруг было подлинно полноценным в прекрасном сочетании творчества природы и человеческих рук. И, конечно, мама, мама-труженица, мама-певунья, мама — товарищ наших детских игр и всяческих затей. С ней вперегонки плавали, играли в горелки, скатывались с крутых «дачных» гор на самодельных лыжах, мастерили ледянки, зимними вечерами делали украшения для елки. Весной она будила нас ночью, когда Ока с пушечными выстрелами ломала ледовый панцирь, и мы бежали смотреть и слушать это великое чудо природы, когда огромные пластины льда напоздали на быки железнодорожного моста и содрогались его кружевные арки и жалобно гудели. Мама водила нас в березовую рощу слушать соловья, а зимними вечерами бабушка Степанида Ивановна рассказывала сказки и легенды, притчи и предания, большинство которых я потом много позже нашла у Толстого.

В нашей большой бревенчатой столовой по вечерам собиралась молодежь к маме на посиделки. Пели песни, в крещенские вечера топили воск, приносили сонную курицу, которая должна была клевать зерна на перевернутых записках с пожеланиями девушек.

Съезди все старые телячьи шкуры, которые много лет висели в сарае. Мама обжигала с них в печке волосяной покров, неделями вымачивала в воде, чистила, скоблила и варила суп. Единственной кормилицей была корова, но нам доставалось снятое молоко, и то не всегда. Сливки, масло и творог предназначались для больного туберкулезом отца...

Революция докатилась до нашего городка эшелонами солдат, едущих с фронта в теплушках, исписанных разными лозунгами «Да здравствует революция!». На одних вагонах было написано: «Долой временное правительство», «Да здравствует Ленин! Да здравствует партия большевиков!», на других: «Да здравствует временное правительство! Позор большевикам — пособникам германцев», «Долой войну!».

Вместе с Октябрем в жизнь вошло новое удивительное, сильное и доброе слово «декрет». Люди уважительно увенчали его прилагательным «ленинский». Ленинский декрет о мире — стало быть, конец проклятой войне, а значит, и болезням, и голоду, и разрухе. Ленинский декрет о

земле, и с земли снимались помещичьи цепи и ограды, земля становилась общенародным достоянием. Однажды классный руководитель в школе объявил нам, что вышел ленинский декрет о бесплатном детском питании. Это означало конец голоду. Нам стали выдавать ежедневно горячую похлебку и кусок хлеба. В те голодные годы это было спасением не только для детей, но для всей семьи. Почти каждый день в газетах публиковался какой-то новый «декрет», и он нес людям добро, ограждал от зла, невзгод, несправедливости. Благословенное, ленинское слово «декрет».

**ВСПОМИНАЕТ БЫВШИЙ СТАРШИЙ
КОНСУЛЬТАНТ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КГБ
ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ
СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КОНДРАШЕВ**

В разведку я пришел из контрразведки в 1951 году. Это был период, когда еще происходили аресты сотрудников госбезопасности. Были арестованы Питовранов, Шубников и другие товарищи. И я написал рапорт начальнику разведки Савченко с просьбой уволить меня, но получил отказ. Сначала я работал заместителем начальника первого отдела, начальником которого был Мазур. Затем был переведен на должность заместителя английского отдела, возглавляемого А. С. Феклисовым, и начал готовиться к отъезду в командировку в Англию. Первый и второй отделы входили в состав Первого англо-американского управления Комитета информации.

В период 1952—1953 годов я и встречался с Зоей Ивановной Рыбкиной, которая работала начальником второго отдела (немецкого) Второго европейского управления Комитета информации. Мне приходилось посещать ее в рабочем кабинете для решения служебных вопросов. Я помню ее всегда хорошо одетой и неизменно с пишущей машинкой на столе. Она была очень общительна. Оперативные вопросы решала тут же. Если что-то нужно было написать на машинке, делала сама, давала прочитать текст и, согласовав его, если в этом была необходимость, вновь перепечатывала. Для меня, человека, пришедшего из контрразведки, такой контраст был очень заметен. И это вообще, а не только в отношении Зои Ивановны, чувствовалась большая разница между разведчиками и контрразведчиками, где люди были более грубыми, тот же Санава, да и сам Берия.

Что касается Зои Ивановны, то в ней чувствовалась европейская культура и умение общения с людьми, знание и манеры европейцев.

ВСПОМИНАЕТ ЗОЯ ВАСИЛЬЕВНА ЗАРУБИНА

*о своем отце Василии Михайловиче Зарубине
и о своем отчиме Леониде Александровиче Эйтингоне*

В семье у моего отца было четырнадцать человек детей. Когда они стали взрослыми, в живых остались четыре сестры и два брата. И все в той или иной форме были связаны с работой в органах государственной безопасности. Его сестра Анна Михайловна работала во втором отделе много лет и дослужилась до подполковника. Брат Сергей Михайлович работал в Московском управлении. В первые месяцы войны он выполнял какое-то оперативное задание и погиб.

И вот папа — Василий Михайлович был участником Гражданской войны, принимал участие в освобождении Дальнего Востока. Я, конечно, ничего этого не знаю, так как я родилась в 20-м году, но знаю, что там одна деревня носит его имя. Отец затем во Владивостоке был заместителем начальника губернской ЧК.

Я помню, как мы с мамой ехали к нему на Дальний Восток в каких-то теплушках. Отец очень меня любил. Он был очень спортивный человек и вот однажды решил научить меня плавать. К ужасу моей мамы, он взял такой маленький челночок, и мы решили в бухте Золотой Рог немного поплавать. И вот, когда мы были на глубоком месте, он сознательно бросил меня в воду.

Вообще отец был очень добрый человек и до глубины души русский. Конечно, по работе он носил различные личины, но когда приходил домой, просил щи, вообще любил простую русскую еду, и потом играл на балалайке, выдавал весь свой репертуар.

Более четко я помню, когда мы приехали в Харбин. Естественно, мне трудно сказать, какую функцию он там выполнял. В Харбине мы жили в гостинице, другой квартиры не имели. К отцу приходили много друзей. Все они мне известны как чекисты, фамилии, конечно, не помню, но, к сожалению, они погибли в 30-х годах, были репрессированы. Помню только Павло Грозовского.

Не знаю, как так получилось, но мои родители разошлись. Это примерно в 1925—1926 годах. Отец уехал в Москву. Мама тоже собиралась к отъезду, но встретила Эйтингона и вместо Москвы уехала вместе с ним в Пекин. Он — Наум Исаакович Эйтингон. Но когда мы его встретили, он был Леонид Александрович Наумов. Он был чудесный человек и очень, очень хорошо ко мне относился. У них через девять месяцев, как и положено, родилась моя сестренка Светлана. Родилась она в Пекине, но записана, что родилась в Москве.

Поэтому я папу видела периодически. Семья у нас была смешанная. И Леонид Эйтингон, и вторая жена папы Лизочка (Елизавета Юльевна) ко мне очень хорошо относились. С 1931 года мы жили в первом коопера-

тивном доме во 2-м Троицком переулке в Москве. Это уже было после возвращения из командировки в Турцию. Часто ездили на дачу в Плющево, где я родилась.

Поскольку я с папой встречалась периодически, то о той оперативной работе, которую он проводил, я узнала больше тогда, когда сама стала работать в органах. Есть одна вещь, которая мне кажется важной,— у нас в семье, и у отца и у Леонида, не положено было говорить об оперативной работе. Так изредка, скользь, анонимно.

Итак, о моем папе — мы встречались периодически. Одно мне хотелось бы указать — папа очень меня любил, всегда поддерживал во мне стремление стать спортсменкой. А я в то время была и чемпионкой Союза и чемпионкой Москвы и мастером спорта по легкой атлетике. Я была в 1934 году одним из основателей общества «Юный динамовец». И я была очень тронута, понимая, что папа находится на нелегальной работе, как вдруг в 1939 году, когда я окончила школу, папа сумел окольными путями приехать в Москву и поздравить меня с окончанием школы. У нас был очень душевный разговор. Впервые я попала в гостиницу «Москва», в ресторан. Во время этого разговора папа спросил меня: «Дочка, ну и кем же ты хочешь стать?» Я сказала: «Конечно, разведчиком». Отец недовольно посмотрел на меня и сказал, что хватит в нашей семье разведчиков. Тогда уж лучше иди в институт физкультуры. А я поступила в Московский институт философии, литературы и истории (МИФЛИ). Поскольку я окончила школу с отличием, то в институт поступила без экзаменов. Я проучилась там два года на историческом факультете.

Летом сорокового года я встретила школьного товарища Василия Михайловича Минаева. И он был такой молодой, красивый, мы вспомнили школу, в общем, он меня закружил. Короче говоря, я вышла замуж. Отец устроил по тем временам очень большую свадьбу, необыкновенную. Он снял с петель дверь и сделал из нее большой стол. Было гостей человек сорок. А было это в сентябре 1940 года. Были сосиски, и было все, что надо. Папа был вообще человек широкой натуры. И Михаил Кузьмич Минаев (отец моего мужа) тоже человек широкой натуры и тоже чекист. Дочка моя Татьяна родилась 2 июня 1941 года. Я помню, как по этому поводу Зоя Ивановна Рыбкина сказала: «Что же ты сделала со своей матерью, превратила ее в сорок лет в бабушку?!»

Папа снял нам дачу, чтобы мы могли выехать туда и побыть с ребенком на свежем воздухе. И вот как раз на другой день приезда на дачу бабушка, просто бабушка, которая у нас была няней, бежит и что-то кричит. Я подумала, что, наверное, что-то случилось с ребенком, который лежал в коляске на улице. Мы прибежали, а в это время шло выступление по радио Молотова о нападении Германии на Советский Союз. Ну посидели, бабушка Таня рассказала про ужасы первой мировой войны, и, собственно, через несколько часов муж уехал в Москву, и все.

В годы войны я видела отца опять-таки урывками. Что я хорошо

памяню, это как он в 1939 году, да, в 1939 году вернулся из длительной командировки и привез с собой моего брата Петю, который ни одного слова не говорил по-русски. И поскольку я знала немецкий язык, мне приходилось разговаривать с ним на немецком языке и быть у него переводчиком. Помню, как папе выделили квартиру, первую в жизни квартиру, на втором этаже на улице Кропоткинской. И отец заявил, что новой мебели мне не давайте, только самое необходимое, а то выкину ее в окно, примерно в таком плане. И папа взял мою бабушку Прасковью Абрамовну к себе в дом. И вот это был образец нормальной хорошей семьи. С одной стороны, русская часть, много родственников, с другой стороны — еврейская часть, тоже много родственников, и все жили очень дружно. Бабушка — это по линии Лизочки — Елизаветы Юльевны Розенцвейг.

У папы, как я уже сказала, было четыре сестры: это Шура, Варвара, Анна и Олимпиада. Сергея, как я тоже говорила, к этому времени уже не было. И вот интересно, когда бабушка умирала, ей было уже больше девяноста лет, она говорит мне: «Послушай, я хочу тебе сказать. Ты там, кажется, какой-то партийный бог. Я хочу сказать, я всю жизнь прожила с вами, антихристами. Меня Господь Бог не примет. Так уж ты, пожалуйста, собери всех родственников, и чтобы пришли, когда отпевать будут». Похоронили бабушку на Калитниковском кладбище в Москве. Там ее мать уже была. И папа просил похоронить его рядом с матерью. И когда умирала наша Лизочка, она тоже просила похоронить ее рядом с мужем. Лиза Зарубина умерла в 1987 году восьмидесяти семи лет. Умерла ужасной смертью, попала под автобус.

Когда папа был в Америке, я ничего не знала о его работе. И уже когда сама имела отношение к переводам документов о производстве атомного оружия, то от товарищей узнала, что папа имел к этому непосредственное отношение.

После возвращения из Америки в нашем доме всегда было много людей. И помню, что отец очень переживал, когда узнал, что Лизочку увольняют из органов. Он знал, по какой причине ее увольняют, и он пошел и устроил там шум. Он сказал: «Я не понимаю, когда человек, моя жена и спутница, выполняла все оперативные задания наравне со мной, она вам была нужна?! Тогда вы не обращали внимания на ее биографию и ее национальности!» Папа говорил очень резко. Я думаю, именно по этой причине очень скоро за этим последовал его уход на пенсию. И это им было очень тяжело пережито. Человек огромного жизнелюбия, любви к Родине, желающий и умеющий много сделать на пользу своей страны, остался не у дел. Это было очень тяжело. И папа весь свой пыл и талант обратил на федерацию тенниса в обществе «Динамо». Стал председателем федерации. Он прекрасно играл в теннис. И за границей на нелегальной работе ему тоже очень часто приходилось заниматься теннисом.

И вот еще что! Когда в 30-е годы стали сажать. И Шпигельглас и другие, но всех не помню, но многие, многие. И однажды папа пришел

и сказал: «Ну Господи, меня бы, что ли, посадили, а то эти жены плюют мне в лицо, что ж ты, сукин сын, ходишь по улице, когда наших мужей нет». Я знаю, что после возвращения из Штатов и на него был наговор, но он прошел через целый ряд этих чистилищ. И все это он выдержал, потому что нашел свою нишу. Он знал, что нужно служить, и служил и верой и правдой.

Когда начался 1953 год, папу очень активно теребили. Он говорил, что я как на работу ходил в ЦК партии. И писал там оправдательные характеристики на целый ряд чекистов, которые сидели. И надо сказать, что наш дом превратился в перевалочный пункт. Возвращались люди из тюрем, им показывали оправдательные характеристики, которые на них писал отец, и все они были у нас. Отец заражал их энтузиазмом и радостью того, что они вернулись. Я помню одного — это был Михаил Боровой, крепкий, сильный мужчина, а остальных я не помню.

Когда в 1953 году, после смерти Сталина, Судоплатову было дано оперативное задание, толком я не знаю какое, но что-то о создании нового подразделения, то он пригласил на работу папу, Лизочку и Эйтингона, который на несколько месяцев обрел свободу. Было создано что-то вроде штаба старых ветеранов, опытных чекистов. Но это просуществовало всего несколько месяцев. Как только был арестован Берия, Судоплатов и Эйтингон были объявлены его прихвостнями и посажены в тюрьму, а Эйтингон второй раз, то все вернулись опять на пенсию, и папа и Лизочка.

Хочется рассказать еще один эпизод, связанный с папой. Этот эпизод — пятидесятилетие ВЧК. И тогда составлялись списки на награды. И многие считали, что Василий Михайлович достоин быть Героем Советского Союза. В списке на звание Героя Советского Союза папа стоял первым. Но когда список попал в партийную комиссию, то на него обратил внимание Суслов и сказал: «Не понимаю, как человек такого возраста может быть Героем Советского Союза?» И он его из этого списка исключил. И как у нас бывает в нашей бюрократии, исключили его сверху и он вообще никуда не попал. И когда было торжественное заседание в Кремлевском Дворце съездов, то выяснилось, что Василий Михайлович из всех чекистов, которые выжили в эти сложные времена, один, но, может быть, не один, а один из наиболее видных сотрудников, которые были приглашены в президиум, не получил вообще никакой награды. И уже позднее С. А. Кондрашев, который к тому времени был, кажется, заместителем начальника ПГУ, принес на квартиру орден, не помню, то ли Красной Звезды, то ли орден Ленина. Помню, тогда собрались мы все — члены семьи, и были папины сослуживцы: Громушкин, Корзников, еще кто-то.

Но вот, говоря о папе, я не могу не сказать о нашей замечательной Лизочке. Язык у меня не поворачивается назвать ее мачехой. Это была не просто любящая жена, а добрый, чудесный человек. И я горжусь тем, что уже после смерти отца мы с ней долгие годы поддерживали самые добрые, родственные отношения.

Да в какие-то годы, сейчас не помню, вышло постановление ЦК партии, что нужно писать о разведке. И вот нашли Зарубина и поручили писателю, он был тогда секретарем партийной организации Союза писателей, Тевекеляну написать роман на основе папиной биографии. И в это время он часто бывал у нас дома. И вот папа перед ним раскрывал свою биографию, какие-то моменты оперативной работы. Там немножко по-другому написаны и семейные отношения, но, во всяком случае, довольно точно. И вот недавно мне показали книгу Феклисова, в которой тоже несколько страниц посвящены папе, с которым Феклисов работал вместе в США. И я горжусь, что у меня был такой отец. Он служил всегда честно, но никогда не был формалистом, и, конечно, некоторые люди пользовались этим. Когда папа умер, в Центральный клуб пришел сказать несколько слов и товарищ Андропов. Он стоял в почетном карауле, потом подошел к нам и сказал, что страна потеряла большого разведчика, но недавно умер Абель и по оперативным соображениям нельзя пускать всех, кто хотел бы быть на его похоронах. Мне было приятно, что таким образом была дана оценка жизни моего отца, который не представлял ее иначе как служение делу, которое ему было поручено.

Я забыла сказать, что папа очень стремился к учебе. Но его отец умер, когда папе было 14 лет, и он вынужден был, как старший в семье, кормить ее. Поэтому он бросил всю свою учебу и у него было начальное образование. Когда на партийных конференциях он заполнял анкету, то к нему подходили и говорили, что, товарищ генерал, вы тут ошиблись, вместо высшего образования написали начальное. Он говорил: «Правильно, я имею начальное образование и два года церковноприходской школы. Я даже и в хоре пел церковном».

Во время Гражданской войны, мама мне рассказывала, очень было голодно, а папа приспособился к каким-то группам и вместе составляли какие-то бригады и вместе выходили и пели. Папа в основном играл на балалайке. Виртуозно играл. И мама говорит, то какой-нибудь селедки домой принесет, то бутылку подсолнечного масла. Ну что удавалось, то и приносил. И я еще помню, какой он силой обладал. Он клал вот так пятак, сгибал локоть, и пятак тоже сгибался. Это я видела сама.

Теперь мне хотелось бы, я повторяюсь, в двух словах сказать о Лизе, хотя речь идет о папе. Это была эпоха патриотизма. Елизавета Юльевна была человеком, который все время думал о других и не хотел кому-нибудь быть в тягость. И вот, не желая этого, решила уже в 87 лет поехать в аптеку за лекарством. И вот, на Кутузовском проспекте она сошла с автобуса, у нее было длинное пальто, и его закрутило под передние колеса, и она попала под автобус. В больнице ей ампутировали ногу. К сожалению, ни меня, ни моего брата не было в Москве — мы были в командировках. Врач, ампутировавший перед смертью ей ногу, сказал,

что он не видел человека, который бы так безропотно, без жалобы перенес такую операцию. Так закончилась ее жизнь. Когда она работала вместе с Василием Михайловичем, фамилия ее была — Горская. Одно время, это было в молодости, она работала в секретариате у Дзержинского. Была связана с Блюмкиным. Во всей этой истории с Блюмкиным она принимала активное участие. Она узнала, что какую-то часть партийной кассы Блюмкин отдал Троцкому. Она как раз обратилась к Эйтингону, который в тот момент был в Турции. Хотя я ее тогда не знала. Да, она была женой Блюмкина, но я не знаю, была она с ним зарегистрирована или нет. Но это не имеет значения. Но я не могу согласиться с тем, что пишет Гордиевский, что она вышла замуж за Блюмкина по любви. Я знаю только, что столько счастливых лет, сколько она прожила с моим отцом, я никогда не слышала фамилии Блюмкина и истории о нем. Знаю, что они с отцом были замечательной парой, и я любому бы мужчине пожелала такую любящую женщину, какой была Лиза. Она верой и правдой служила памяти моего отца. Она постоянно ухаживала за его могилой и просила похоронить ее рядом с ним.

Почему мой отчим — Эйтингон. Он всю жизнь носил фамилию Наумов. Но когда началась война, Берия сказал: «Какой он Наумов?! Он Эйтингон и пусть носит эту фамилию». Поэтому по документам он Эйтингон, но все знали его как Леонида, поэтому он и оказался Леонидом Эйтингоном. Надо сказать к чести этого человека, что я в какой-то момент своей жизни сказала, что можно я буду звать вас отцом. Он сказал: «Нет, не надо. У тебя есть папа, очень уважаемый человек. А я буду любить тебя не меньше, если ты будешь звать меня дядя Леонид».

И так, наш Леонид родился 9 декабря 1899 года в Могилеве. Отец его рано умер от язвы желудка. У него было две сестры и брат. Он был старшим. По-моему, он был эсером. Я говорю, по-моему, потому, что точно не знаю. И вот когда Феликс Эдмундович бежал из какой-то ссылки, он встретил Эйтингона, и этот молодой человек ему очень понравился. Когда он приехал в Москву, он получил комнату на улице Кирова, туда перевез свою маму и свою сестру. Это была замечательная семья, преданная идеалам революции. Младший брат стал довольно известным ученым-химиком. Сестра Соня была прекрасным врачом-терапевтом и работала главным врачом в поликлинике автозавода имени Сталина, ныне имени Лихачева. Сам Лихачев очень хорошо отзывался о ней. И вот она так и прожила всю свою жизнь в этой одной комнате на улице Кирова. Еще одна сестра — Серафима — была инженером.

Все они были интеллигентными людьми, которые жили очень скромно. Я встретила дядю Леонида, когда мне было пять лет. По существу, даже получилось так, что я познакомилась с ним со своей мамой, хотя я уверена, что они уже раньше видели друг друга. Во всяком случае, с этого момента началась моя жизнь в семье Леонида. Язык не поворачивается сказать Эйтингона. В общем, какое-то время мы прожили в Пекине, где он

был консулом. В это время там был Василий Иванович Чуйков, с которым они вместе заканчивали военную академию. Они очень дружили, часто играли в шахматы. Кем был в Пекине В. И. Чуйков, я не знаю, кажется, военным атташе. В Китае я пережила момент, когда на консульство напали китайцы, согнали всех в клуб, держали там какое-то время, а моя мама в это время была в положении. Ну да ладно, хотя было ужасно.

Потом вернулись в Москву, квартиры не было. Жили в гостинице «Метрополь». И я помню, как лазила около кремлевской стены и играла у храма Василия Блаженного. Затем с 1928 по 1931 год мы находились в Турции. Чем там занимался дядя Леонид, я не знаю. Там я училась в школе, где изучала немецкий и английский языки. Хочу сказать, что значит знание языка. В школе я была Зоя Наумова. И вот однажды меня спросили, буду ли я заниматься «Скриптчур», что по-английски означает — закон Божий. А я поняла, как занятия музыкой на скрипке. Пришла домой, сказала маме, что в школе по субботам будут проходить занятия игры на скрипке и спрашивают разрешение родителей. Когда я пришла в школу, меня спросили: «Ну как? Родители разрешили?» — «Да, разрешили», — ответила я. Оказалось, это совсем другое. Это был такой интересный ляпсус.

Когда мы вернулись из Турции, то поселились, как я уже говорила, в первом кооперативном доме. Там жили все крупные руководители Каминтерна, а позднее в этом же доме поселился Берия. Но это совсем другая история.

Когда начались испанские события, Леонид уехал. Куда — мы не знали. И об этой истории с убийством Троцкого узнали значительно позднее.

В конце октября 1951 года Леонида посадили. Мы ничего о нем не знали. В марте 1953 года после смерти Сталина его освободили. Реабилитировали. Вернули все ордена, и после короткого отдыха в санатории он вновь вернулся на работу. А в июле 1953 года вновь посадили, теперь уже Хрущев. И с большим трудом мне удалось доказать, чтобы ему, осужденному на 12 лет, засчитали те два года. А Судоплатова осудили на 15 лет. Потом уже, после выхода из тюрьмы, ему приходилось каждую неделю отмечаться в милиции, как уголовному элементу.

Когда Леонид находился в заключении, ему была необходима срочная операция, которая была сделана хирургом-онкологом, и жизнь его была спасена.

Я бы хотела сказать, что это был необыкновенный человек. Об этом, например, говорят его письма из тюрьмы. Писал, как обычно, в определенные дни. Раз в месяц, что ли. Но содержание этих писем поражает. Эти письма надо публиковать отдельно. Ну, писал, например, так: «Милые девочки! Поздравляю вас с наступающей годовщиной Великого Октября. Как я рад, что вы там готовитесь к празднику, трудитесь на благо страны...» И все в таком духе. Я даже могу найти эти письма, они у меня сохранились. И это не просто фиглярство, а зачем ему фиглярить, когда он сидит в тюрьме. Это действительно была вера в страну, ради благополучия

которой он работал всю жизнь. Раз в месяц мы ездили во Владимир на свидание с ним. Старались как можно больше взять родственников. А когда его освободили, то много народу собралось около машины, потому что он помогал всем, кому мог. Например, он помогал начальнику тюрьмы заочно закончить юридический институт, делал контрольные и давал разные советы. В общем, это был человек, настроенный на одну волну — служение Родине. Когда он вышел из тюрьмы, это уже был не здоровый человек — страдал язвой, так же, как его отец. И после освобождения вся его энергия и все силы были направлены на одно — на реабилитацию. Он писал свои ходатайства по административной линии, и всегда в ответах было сказано одно и то же — вот подождите, сначала вас реабилитирует партия, а потом уже и мы. И как у нас всегда тянули и тянули, и только когда он умер, нам позвонили из конторы Пельше и спросили: «Вы знаете, какого человека мы потеряли?» Мы-то как раз знали об этом. Нам ответили: «Да, мы припозднились». И вот я хочу сказать, что это возможно только в нашем государстве. Ведь реабилитацию закончили только в 1990 году. Да еще говорили: «Вы там осторожнее, знаете, реабилитировали из КГБ». А что значит из КГБ?! Не умеем мы ценить людей. Ведь это не секрет, что он участвовал в подготовке ликвидации Троцкого. Но ведь это был приказ. Интересно, кто бы осмелился не выполнить приказ Сталина?!

Узнали мы об этом значительно позже, только тогда, когда приехал Рамон Меркадер и спросил: «А где комерадо Леонидос?» Он перед нами встал с Звездой Героя Советского Союза, а комерадо Леонидос сидит почему-то в тюрьме?! Ему тоже это было непонятно. Это все история. К ней надо подходить очень осторожно. Сам Рамон Меркадер похоронен на одном из московских кладбищ под фамилией Романа Ивановича Лопас. Я езжу туда на могилу. Ну, это не важно. Когда у Леонида была беседа со Сталиным на эту тему, Сталин сказал: «Партия всегда вам будет благодарна, ваше имя будет вписано в историю золотыми буквами. И ваше имя будут помнить не только ваши дети, но и ваши внуки». Золотое имя будет вписано в историю, а в 1951 году он его посадил, а Хрущев посадил в 1953-м. И все припозднились оправдать его.

КОРОТКАЯ БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

ЗАРУБИНА Зоя Васильевна — в органах государственной безопасности проработала с 5 июля 1942 года по декабрь 1951 года.

В 1939 году с золотой медалью окончила среднюю школу в городе Москве и в этом же году поступила на учебу в МИФЛИ на историческое отделение. В сентябре 1940 года вышла замуж за Василия Михайловича

Минаева. 2 июня 1941 года родилась дочь Татьяна. Через несколько часов после выступления наркома иностранных дел В. М. Молотова о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз муж ушел сначала в военкомат, а затем на фронт. Сама Зоя Васильевна поступила на работу в госпиталь в качестве медсестры, а затем в связи со знанием немецкого языка какое-то время работала переводчиком. После того как от ран умер ее муж В. М. Минаев (она сохранила за собой девичью фамилию), Зоя Васильевна написала заявление с просьбой направить ее на фронт, мотивируя свое желание тем, что она является мастером спорта по легкой атлетике и чемпионом Москвы. Однако в военкомате учли не ее спортивные достижения, а знание немецкого языка, который она изучила в школе, живя до войны с матерью и отчимом в Турции, и направили ее на работу в органы государственной безопасности, где она проработала до декабря 1951 года.

Из разведки была уволена в связи с арестом в 1951 году ее отчима Л. А. Эйтингона. За период работы в разведке, в управлении, которым командовал П. А. Судоплатов (его замом был Л. А. Эйтингон), выполняла различные ответственные задания по линии переводов. Кроме немецкого языка она изучила французский язык, окончив французский факультет Высшей школы НКВД—МГБ, а в 1949 году заочно, но также с отличием, окончила английское отделение Московского института иностранных языков имени Мориса Тореза. В совершенстве владея тремя языками, З. В. Зарубина принимала участие в качестве переводчика, а затем старшего переводчика на международных конференциях в Тегеране, Ялте и Потсдаме.

После ухода на пенсию была принята на работу в качестве преподавателя в Высшую школу МГБ СССР имени Ф. Э. Дзержинского, но через несколько дней ей предложили альтернативу — либо покинуть работу преподавателя в этой школе, либо отказаться официально от своего отчима — «врага народа» Эйтингона. Зоя Васильевна выбрала первое. Тогда ей предложили работу в качестве начальника стадиона «Динамо», учитывая ее знания иностранных языков и прежние спортивные достижения. От этого она тоже отказалась.

Наконец, в 1952 году она была принята на работу в качестве преподавателя английского языка в Московский институт иностранных языков имени М. Тореза, который сама окончила три года назад. Вскоре она становится деканом факультета английского языка, а еще позднее организует при институте первые в мире курсы подготовки переводчиков для ООН и становится директором этих курсов.

В 70-е годы З. В. Зарубина по просьбе А. А. Громыко переходит на работу, конечно, с английским языком, в дипломатическую академию, где она работает до настоящего времени, несмотря на свой семидесятипятилетний возраст.

В 1988 году Зарубина принимает активное участие в организации международного движения — «Педагоги за мир». В настоящее время

она является вице-президентом этой международной организации.

С 1972 по 1975 год она принимала участие в подготовке известных Хельсинских Соглашений. Воочию убедилась, что такое «холодная война», так называемая Третья корзина, какие споры ведут дипломаты, какие аргументы и контраргументы применяют.

ВСПОМИНАЕТ ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ ЗАРУБИН,

профессор, кандидат физико-математических наук, бывший начальник Главного управления Министерства оборонной промышленности, тридцать лет занимавшийся организацией работ по созданию лазерной техники, в том числе лазерного оружия в СССР, ныне советник НПО «Астрофизика»

Мои родители были совершенно разными людьми. Отец из рабочей семьи, сын железнодорожного кондуктора и прачки, уроженец Подмосковья. Свою юность провел на Таганке. В органы государственной безопасности пришел через Гражданскую войну. Был солдатом, участвовал в солдатском комитете. Четырежды был ранен, полгода пролежал без движения на доске по причине повреждения позвоночника в результате ранения. Его образование состояло из нескольких начальных классов и какого-то рабфака. Несмотря на четыре ранения и перебитый позвоночник, отец был человеком недюжинной силы. Не чурался любой физической работы, любил собирать грибы. Обожал музыку. Играл на балалайке, гитаре и пианино. Что касается балалайки, то на этом инструменте отец играл в полуконцертном плане. Одним словом, отец — самородок со всеми вытекающими отсюда плюсами и минусами.

Совсем другое дело мать. Она родилась в 1900 году в городе Хотине в Бессарабии. В первой половине 20-х годов окончила Сорбоннский университет. Владела французским, английским, немецким, еврейским, русским и немного румынским языками. Мать была интеллигентом в широком понимании этого слова, с аристократическим воспитанием и аристократическими привычками. Умерла мать в 1987 году нелепой и трагической смертью — попала под автобус.

Отец и мать поженились в 1929 году после возвращения отца из Харбина. В начале 30-х, как я теперь понимаю, занялись нелегальной разведывательной работой. Отец работал не то под немца, не то под чеха. Якобы в 1935-м или 1936 году родители ездили в США, как теперь говорят, для рекогносцировки, но я этого не помню, так как родился в Париже в 1932 году. Затем до конца 30-х годов они находились в Европе.

В 1941 году мы с родителями уехали в США, и я уже хорошо помню многие вещи, касавшиеся разведывательной работы моих родителей, хотя, конечно, тогда я не понимал, что это значит, и, собственно говоря, не интересовался этим.

Ну, например, мы втроем, отец, мать и я, очень часто ездили из Вашингтона, где мы жили, на автомашине в Филадельфию. Но ездили не обычным путем, а заезжая и останавливаясь в многочисленных ресторанчиках и кафе, которые в изобилии были разбросаны по автотрассе Вашингтон — Филадельфия. Нередко отец, отправляясь с матерью выпить чашечку кофе в ресторане, оставлял меня в машине и, как бы играючи, просил меня замечать, какие машины появляются на стоянке после их ухода. Теперь-то я понимаю, что родители проверялись на предмет обнаружения за собой наружного наблюдения. Приехав в Филадельфию, мы все трое выходили из машины и смешивались с толпой на привокзальной площади, посещая опять же кафе, рестораны и магазины. Затем шли к поезду за несколько минут до его отправления. Мать садилась в поезд и уезжала, а мы с отцом возвращались к машине. На обратной дороге отец просил меня полежать на заднем сиденье, ссылаясь на то, что я устал. Теперь-то ясно — со стороны было видно, что в Филадельфии осталась женщина с ребенком.

Иногда мы просто уезжали из Вашингтона километров на 200—250 от города. В каких-то маленьких поселках встречались с людьми, иногда даже ночевали в таких местах. Надо сказать, что мои родители были исключительно общительными людьми, особенно мать, что отец искусно использовал в интересах разведывательной работы. Сам он мог с одинаковым успехом разговаривать и с людьми искусства, и просто с посетителями пивной.

Знаю, что в США отец неоднократно встречался с великим русским пианистом и композитором Сергеем Рахманиновым для того, чтобы подготовить его возвращение в Россию. Для него уже был готов советский паспорт, но Рахманинов неожиданно заболел и умер.

Хотя отец в Вашингтоне был резидентом советской разведки, но мог и делать любую работу, когда считал, что сделает ее лучше других. Хорошо помню, что, когда в Вашингтон прилетал министр иностранных дел Советского Союза В. М. Молотов, отец сам садился за руль и возил Молотова, как простой шофер. Сейчас очевидно, почему он так делал. Во-первых, он просто прекрасно водил автомашину. Во-вторых, еще на нелегальной работе был автомехаником, и, в-третьих, что, наверное, самое главное, такие поездки давали ему возможность как резиденту в США беседовать с Молотовым с глазу на глаз.

Генеральское звание отец получил еще до войны, вернее, звание комиссара третьего ранга, а после войны в какой-то газете появился Указ о присвоении генеральских званий и список этих лиц на тридцать человек, среди которых был отец, получивший по новому званию генерал-майора, и П. А. Судоплатов, получивший звание генерал-лейтенанта.

А. С. Феклисов в своей книге «За океаном и на острове» написал об отце, что причина его отъезда из США как персоны нон грата состояла в том, что отец в результате большой активности не всегда уделял достаточное внимание вопросу зашифровки своих действий. Эта причина, конечно,

имела место, но главное, по-моему, не в этом, а в том, что в резидентуре у отца был сотрудник по фамилии Миронов, который в начале 1944 года написал письмо И. Сталину о том, что Зарубин и Зарубина перевербованы и работают на какую-то иностранную разведку. По возвращении в Москву родители подверглись служебному разбирательству, которое продолжалось шесть месяцев.

В 1968 году, в год пятидесятилетнего юбилея органов ВЧК — КГБ, в ЦК КПСС был направлен список лиц для награждения различными орденами, и в том числе предлагалось нескольким чекистам присвоить звание Героя Советского Союза. Первым среди них, в соответствии с алфавитом, стояло имя моего отца. Однако главный тогдашний идеолог партии М. Суслов отклонил его фамилию, ссылаясь на возраст — отцу было тогда семьдесят два года. Я, конечно, не знаю, но думаю, что кроме возраста определенную роль могло сыграть и письмо Миронова, направленное в 1944 году Сталину из Вашингтона в Москву. Вместо Героя Советского Союза отец получил орден Ленина.

С матерью была определенная история. Она ведь попала под обмен. Что это такое? Летом 1941 года она находилась в командировке в Берлине по линии разведки, но, естественно, в качестве сотрудницы советского посольства в Берлине. И вдруг война. Без всякого объявления. Вероломное нападение. Сотрудники нашего посольства остались в Германии по ту сторону фронта, а сотрудники германского посольства в Москве. Поэтому и состоялся обмен персоналом посольств. Ехали они из Германии в СССР окружным путем через Болгарию и Грецию в запечатанном поезде.

Мои родители, и отец и мать, так же, как многие их коллеги, были начисто лишены чувства стяжательства. Наоборот, отец очень любил застать в хорошем смысле этого слова. Из гостей, которые не знали отца, никто не мог угадать его профессию. У него была, можно сказать, привычка: если какому-нибудь посетителю нашего дома понравилась какая-то вещь и тот имел неосторожность похвалить ее, отец тут же дарил ее этому человеку.

КРАТКАЯ БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

ЭЙТИНГОН Наум Исаакович — известный советский разведчик, генерал-майор. Известен также как Леонид Александрович Наумов и Леонид Александрович Эйтингон.

Эйтингон родился в еврейской семье в 1899 году в Могилеве, умер в Москве в 1981 году. В ВЧК поступил в 1921 году по личной рекомендации Ф. Э. Дзержинского, который знал его еще как члена партии эсеров.

С 1925 по 1927 год Эйтингон находился на разведывательной работе в Китае. По дороге в Харбин познакомился с Ольгой Георгиевной Васильевой (первой женой В. М. Зарубина), которая вместе с пятилетней

дочерью Зоей уехала вместе с ним в Пекин. С 1928 по 1931 год вместе с Ольгой Георгиевной и приемной дочерью находился в Турции, где выполнял разведывательные задания.

Эйтингон непосредственный руководитель и организатор убийства по заданию И. Сталина в Испании Льва Троцкого. С начала Отечественной войны был заместителем (Судоплатова) начальника Четвертого управления НКВД по организации партизанского движения в тылу врага и проведению диверсионных операций. До этого времени был известен как Леонид Александрович Наумов. Но с началом войны лично Берия приказал ему взять свою настоящую фамилию. Наум Исаакович стал известен как Леонид Александрович Эйтингон.

В конце октября 1951 года Эйтингон был арестован и содержался во Владимирской тюрьме до марта 1953 года. После смерти Сталина был освобожден. А затем в июле 1953 года уже по указанию Н. С. Хрущева вновь помещен в ту же тюрьму, как пособник Берия. На этот раз вместе с ним посадили в тюрьму по тому же обвинению и его начальника Павла Анатольевича Судоплатова.

П. А. Судоплатова приговорили к 15 годам тюремного заключения, а Л. А. Эйтингона к 12 годам, зачтя ему срок пребывания в тюрьме с 1951 по 1953 год. Освобожден он был из-под стражи в 1963 году, а реабилитирован лишь в 1990 году после его смерти.

ИЗ АВТОБИОГРАФИИ МОРДВИНОВА ГЕОРГИЯ ИВАНОВИЧА

Я родился 23. 04. 1896 года в деревне Бурташово Верхне-Удинского уезда, Тарбагатайской волости. Отец мой — Иван Ильич имел бедняцкое хозяйство, которое бросил и поступил рабочим на Николаевский винокуренный завод А. К. Кобылкина. Свою мать я не помню, она умерла, когда мне было 2—3 года. После смерти отца мне было 7 лет.

Трудовую жизнь я начал очень рано, с 5-классным образованием, работая с детства то на заводе, приучаясь к ремеслу, то мальчишечьим учеником в магазине, а затем в фирме «Духай» в Чите. Урывками я пополнял свое самообразование, но мне не удалось осуществить свою мечту — поступить в городское или ремесленное училище, т. к. приходилось работать, чтобы существовать и еще помогать своей младшей сестре.

В 1915 году досрочно я был призван в армию и после двухмесячной муштры с маршевой пластуной ротой попал на Юго-Западный фронт в 75-й Сибирский стрелковый полк в команду конных разведчиков, т. к. с детства был хорошим наездником.

В дни Великой Октябрьской революции я, как фронтовик, был за боль-

шевиков и с оружием в руках принимал активное участие в борьбе за Советы, участвовал в ликвидации контрреволюционной верховной ставки генерала Духонина в Могилеве и борьбе с контрреволюционными корниловскими войсками, охранявшими ставку, «дикой» дивизией и прочее.

В декабре 1917 года я участвовал в подавлении юнкерского восстания в Иркутске.

С апреля 1918 года я был привлечен к оперативной работе в Забайкальской областной Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем (ЧК). Здесь я был принят в июне 1918 года в члены партии.

Выполняя задание руководства ЧК, я со своим помощником Митей Ждановым в августе 1918 года, когда чехи наступали с запада, а японцы с востока, проник в стан врага и, выполняя там роль связного между отрядами анархистов и штабом белогвардейского подполья в Чите, вскрыл заговор анархистов и подготовленное белогвардейское восстание в Чите.

Заговор и восстание были ликвидированы; что обеспечило эвакуацию советских организаций, припасов и наших войск на Амур.

После падения советской власти на Дальнем Востоке я с основной группой работников Читинской ЧК, возглавляемой Григорием Трофимовичем Перевозчиковым, ушел в тайгу в районе ст. Гондати (ныне Шимановская). Здесь по заданию партии я налаживал связи в казачьих хуторах по Амуру и с китайской стороной.

В декабре 1918 года мною был сформирован партизанский отряд, которым я командовал и дрался с японцами и белогвардейцами до 1920 года.

В 1920 году на Восточно-Забайкальском и Амурском фронтах я командовал 1-й Амурской кавалерийской бригадой и одновременно по заданию командования организовал и руководил разведкой фронта. Здесь мною были выполнены два спецзадания командования. У меня до сих пор осталась книжка полевых донесений, в которой сохранилась копия донесений в штаб фронта. В них сообщалось о том, что японцы меня расстреляли. Выполнение этих заданий имело важное политическое значение, обеспечивало успешное начало переговоров и последующее заключение перемирия с японцами.

...В дальнейшем перемирие было заключено.

Выполнение второго задания было связано с тем, что, проникнув глубоко в тыл, я подчинил себе белогвардейский гарнизон Нерчинска. Это обеспечило успех ликвидации «читинской пробки», семеновцы были отсюда выбиты, и учредительное собрание ДВР собиралось не в семеновской Чите, как хотели японцы, а в Чите, занятой нашими амурскими и забайкальскими партизанами.

После ликвидации «читинской пробки» я был начальником транспортного отдела Госполитохраны ДВР (ЧК).

В конце 1921 года на Восточном фронте под Хабаровском я был

комиссаром Особого Амурского полка, сведенного из третьей Амурской дивизии. С этим полком я участвовал в знаменитых имском и волочаевских боях и в «босом» походе полка через ситухимскую тайгу в апрельскую распутицу 1922 года.

В конце лета 1922 года по особому заданию фронта я был послан в тыл врага, где успешно сформировал китайский и корейский партизанские отряды, командуя которыми я подчинил нашему влиянию до 3-х тысяч хунхузов в Маньчжурии и обеспечивал во время наступления на Владивосток наших войск охрану наших границ и железнодорожных коммуникаций нашей армии от белогвардейских диверсий со стороны Маньчжурии, где Чжан Цзолинь всегда оказывал белогвардейцам всяческое содействие.

В 1923—1924 гг. я учился на вечернем рабфаке в Чите и был секретарем партийной ячейки.

Летом 1924 г. меня направили на ликвидацию белых банд в пограничный район на р. Аргунь. Я был назначен начальником 19-го, а затем 54-го Нерчинско-заводского пограничного отряда ОГПУ. Здесь я проработал до весны 1926 года до ликвидации крупного бандитизма, связанного с «Трехгорьем» в Маньчжурии.

В 1926—1929 годах я был комендантом Отдельной погранкомендатуры войск ОГПУ и начальником Феодосийско-Судакского отдела ОГПУ. Участвовал в ликвидации «великбродимовщины» и лично руководил операцией, в результате которой в открытом море на пути в Сипон мною захвачен Омер Хайсеров, являвшийся душой националистической организации «милифирка», державший в своих руках все нити этой организации. Оперативное значение этой операции выходило далеко за пределы Крыма. Дело Хайсера велось непосредственно Москвой.

В 1929 году учился на курсах усовершенствования Высшей пограничной школы ОГПУ.

В том же году был зачислен студентом Института востоковедения на китайское отделение.

В 1930 году по линии иностранного отдела ОГПУ был послан на разведывательную работу за кордон: сначала в МНР, а затем в Китай. По возвращении из Китая в 1935 году сдал экзамены в Институте востоковедения и по линии ЦК партии был послан на учебу в Институт красной профессуры по факультету истории на китайское отделение. На время учебы был в действующем резерве ОГПУ—НКВД.

С 1938 по конец 1940 года я работал сначала старшим референтом, а затем руководителем восточного сектора «группы» в аппарате Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала (ИККИ).

В конце 1940 года я перешел на лекционную работу по международным вопросам и одновременно заочно учился в аспирантуре исторического факультета МГУ имени Ломоносова. Я уже был готов защитить диссертацию по теме «Единый национальный фронт в Китае», но началась война.

В начале Отечественной войны я был призван в НКГБ и с июля по

октябрь 1941 года руководил сектором Четвертого управления по партизанским формированиям и созданием баз в тылу врага.

В октябре 1941 года был послан на выполнение задания, с которого вернулся лишь в сентябре 1944 года.

В октябре 1941 года Георгий Иванович был послан в качестве вице-консула советского консульства в Стамбуле, но весной следующего года попал в провокацию.

...К началу 1942 года нейтральная позиция Турции все больше не удовлетворяла гитлеровскую Германию, несмотря на то что политика Турции обеспечивала безопасность балканских позиций немцев и облегчала, таким образом, операции германских войск на Восточном фронте. Немцы стремились, чтобы Турция пошла дальше по пути германо-турецкого договора о дружбе, заключенного за четыре дня до нападения Германии на Советский Союз. В этой связи немцы организовали в Анкаре провокацию — якобы покушение на посла Германии в Анкаре фон Папена, чтобы склонить турецкое правительство к открытому вооруженному выступлению против Советского Союза.

Из официального правительственного сообщения Турции:

«24 февраля 1942 года. В 10 часов утра на бульваре Ататюрка в Анкаре взорвалась бомба, разорвав на части одного человека, который в этот момент проходил в указанном месте, неся что-то завернутое в руках. Полагают, что этот завернутый предмет был бомбой, которая разорвалась. Германский посол Папен и его жена, которые шли с противоположной стороны, находились на расстоянии 17 метров от места, где разорвалась бомба. От удара взрывной волны они упали на землю, но затем поднялись невредимыми и достигли здания посольства. Начато расследование обстоятельств взрыва. Министр внутренних дел и прокурор немедленно направились на место происшествия. Президент республики и глава правительства послали в германское посольство своих начальников кабинетов, а министр иностранных дел и генеральный секретарь министерства иностранных дел лично посетили фон Папена. Тот факт, что взрыв произошел поблизости от фон Папена, побуждает прокурора серьезно обратить внимание следствия на возможность того, что злонамеренный акт был направлен против немецкого посла».

Через 24 часа после взрыва полиция арестовала двух турецких подданных — студента Абдурахмана и парикмахера Сулеймана, а также двух советских граждан: сотрудника советского торгпредства в Турции Корнилова и сотрудника советского консульства в Стамбуле Павлова.

Немцы были весьма довольны поведением турецкой полиции и поспешили открыто заявить об этом. Так, выступая перед журналистами в Софии, фон Папен с удовлетворением отметил, что «турецкая полиция очень быстро арестовала виновных».

Дело о «покушении» на фон Папена началось слушаньем 1 апреля 1942 года в Анкарском уголовном суде. Абдурахман, Сулейман, Павлов и

Корнилов обвинялись в покушении на немецкого посла в связи с тем, что первые двое были товарищами убитого Омерома Токата, который нес бомбу. Суд приговорил Павлова и Корнилова к 20-ти годам тюремного заключения, а Абдурахмана и Сулеймана к 10-ти годам заключения каждого (в решении суда чувствовалось немецкое влияние).

В ноябре 1942 года по кассационной жалобе Павлова и Корнилова турецкий кассационный суд, отменив приговор из-за многих нарушений процессуальных норм, допущенных при судебном разбирательстве, направил дело на новое рассмотрение.

Повторный приговор для Абдурахмана и Сулеймана остался прежним, а для Павлова и Корнилова сокращен до 16 лет и 8 месяцев.

И только в связи с успехами Красной Армии, наносившей удар за ударом на всем протяжении Восточного фронта армии Германии и ее сателлитам, 2 августа 1944 года турецкий меджлис принял закон о разрыве дипломатических отношений с Германией. На этом же заседании меджлиса был принят закон, по которому из тюрьмы были освобождены Павлов и Корнилов, просидевшие там два года и пять месяцев.

В октябре 1944 года был послан на выполнение нового спецзадания, с которого вернулся лишь после капитуляции Германии в конце мая 1945 года.

...Новое задание заключалось в том, что в районе Белоруссии был создан из немцев-интернационалистов и наших специальных групп якобы немецкий «котел», который поддерживал постоянную радиосвязь с немецким командованием. В «котле» даже принимали инспекторов из Германии, а немцы старательно и регулярно снабжали «войска», попавшие в «котел», оружием, боеприпасами и продуктами питания. Однажды прислали даже награды за мужество и верность фюреру — Железные кресты.

НЕБОЛЬШОЕ ДОПОЛНЕНИЕ К БИОГРАФИИ Г. И. МОРДВИНОВА

Статья в газете «Вечерняя Москва» № 69 от 22 марта 1969 года «Сын двух матерей (быль)».

В 1947 году он был еще совсем маленьким китайчонком Ми Ми. За два месяца до его рождения отец мальчика погиб, сражаясь против гоминьдановцев. Двух старших братьев Ми Ми тоже убили гоминьдановцы. И они остались вдвоем: мать и сын. Мать была коммунисткой, а ее народ боролся за свободу. И она решила идти на фронт, стать бойцом народно-освободительной армии, как ее муж и сыновья.

Но с кем оставить грудного ребенка? У матери были хорошие друзья — советские люди Мордвиновы, которые в то время жили и работали в Хар-

бине. Георгий Иванович Мордвинов еще в Гражданскую войну командовал партизанским отрядом. В Великую Отечественную был трижды ранен. Его жена, Лидия Августовна — тоже старая коммунистка.

И мать Ми Ми решилась: завернув сына в красное одеяло, она отнесла его русской женщине. Сказала, что может не вернуться, и попросила, когда мальчик вырастет, передать ему письмо. «Я ухажу воевать против ненавистных врагов,— писала она.— Скорее всего я погибну, но я счастлива умереть за новый коммунистический Китай. И мне очень хочется, чтобы ты, мой единственный сын, вырос настоящим ленинцем и больше всего на свете дорожил дружбой с советским народом».

Так маленький Ми Ми стал гражданином Советского Союза Мишей Мордвиновым. Вместе с приемными родителями он приехал в Москву. Шли годы, из неуклюжего карапуза вырос смысленный мальчуган. Он хорошо учился в школе, увлекался спортом.

— Это был чудесный парнишка,— вспоминает писательница Зоя Воскресенская которая рассказала корреспонденту ТАСС эту историю.— Он очень дружил с моим сыном, часто бывал у нас дома.

За это время на его родине многое изменилось. Свершилось то, ради чего пошли на смерть его близкие,— многомиллионный народ обрел свободу. Китай стал социалистическим государством.

Мордвиновы были уверены, что мать Ми Ми (они ее называли Женя) погибла. Ведь уже десять лет от нее не было никаких вестей. И вдруг...

В жаркий июльский день, когда Миша — Ми Ми с Лидией Августовной был на даче, неожиданно приехала Женя. Оказалось, что в боях с гоминьдановцами ее несколько раз ранило. Однажды враги даже расстреляли ее, но она чудом осталась в живых — истекая кровью, выбралась из наспех вырытой могилы и уползла в лес. После войны она работает на заводе, уже несколько лет входит в руководство Общества китайско-советской дружбы. И вот разыскала сына...

Китайская коммунистка обратилась в Верховный Совет СССР с просьбой разрешить ей взять мальчика с собой. Получив такое разрешение, она добавила к настоящей фамилии Ми Ми еще один нероглиф — фамилию его советских родителей.

На родину мать и сын уехали вместе. Каждую неделю Мордвиновы получали письма. Миша писал, что мечтает приехать в Москву, чтобы повидать своих друзей, приемных родителей. Он писал, что обе его родины — и Советский Союз, и Китай — одинаково ему близки и дороги и так как он не успел стать членом ВЛКСМ в Москве, то вступил в комсомол в Пекине.

А потом письма перестали приходить. Почти два года Мордвиновы не знали, что с их воспитанником, где он. Они с тревогой следили за авантюрой, громко названной в Пекине «культурной революцией». Мордвиновы понимали, что жизнь Миши в опасности. Что, кроме ненависти,

могли испытывать к нему маоисты, которые всеми силами стараются подорвать дружбу советского и китайского народов?

Позднее сын Г. И. Мордвинова Б. Г. Мордвинов принял меры по поиску своего приемного брата и его матери. Ответ пришел через много лет, только в 1988 году.

Уважаемый Баррикад Георгиевич!

Извините, что только сегодня пишу вам письмо. Вы уже не надеялись получить его! Хотя я вам не писала, но о вашей просьбе никогда не забывала! Но я пошла по неверному пути, начиная поиски с Харбина, Тайюаньцзе, а нужно было начинать с Пекина. Но слава Богу, сегодня я вам могу сообщить, что женщина, которую вы разыскиваете, жива! Мать Лю Цзиньмо старая и больная женщина (у нее плохо с сердцем), но у нее светлый ум и хорошая память. Она вас всех помнит по именам, помнит вашу маму и встречи в Союзе. Она была очень тронута, что вы не забыли ее, и до сих пор считает себя обязанной за помощь, которую оказала ваша семья ей в трудное время. Она попросила написать вам от ее имени и передать вам привет. Ей пришлось очень много пережить. Как вы догадывались, она перестала вам писать по полит. соображениям. А потом она была в опале и много лет провела в тюрьме. После «культ. революции» ее реабилитировали и она даже занимала ответственный пост на радио, но сейчас она на пенсии, не работает. Когда я ее разыскала, она находилась в доме отдыха, под Пекином, где проводит большую часть времени, лишь изредка возвращаясь в город. Она мне рассказала и о печальной судьбе Лю Цзиньмо. Он действительно погиб во время «культ. революции», тогда он был студентом авиационного института. Он покончил жизнь самоубийством. Но это вынужденная смерть. Горько об этом писать, но это было очень трудное время для многих хороших людей. После освобождения матери его, «мертвого», тоже реабилитировали. Знаю, как вас все это расстроит, но я должна вам все это рассказать. Сейчас Лу Цзиньжу живет вместе с приемным сыном. У нее один внук. Условия у нее очень хорошие, она просит вас не беспокоиться и, наоборот, очень беспокоится о вашей матери, спрашивает, надо ли ей чем-нибудь помочь? Вот видите, как все в жизни интересно! Она совсем недавно, года три, четыре, работала в одной организации с моим мужем! А в городе живет буквально в двух шагах от меня! Это, наверное, ваша удача, что вы «вышли» на меня! Конечно, я просто шучу. Ну вот, Баррикада Георгиевич, вашу просьбу я выполнила, но все равно очень извиняюсь, что лишь сегодня села вам писать. Если вы захотите ей написать, то лучше пишите на мое имя, я ей передам. Она считает, что так будет лучше. Она старый человек, и слишком тяжелое время ей пришлось пережить, поэтому ей можно простить некоторые странности.

Передавайте привет вашим родным!

До свидания.

Чжао Шуйлянь (Ира)

9 мая 1988 г.

ШТРИХИ К БИОГРАФИИ ФРАНЦА ФОН ПАПЕНА

Франц фон Папен (1879—1969) — один из главных немецко-фашистских преступников.

Политическая биография фон Папена сводится к следующему. В конце марта 1930 года в Германии ушло в отставку правительство во главе с социал-демократом Г. Мюллером и к власти пришло правительство, выражавшее интересы финансового капитала, во главе с лидером партии Центра Генрихом Брюнингом. Этому способствовали мировой экономический кризис, начавшийся осенью 1929 года, высокий уровень монополизации германской экономики и финансовая зависимость Германии от американского капитала, а также репатриационные платежи. В состав нового правительства Брюнинга вошел и представитель немецкого промышленно-финансового капитала аристократ по происхождению Франц фон Папен.

К этому времени активизируется роль фашистской партии во главе с Гитлером, который стремился привлечь на свою сторону монополистов. 27 января 1932 года было организовано выступление Гитлера в дюссельдорфском «Индустриальном клубе» перед тремястами виднейшими представителями «делового мира» Рейнско-Вестфальского района — промышленного сердца Германии. Гитлер сделал доклад о программе и политике нацистской партии, длившийся несколько часов. Среди других на этом совещании присутствовали Тиссен, Шахт, Крупп, Борзиг, Дириг и Папен.

После этого в течение апреля—мая 1932 года шли оживленные закулисные переговоры о смене старого правительства и составе нового правительства, и главное, о том, кто его возглавит. Выбор пал на политически ничтожного деятеля фон Папена, известного лишь тем, что в годы первой мировой войны, будучи военным атташе Германии в США, он столь неумело вел шпионаж, что был с позором изгнан. В дальнейшем он примкнул к партии Центра, но политика последней казалась Папену недостаточно реакционной. Он активно пропагандировал вовлечение нацистов в правительство, а также создание франко-германского блока, направленного против Советского Союза.

30 мая 1932 года кабинет Брюнинга был уволен Гинденбургом в отставку и даже не пытался апеллировать против произвола президента к рейхстагу, где еще располагал большинством голосов.

1 июня 1932 года было сформировано правительство фон Папена, так называемый кабинет баронов. В большинстве своем оно состояло из представителей титулованной знати — реакционных зубров, впервые после ноябрьской революции сумевших стать во главе исполнительной власти и не скрывавших своей ненависти к Веймарской республике, стремления покончить с ней. Пост министра иностранных дел по настоянию Гинденбурга занял барон Нейрат, реакционные взгляды которого ни для кого не были секретом; военным министром стал «серый кардинал» — Шлейхер, заключивший перед формированием правительства соглашение с Гитлером

о поддержке последним нового кабинета. Условия фашистов заключали в себе немедленный роспуск рейхстага (хотя его полномочия истекали только в 1934 году) и отмену запрета штурмовых отрядов. Создание правительства Папена ознаменовало начало нового, и притом чрезвычайно опасного этапа фашизации Германии.

Папен и Шлейхер полностью сдержали обещания, данные фашистам. Уже 4 июня был распущен рейхстаг, а 14 июня президент вновь легализовал отряды коричневорубашечников. Улицы германских городов и деревень опять заполнили банды штурмовиков, развернувшие, рассчитывая на полную безнаказанность, террор невиданного ожесточения. По примеру своего предшественника правительство Папена опубликовало в середине июня чрезвычайный декрет, еще раз снижавший нищенские размеры пособий по безработице и одновременно полностью перекладывавший страхование на работающих. Весь ход событий убеждал народные массы в том, что только активными действиями можно преградить путь фашизму.

В такой напряженной обстановке проходили выборы нового состава рейхстага, назначенные на 31 июля 1932 года. На этих выборах гитлеровская партия получила большинство голосов, чего фашисты и домогались (13 с лишним миллионов). Но в лагере крупной буржуазии не было единства в вопросе о том, следует ли вручать всю полноту власти Гитлеру и его партии. Колебания промышленников выразились, например, в том, что когда Гитлер на одной из встреч с ними в мае 1932 года заявил о необходимости ликвидировать профсоюзы и все партии, кроме национал-социалистской, то они одобрили его идеи, но выразили сомнения — в состоянии ли Гитлер осуществить эти «великолепные» идеи. На этой почве возник конфликт нацистской верхушки с фон Папеном и Гинденбургом — конфликт, отражавший острую закулисную борьбу между различными группировками финансового капитала по вопросу о формах и методах фашизации государственного строя и подготовке к войне.

Политический кризис в Германии к ноябрю 1932 года обострился до крайности. Правительство Папена было взорвано стремительно нарастающей классовой борьбой, а также противоречиями внутри буржуазного лагеря: оно ушло в отставку 17 ноября 1932 года. Таким образом, фон Папен был канцлером Германии с июля по ноябрь 1932 года.

Именно стремление еще более форсировать подготовку реванша (после поражения в первой мировой войне), наиболее рьяным пропагандистом которого выступала гитлеровская клика, и было конечной причиной, определившей консолидацию монополистов вокруг фашистского «фюрера». В центре событий оказался Шредер, который располагал огромными связями не только среди крупнейших немецких промышленников, но и среди видных английских и американских бизнесменов, сочувствующих германским фашистам. Через его посредство был установлен контакт между Гитлером и Папеном, лишившимся поста рейхсканцлера и желавшим вернуться в правительство если не в качестве его главы, то хотя бы вторым

лицом после Гитлера. Шредер устроил их свидание 4 января 1933 года в его доме в Кёльне. Встреча происходила в обстановке секретности. Фактически это был последний шаг на пути к фашистской диктатуре.

Во время беседы было решено составить коалиционный кабинет во главе с Гитлером, куда бы вошли и представители других крайне правых организаций — немецкой национальной партии, «Стального плема» и т. п. Гитлер обсудил с Папеном программу действий будущего правительства, предусматривавшую в первую очередь разгром организаций революционного пролетариата и его союзников, усиление роли предпринимательских объединений, оживление экономической конъюнктуры при помощи больших государственных заказов. Эта программа отражала сокровенные замыслы германских пушечных королей.

Сразу после кёльнской встречи Гитлера с Папеном был образован консорциум крупных промышленников во главе с Феглером и Шпринг-гумом. Они выдали нацистам 1 млн марок для распределения среди штурмовиков и эсэсовцев, а также уплатили наиболее срочные долги гитлеровской партии.

30 января 1933 года был сформирован новый правительственный кабинет, в котором национал-социалисты заняли немногие, но чрезвычайно важные посты: Гитлер являлся рейхсканцлером; Фрик — министром внутренних дел; Геринг, оставаясь председателем рейхстага, стал министром без портфеля и министром внутренних дел Пруссии, что отдавало в руки фашистов полицию в Берлине и других ключевых пунктах страны. Глава национальной партии Гутенберг возглавлял министерства экономики, продовольствия и сельского хозяйства; шеф «Стального плема» Зелбде стал министром труда; Папен — вице-канцлером и имперским комиссаром Пруссии. Включение их в кабинет позволило называть его правительством «Национальной концентрации». На деле оно представляло собой концентрацию сил самой махровой реакции. Это было правительство открытой террористической диктатуры наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала. На посту вице-канцлера гитлеровского правительства Франц фон Папен оставался с 1933 по 1934 год, до тех пор пока Гитлер не почувствовал в нем определенного конкурента и не отстранил его от себя.

Вынашивая намерения захватить Австрию, гитлеровцы считали, что наилучшим способом является внутренний фашистский путч, активно поддержанный извне. 25 июня 1934 года 24 нациста, переодетые в форму австрийской полиции, проникли во дворец канцлера Австрии Дольфуса и убили его. Одновременно другая группа гитлеровцев захватила помещение радиостанции. Однако путч потерпел провал, а главаря мятежа были арестованы или бежали в Германию. К тому же Италия, считавшая в то время Австрию частью сферы своего влияния, заявила, что не допустит ее присоединения к Германии. Вынужденные временно

отступить, гитлеровцы лишь изменили свою тактику. В качестве нового немецкого посла 30 июня 1934 года в Вену был направлен фон Папен, утративший по указанным причинам пост вице-канцлера. Он должен был, по замыслу Гитлера, воссоздать в Австрии «пятую колонну», чтобы с ее помощью в более подходящий момент открыть границы для вторжения немецко-фашистского вермахта.

В 1933—1934 годах гитлеровцы под видом полицейских самолетов стали вооружать свою армию военными машинами и приступили также к строительству крупного военно-морского флота, в частности подводного.

В феврале 1938 года немецкий посол фон Папен потребовал, чтобы австрийский канцлер Шушниц посетил Гитлера в его резиденции в Берхтесгадене. Там Шушниц был вручен ультиматум. Основные его положения сводились к следующему: австрийское правительство немедленно обязуется назначить нациста Зейсс-Инкварт министром безопасности с правом полного и неограниченного контроля над полицейскими силами; другой гитлеровский агент будет назначен военным министром. Все заключенные фашисты должны быть выпущены на свободу в течение трех дней и т. д. Шушниц капитулировал, ибо был осведомлен о позиции западных держав.

Гитлеровские агенты во главе с Зейсс-Инквартом заняли ключевые посты в австрийском правительстве: тем самым была создана обстановка, благоприятная для захвата страны Гитлером. Но учитывая настроения населения, Шушниц попытался маневрировать. На 13 марта 1938 года была назначен в Австрии плебисцит по вопросу о независимости. Сообщение об этом вызвало в Берлине переполох. Там опасались, что опрос может вылиться в народную манифестацию в защиту независимости Австрии.

11 марта гитлеровцы предъявили Австрии ультиматум: если Зейсс-Инкварт не будет назначен канцлером, немецкие войска перейдут границу. Хотя ультиматум был принят, на рассвете следующего дня (12) почти 300-тысячная армия приступила к оккупации Австрии. Одновременно было объявлено о ее «воссоединении» с Германией. Террористическая диктатура немецких военных концернов распространилась на Австрию.

С началом военных действий немецко-фашистской армии против Советского Союза и неудачами на Восточном фронте фон Папен был назначен Гитлером германским послом в Турцию, где он должен был, по замыслу Гитлера, склонить Турцию к войне против Советского Союза на стороне Германии. Это в отношении его 24 февраля 1942 года на бульваре Ататюрка в Анкаре было организовано покушение, которое завершилось неудачей — фон Папен и его жена были отброшены взрывной волной, но остались живы. Ходили разговоры о том, что покушение было организовано советской разведкой с целью не допустить вовлечения

Турции в войну на стороне Германии. То, что не смогли сделать разведчики, сделала Красная Армия своими победами на фронте — турецкое правительство не решилось вступить в войну.

Кончилась вторая мировая война, и впечатляющей совместной акцией держав антигитлеровской коалиции стал Международный суд над главными немецкими военными преступниками в Нюрнберге в ноябре 1945 — октябре 1946 года. От имени всего человечества Международный военный трибунал, основываясь на неопровержимых доказательствах, на тысячах документов, на потрясающих свидетельствах, объявил гестапо, СС, СД и руководящий состав нацистской партии преступными организациями. Справедливое возмездие постигло Геринга, покончившего с собой в тюремной камере, непосредственных руководителей агрессии Йодля и Кейтеля, одного из главных организаторов уничтожения миллионов людей в концлагерях Кальтенбруннера, «усмирителя» Польши Франка, палача Нидерландов Зейсс-Инкварт, нацистского «идеолога» Розенберга, главного дипломата-разбойника Риббентропа, работоторговцев Заукеля, Штрейхера, Фрика. Они были приговорены к смертной казни через повешение. В ночь на 16 октября 1946 года приговор был приведен в исполнение. Гесс, Редер и Функ были приговорены к пожизненному заключению, остальные преступники к 20, 15 и 10 годам лишения свободы. Несмотря на протесты советского суда, трибунал вынес оправдательные приговоры Шахту, Папену и Фриче.

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ПЕРВОГО ПАРТИЗАНСКОГО ОТРЯДА

Кроме создания небольших диверсионных групп, Зоя Ивановна принимала участие в организации первого партизанского отряда, куда входили первоначально всего четыре человека. Командиром отряда был назначен Никифор Захарович Каляда — кадровый военный, бывший партизан на Украине, воевавший с немцами еще в первую мировую войну, в 20-е годы он был заместителем командующего армией на Дальнем Востоке.

Начальником штаба еще не существующего отряда назначили Л. В. Громова. Леонид Васильевич Громов — высокий, не по годам стройный человек, почти ровесник Зои Ивановны, он родился в 1905 году в Симбирске. Перед войной пять лет работал начальником геологической экспедиции на острове Врангеля, как говорит Зоя Ивановна, был губернатором острова. С начала войны Л. В. Громов просится на фронт. 30 июня 1941 года его вызвали в политическое управление «Севморпути». В связи с тем, что еще мальчишкой Леонид Васильевич в 1921—1922 годах работал в Симбирской губчека, его познакомили с Г. И. Мордвиновым. Мордвинов дал ему номер телефона, попро-

сил позвонить по нему и предупредил, что по телефону ответит женщина.

Леонид Васильевич позвонил, ожидая, что теперь его пригласят на Лубянку, но спокойный и ровный женский голос пригласил его приехать на квартиру на улице Горького.

Леонид Васильевич и Дмитрий Старовёров (позднее он был начальником штаба в отряде Медведева и погиб) поднялись на третий этаж. Позвонили. Ждут. Результат ожидания никак не совпадал с возможными предположениями. Дверь открыла молодая, высокая, стройная и красивая женщина в военной форме. По плечам темно-русые локоны. В петлицах гимнастерки одна «шпала» — майор, а Громов с началом войны был аттестован батальонным комиссаром. На стройных ногах — ботинки, на правом боку — кобура с пистолетом.

Женщина пригласила молодых людей в большую, скромно, но со вкусом обставленную квартиру, напоила чаем и завела разговор о предстоящей работе в тылу врага.

Кроме Н. З. Каляды и Л. В. Громова в группу были включены: Вильман Самуил Абрамович, которого хорошо знал Г. И. Мордвинов, в качестве специалиста-механика. До войны С. А. Вильман был резидентом ОГПУ в Монголии под «крышей» владельца частной авторемонтной мастерской и лейтенант запаса Молчанов Константин Павлович, как специалист-оружейник.

В задачу группы Н. З. Каляды входило создание партизанского отряда из местных жителей Бельского, Пречистенского и Батуринаского районов Смоленской области.

Леонид Васильевич вспоминает, что впоследствии, когда зашла речь о методах привлечения в отряд путем агитации за советскую власть и за Сталина, Зоя Ивановна сказала, что таким образом можно нарваться на провокаторов, да и народ разный. Она предложила вести агитацию для вступления в отряд за русский многострадальный народ. Зоя Ивановна как бы зарядила эту четверку неистощимой энергией. Война стерла различия между политической и военной разведкой, и женщина-аналитик занялась мужским делом. Именно тогда, когда она занималась инструктажем этой группы, в ней слились способности аналитика и писателя, ярко проявились глубокие знания немецкого и русского народа. «Там, в немецком тылу,— говорит Громов,— мы неоднократно на практике убеждались в правоте тех слов, которые до нас доносила Зоя Ивановна».

«Шли первые дни войны,— вспоминает Леонид Васильевич,— Красная Армия отступает, немцы бомбят Москву, а Зоя Ивановна спокойно пьет чай, говорит ровным, певучим голосом».

Утром 8 июля 1941 года официально именовавшаяся отрядом № 1 группа на грузовой автомашине выехала в северный лесной массив по направлению Москва — Смоленск — Витебск. Вскоре в отряде было

уже около ста человек из десяти районов Смоленской области. В лесу Никифор Захарович отпустил бороду, и Леонид Васильевич прозвал его Батей. Теперь всем хорошо известно легендарное партизанское соединение Бати, уже в 1941—1942 годах практически восстановившее советскую власть в районе треугольника Смоленск — Витебск — Орша.

**ВСПОМИНАЕТ НАЧАЛЬНИК ЧЕТВЕРТОГО
УПРАВЛЕНИЯ МГБ СССР
ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ
ПАВЕЛ АНАТОЛЬЕВИЧ СУДОПЛАТОВ**

В октябре 1941 года создалась реальная и большая угроза захвата Москвы немецко-фашистскими войсками. На этот случай была создана автономная агентурная группа, которая предназначалась для покушения на Гитлера, если он, как мы думали, появится в Москве. В состав группы входили композитор Лев Чехов и его жена Маргарет. Оба были в родственных отношениях с известной актрисой Ольгой Чеховой, которая жила в Берлине и была близка к Герингу и ко всей немецкой верхушке.

Затем позднее, когда отпала опасность захвата Москвы, план покушения на Гитлера все же сохранялся. Осуществление этого плана намечалось провести через князя Родзивиля и Ольгу Чехову, имевшую доступ в высшие круги немецкого рейха. Позднее план покушения на Гитлера был Сталиным отменен.

После войны Берия вынашивал свой план объединения западной и восточной частей Германии. В этой связи он был намерен использовать для переговоров с канцлером ФРГ Конрадом Аденауэром нашего нелегала Грегулевича и опять же Ольгу Чехову.

К тому времени Зоя Рыбкина работала начальником немецкого отдела внешней разведки и должна была поехать в Берлин для встречи с Ольгой Чеховой. Естественно, это было чрезвычайно важное и секретное задание. С Ольгой Чеховой она встретилась 26 июня 1953 года. И в этот же день в Москве был арестован Берия. На другой день Зоя Рыбкина позвонила мне по «ВЧ» и доложила о том, что встреча состоялась. Я, не вдаваясь в подробности, приказал ей, не объясняя причин, первым же военным самолетом вернуться в Москву.

Но легче сказать, чем сделать. В то же время Гречко, командовавший нашими войсками в Германии, получил из Москвы приказ арестовать всех, кто в последние дни прибыл в Берлин из числа высших функционеров органов государственной безопасности. Кроме Зои, там в этот период

находились Амаяк Кобулов и Сергей Гоглидзе, которые приехали в Германию совсем по другому поводу. Когда Гречко доложили, что вместе с Кобуловым и Гоглидзе в Берлине по заданию Судоплатова находится начальник немецкого разведывательного отдела женщина-полковник, он был страшно удивлен, тем более что ему ничего не говорила моя фамилия. Спасло Зою только то, что в охране, которая задержала названных мною лиц, находился офицер ГРУ, который ее знал лично и сумел убедить Гречко, что это не тот человек, которого нужно арестовывать.

Ни в Берлине, ни в Москве Зоя Рыбкина не писала никаких документов о цели своей поездки в Берлин. План Берия по объединению Германии был убит в зародыше. 29 июня 1953 года Президиум Политбюро ЦК СЕПГ ГДР принял на своем заседании новое направление в политике.

В отношении актрисы Ольги Чеховой, проживавшей в Берлине, сын Л. П. Берия — Серго Берия в своей книге «Мой отец — Лаврентий Берия», выпущенной в свет в 1994 году издательством «Современник», в главе «В лабиринтах разведки» написал:

«У отца, знаю, был целый ряд людей, которым он абсолютно доверял. Они-то и поддерживали связь с такими разведчиками, как Ольга Чехова. Утечка информации, даже проникли агента противника в ГРУ или НКГБ—МГБ, была абсолютно исключена...

...Ольга Чехова была связана сотрудничеством с моим отцом много лет. Я знаю, кто ее вербовал и на каких основаниях это делалось, но не считаю себя вправе говорить о таких деталях из биографии разведчицы. Могу сказать всего лишь, что в отношении Ольги Чеховой не было допущено никаких провокаций и работала она на советскую стратегическую разведку отнюдь не из материальных соображений.

Ее вклад в успехи нашей разведки переоценить трудно. Ольга Константиновна была поистине бесценным источником информации, которым не зря так дорожил Берия. Даже в своих мемуарах, изданных в ФРГ, она ни словом не обмолвилась о своей другой (главной) жизни. А ведь еще осенью сорок пятого в западной печати ее называли «русской шпионкой, которая овладела Гитлером», «королевой нацистского рейха» и даже писали, что в Москве ее принимал Сталин и наградил орденом Ленина. Это не совсем так. За работу в разведке Ольгу Чехову действительно отблагодарили, обеспечив ее материальное благополучие, но орденом не награждали. А подозрения, что она работала на Советский Союз, так и остались на Западе всего лишь подозрениями, не больше.

Не так давно судьбой племянницы вдовы классика русской литературы заинтересовался Владимир Книппер. Ольга Чехова — его двоюродная сестра. Именно он обратился в свое время к Леониду Шебаршину, последнему руководителю Первого главного управления КГБ СССР

(внешняя разведка) с просьбой уточнить некоторые детали, связанные с биографией родственницы. Спецслужбы, как уже знает читатель, располагают информацией лишь о приезде Чеховой в победном сорок пятом в Москву и протоколами допросов, которые велись в конце апреля — осенью того же 1945 года.

Похоже, что завеса над тайной, которая не дает покоя близким Ольги Константиновны уже много лет, все же приоткрылась. Сегодня ясно одно: «королева нацистского рейха» Ольга Чехова была среди тех, кто мужественно боролся с фашизмом на незримом фронте.

РАССКАЗЫВАЕТ ПОЛКОВНИК Э. П. ШАРАПОВ

Москва. 25 декабря 1993 года. Только что в центральном клубе на площади им. Ф. Э. Дзержинского закончилось торжественное заседание по случаю 73-й годовщины Службы внешней разведки России. В президиум поступила записка с предложением приветствовать присутствующего в зале старейшего сотрудника этой службы Павла Анатольевича Судоплатова. Зал взорвался аплодисментами.

Мягкий свет от настольной лампы под большим зеленым абажуром выхватывает из тьмы комнаты лицо моего собеседника, сидящего напротив в кресле. Правильные черты лица, густые, черные, не тронутые временем брови, мягкая, чуть-чуть даже застенчивая улыбка и внимательные карие глаза. Это Павел Анатольевич. Его спокойные руки лежат на набалдашнике трости, зажатой между колен.

Ровным, спокойным голосом Судоплатов рассказывает о своей жизни, полной радостных и горестных событий, как горный поток, несущий с собой живительную влагу и одновременно сметающий ненужное, слабое на своем пути.

«Родился я на Украине, в городе Мелитополе в 1907 году,— говорит он.— Семья бедная, многодетная, кроме меня еще четыре брата и сестра. Родители рано умерли». «Свою трудовую биографию,— смеется Павел Анатольевич,— я исчисляю с 26 июня 1919 года».

В этот день двенадцатилетний Павел Судоплатов со своим приятелем стояли в длинной очереди в булочную за хлебом и беззаботно болтали о мальчишеских пустяках. Неожиданно общее внимание горожан привлек цокот копыт по главной улице Мелитополя, звуки горна, развевающееся красное знамя и ряды конников. Через город шли конные части Красной Армии. Мальчишеский восторг не знал границ. И когда мимо проезжали полевые кухни и другие хозяйственные повозки, Павел бросил все — очередь за хлебом, семью, друзей и увязался за ними.

Так оказался он в Одессе. Некоторое время беспризорничал, кормился случайными заработками. К середине 1920 года уже был дежурным телеграфистом в роте связи 41-й дивизии 14-й армии, помогал в ремонте телефонной линии.

К началу 1921 года полк передислоцировался в село Кочарово близ Радомысла, где вел боевые действия против вооруженных формирований украинских националистов. Пребывание в Галиции не прошло для Павла Анатольевича бесследно. За несколько месяцев пребывания там он приобрел устойчивый украинско-галицийский акцент.

В то время, о котором идет речь, в 41-й полк из Киева приехал инспектор политуправления Киевского военного округа. Увидев Павла Судоплатова, он удивленно спросил: «А что здесь делает этот мальчишка?» — «Это помощник телеграфиста», — ответил дежурный офицер и убежденно добавил: — Очень способный паренек».

Это и определило дальнейшую судьбу П. А. Судоплатова. Его послали на учебу в Киев на курсы подготовки политработников, а после окончания учебы распределили на работу в политотдел 44-й дивизии в Житомире. А в Житомире 15 мая 1921 года его из политотдела перевели в особый отдел дивизии, где он выполнял разные мелкие поручения оперативного характера. Какое-то время Павел Судоплатов был в особом отделе «на подхвате» у возглавлявшего агентурную работу Лицкого.

«Решающую роль в моей судьбе, — смеется Павел Анатольевич, опираясь на набалдашник трости в его руках, — сыграл секретариат особого отдела». Это они обучали молодого человека печатанию на машинке и шифровальному делу, которое он быстро освоил.

Через некоторое время особый отдел 44-й дивизии слили с Житомирско-Волыньским губернским отделом ГПУ и Павла Анатольевича включили в качестве шифровальщика в оперативную группу во главе с Б. А. Батажевичем, которая занималась агентурной разработкой Воыньской повстанческой армии, организованной украинскими националистами при поддержке белополяков, осевших на территории Украины.

С группой Батажевича, а затем уже вне ее П. А. Судоплатов работал в местечке Славута, в городах Яслов, Шепетовка, в родном Мелитополе и затем в Харькове, где в то время находилось Главное политическое управление Украины. И уже в конце 20-х годов П. А. Судоплатов оказался в Москве в качестве работника отдела кадров.

«В Москве, — рассказывает Павел Анатольевич, — я первое время занимался работой по формированию кадров центрального аппарата ОГПУ, и поэтому мне приходилось встречаться практически со всеми руководителями управлений и отделов, и в том числе с начальником ИНО — Артуром Христофоровичем Артузовым».

На одной из таких встреч А. Х. Артузов поинтересовался у Судоплатова, знает ли он украинский язык. Получив положительный ответ,

Артузов предложил Судоплатову перейти на работу из кадров к нему в ИНО в качестве оперативного уполномоченного, объяснив это тем, что работой по украинским националистам в ИНО занимается лишь одна женщина по фамилии Кулич, которая уходит на пенсию, и Павел, хорошо знающий украинский язык, мог бы ее заменить.

«Я, конечно, отказался,— улыбается Павел Анатольевич,— ссылаясь на то, что никогда не работал в ИНО и не имею об этом ни малейшего представления, но Артур Христофорович настаивал, и я согласился».

В комнату, где я беседовал с Павлом Анатольевичем, вошел его сын Анатолий Павлович — преподаватель МГУ и пригласил в соседнюю комнату к накрытому для чая столу. Садясь за стол, я не удержался от колкостей: много раз, мол, приходилось пить чай с различными известными людьми, но впервые стол в этих целях сервирует профессор, доктор экономических наук. Судоплатов-младший только улыбнулся.

«Первым моим начальником,— продолжает свой рассказ Павел Анатольевич, уже сидя за столом,— был Андрей Павлович Федоров. Да, да,— уточняет Судоплатов,— тот самый Федоров, который вместе с Артузовым провел дело Савинкова — самую крупную в истории ОГПУ агентурно-оперативную разработку. Работать при нем было очень интересно». И задумался...

Задумался и я. И чем чаще встречался я с П. А. Судоплатовым, тем больше задумывался... Человек-легенда. В истории нашей разведки за период с 1929 по 1933 год практически нет ни одного сколько-нибудь значительного эпизода оперативного характера, с которым не было бы в той или иной форме связано имя Судоплатова.

П. А. Судоплатов в 1937 году в течение нескольких дней исполнял обязанности начальника ИНО, затем после нескольких закордонных командировок (1936—1938 гг.) в качестве нелегального сотрудника П. А. Судоплатов до начала войны был заместителем начальника ИНО.

5 июля 1941 года его назначают начальником отдела, а впоследствии управления, которое занималось организацией партизанского движения и диверсионной работой в тылу врага. Борьба с оуновским подпольем на Украине до войны и после нее, борьба с троцкизмом в 1930—1938 годах, крупнейшие оперативно-тактические игры второй мировой войны «Мо-настырь» и «Березино» и, наконец, организация работы по производству атомного оружия в Советском Союзе — все это напрямую связано с именем П. А. Судоплатова. Ему приходилось несколько раз встречаться с И. В. Сталиным для обсуждения вопросов оперативно-политического характера.

И, наконец, после смерти Сталина сам Судоплатов как «пособник Берия» был арестован в 1953 году и осужден на 15 лет. Закрытый суд над ним проходил под девизом «Молчите, ни слова о Хрущеве».

Все 15 лет заключения во Владимирской тюрьме П. А. Судоплатов вел борьбу за свое освобождение и реабилитацию.

Есть от чего задуматься! Слишком трудно написать о жизни этого человека в коротком очерке. Невольно приходится выбирать — а что же основное, главное связано с жизнью и деятельностью этого человека? Задумываясь над этим периодом в истории внешней разведки, в связи с именем П. А. Судоплатова приходишь к выводу, что из всей большой событиями жизни этого человека со всей очевидностью выделяются три периода — это, во-первых, непосредственное участие в качестве нелегального сотрудника под псевдонимом Андрей в борьбе с оуновским подпольем, а в дальнейшем руководство этой работой. Во-вторых, организация и руководство партизанским движением и диверсионной работой в тылу врага и, в-третьих, контроль и оказание помощи в производстве атомного оружия в Советском Союзе.

Вопрос борьбы советской власти с украинскими националистами, с оуновским подпольем — сложная и многогранная проблема. Прежде всего это неоднородность социальной среды. Если рядовые члены ОУНА были искренними сторонниками национальной независимости Украины, то их главари — фашистскими ставленниками, получавшими от Гитлера и моральную и материальную поддержку.

К середине 30-х годов Москву стала очень беспокоить возросшая террористическая активность. Организация украинских националистов (ОУН). Она, по сути, представляла собой военную ветвь, выполняла роль спецслужбы украинского правительства в эмиграции. Эта организация была во многом укомплектована офицерами австрийской армии. Было в ней и немало немецких офицеров. Да и финансировалась ОУН из средств абвера. Ее лидер Евгений Коновалец неоднократно встречался с Гитлером. Более того, в нацистской высшей партийной школе в Берлине несколько мест было «забронировано» для членов ОУН. Штаб-квартира ОУН располагалась в Берлине под вывеской этнографического музея, а ее филиалы находились во многих европейских столицах, в США, на Дальнем Востоке.

Надо сказать, что украинские чекисты в 1921 году вышли на человека, который был оставлен Коновальцем для нелегальной работы на Украине. С его помощью в Москве решили расколоть ОУН изнутри.

Эта задача и была возложена на Андрея — Судоплатова. После непродолжительной, но очень интенсивной подготовки его нелегально перебрасывают через финскую границу и внедряют в ОУН под видом племянника лидера организации на территории СССР. Постепенно он сумел войти в доверие и к Коновальцу.

Работа под видом корабельного радиста давала Судоплатову возможность время от времени возвращаться на корабле на Родину. Впервые он вернулся летом 1937 года.

— К тому времени,— говорит Павел Анатольевич,— игра с ОУН велась уже более двух лет. Встал вопрос, что же делать дальше. Обсуждался он и на комиссии ЦК ВКП(б), на которой заслушивали также и меня.

Вскоре после той комиссии Ежов впервые привел Судоплатова к самому Сталину.

— Я растерялся, долго не мог взять себя в руки,— вспоминает Судоплатов.— Начал что-то лепетать о том, какая честь для любого коммуниста, члена партии увидеть товарища Сталина. Ежов молчал, как воды в рот набрал.

— Мне нужны факты, предложения,— прервал Сталин.— Поезжайте в Киев, посоветуйтесь там с украинскими товарищами, проработайте этот вопрос и через неделю доложите мне.

Вторая встреча со Сталиным произошла у Судоплатова в самом конце того же 1937 года. В тот день в кабинете у вождя был председатель ЦИК Украины Петровский.

Судоплатов начал доклад с предложения об использовании своих каналов в ОУН для дальнейшего проникновения нашей разведки.

— Неправильно мыслите,— раздраженно перебил Сталин.— Пусть эти убийцы, которые начали грызню между собой, до конца перебьют друг друга.

К тому времени внутри ОУН разгорелась настоящая драка. В 1936 году осмелившийся выступить против Коновальца один из руководителей ОУН Костырев и его группа исчезли. Были стычки у Коновальца и со Степаном Бандерой, который против воли первого организовал убийство министра внутренних дел Польши генерала Бронислава Перацкого.

— Подумайте, как обезглавить ОУН. Это не должна быть просто месть вешателю рабочих киевского «Арсенала»,— сказал Сталин.— Подумайте над его слабостями. Он, кажется, любит конфеты?

А вскоре уже в кафе «Атланта» в Роттердаме Андрею вручили большую коробку конфет в красивой упаковке с украинским орнаментом.

— Когда я взял ее в руки, у меня все как будто оборвалось внутри,— рассказывает Павел Анатольевич.— Подарок для Коновальца был уже «заведен». А везти эту коробку предстояло через весь город. В трамвае я даже поближе сел к полицейскому — очень боялся, что какие-нибудь воришки вырвут из рук.

— С Евгением Коновальцем мы встретились, как обычно, в одном ресторане около полудня. При встречах мы подолгу спорили о методах «нашей борьбы» с большевиками. Коновалец был словно одержим идеей террора. Он считал, что, только утопив советскую территорию в крови, можно добиться независимости Украины.

Поговорили. Договорились встретиться еще раз вечером. На прощание Судоплатов вручил лидеру ОУН большую коробку конфет.

— Взрыва я не слышал,— говорит Павел Анатольевич,— в тот момент я как раз зашел в один магазин купить шляпу, чтобы хоть как-то сменить внешность. Но увидел, как в ту сторону, откуда я пришел, побежали люди.

Интересно, что после гибели Коновальца оуновцы, разумеется с нашей подачи, распространили несколько версий этого убийства. Одна из них «свидетельствовала», что лидер ОУН пал жертвой немцев, гестапо, поскольку Берлин был недоволен выходом Коновальца из-под контроля. По другой версии — его убили польские спецслужбы. Не исключали конечно же и руку Москвы.

Так уж сложилась судьба у Судоплатова, что борьба с украинским национализмом стала одним из главных направлений его деятельности — и как «рядового» разведчика, и как одного из руководителей советской разведки. Его борьба с ОУН не закончилась уничтожением Коновальца. Во время войны и в первые послевоенные годы уже в качестве начальника Четвертого управления МГБ будет лично руководить разгромом националистического подполья на Западной Украине.

В декабре 1938 года угроза ареста нависла и над Судоплатовым.

— На партсобрании поставили вопрос о моей связи с арестованными руководителями разведки, в том числе с Балицким, Горожаниным, благодаря которым я и оказался в свое время в Москве,— вспоминает Павел Анатольевич.

Вскоре на заседании партбюро принимается почти единогласно (воздержался только что возглавивший разведку П. М. Фитин) решение об исключении из партии.

До очередного партийного собрания, которое наверняка бы утвердило решение партбюро, оставалось несколько дней. Ну а потом, конечно, неизбежный арест.

И вдруг — вызов к Берия.

— Мне докладывают, что вы ни черта не делаете. Хватит валять дурака. Едем сейчас же в ЦК,— заявил тот.

В машине Лаврентий Павлович не проронил ни слова. Но Судоплатов понял: снова едут к Сталину.

— Докладывайте вопрос,— тихо обратился Сталин к Берия.

— Товарищ Сталин, после вашего указания мы разоблачили тех, кто обманывал партию. Сегодня мы решили обновить руководство разведкой, укрепить наши агентурные позиции за рубежом...

— Сейчас надо сосредоточиться на том, чтобы обезглавить троцкистов,— прервал Берия Сталин.— Надвигается война, а они работают зачастую с немцами, заодно с ними. Вам, товарищ Судоплатов, мы поручаем лично возглавить и провести эту операцию. Выезжайте на место, подбирайте людей, партия никогда не забудет тех, кто будет участвовать в этой операции, и навсегда обеспечит их самих и их детей. Вы назначаетесь заместителем начальника разведки для того, чтобы использовать

весь потенциал разведывательных органов как военных, так и по линии НКВД. Но помните: вся ответственность целиком ложится на вас. Мы спросим с вас.

В тот же день был подписан приказ о назначении. Вместо изгнания из партии и ареста Судоплатов получил звание майора государственной безопасности. С только что вернувшимся из-за границы Эйтингоном он приступил к работе. Спустя три месяца появился план операции под кодовым названием «Утка».

— Было принято,— говорит Судоплатов,— беспрецедентное решение: моему заместителю Эйтингону разрешили действовать абсолютно самостоятельно с правом выбора и вербовки агентуры без согласования и без санкции Центра. Ему под личную отчетность выделялась астрономическая по тем временам сумма — триста тысяч долларов.

...О том, как убивали Троцкого, сегодня известно достаточно хорошо, и наверняка нет смысла повторяться,— говорит Павел Анатольевич.— Скажу лишь, что, когда первая попытка провалилась, я пережил немало волнений.

Берия узнал о провалившейся попытке из сообщений ТАСС и вызвал Судоплатова к себе на дачу в Петрово-Дальнее. Когда тот приехал, Берия обедал вместе со своими заместителями Кругловым и Серовым. Прервав обед, он вышел к Судоплатову, чтобы проанализировать причины неудачи.

Потом они вместе поехали к Сталину, который после долгого разговора согласился разрешить Эйтингону использовать другой вариант. На этот раз операция прошла успешно.

Разумеется, деятельность заместителя начальника разведки Судоплатова в то время не ограничивалась лишь руководством операцией «Утка». Он вошел в курс многих тайных дел, осуществление которых Сталин доверял разведке.

— В сентябре тысяча девятьсот тридцать девятого года,— рассказывает Павел Анатольевич,— к нам в плен попал польский князь Радзивилл. С ним в тюрьме работал сидевший там «враг народа» Зубов.

Засыпанный просьбами европейских монарших семей, Сталин согласился отпустить представителя древнего и знатного польского рода восвояси. Но перед тем как сесть в международный вагон и отбыть в уже охваченную пламенем второй мировой войны Европу, князь Радзивилл встретился с Берия.

— Нам нужны такие люди, как вы, князь,— говорил на прощание Берия.

— Мы держали его для чего-то экстраординарного,— говорит Судоплатов.— В тысяча девятьсот сорок втором году, в частности, планировали устроить покушение на Гитлера с участием князя Радзивилла. С этой целью в Берлин даже была направлена группа наших диверсантов во главе с Миклашевским.

Но Сталин отменил эту операцию. Он считал, что устранение Гитлера откроет дорогу к власти в Германии фон Папену. В этом случае, считал Сталин, американцы и англичане наверняка заключат с Германией сепаратный мир и оставят его с носом.

— Так что князя Радзивилла, насколько мне известно, мы так и не смогли ни разу по-крупному задействовать,— говорит Судоплатов.

17 июня 1941 года после доклада начальника ИНО Фитина о подготовке немцев к войне, встреченного Сталиным с большим раздражением, Берия тем не менее сумел получить разрешение на дополнительные меры по линии разведки. Судоплатову по указанию ЦК ВКП(б) было поручено создать и возглавить особую группу НКВД СССР.

— Двадцать первого июня я засиделся допоздна на службе,— вспоминает Судоплатов.— Было уже глубоко за полночь, когда меня вызвали к наркому госбезопасности Меркулову. Обычно очень уравновешенный и спокойный, на этот раз Меркулов был не в себе.

— Война началась,— произнес он и подал несколько листов бумаги с донесениями от пограничников.— Немедленно поднимайте всех, кто у вас есть. Подбирайте конспиративные квартиры. Всех своих сотрудников перевести на казарменное положение.

— Пятого июля тысяча девятьсот сорок первого года был подписан письменный приказ о моем назначении и создании особой группы,— говорит Судоплатов.— Первым делом мы начали формирование парашютно-десантного подразделения. В него принимали комсомольцев, спортсменов, а также многих иностранцев-коммунистов.

13 октября особая группа в связи с расширением объема работ реорганизуется во 2-й отдел НКВД СССР, а потом, в 1942 году — в Четвертое управление НКВД — НКГБ СССР.

— С началом войны,— говорит Судоплатов,— многое изменилось. Берия понимал, что нужны люди. Грамотные, опытные. Многие из них сидели в тюрьмах и лагерях.

В июне 1941 года на стол Берия Судоплатов положил первый список людей, которых предлагал освободить. 60 человек.

— И вот что удивительно,— рассказывает Судоплатов,— Берия не то что не спросил, виноваты ли эти люди или нет, он почти не глянул на список.

— Они все вам нужны? Тогда забирайте,— произнес Берия, подписывая его.

— Действовала логика преступного рационализма внутреннего террора. Если Сталину, режиму были неудобны те или иные люди, их просто убрали, убивали, сажали в тюрьмы, лагеря. Но вот началась война. Снова нужны люди, и снова их выпускают. Виновен ты или нет, никого не волновало. Главное — ты нужен в данный момент или нет.

Понимали это люди? Кто знает сегодня. Но они, выпущенные на свободу, работали не покладая рук, часто рискуя жизнью. О размахе и действенности особой группы Четвертого управления говорят хотя бы такие цифры и факты. 22 боевика из службы Судоплатова получили звание Героя Советского Союза. Среди них известные имена Н. Кузнецова, Д. Медведева, К. Орловского, С. Ваушасова, В. Карасева, А. Шихова, Е. Мирковского. Несколько тысяч награждены орденами и медалями. Сам Павел Анатольевич и его заместитель Наум Эйтингон были удостоены орденов Суворова. Только они двое из всей разведки получили полководческие ордена. И это не случайно. Ведь на счету разведчиков Судоплатова участие в таких операциях, как «Рельсовая война», «Цитадель», «Концерт», других.

Многие из них хорошо известны. Но есть и такие, которые почему-то еще не стали достоянием широкой гласности.

— Пожалуй, самой захватывающей,— говорит Судоплатов,— была начатая осенью тысяча девятьсот сорок первого года агентурная разработка, получившая впоследствии кодовое название «Монастырь». Ее готовил начальник отдела в моем управлении Маклярский и оперработник Ильин. По сути, она продолжалась всю войну. Наш выбор пал на принадлежащего к театральной богеме Москвы Александра Демьянова, агента по кличке Гейне, не случайно. Прежде всего потому, что происходил он из родовой белой гвардейской семьи и к тому же имел немецкие корни. А его прадеду, как одному из видных деятелей кубанского казачества, был поставлен памятник на Кубани. Кроме того, опять же его дядя в свое время работал в белой гвардейской контрразведке, позднее был разоблачен как шпион и сослан в Сибирь, где потом и скончался.

В самом конце тысяча девятьсот сорок первого года Гейне перебросили через фронт. Причем чуть было не потеряли его в самом начале операции. Дело в том, что наши саперы неправильно указали место для перехода линии фронта. Гейне пошел «сдаваться» по минному полю... И узнал об этом, лишь когда ему закричали из немецких окопов.

— Переход по минному полю произвел,— говорит Павел Анатольевич,— на немцев впечатление. Хотя проверили они ему лишь после нескольких проверок.

Вскоре абверовцы решили использовать в своих целях «представителя монархической группы в Москве» — именно так и представился Гейне немцам. В результате Макс, такую кличку присвоили ему немецкие разведчики, снова оказался в Москве. Но уже по немецким каналам. «Выполнял» задания немцев, разумеется, под нашим контролем. По ходу игры с немцами Гейне докладывал своим «хозяевам», что ему удалось внедриться в качестве офицера-порученца в окружение маршала Шапошникова. А после смерти Шапошникова он «остался» в свите вновь назначенного начальника Генерального штаба Красной Армии Василевского. На протяжении почти всей войны наша разведка «кормила» Берлин

умело составленной стратегической дезинформацией — смесью правды и лжи.

После войны Шелленберг и Гелен писали в своих воспоминаниях о внедренном ими в советский Генштаб агенте, который давал чрезвычайно важную информацию. Что свидетельствует о полном неведении немцев относительно Гейне.

Еще в 1939 году наша разведка получила сведения о том, что за рубежом ведется разработка атомного оружия. Уже на следующий год Центр направляет ориентировки, нацеливавшие советские резидентуры в США, Англии и в ряде других стран на добывание сведений по этой проблеме. В сентябре того же 1940 года наши разведчики в Лондоне сумели получить научную документацию, в которой обосновывалась необходимость создания критической массы для производства супероружия.

В марте 1942 года Берия докладывает Сталину о развернувшихся в США работах по практическому созданию атомного оружия. На основании этого доклада решением ГКО (Государственного Комитета Оборона) создается лаборатория № 2 под руководством Игоря Курчатова. В 1943 году правительство принимает решение об организации в недрах разведки группы «С», которой поручено заниматься добыванием информации с целью использования ее для создания атомной бомбы в СССР. Возглавил эту работу, так сказать по совместительству, генерал Судоплатов. Одновременно создается так называемое «второе разведывательное бюро» в правительственном спецкомитете по атомной проблеме, которое объединяло усилия военной разведки и НКВД—НКГБ. Группа Судоплатова просуществовала всего год, а затем «атомные дела» были переданы в ведение управления «Т» — техническая разведка.

Руководил этой проблемой в США по линии разведки Григорий Хейфец, который позднее стал одним из создателей американской коммунистической партии. «Наши разведчики, сумевшие выйти на видных западных ученых-атомщиков, организовали буквально поток научной информации в Москву, — вспоминает Павел Судоплатов. — Надо сказать, что Ферми, Нильс Бор, Эйнштейн и другие видные ученые понимали опасность появления атомного оружия и поэтому считали необходимым создать равновесие сил».

По сути, это был международный заговор ученых, в котором приняла участие советская разведка. Ее роль, по мнению Судоплатова, заключалась в том, чтобы воспитать или содействовать воспитанию среди западных ученых-атомщиков убежденных пацифистов-космополитов, стремящихся спасти мир от ядерной войны.

«Атомная команда» Судоплатова сумела добыть в тот период сведения о расположении исследовательских центров, секретные публикации

научных работ, досье на ученых. Информация, которая проходила по его линии, убедила Сталина и советское руководство в серьезности намерений США создать атомную бомбу, а позднее, — в «ядерной готовности» Вашингтона, что заставило советских ученых существенно изменить направление отечественных ядерных исследований. В Центр, говорит Судоплатов, поступило описание первой атомной бомбы. К середине июля 1945 года стало известно о готовящемся взрыве ядерного устройства. Таким образом, Сталин, по мнению Павла Анатольевича, был в курсе американских ядерных проектов раньше, чем ему сказал об этом президент Трумэн.

Арест Берия был словно гром среди ясного неба. В сложной кремлевской интриге казавшийся всем простаком Никита переиграл хитрого Лаврентия.

— Для многих сегодня, — говорит Павел Судоплатов, — имя Берия связано с чем-то чрезвычайно злобещим в истории нашей страны. Действительно, человек, долгие годы возглавлявший тайную полицию, и не может выглядеть иначе. Тем более что на его совести очень много крови. Но нельзя не сказать и того, что из всего кремлевского окружения Сталина Берия был, на мой взгляд, наиболее динамичным, компетентным руководителем. Кроме руководства службой безопасности НКВД, он отвечал еще за многие вещи, в том числе за создание атомного оружия, оборонный комплекс.

По личному мнению Судоплатова, многие реформы, которые позже были представлены как идеи Хрущева, первоначально разрабатывались Берия.

Арестовав Берия в июне 1953 года, Хрущев не чувствовал себя до конца победителем. Поэтому он наносит удар по «органам». Ему необходимо избавиться от лишних и крайне нежелательных свидетелей, знавших настоящую цену Хрущеву, знавших, что он повинен в репрессиях 30—40-х и начала 50-х годов не меньше, чем кто-либо другой из сталинского окружения. Впрочем, иначе выжить при Сталине было просто невозможно. Проявить совесть, сжалиться хотя бы над одним невинным человеком, даже своим близким, означало обречь на верную гибель и себя, и свою семью.

— Именно Хрущев, — подчеркивает Судоплатов, — был инициатором массовых выселений из западных областей Украины. Сохранились документы, письма, подписанные им и министром госбезопасности Украины Савченко, в которых обосновывается «необходимость» массовых репрессий, говорится, что проведение таких мероприятий будет целесообразно поручить украинским чекистам. Правда, самостоятельно Киев так и не сумел с этим справиться. И в конце концов пришлось обратиться за помощью в Москву.

Излишние осведомленность и информированность чуть было не стоили Судоплатову жизни. В списке арестованных руководителей госбезопасности и разведки его имя стояло в списке под номером восемь. Первые семь человек в списке были расстреляны очень быстро. Хрущеву надо было спрятать концы в воду, и поэтому он спешил избавиться от тех, кто слишком хорошо знал о его грехах и кто мог бы испортить нимб «верного ленинца», который он уже примерил к себе.

Что помогло выстоять генералу Судоплатову в тюрьме, не сломаться?

— Прежде всего поддержка семьи,— говорит Павел Анатольевич.— Жене, она тоже работала в разведке, удалось перевербовать несколько человек из охраны.

Но главное, она сумела заполучить себе в союзницы одну из тюремных медсестер. Благодаря ей и удалось выходить Судоплатова после голодовки, после того как в тюрьме ему перебили шейный позвонок.

Когда в октябре 1964 года Никиту Хрущева свергли, стараниями Анастаса Микояна первым амнистировали его родственника Людвигова, работавшего в секретариате Берия. Появилась надежда на пересмотр дела Судоплатова. К 20-летию Победы группа чекистов подписала письмо новым кремлевским лидерам с просьбой о реабилитации Судоплатова. Бумага легла на стол Леониду Брежневу. «Не суйтесь не в свои дела»,— такую резолюцию поставил Генсек ЦК КПСС на просьбе чекистов.

Через год появляется еще одно письмо, которое подписали более 40 старых чекистов. Среди них — Зоя Рыбкина, Рудольф Абель, другие. В письме приводятся факты, свидетельствующие о невинности Судоплатова и, наоборот, показывающие, что дело от начала до конца сфальсифицировано. Однако и ему не дают ход. В конце концов по письму Прокуратуры СССР и КГБ в 1966 году в ЦК КПСС принимается решение — «освободить досрочно», когда Судоплатову оставалось сидеть еще два года. Но затем 20 декабря того же года по каким-то причинам это решение отклоняется. И Судоплатов остается в заключении до окончания своего 15-летнего срока.

Что касается его реабилитации, то борьба за нее началась в 1960 году и продолжалась более тридцати лет. Только в конце 1991 года Судоплатов был реабилитирован. Полностью.

ЛЕГЕНДА, ИЗЛОЖЕННАЯ П. А. СУДОПЛАТОВЫМ ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ ЕГО В ФИНЛЯНДИИ В 1936 Г.

25 июля 1936 года

В ночь с 24 на 25 июля 1936 года я был задержан при том, когда собирался переходить финскую границу, имея целью через Россию

пробраться на Украину и там продолжить борьбу с русскими, поработившими мою страну.

Чтобы финские власти имели представление обо мне, постараюсь более или менее подробно подать о себе информацию.

Родился в 1907 году 24 июня, крещен 29 июня (все старый стиль) в Ивангородской церкви гор. Умани Киевской области на Украине. Отец Анатолий Осипович Яценко, мать Феодосия Терентьевна, брат Николай 1905 года рождения и я, Павел. Это наша семья. Мать не помню, она умерла, когда был ребенком. Об остальных членах семьи скажу ниже, когда буду освещать интересующий Вас вопрос — как я стал украинским националистом. Это, собственно, началось еще с детства. В 1914 году поступил в школу и проучился в этой начальной, теперь она приравнена до семилетки, до 1919 года. Дальше учиться не имел возможности, так как отец за участие в национально-освободительном движении большевиками был расстрелян, хата сожжена, и я со старшим братом Николаем очутился на улице без родителей и куска хлеба. Начинается период беспризорности. Вместе с Николаем, детьми бродил и ездил по Украине, потом брата потерял на одной из железнодорожных станций, и, как потом узнал, он умер от голода, который был на Украине в 1921 году. Таким образом, благодаря большевикам вся моя семья была разрушена. И это Вам первый, вернее, один из первых ответов на Ваш вопрос, почему и как я стал националистом.

Беспризорным был до 1922 года, затем меня с улицы подобрали и поместили в детский дом гор. Умани. С 1922 по 1927 год я был в детском доме гор. Умани, вначале в качестве воспитанника, потом, с 1925 года, уже как служащий этого же детского дома — помощником воспитателя. В 1927 году, примерно в январе—феврале, был уволен по сокращению штатов и отправился в целях подыскания работы в Харьков. Там с помощью одного человека, тоже украинца, националиста (фамилию его сознательно не называю и прошу финские власти не требовать этого, т. к. он на Украине и ведет в подполье борьбу против русских), поступил на службу в детский дом имени Горького и там работал помощником, потом воспитателем до 1934 года.

Работая в детском доме, одновременно в 1929/30 году подготовился и в 1931 году осенью начал учиться в Институте народного образования в Харькове. В 1934 году институт закончил, получил звание учителя и поступил в 26-ю школу Харькова. Проработал там до 1935 года, затем уволился и, по предложению организации украинских националистов, выехал нелегально за кордон для прохождения соответствующего теоретического курса. Теперь, по окончании курса и выполнении возложенных на меня поручений, я по указанию закордонного центра нашей организации должен был возвратиться на родину и продолжать борьбу, но на границе был Вами задержан. Маршрут мне поместили следующий: Лей-

мола — Петрозаводск, через леса и болота, пешком, с ориентировкой на кампас. Затем Петрозаводск — Петроград — Украина.

Это из области автобиографии. Возможно, не исчерпал всего того, что Вас интересует. Прошу спросить дополнительно.

Следующий Ваш вопрос, как и почему я стал националистом. Можно было бы ответить просто: я стал националистом, потому, что я украинец, любящий свою родину и прекрасно понимающий, к чему привело вековое хозяйничанье русских на Украине. Но постараюсь дать более подробные сведения, перечислить, если хотите, отдельные детали, штрихи моей жизни, оказавшие влияние на формирование моего националистического мировоззрения.

Главнейшая роль здесь принадлежит отцу, заложившему в мою, еще тогда детскую, голову любовь к родному краю, ненависть к поработителям-москалям. Его трагическая гибель сделала меня, тогда еще беспомощного мальчика, ярым ненавистником не только русских, но и всего того, что с русскими связано. Позднее голодная смерть Николая лишь дополнила уже сформировавшуюся, еще не политическую, националистическую сознательность, а ненависть.

Я, с детства перенявший от отца любовь к родине, своему языку, культуре, в годы беспризорности объездил всю Украину и видел, как русские издеваются над нашим языком, культурой, обычаями, не говоря уже об открытом грабеже, хищнической эксплуатации наших природных богатств (последнее пришло в сознание позже, т. к. тогда в экономике не разбирался. И уже тогда в детской головке зарождаются мысли о протесте, потребности как-то выразить этот протест, дать выход накопившейся ненависти).

В 1923 году знакомлюсь с семьей одного офицера Украинской армии, активного участника национально-освободительной борьбы с русскими в 1917—1920 годах (фамилию его сознательно не называю, он на Украине, националист и сейчас им есть). С этого момента начинается мое формирование как националиста. Идет процесс роста политической зрелости, вылившейся в 1926 году в активное участие в националистической борьбе против панування москалів на Украине, за самостоятельное, соборное Украинское государство.

Таким образом, активное участие в национально-освободительной борьбе принимаю с 1926 года и с этого же времени являюсь националистом. Мне кажется, что исчерпал и этот Ваш вопрос. Само собой разумеется, что было еще много других моментов, оказывавших влияние на формирование моего националистического мировоззрения. Одни в большей, другие в меньшей степени. Но здесь я остановился лишь на основных моментах. Прошу власти учесть, что я, по соображениям существующих в организации правил конспирации, совершенно не могу касаться своей конкретной националистической деятельности на родных землях, так же как не могу называть фамилий националистов, живущих

и действующих в подполье, во имя Украины. Прошу убедительно не настаивать на такого рода вопросах. Лгать не хочу, а отвечать не имею права ни формального, ни морального.

Дальше. В Гельсинки приехал 6 июля 1936 года из Германии, Берлина, с литовским паспортом на имя *Бораваска Николай*, и остановился в пансионе на *Александровском* бульваре. Прожил там до 23 июля, затем вместе с приехавшим в Гельсинки украинцем-националистом, полковником Украинской армии *Сушко*, отправился в направлении *Ляймолы*, не доезжая до нее, на развязке мы сошли, здесь же, еще раз свернув направление по компасу, разошлись. Я в направлении границы, он в направлении станции *Ляймолы*, с тем чтобы возвратиться в Гельсинки. Около реки *Ляймолы* я встретил пастуха. Это меня вынудило свернуть круто от реки вправо, прошел несколько километров и вышел к озеру, где увидел 2-х людей, говоривших по-фински и удививших рыбу. Стараясь избежать встречи с ними, видя невозможность переплыть озеро, не подвергая себя риску быть ими увиденным, я решил обойти озеро и вышел на дорогу с телефонным или телеграфным проводом. Там встретился с патрулем. Должен сказать откровенно, что я имел возможность бежать, как только их увидел. У меня была не только возможность, но и силы для этого. Не бежал потому, что не боялся задержания финскими властями, был уверен, что Финляндия не выдаст меня большевикам, что финляндское правительство, карая за нарушение своих законов каждого из нас в отдельности, не захочет наносить вреда национально-освободительному движению на Украине в целом. Не бежал еще и потому, что не имел права подвергать себя опасности быть подстреленным, не выполнив возложенных на меня поручений, представителями властей той страны, которую украинское национально-освободительное движение рассматривает как природного союзника в будущей борьбе с Россией.

Поэтому продолжал по дороге путь дальше и, даже не думая о каком бы то ни было сопротивлении, сдался патрулю. Как называется место моего задержания, не знаю. Солдаты, очевидно, знают. В Гельсинках я прожил с 6 по 23 июля 1936 года. Задерживался с отъездом из-за несвоевременного получения денег на покупку для меня вещей и предметов в дорогу. Что делал я в Гельсинках. Основной задачей имел хорошо питаться, отдыхать и готовить себя к очень большой, трудной и опасной дороге. В хорошую погоду бывал на пляже (там, где крематорий, *аркадиакату*, кажется), в плохую погоду ходил в музей, вечерами — в кино или просто бродил по городу и читал литературу, доставляемую *Сушко* или *Полуведько*. Вообще, последний имел указание от главы нашей организации оказывать мне всяческую помощь и поддержку. На его же имя приходили деньги на расходы, связанные с моей поездкой.

Карта и мой маршрут, обозначенные на небольшой полотняной бумаге, писана *Сушко*, переснята им с официального финского издания карты для туристов.

Продукты в дорогу и другие вещи покупал большею частью вместе с Сушко в Гельсинках. Небольшую часть покупал с Полуведько или сам. О большевистской и польской валюте заботились Полуведько и Сушко. Я не входил в эти подробности. За время пребывания в Финляндии я ничего не делал такого, что могло бы принести вред Вашей стране, если не считать, конечно, что желанием перейти границу я тем самым уже нарушил финляндское законодательство. Повторяю еще раз, что в Финляндию приехал с единственной целью перейти здесь границу и через Россию пробраться на Украину. Смягчающим мою вину обстоятельством, во всяком случае, для меня самого, нарушившего Ваши законы, является то, что я не имел другого выбора. Мы, националисты,— революционная организация. Я, революционер-националист, человек действия, дисциплины и не мог поступить иначе, как поступил. Готов, конечно, и нести наказание. Ни о какой деятельности против Финляндии и в мыслях ни я, ни вообще националисты в целом не имеем и не можем иметь, так как Финляндия в порабощении Украины не заинтересована.

Вы меня упрекнули, что я не хотел давать показания в Суоярве. Это не совсем точно. От показаний я не отказывался, а лишь просил не расспрашивать меня подробно здесь, обещая одновременно давать полные объяснения в Гельсинках или другом вышестоящем центре, где со мной могли бы объясниться, не прибегая к помощи переводчиков, не официальных лиц. Такую же директиву я имел от своего закордонного центра. Намерения отказываться от объяснений не имел, как видите, их даю. Единственное, что не могу с кем бы то ни было говорить о делах нашей организации, должен смотреть за тем, чтобы интересы ее были соблюдены.

Маленький крестик, который я сам вручил Вашим властям при задержании, боясь, что он может затеряться, является значком участников освободительной войны с большевиками в 1917—1920 годах. Ну, он, кроме того, имеет свое специальное значение во внутренней жизни организации.

Деньги, бывшие при мне, были рассчитаны на то, чтобы обеспечить материально на первое время мою нелегальную поездку через Россию на Украину. Польские злотые должен был вручить на Украине своему там руководителю. Большевистские и польские деньги куплены в Гельсинках на средства, присланные для моей поездки.

Запасной костюм, пара туфель и белья были рассчитаны на то, что по дороге до Петрозаводска одежда и обувь, бывшие на мне, изорвутся, а я, подходя к самому городу и станции железной дороги, должен был бы переодеться, побриться и не производить впечатление человека, только что вышедшего из леса.

Назначение пищи, бывшей при мне, Вам, конечно, ясно. Маленькая, складная плита была рассчитана на то, чтобы дать мне возможность в моем 6—7-суточном пути (так примерно мы рассчитали) иметь горя-

чую пищу, подогрев, консервы. Аспирин, пирамидон, йод, вата, бинт имели назначение чисто медицинское.

Если дополнительно Вас что-либо будет интересовать о вещах, бывших при мне, прошу спросить.

Несколько слов об организации, посланцем которой я являюсь. В 1917—1920 годах украинцы, так же как и Вы, финны, вели вооруженную борьбу с большевиками, Деникиным и Врангелем (все они для нас одинаково враждебны) за создание самостоятельного Украинского государства. В этой борьбе мы, лишенные поддержки со стороны европейских государств, после трехлетней национально-освободительной войны, потерпели поражение. Наша армия, сдавленная с севера и востока большевиками, с юго-востока и юга Деникиным, Врангелем, с юго-запада Румынией и с запада Польшей, в открытой вооруженной борьбе сданная на собственные силы, была разбита. Этим закончился первый этап истории нашего национально-освободительного движения после мировой войны 1914—1918 годов.

Начинается, с 1920—1921 годов, второй период. Потерпевшее поражение в открытом вооруженном выступлении движение уходит в глубокое подполье и там, в других уже формах, условиях, продолжает борьбу. Наша борьба имеет различные виды и формы. Основным, главным и наиболее опасным нашим противником является Россия, причем даже независимо от того, большевистская ли она, монархическая или какая-либо другая, деникинская или врангелевская, она будет добиваться поражения не только Украины, но и всех народов, близко граничащих с ней.

В нашей национально-освободительной борьбе мы имели успехи и поражения. Не исключаем, что отдельные поражения частичные будем еще иметь. Но никто из нас не сомневается, что окончательная победа нам обеспечена. Можно каждого из нас, националистов, в отдельности уничтожить, но идею украинского национализма никогда.

Украинские земли поделили между собой: Россия, Польша, Румыния и Чехословакия. Задачей украинского национализма является собрать воедино все земли, создать самостоятельное, независимое Украинское государство.

Над осуществлением этой святой задачи работает вся наша организация в целом. Над осуществлением ее имею счастье работать и я.

Я сообщил Вам, откуда происхожу, где жил, работал, учился. Все это такие детали, при неосторожном обращении с которыми могут страдать националисты на Украине, работающие сейчас в подполье. Следовательно, являющийся для меня в данном случае представителем, олицетворением финских властей, обещал, что все поданные мною сведения о себе не станут достоянием гласности, не будут переданы русским. Верю, что Вы слово свое сдержите и не захотите наносить нам вреда. В данном случае речь идет не столько обо мне, сколько об интере-

сах того движения, интересам которого посвящена моя жизнь и во имя которого я подвергаю себя опасности.

Независимо от того, какое наказание Вы для меня определите, я прошу дать мне возможность уведомить Полуведько, а через него организацию, что пока, в связи с моим задержанием, я не могу выполнить возложенных на меня поручений.

Что еще я должен сообщить о себе? Кажется, все. Во всяком случае, если я что-либо пропустил из того, о чем говорил Вам уже, прошу напомнить. Я охотно свою информацию дополню.

Павел Анатольевич Яценко (подпись)

ВЫПИСКА

*из докладной записки МИД СССР, переданная
З. И. Рыбкиной (Воскресенской) бывшим послом СССР
в Финляндии А. Е. Ковалевым в мае 1981 года*

Наиболее последовательное и полное изложение содержания советско-финляндских политических переговоров, происходивших в 1938 году в обстановке строжайшей секретности¹, приводит в своей изданной в 1957 году на английском языке книге «Зимняя война» В. А. Таннер², пытающийся с объективистских позиций дать правдоподобную версию событий.

Как свидетельствует Таннер, тогдашний министр финансов Финляндии, переговоры в Хельсинки вел с советской стороны второй секретарь полпредства СССР в Финляндии Б. Н. Ярцев³ (по определению Таннера «представитель ОГПУ в советской миссии»). Никто в полпредстве, кроме Ярцева, даже советский полпред в Хельсинки В. К. Деревянский, ничего не знал не только о содержании переговоров, но и о самом факте их ведения. Эти характеристики Таннера соответствовали истине.

Таннер отмечает, что ранней весной 1938 года Ярцев позвонил финскому министру иностранных дел Р. Холсти и обратился с просьбой предоставить лично ему возможность срочно переговорить с министром. В ходе состоявшейся 14 апреля встречи Ярцев спросил, может ли он обсудить с Холсти «пару в высшей степени конфиденциальных вопросов», и сообщил далее, что он, будучи недавно в Москве, «получил от

¹ Об этих переговорах был информирован крайне ограниченный круг лиц с советской и финской сторон. Этим прежде всего объясняется тот факт, что мы не располагаем каким-либо документальным материалом по данным вопросам.

² Таннер Вяйне Альфред (1881—1966) — широко известный финский политический и государственный деятель, один из основоположников социал-демократической партии Финляндии (СДПФ). В 1926—1927 гг. — премьер-министр Финляндии; занимал ряд министерских постов в финских правительствах 1937—1944 гг., в том числе пост министра иностранных дел. В области внешней политики стоял на антисоветских позициях. После выхода Финляндии из второй мировой войны (сентябрь 1944 г.) был отстранен от государственных должностей.

³ Ярцев Б. Н. — Б. А. Рыбкин.

своего правительства исключительно широкие полномочия обсудить именно с финским министром иностранных дел проблему улучшения отношений между Финляндией и Россией. Переговоры должны быть абсолютно секретными».

Заручившись согласием Холсти, Ярцев заявил ему следующее: советское правительство полно желания уважать независимость и территориальную целостность Финляндии, но СССР абсолютно убежден: Германия вынашивает настолько далеко идущие планы агрессии против России, что представители экстремистской части германской армии не прочь осуществить высадку войск на территории Финляндии и затем обрушить оттуда атаки на СССР. В таком случае закономерно поставить вопрос: какой позиции будет придерживаться Финляндия перед лицом этих намерений немцев. Если Германии будет позволено осуществить акцию в Финляндии беспрепятственно, то Советский Союз не собирается пассивно ожидать, пока немцы придут в Райяёк (ныне город Сестрорецк, Ленинградской области.— *А. Ш.*), а бросит свои вооруженные силы в глубь финской территории, по возможности дальше, после чего бои между немецкими и русскими войсками будут происходить на территории Финляндии. Если же финны окажут сопротивление высадке немецких десантов, то СССР предоставит Финляндии всю возможную экономическую и военную помощь с обязательством вывести свои вооруженные силы с финской территории по окончании войны. Советский Союз был бы готов в этом случае предоставить определенные концессии в экономической области. Он располагает практически неограниченными возможностями закупать в Финляндии промышленную продукцию, в особенности целлюлозу, а также сельскохозяйственные товары, преимущественно для снабжения ими Ленинграда. Советское правительство осведомлено о германских планах: если финское правительство не будет потворствовать осуществлению целей Германии, то фашистские элементы в Финляндии организуют мятеж и сформируют правительство, которое окажет поддержку устремлениям немцев. В заключение беседы Ярцев спросил Холсти, изъявил ли бы последний готовность вести переговоры по этим вопросам только с ним, Ярцевым, лично, поскольку ни советский полпред Деревянский, ни первый секретарь полпредства СССР в Хельсинки Аустрин ни в коем случае не должны ничего знать об этих переговорах.

В ответ на подробное изложение Ярцевым позиции СССР Холсти сказал, что в его служебные функции входит получение любой информации, откуда бы она ни исходила, но что только президент республики определяет национальную внешнюю политику во всей ее полноте. Следовательно, он, Холсти, не может приступить к регулярным переговорам без соответствующей санкции президента. Холсти сослался также на то, что Финляндия сотрудничает со Скандинавскими странами. Единственной целью этого сотрудничества, по его словам, является, в части, касающейся Финляндии, сохранение мира. Холсти спросил, подразумевал ли Ярцев,

когда говорил о возможной советской помощи Финляндии, закупки финнами оружия у СССР.

Ярцев ответил, что наряду с другими формами экономической поддержки это также может быть принято во внимание, как только Советский Союз будет гарантирован, что Финляндия не окажет помощи Германии в войне против СССР.

Тогда Холсти поинтересовался, что следует понимать под этими гарантиями.

Ярцев пояснил, что к этому вопросу они оба смогут вернуться позднее, а именно: как только будет уверенность в том, что Финляндия желает стоять в стороне от войны и оказать сопротивление германскому вторжению на ее территорию.

Далее Таннер свидетельствует: «На этом первое интересное обсуждение завершилось. Стало ясно, что советское правительство опасается возникновения войны в ближайшем будущем и стремится изыскать пути и средства обеспечения безопасности с Севера. Очевидно, что оно прежде всего испытывало боязнь нападения со стороны Германии. Однако обращение к финскому правительству осуществлялось настолько необычным образом, что члены кабинета, знавшие об этом, в первую очередь министр иностранных дел Р. Холсти и премьер-министр А. К. Каяндер, вначале не придали этому обращению того значения, которого оно заслуживало. Я не был информирован, консультировались ли на первоначальном этапе переговоров с другими членами правительственной комиссии по иностранным делам — министрами В. Войонмаа и У. Ханнула. Как бы там ни было, эта первая встреча не привела сначала к регулярным переговорам. Можно предположить, что частичной причиной этого явился факт отъезда в ту пору г-на Ярцева в Москву и его временное отсутствие. По возвращении из Москвы он, однако, посетил еще Стокгольм, где обсуждал проблему Аландских островов с министром иностранных дел Швеции Р. Сандлером и другими».

При этом Таннер указывает: «Поскольку дело не продвигалось вперед месяц или два, неофициальные лица взяли на себя инициативу добиваться прогресса в переговорах. Дело в том, что хотя, по словам Ярцева, переговоры должны были проходить в величайшей тайне, как выяснилось, он говорил о них с определенным кругом частных лиц (секретарем премьер-министра А. Инкиля, генералом А. Сихво, г-жой Х. Вуолийоки и, возможно, с другими). С Инкиля, в частности, г-н Ярцев беседовал о своей миссии даже более откровенно, чем с Холсти. И на этом основании Инкиля попытался наладить дальнейший обмен мнениями. Исходя из его советов, г-н Ярцев не считал возможным проявлять новую инициативу в отношении переговоров. Он теперь полагал, что самой Финляндии решать, ухватиться ли за протянутую руку. Поскольку Холсти отправился в Женеву на заседания Лиги Наций, Инкиля надеялся, что Ярцева примет премьер-министр Каяндер — при условии,

однако, что Ярцев на этот раз изложит свои конкретные точки зрения и рекомендации, рассмотрев которые можно было бы покончить с царящей неопределенностью».

Таннер с претензией на объективность скрупулезно, в хронологическом порядке излагает содержание последующих бесед Ярцева с финскими руководителями, пытаясь не столько обвинить СССР в давлении на Финляндию, как бы косвенно разделяя обеспокоенность советского правительства перед лицом германской угрозы, сколько стремясь оправдать тогдашнюю позицию Финляндии, небольшой страны, оказавшейся зажатой между двумя гигантами — как известно, немцы также предлагали финнам (в апреле 1939 г.) заключить пакт о взаимопомощи, но встретили отказ.

В конце июня 1938 года Каяндер согласился принять Ярцева, однако беседа оказалась немногословной и носила общий характер.

11 июля состоялась вторая беседа. Ярцев начал с разговора об экспансионистской политике Германии и возможности использования немцами в будущей войне финляндской территории. Каяндер исключал вероятность такого исхода, заметив, что Финляндия не позволит столь грубо нарушать ее нейтралитет и территориальную целостность. Когда Ярцев спросил, думают ли финны, что они сумеют защитить свой нейтралитет в одиночку, Каяндер отпарировал в том смысле, что окажись Каяндер сам на войне, он из всех сил постарался бы не пасть духом, будь что будет. Что же касается Финляндии, то она в любом случае наверняка сделает все от нее зависящее. Каяндер добавил, что поскольку финская сторона предпримет все возможное с целью предотвратить использование Финляндии крупной иностранной державой в своих собственных интересах, то, разумеется, финны вправе допустить, что СССР, со своей стороны, также будет уважать неприкосновенность финляндской территории. Тогда Ярцев повторил, как он уже говорил Холсти: если СССР получит гарантии того, что немцам не будет предоставлено для атак опорных пунктов в Финляндии, то русские готовы обеспечить ее неприкосновенность.

Каяндер указал на важность стимулирования внешнеторговых связей и сослался на многие безуспешные в прошлом переговоры о заключении торгового соглашения между двумя странами. Ярцев признал значение внешней торговли, но подчеркнул, что, прежде чем придать ей верную ориентацию, необходимо, чтобы фундамент политических взаимоотношений был в основном и целом ясным. Он сделал при этом упор на то, что именно в этом свете вел ранее речь о финских гарантиях: оба государства должны подписать договор (по словам Таннера, «беседа не прояснила, каково же должно быть содержание этого договора»).

В заключение беседы Ярцев вновь настаивал на необходимости «держат в абсолютном секрете» все, что касается переговоров. Уходя, он заявил, что «советский полпред Деревянский о многом говорил

разным лицам, но сказанное полпредом не имеет никакого значения.

Таннер вспоминает, что только на этой стадии переговоров Каяндер посвятил его самого в тайну происходящего. Каяндер был обеспокоен: состоялось несколько встреч, а до конца дело не прояснилось. Ярцев, по утверждению Таннера, говорил о гарантиях лишь в общих словах, но не приподнял завесу над тем, что же в действительности эти гарантии должны были означать. Поскольку в отсутствие Холсти никто другой не мог продолжить переговоры, Каяндер предложил вести их Таннеру.

30 июля состоялась их первая встреча, не принесшая, однако, каких-либо важных результатов. По просьбе Таннера Ярцев обещал представить детализированные предложения советской стороны.

5 августа состоялась вторая встреча, но, как указывает Таннер, Ярцев своего обещания насчет конкретных предложений не выполнил, вследствие чего в беседе затрагивались другие вопросы. Таннер предложил обсудить такие вопросы, как наведение порядка на границе и выработка советско-финляндского торгового соглашения. Ярцев заявил, что можно было бы пойти также и по этому пути, но заметил, что другие, прежде всего политические, вопросы имеют самое прямое отношение к переговорам. Он предложил продолжить переговоры в Москве. Таннер ответил, что это не совсем подходит финнам по двум соображениям. Во-первых, переговоры в Москве привлекли бы больше внимания. Во-вторых, финские представители должны поддерживать тесные контакты со своим правительством. Так что удобнее было бы провести переговоры в Хельсинки. Ярцев обещал проконсультироваться на предмет проведения переговоров в финляндской столице.

10 августа при встрече Ярцев вновь не изложил сути обещанных предложений. После того как Таннер доложил об этом Каяндеру, премьер-министр сделал следующий набросок краткого устного ответа Ярцеву: «Оставаясь всегда верным нейтральному внешнеполитическому курсу северных стран, правительство Финляндии не позволит ни нарушить территориальную целостность своей страны, ни допустить, соответственно, создания какой бы то ни было великой державой опорного пункта в Финляндии для нападения на СССР».

Советское правительство, обязуясь в любом случае уважать территориальную целостность Финляндии, со своей стороны не будет даже в мирное время препятствовать таким военным мероприятиям финнов на Аландских островах, которых может потребовать обеспечение максимально возможной безопасности и целостности финской территории и нейтралитета Аландских островов».

11 августа такой ответ был передан Ярцеву, который ограничился лишь замечанием о том, что Москва, а не Хельсинки, могла бы служить наиболее подходящим местом для переговоров.

18 августа Ярцев, как утверждает Таннер, впервые изъяснил готовность сообщить нечто более определенное, чем его предыдущие рассуж-

дения о гарантиях. Он сразу же заявил, что Финляндия выдвинула предложение, которое «ей даст много преимуществ»: выгодный торговый договор, прекращение пограничных инцидентов, укрепление Аландских островов и т. д. После этого Ярцев изложил предложения советской стороны (Таннер их цитирует по своим записям):

«Москва готова принять финляндскую торговую делегацию, однако ограниченный в политических аспектах характер предложений финского правительства дает основания сомневаться, что, придерживаясь их, можно добиться каких-либо результатов. Москва полагает, что если Финляндия примет ее условия, то ожидаемые цели будут достигнуты.

Россия предлагает следующее:

1. Если финское правительство не считает, что оно может заключить полностью секретное военное соглашение с СССР, то Россию удовлетворило бы закрепленное в письменной форме обязательство Финляндии быть готовой к отражению возможного нападения и с этой целью принять военную помощь России.

2. Аландские острова. Сооружение фортификационных укреплений на Аландских островах необходимо Финляндии с точки зрения ее безопасности. Укрепления на островах необходимы в равной степени для обеспечения безопасности Ленинграда. Москва может дать согласие на укрепление Аландских островов, если России будет предоставлена возможность принять участие в их укреплении, а также если будет позволено направить туда своего наблюдателя для контроля за ходом фортификационных работ и за последующим использованием укреплений. Москва намерена обратить особое внимание на то, что деятельность этого наблюдателя должна осуществляться совершенно секретно.

3. В порядке ответной услуги за вышесказанное Москва добивается, чтобы финское правительство позволило Советскому Союзу соорудить на острове Сур-Сари¹ военно-воздушную и военно-морскую базы оборонительного характера.

В этом случае Россия изъявляет готовность:

1. Гарантировать Финляндии нерушимость ее нынешних границ, в первую очередь морских.

2. В случае необходимости оказать Финляндии помощь оружием на выгодных условиях.

3. Заключить выгодное торговое соглашение с Финляндией, которое благоприятствовало бы развитию как ее сельского хозяйства, так и промышленности...»

В ответ на просьбу Таннера разъяснить более конкретно, что подразумевает советское правительство под «русской военной помощью», Ярцев сказал, что не имеются в виду ни посылка советских вооруженных сил в Финляндию, ни какие-либо территориальные уступки с ее

¹ Более известен под другим названием — Гогланд.

стороны. СССР не хотел бы осложнять позицию Финляндии такими предложениями. Под военной помощью следует понимать поставки оружия и охрану морских границ. Он заверил Таннера, что продажа финнам оружия будет осуществляться на весьма выгодных условиях.

В заключение беседы Таннер, оговорившись, что это его собственная точка зрения, выразил сомнение в поддержке финской стороной изложенных Ярцевым предложений. Тем не менее обещал довести их содержание до сведения премьер-министра.

Ярцев подчеркнул, что СССР хотел бы ясно заявить Финляндии, чего он добивается, но что формальная сторона договора могла бы быть выработана удовлетворительно, то есть финны могли бы, со своей стороны, наметить контуры будущего договора. Было бы лучше вначале выяснить, может ли быть достигнута на переговорах договоренность о заключении такого пакта, который устраивал бы обе стороны. Если не будет уверенности в этом, то лучше и не начинать официальные переговоры, поскольку их провал осложнил бы положение каждой стороны.

Следующая встреча Таннера с Ярцевым состоялась 29 августа. По свидетельству Таннера, ответ финского правительства на советское предложение был отрицательным и со слов премьер-министра Кааяндера буквально гласил следующее:

«Предложение СССР направлено на подрыв финляндского суверенитета и противоречит политике нейтралитета, которой Финляндия следует совместно со Скандинавскими странами.

Я считаю, что основное значение, которое имеет развитие торговых контактов, состоит в улучшении добрососедских отношений.

Улучшение отношений в части, касающейся пограничных вопросов, также было бы выгодным для обеих сторон».

Таннер отмечает, что «на этом дело не кончается. В русской прессе становятся привычными нападки на Финляндию. Они рассматриваются финнами в качестве ответной реакции на отказ финляндского правительства принять советское предложение. Не сдается и Ярцев. Он теперь требует еще более конкретного ответа, чем тот, который им был получен».

15 сентября в ходе очередной встречи¹ Таннер и Ярцев еще раз рассмотрели советские предложения и суть ответов финской стороны на каждое из них. Таннер заявил, что ответ финляндского правительства в вопросе о сооружении военных баз является отрицательным. Финляндия готова закупать такие виды оружия, в которых она может нуждаться, если их качество и цена будут ее устраивать. Что касается укрепления Аландских островов и Гогланда, то финское правительство отклоняет советские предложения на этот счет без каких бы то ни было

¹ В книге Таннера эта встреча ошибочно датируется 15 августа.

контрпредложений. «Однако г-ну Ярцеву нужны были именно контрпредложения», — заключает Таннер.

В ходе этой последней встречи между ними Таннер заявил, что считает ответ финляндского правительства со всех точек зрения ясным. Если Ярцев хочет получить еще более мотивированный ответ на предмет возможных контрпредложений, то следует дождаться возвращения министра иностранных дел Холсти. Собеседники условились, что Ярцев будет ждать возвращения Холсти.

В начале октября Холсти возвратился, и его встреча с Ярцевым состоялась; в ходе ее «обсуждались те же старые вопросы».

Примерно в середине октября Холсти дал Ярцеву «исчерпывающий аналитический письменный ответ». Холсти, в частности, отметил, что, находясь в Женеве, он и министр иностранных дел Швеции Сандлер в беседе с наркомом Литвиновым обсудили вопрос об укреплении Аландских островов и изложили планы Финляндии и Швеции на этот счет. Холсти сказал Ярцеву, что, по его мнению, лучше было бы дождаться результатов дипломатических демаршей касательно Аландских островов, которые в ближайшее время предполагалось провести со странами, подписавшими конвенцию от 20 октября 1921 года о демилитаризации и нейтралитете островов¹, а также с Советским Союзом².

Таннер указывает, что содержание следующей беседы между Ярцевым и Холсти заключалось в выяснении отдельных аспектов на основе указанного письменного ответа финской стороны. В ходе беседы Ярцев заявил, что «он — неопытный молодой секретарь». Поэтому-де «его обязанностью было до сих пор подбирать по возможности самые осторожные слова. Теперь же он хотел бы, чтобы ему позволили говорить на языке, который принят у людей, когда они обсуждают серьезные вещи». Ярцев вновь возвратился к вопросу о возможной позиции Финляндии в случае войны. Он отмечал, что, поскольку Финляндия сама не в состоянии защитить себя, было бы разумнее положиться на военную помощь, обещанную Советским Союзом. По мнению Таннера, контуры предлагаемого русскими советско-финляндского военного альянса в ходе этой беседы стали вырисовываться более четко, чем ранее; также более прояснилась и позиция СССР по вопросу о Гогланде: в случае войны Советский Союз взял бы на себя ответственность за защиту этого острова.

21 ноября состоялась встреча Ярцева с временно исполняющим обязанности министра иностранных дел Финляндии В. Войонмаа (16 ноября Холсти подал в отставку). Значительная часть этой беседы была посвящена повторению того, что Ярцев уже говорил другим членам финляндского правительства. Кроме того, он предложил направить в Москву торговую делегацию для обсуждения проблем развития внешней

¹ Германия, Дания, Эстония, Финляндия, Италия, Латвия, Польша, Швеция, Франция, Англия.

² Правительство РСФСР эту конвенцию не подписало, объявив ее 13 ноября 1921 года «безусловно не существующей для России».

торговли между двумя странами, в состав которой можно было бы включить также «пару политических деятелей». Но прежде чем затевать такие переговоры, подчеркнул Ярцев, необходимо быть уверенным, что они принесут какую-то пользу. В противном случае они принесут больше вреда. Было решено приурочить поездку финских представителей, которые уполномочивались бы вести политические переговоры, к намеченному на 6 декабря выезду в Москву группы финляндских должностных лиц для участия в церемонии, посвященной завершению строительства здания посольства Финляндии в СССР.

В ходе следующей беседы Войонмаа сообщил Ярцеву, что финская сторона дает согласие на продолжение в Москве переговоров, начатых в Хельсинки, и уполномочивает на их ведение А. С. Ирье-Коскинена, финляндского посланника в СССР, а также представителей МИД Финляндии У. Тойвола и А. Пакаслаhti.

7 декабря Тойвола и Пакаслаhti дважды были приняты в НКВТ¹ СССР (на второй беседе присутствовал Ирье-Коскинен). Однако разговора не получилось: переговоры и в Москве также фактически потерпели провал. Финны основное внимание акцентировали на необходимости развития торговых отношений, мы — на решении политических вопросов как на необходимой предпосылке последующего развития советско-финляндской торговли.

Таким образом, переговоры советских и финских представителей, проходившие с 14 апреля по 7 декабря 1938 года, никаких конкретных практических результатов не принесли. Финны наотрез отказались заключить с СССР пакт о взаимопомощи и не приняли другие наши предложения.

Сам Таннер следующим образом резюмирует итоги состоявшихся в 1938 году переговоров: «Никаких решений принято не было. Встреча может рассматриваться как конечный пункт первого этапа переговоров».

Следующая фаза переговоров открывается только через несколько месяцев, 5 марта 1939 года, беседой наркома иностранных дел СССР Литвинова с финским посланником Ирье-Коскиненом².

Известным диссонансом с утверждениями Таннера прозвучали некоторые послевоенные заявления финских президентов Ю. К. Паасикиви и особенно У. К. Кекконена, косвенно взявших на финскую сторону часть вины за срыв переговоров 1938 года. Так, 4 апреля 1973 года Кекконен заявил, в частности, следующее: «...полномочный представитель советского правительства 14 апреля 1938 года связался с министром иностранных дел Холсти. Этот представитель предложил Финляндии заключить двустороннее соглашение об обороне на случай, если Германия нападет на Со-

¹ Народный комиссариат внешней торговли.

² Эта и последующие беседы советских и финских представителей в 1939 г. нашли достаточное отражение в советских архивных фондах и вошли составной частью в макет ХХII тома ДВП СССР.

ветский Союз через территорию Финляндии. Однако предполагалось просить финнов наметить контуры договора...

Переговоры, в которых с финской стороны участвовали премьер-министр Каяндер и министры Холсти, Таннер и Эркко, велись столь секретно, что комиссия по иностранным делам ничего о них не знала. Переговоры были прерваны вследствие того, что Финляндия не проявила интереса к ним».

Характерным является рассказ тогдашнего секретаря премьер-министра, магистра Арво Инкиля, о встрече премьер-министра с представителем Советского Союза. Полномочный представитель, как было обусловлено, секретно прибыл к премьер-министру и начал беседу словами: «Премьер-министр пригласил меня», на что Каяндер ответил: «Я не приглашал вас». Тогда советский представитель сказал: «В таком случае мне здесь нечего делать», — и ушел. Когда позднее представитель еще раз пытался встретиться с премьер-министром, Каяндер не согласился принять его и предложил представителю Советского Союза изложить свое дело секретарю¹.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Роль Швеции в советско-финляндском конфликте перед и во время войны 1939—1940 годов

С началом советско-финляндского конфликта наступил новый этап во внешней политике Швеции. В условиях, когда еще шли переговоры между советским и финским правительством, Швеция заняла резко антисоветскую позицию. Шведские дипломаты предприняли демарш в Москве и в столицах западных держав, призывая поддержать позицию Финляндии.

Кроме того, шведы обещали финнам поддержку военными материалами и тем самым поощряли их не уступать в переговорах с советской стороной. Премьер-министр Швеции Ханссон, правда, весьма определенно и заблаговременно предупреждал финское правительство, что прямой военной помощи от Швеции оно не получит. Однако многочисленные заявления о солидарности с «братской Финляндией», поступавшие от шведских кругов, в частности, от министра иностранных дел, создали у финских политиков преувеличенные расчеты на помощь со стороны Швеции. Эти расчеты отрицательно повлияли на готовность финской делегации прийти к соглашению с советским правительством во время московских переговоров, в подготовке которых по просьбе Сталина принимал

¹ Из речи на торжественном собрании, посвященном 25-летию договора.

участие, под видом временного поверенного СССР в Финляндии, резидент советской разведки в Хельсинки Б. А. Рыбкин.

7 апреля 1938 года Б. А. Рыбкин был вызван лично к Сталину и получил от него указание провести секретные переговоры с правительством Финляндии и заключить с ними двухсторонний оборонительный договор на случай, если Германия попытается напасть на Советский Союз через территорию Финляндии. Однако эти переговоры не имели успеха. Затем они уже официально были продолжены 5 октября в Хельсинки, а 12 октября 1939 года в Москве, но вновь безуспешно. Президент Финляндии Урхо Кекконен в своей книге «Письма из моей мельницы», изданной в Москве в 1973 году, писал по этому поводу следующее: «Московские переговоры 1939 года не имели успеха не по вине поверенного в делах России в Финляндии господина Ярцева, а вследствие недостатка интереса к этому вопросу со стороны Финляндии». Господином Ярцевым, которого упоминает У. Кекконен, и был Борис Аркадьевич Рыбкин.

Начало военных действий на советско-финской границе до ноября 1939 года ускорило назревший кризис внешнеполитического руководства в Швеции. Прежний министр иностранных дел Сандлер, сторонник прямой помощи финнам, вынужден был уйти в отставку. Его место занял кадровый дипломат из консервативных буржуазных кругов К. Гюнтер. Новое коалиционное правительство поспешило заявить о своем намерении не допускать вовлечения Швеции в какой-либо военный конфликт. Однако заявления о нейтралитете в советско-финской войне оно не сделало, подчеркнув этим свое сочувствие одной из сторон. Швеция заняла во время «зимней войны» позицию так называемой невоюющей державы. В то же время Швеция в крупных масштабах оказывала Финляндии помощь оружием.

В Швеции полную свободу получила агитация за вступление в войну против СССР, хотя шведское правительство и не собиралось этого делать. По всей Швеции были созданы частные бюро вербовки добровольцев, причем добровольцами оказывались военнообязанные запаса, а также кадровые военные, которым разрешалось увольняться из шведских вооруженных сил. Общее число добровольцев составило около 8500 человек. Они, однако, приняли участие в военных действиях на северном участке фронта лишь в марте 1940 года, то есть в последние дни войны. Кроме того, с января там же действовала шведская добровольческая эскадрилья из 17 самолетов.

Вместе с тем шведская дипломатия с самого начала советско-финляндского конфликта пыталась посредничать между обеими сторонами с целью возобновления переговоров. Советское правительство, со своей стороны, уже в самом начале военных действий заявило, что считает свои отношения со Швецией неизменными и что Красная Армия не нарушает нейтралитета Скандинавских государств. Это заявление выражало не вре-

менную, тактическую, а постоянную, принципиальную установку советской внешней политики, и оно оказало положительное воздействие на руководителей Скандинавских стран.

Когда 14 декабря 1939 года Ассамблея Лиги Наций (теперь ООН) приняла резолюцию об исключении Советского Союза, представитель Швеции Унден от имени трех Скандинавских государств (Швеция, Норвегия, Дания) заявил об их неприсоединении к антисоветским санкциям.

В конце февраля 1940 года при очередном приезде финского министра иностранных дел в Стокгольм премьер-министр Швеции Ханссон вновь склонял его к принятию советских условий мира, обещая помочь Финляндии в ее хозяйственном восстановлении и благожелательно отнестись к заключению оборонительного союза между обеими странами. Однако финское правительство еще уповало на помощь западных держав и тянуло с ответом на советские мирные предложения и приняло их лишь 12 марта 1940 года, подписав в Москве мирный договор. Интересно, что при подписании мирного договора народный комиссар иностранных дел СССР выразил благодарность шведскому правительству за помощь в восстановлении мира между Советским Союзом и Финляндией.

Можно предполагать, что такая быстрая, хотя и с большими потерями, победа в «зимней войне» явилась одной из причин, почему И. В. Сталин не хотел верить разведывательным данным о готовящемся нападении Германии на СССР.

РОЩИН ВАСИЛИЙ ПЕТРОВИЧ
(1903—1988) — СОВЕТСКИЙ РАЗВЕДЧИК,
ПОЛКОВНИК

До 1930 года работал под прикрытием сотрудника КВЖД, затем в центральном аппарате. В 1932 году был направлен на работу в резидентуру в Германии, где занимался организацией работы с нелегалами. В 1935 году его перевели в Вену в качестве резидента. Осенью 1943 года был назначен в качестве резидента в Стокгольм, где и принял дела у З. И. Рыбкиной. После окончания войны работал в Финляндии.

О своей работе в Швеции В. П. Роцин писал:

Во вторую мировую войну в Швеции у власти находилось социал-демократическое правительство, которое возглавлял Пер Альбин Хансен. Можно себе представить всю сложность обстановки в Швеции во время войны. В начальный период войны шведам приходилось считаться с возможностью победы Германии, и в условиях возрастающего нацистского давления шведское правительство пропустило через свою территорию немецкие войска в Финляндию, допускало поставку в Германию стратеги-

ческого сырья и продукции промышленности. После Сталинградской битвы изменившаяся обстановка позволила шведам внести коррективы в свою политику, причем в сторону англо-американского курса.

В 1943 году мне довелось допрашивать в числе других военнопленных полковника Шильдкнехта, который до направления под Сталинград работал в генеральном штабе и ведал Швецией. Он показал, что вначале немецкий генштаб готовился оккупировать Швецию. С этой целью уже были разработаны подробные планы. Однако стратегическая предосторожность немецкого командования возобладала, и Швеция сохранила свой суверенитет.

Осенью 1943 года я был направлен в Швецию. Я прибыл в Стокгольм на английском «Либереиторе» в ноябре 1943 года. Работа в Швеции, в тот период особенно, существенно отличалась от работы в большинстве других стран Европы уже тем, что нужно было использовать все возможности для поддержки шведского нейтралитета, развития дружеских связей со шведской общественностью. Это определяло и подход к оперативной работе. Поскольку главная опасность для нейтралитета Швеции исходила от Германии, то задача резидентуры состояла в первую очередь в том, чтобы обеспечивать агентурное наблюдение за Германией и оккупированными ею Норвегией и Данией. Радиосвязь была односторонней: резидентура принимала телеграммы из Москвы, а для отправки пользовалась шведским телеграфом. Радиопередатчики практически не применяли.

Задачи резидентуры диктовались потребностями военного времени: использовать пребывание в Швеции для получения политической информации по Германии, а также Дании, Норвегии и Финляндии. Учитывая, что страна наводнена агентурой немецких спецслужб, много внимания приходилось уделять советской колонии в Швеции и лагерям наших интернированных военных моряков.

Особенности шведского нейтралитета создавали для деятельности советских загранучреждений и жизни их сотрудников крайне неблагоприятную обстановку. Первое, что бросилось в глаза с самого начала работы в этой стране, так это строгое полицейское наблюдение за нашими учреждениями. Наверно, это можно и нужно было понять ввиду грозившей стране опасности. И все же мы не переставали удивляться наблюдавшимся парадоксам. Например, состоянием взаимоотношений социал-демократического правительства и полиции. Мы задавали себе вопрос, кто, собственно, определяет политику. В силе и влиянии полиции сомневаться не приходилось. Нам было известно, что лидеры шведской социал-демократии, по крайней мере в тот период, находились под неослабным наблюдением политической полиции, телефоны их прослушивались, корреспонденция перлюстрировалась, все контакты фиксировались.

Полицейское наблюдение велось фактически за всеми сотрудниками.

Оно начиналось у здания посольства или у квартир сотрудников и осуществлялось непрерывно.

Такого пристального наблюдения за сотрудниками других иностранных представительств в Стокгольме не велось. Не было его и за персоналом немецкого посольства, в котором только по дипломатическому списку насчитывалось несколько сот человек.

Подслушивание телефонных разговоров и установка радиозакладок носили в те годы в Швеции такой массовый характер, что мы не удивлялись, если, например, находили закладку на кухне, в машине, ванной и других неудобных для бесед местах. Складывалось впечатление, что эти же проблемы мучали и англичан. Однажды на небольшом коктейле в доме английского советника я увидел, как хозяин в который раз вытащил микрофон, спрятанный в днище бара. Он не скрывал от присутствующих своего возмущения, приписывая микрофонное вторжение в его жизнь длинной руке немецких спецслужб. В этом была большая доля правды. Впрочем, к такому пристальному наблюдению привыкали и считались с ним как с неизбежностью. Бушевавшая в Европе война не могла не сказаться на обстановке в нейтральной Швеции.

После предельно сложной и напряженной оперативной работы в Германии и Австрии в Швеции мне пришлось активно заниматься развитием связей с общественностью и в области культуры. С различными просьбами шли не только шведы, но и норвежцы, датчане, поляки, болгары.

События в Советском Союзе в канун войны способствовали распространению антисоветизма и шпиономании в Швеции. Шведские власти использовали наши промахи для нагнетания в стране шпиономании и постоянного напоминания шведам, что их главный враг — русские. Это проявление неприязненных чувств к русским существовало в большей или меньшей степени со времен Петра I, казаки которого пытались дойти пешком по льду до Стокгольма, но не дошли. Антирусские настроения мы ощущали повсюду ежеминутно, начиная от посещения послом министров и до контактов с простыми шведами в городском транспорте. Местная пресса постоянно подогревала русофобию. Корни этих настроений были заложены в глубокой истории, а последние годы перед войной и начало войны никак не способствовали их смячению.

Хорошая и довольно многочисленная агентура, завербованная еще в предвоенные годы, работала по линии экономической разведки. В резидентуре такую агентуру не считали особенно ценной, потому что в военное время актуальной была другая информация. Но работа с такого рода агентурой была необходима для получения не только торгово-экономической информации, облегчавшей заключение соглашений и сделок со Швецией, но и документальных данных об использовании шведской экономики для военных нужд Германии.

Война внесла большие коррективы в разведывательную работу, став-

шую одной из важных форм активной борьбы с нацизмом. Люди самых различных взглядов и политических убеждений, часто далекие от коммунистической и даже социал-демократической идеологии считали своим высшим человеческим долгом включиться в битву. Сотрудничество с разведкой страны, принявшей на себя самое тяжелое бремя борьбы с гитлеризмом, представлялось вполне естественным. В отношениях со многими слово «разведка» даже не произносилось. Наши друзья свои действия представляли как наиболее доступное участие в общей борьбе.

В числе таких верных помощников в Швеции на протяжении всех лет войны был американец Скотт, обративший на себя внимание еще в предвоенные годы, когда он, прогрессивный иностранный специалист, работал в Советском Союзе. Постепенно Скотт стал искренним другом нашей страны. Второй раз Скотт приезжал в СССР в качестве корреспондента нескольких американских газет.

Все это облегчило контакт со Скоттом в Стокгольме. Одним из самых больших достижений Скотта была поездка по нашей просьбе в Финляндию. Как известный журналист и как гражданин страны, не воевавшей с Финляндией, он был принят там великолепно и на самом высоком уровне. Он провел обстоятельные беседы с премьер-министром, практически со всеми министрами, с политическими и военными деятелями, руководителями политических партий, находящихся в оппозиции. Все финские собеседники Скотта были исключительно доверчивы и необычайно откровенны с ним. Он представил нам подробнейшее сообщение о своих впечатлениях, раскрыв в том числе полную безнадежность положения Финляндии, воевавшей «не на правильной стороне».

На территории Швеции в то время находились значительные норвежские военные формирования, большие контингенты политических эмигрантов, часть правительственных органов и министерств. Эти эмигрантские формирования ратовали за совместное со шведами освобождение оккупированной Норвегии. Два года продолжались политические дискуссии. Временами казалось, что достигнута какая-то договоренность. Началась ускоренная военная подготовка, учебные походы, маневры.

Однако в правительственных кругах превалировало мнение о том, что шведское вторжение может последовать лишь тогда, когда оккупационная армия будет деморализована и начнет разлагаться. И шведы стали ждать такого момента, но так и не дождались. Немецкая оккупационная армия в Норвегии капитулировала вместе со всей гитлеровской армией.

Обо всех этих политических перипетиях наша резидентура подробно информировала Центр. Одной из задач, поставленных Центром перед резидентурой, было получение информации о сепаратных переговорах союзников по антигитлеровской коалиции с немцами. Одновременно Центр предупреждал о недопустимости поддаваться на удочку самим, если немцы будут искать с нами контакты для подобных переговоров.

А именно через нейтральную Швецию немцы усиленно пытались установить связи с советскими политическими кругами.

Когда Коллонтай, будучи тяжело больной, находилась в одной из больниц для дипломатического состава вблизи Стокгольма, в гостинице, расположенной рядом с больницей, поселился специально направленный Гиммлером для контактов с русскими немец, хорошо говоривший по-русски — и происходивший, как удалось выяснить, из Литвы. Он зарегистрировался как Клаус. Он несколько раз посетил советское посольство в Стокгольме, оставляя письменные обращения, в которых содержались завуалированные идеи о необходимости сепаратных мирных переговоров с СССР через его посредничество. Такие предложения в то время носили явно провокационный характер и были рассчитаны прежде всего на то, чтобы ухудшить наши отношения с союзниками. Об этом резиденция регулярно информировала Центр. В результате советское правительство неоднократно уведомляло о зондаже правительства союзных держав. Одновременно оно подавало пример, как нужно союзникам поступать в аналогичном случае в Швейцарии, где, как сообщала наша агентура, уже начались тайные переговоры между немцами и американцами.

Вообще в Швеции в годы войны велись самые разные сепаратные переговоры. Пожалуй, наиболее интересными были тайные консультации между Всемирной сионистской организацией и американскими сионистскими центрами, с одной стороны, и представителями фашистской Германии — с другой, о вывозе богатых евреев в Швецию. Американские сионисты, как докладывали источники, намеревались организовать выезд состоятельных лиц еврейской национальности, среди которых были видные представители деловых кругов, именно в Швецию, а не в Соединенные Штаты, как предпочитали влиятельные шведские круги.

КРАТКАЯ БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

В период, когда Зоя Ивановна работала в Швеции с 1941 по 1944 год, одним из советников советского посольства в Стокгольме в то же время был кадровый дипломат Михаил Сергеевич Ветров.

До работы в Швеции Ветров М. С. был первым секретарем полпредства СССР в буржуазной Латвии. После Швеции с 1944 по 1948 год заместителем заведующего 5-м европейским отделом МИД СССР, с 1948 по 1950 год Временным Поверенным в делах СССР в Нидерландах, с 1950 по 1954 год — Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в Дании.

Советник М. С. Ветров был среди тех, кто принимал решение, кото-

рого ждала профессор Нонна Сварц, вернувшая к жизни А. М. Коллонтай.

В личном архиве Чрезвычайного и Полномочного Посланника Михаила Сергеевича Ветрова есть такая запись: «Мне посчастливилось с 1937 года работать в дипломатическом аппарате Министерства иностранных дел СССР в Центре и во многих зарубежных странах. Принимая меня по направлению ЦК партии большевиков, народный комиссар иностранных дел М. М. Литвинов, узнав о моей профессии рабочего-меховщика, с юмором заметил: «Вот-вот, вы очень подходите для нас — будете кошку в соболя переделывать!» А в начале второй мировой войны Наркоминдел направил меня в качестве советника советской дипломатической миссии в Швецию, которую возглавляла Чрезвычайный и Полномочный Представитель СССР Александра Коллонтай. Это она по заданию Ленина в 1916 году была посланцем в США и Канаду, где в своих пламенных выступлениях разоблачала грабительский характер первой мировой войны и разъясняла лозунг большевиков о превращении войны империалистической в войну гражданскую. Многому я научился у Александры Михайловны в период Великой Отечественной войны советского народа против гитлеровской Германии. Она, блестящий советский дипломат, стремилась внести свой вклад в разгром гитлеровского фашизма и японского милитаризма — удержать Швецию на позициях нейтралитета и вывести Финляндию из преступного альянса с Германией.

ВСПОМИНАЕТ ДОЛОРЕС МИХАЙЛОВНА КЛИМОВА

(урожденная Ветрова, дочь М. С. Ветрова)

В период моей жизни с родителями в Швеции я была еще ребенком, но хорошо помню Зою Ивановну, которую я, конечно, называла тетей Зоей, потому что она дружила с моими родителями.

Поскольку отец был советником посольства, мы жили в большой квартире, которую снимали в центре Стокгольма, но не в здании посольства. Квартира эта состояла из гостиной, кухни, кабинета отца, спальни родителей и двух маленьких комнат для меня и моей сестры. Кроме этого в квартире была еще одна комната, в которой я часто видела тетю Зою. Одно время я даже думала, что она жила вместе с нами. Зоя Ивановна в то время носила фамилию Ярцева, и когда она появлялась в нашей квартире, нас, детей, отправляли играть в свои комнаты, а они с отцом использовали для бесед именно ту комнату.

Бориса Аркадьевича Рыбкина я помню плохо и вообще не помню, чтобы он был у нас в квартире в Стокгольме.

ВСПОМИНАЕТ МАРИЯ НИКОЛАЕВНА ОСИПОВА

На работу в органы государственной безопасности я пришла в 1950 году из АРТкома (Главный артиллерийский комитет Советской Армии) по путевке райкома партии. До этого я прошла фронт в качестве связистки и закончила войну в звании старшего лейтенанта и тут же демобилизовалась. Работая в АРТкоме, училась на курсах иностранного языка — английский. Путевку на работу в разведку мне давала лично Екатерина Фурцева, которая в то время была секретарем Фрунзенского райкома партии.

Когда я пришла на работу в Комитет информации, который находился в районе ВДНХ, то меня принимал начальник Разведывательного управления Иван Иванович Агаянц. Очень вежливо поинтересовался моими биографическими данными и направил к начальнику, по моему, второго отдела. Начальником этого отдела оказалась очень красивая и приветливая женщина — Зоя Ивановна Рыбкина. Она объяснила мне, что в настоящее время, к сожалению, нет работы с применением знания иностранного языка, и определила меня секретарем-делопроизводителем отдела.

С Зоей Ивановной я проработала с 1950 по 1953 год, до тех пор пока она не была переведена на работу в Воркуту. Об этой женщине у меня остались самые добрые, самые радостные воспоминания, как о прекрасном руководителе и чутком, внимательном человеке. Приведу несколько примеров.

Буквально на второй день моего прихода в отдел сотрудник отдела по фамилии Зеeman поручил мне срочно отпечатать к следующему дню толстую пачку листов, исписанных его мелким, убогим почерком. Я просидела за этой работой всю ночь и не успела сделать ее вовремя. Я, конечно, была очень расстроена и заплакана. Об этом узнала Зоя Ивановна. Вызвала меня к себе, успокоила и сказала, что впредь я должна брать только такую работу, на которой стоит ее резолюция. Кстати, она сама была первоклассной машинисткой. Свои рапорты она всегда писала сама, и без черновика, прямо на машинку.

Помню, в день первой зарплаты Зоя Ивановна вызвала меня в свой кабинет, усадила на стул и, смотря на ведомость по выдаче зарплаты, спросила: «А почему у вас зарплата девятьсот рублей, хотя вы секретарь отдела, а у машинистки тысяча сто рублей?» — «Не знаю,— был мой ответ,— так решили в отделе кадров». Зоя Ивановна тут же позвонила в отдел кадров, жестким тоном повторила заданный мне вопрос, ответила в трубку, что для меня учитывается стаж работы в артиллерийском управлении. Положила трубку. Тут же молча написала на машинке от моего имени рапорт начальнику отдела кадров, наложила свою резолюцию и отдала мне, сказав: «Подпиши и отнеси в отдел кадров».

«Изживать наши недостатки, бичуя их, быть достойными членами молодой коммунистической гвардии, идти по тому пути, который наметили и по которому шагаем сейчас – вот о чем думала я, сидя перед аппаратом. Помни это всегда, Володька. И когда будешь глядеть на эту фотку – знай, тот, кто на ней, считает тебя лучшим товарищем и другом.

Зойка

21 апреля 1925 г.»

Зоя Воскресенская с товарищами по работе в Заднепровском райкоме ВКП(б). Смоленск, 1926 г.

Зоя Ивановна с первым мужем Владимиром Казутиным и сыном Володей.
Москва, 1929 г.

З. И. Воскресенская с подру-
гами после возвращения из
первой заграничной
командировки. Начало 30-х
годов

Зоя Воскресенская с двоюродной
сестрой Валентиной. Середина 20-х
годов

Мать З. И. Воскресенской Александра Дмитриевна в молодости

«Разочарование». Такую надпись оставила на обороте фотографии З. И. Воскресенская. 1934 г.

Зоя Ивановна (Ирина) и Борис Аркадьевич (Кин) Рыбкины, разведчики. Москва, 1940 г.

Зоя Воскресенская и Надежда
Синицкая (Осипова). Хельсинки,
30-е годы

З. И. Воскресенская на отдыхе
в Сочи, середина 30-х годов

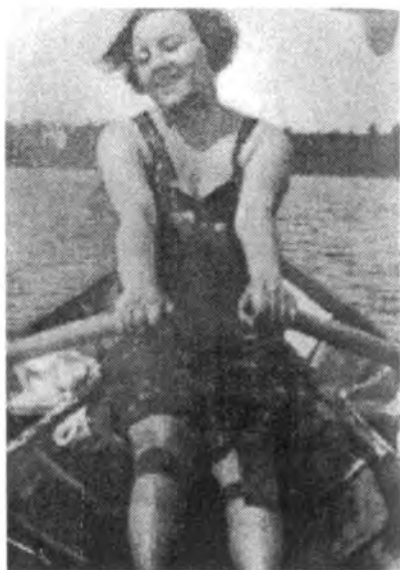

З. И. Воскресенская с братьями Николаем и Евгением.
Смоленск, 1936 г.

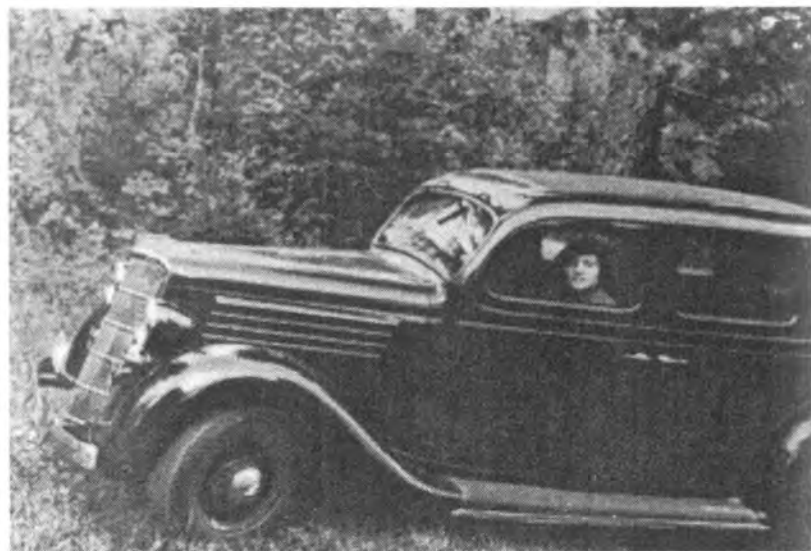

З. И. Воскресенская в Латвии.
1932 г.

Зоя Ивановна в короткие часы
отдыха. Финляндия, 1933 г.

З. И. Воскресенская на разведывательной работе
в Финляндии. 1933 г.

З. И. Воскресенская (Рыбкина) у памятника на могиле замечательному композитору, королю вальса Иоганну Штраусу. Австрия, 1933 г.

З. И. Воскресенская в Германии. 1933 г.

Заседание гитлеровского кабинета с главными промышленниками Германии. Середина 30-х годов

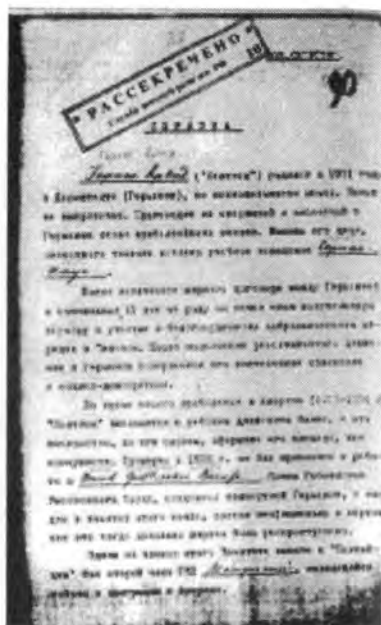

Харро Шульце-Бойзен — один из руководителей «Красной капеллы»

Рассекреченная переписка Корсиканца (А. Харнак) и Старшины (Х. Шульце-Бойзен) с Центром (архив ПГУ)

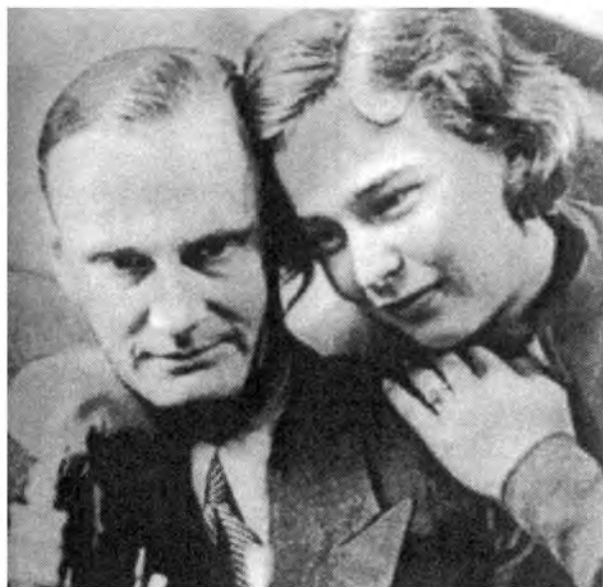
Арвид Харнак — один из руководителей «Красной капеллы»

Арвид и Мильдрет Харнаки

Харро Шульце-Бойзен с женой Либертас

Гитлер, Геринг и Муссолини. Берлин, 1937 г.

Гитлер с руководителями военно-воздушных и танковых частей вермахта перед парадом. Берлин, 1938 г.

Гитлер и Франко на параде легиона «Кондор»

Наградное удостоверение
З. И. Воскресенской-Рыбкиной,
подписанное Л. П. Берия. 1940 г.

П. А. Судоплатов накануне войны

З. И. Рыбкина. Такой она была
на рауте в германском
посольстве в Москве и
вальсировала с послом, графом
Шуленбургом. Май 1941 г.

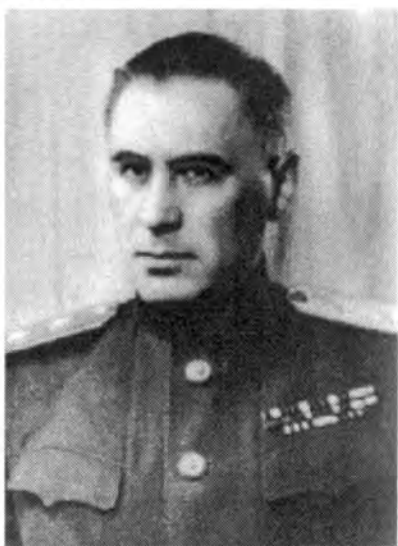

Сталин на трибуне Мавзолея 7 ноября 1941 г.

З. И. Рыбкина в годы войны

П. А. Судоплатов, руководитель
ОМСВОНА

Вера Давыдова (на обороте фотографии написано: «Моя дорогая, моя самая любимая Зоя! Это я пою в г. Сочи в госпитале перед ранеными и на мне твое платье василькового цвета, кружевное. Помнишь, ты мне подарила его в Хельсинки. Август 1943 г.»)

З. И. Рыбкина. 1945 г.

Б. А. Рыбкин с сыном Владимиром. 1944 г.

З. И. Воскресенская
в Швеции. 1942 г.

А. М. Коллонтай с мужем
П. Е. Дыбенко в молодые годы

Посол Советского Союза в Швеции А. М. Коллонтай (справа) и
З. И. Воскресенская (Рыбкина), пресс-секретарь посольства.
Стокгольм, 1943 г.

З. И. Воскресенская на приеме у короля Швеции

З. И. Воскресенская с Р. Н. Астровой (слева) на приеме в советском посольстве. Стокгольм, 1944 г.

З. И. Воскресенская по возвращении из Швеции

П. А. Судоплатов. 1945 г.

Советская военная техника
на улицах Берлина
27 апреля 1945 г.

Последний резерв Гитлера
«Немецкий порядок» в плену у «русского Ивана»

Миг счастья. Солдаты капитана Неустроева после водружения
Знамени Победы над рейхстагом

Французское изобретение, послужившее «немецкому порядку»

Советский военный оркестр на улицах покоренного Берлина

З. И. Воскресенская —
после победы

З. И. Воскресенская с му-
жем Б. А. Рыбкиным и сы-
ном Алексеем

З. И. Воскресенская с матерью Александрой Дмитриевной. 1945 г.

Зоя Ивановна с братом Е. Воскресенским

З. И. Воскресенская с мужем Б. А. Рыбкиным, сыном Владимиром и братом Евгением

Семья Рыбкиных после войны, 1946 г. В центре мать Зои Ивановны — Александра Дмитриевна и сын Алексей

Зоя Ивановна с мужем В. А. Рыбкиным

Встреча с юностью — через 30 лет. Зоя Ивановна и В. Лоцинский

В. М. Зарубин на отдыхе

В. М. Зарубин с женой Елизаветой
Юльевой

В. М. Зарубин с дочерью Зоей
и внучкой Таней

Зоя Ивановна Воскресенская (Рыбкина) с семьей Осиповых на отдыхе в Австрии (на снимках Н. Д. Осипова (Синицкая), А. Е. Осипов и их дочь). 1947 г.

Леонид (Наум) Эйтингон,
ближайший помощник
П. А. Судоплатова

И. А. Чичаев. Его Зоя Воскресенская называла своим «крестным отцом» в разведке

Зоя Ивановна Воскресенская в санатории «Архангельское». 1953 г.

Г. И. Морозов. Китай,
1947 г.

Дипломатический паспорт
А. А. Морозовой

З. И. Воскресенская в рабочем кабинете в годы опалы

Проводы Зои Ивановны Воскресенской домой в Москву
(на снимке — вторая справа). Воркута, 1956 г.

З. И. Воскресенская с матерью в московской квартире

З. И. Воскресенская на даче под Москвой. 50-е годы

**З. И. Воскресенская
(Рыбкина), бывшая разведчица,
полковник в отставке**

**А. Д. Воскресенская с внуком
Алексеем**

**З. И. Воскресенская.
Москва, начало 60-х годов**

Писательница Зоя
Воскресенская

З. И. Воскресенская у
портрета матери В. И. Ленина
Марии Александровны

З. И. Воскресенская.
Москва, конец 60-х
годов

З. И. Воскре-
сенская в день
семидесятилетия
с группой со-
трудников внеш-
ней разведки;
крайний справа
полковник
Э. П. Шарапов

Зоя Воскресенская и
Георгий Свиридов во
время вручения
Государственных
премий. Москва,
Кремль, 1968 г.

З. И. Воскресенская
в скульптурной
мастерской. 1990 г.

З. И. Воскресенскую,
разведчицу и
писательницу,
поздравляет с
восьмидесятилетием и
вручением ей ордена
Октябрьской
Революции первый
секретарь Союза
писателей СССР,
разведчик, Герой Со-
ветского Союза
Владимир Карпов.
Переделкино, 1987 г.

**Зоя Ивановна Воскресенская
незадолго до своего
восьмидесятипятилетия
с сыном Алексеем
и невесткой Натальей**

**Работа до последнего
вздоха**

В 1951 году Зоя Ивановна поинтересовалась — где я намерена провести свой предстоящий отпуск. Я пожала плечами. Тогда она предложила мне путевку в санаторий «Кавказская ривьера», в Сочи. Я начала отказываться, не объясняя причины моего отказа от путевки в такой шикарный санаторий, как «Кавказская ривьера». А причина состояла в том, что я никогда не была в таких санаториях и к тому времени не имела соответствующей выходной одежды. Зоя Ивановна почувствовала мои колебания, заставила сесть и объявила, что я не выйду из ее кабинета до тех пор, пока не расскажу ей причину моего отказа от путевки. Пришлось все ей рассказать, как на исповеди. На какое-то время она задумалась. Потом решительно объявила: «Сделаем так. Как женщина, я тебя очень хорошо понимаю. Поэтому в этом году я выдам тебе единовременное денежное пособие, на которое ты сможешь купить выходные наряды. Но на будущий год ты обязательно поедешь в санаторий». Надо сказать, что сама Зоя Ивановна одевалась строго, но со вкусом. Предпочитала темные, неброские тона одежды.

Уже в 80-е годы, когда Зоя Ивановна сломала шейку бедра и находилась на лечении в ЦИТО (Центральный институт травматологии и ортопедии), я посетила ее в больнице. Она была очень приветлива и, несмотря на болезнь, постоянно шутила. И рассказала, как она своей шуткой напугала лечащего врача, не понявшего ее юмора. Палата, в которой лежала Зоя Ивановна, была на трех человек и без телефона. А рядом, в соседней палате, находился артист Р. Я. Плятт, которого Зоя Ивановна хорошо знала. При очередном посещении врача она попросила, ссылаясь на необходимость иметь телефон, перевести ее в палату к Ростиславу Яновичу, тем более что они давно дружны и вдвоем им будет значительно интереснее. Врач принял шутку всерьез. «Как же так?! Ведь мы не помещаем вместе в одну палату мужчин и женщин!» На что Зоя Ивановна ответила: «Мы уже потеряли свой пол, к тому же не можем двигаться!». Только тут все поняли, что больная разыграла врача.

В моей памяти Зоя Ивановна навсегда останется эталоном доброты, житейской мудрости и женской красоты.

ВСПОМИНАЕТ ЗОЯ ВАСИЛЬЕВНА ЗАРУБИНА — ДОЧЬ В. М. ЗАРУБИНА

ВОСКРЕСЕНСКУЮ Зою Ивановну я знаю очень хорошо, хотя видела ее редко. Они с мужем Борисом Аркадьевичем Рыбкиным посещали моего отца. Это была очень красивая и очень добрая женщина. Узнала я ее ближе, как мать, когда она посещала школу радистов, в которой учился ее сын Владимир и мой названный брат (сын Эйтингона) тоже Владимир.

Она была всегда очень общительная, в то же время подчеркнуто выдержанная, с умными, говорящими глазами, хотя тогда я была молода и еще не умела читать по глазам. Такому доброму, терпеливому отношению к детям нас учила ее мать Александра Дмитриевна Воскресенская.

Во время моей работы в органах государственной безопасности мы с Зоей Ивановой встречались только в коридорах. В то время разговоров на служебные темы сотрудников между собой не вели, тем более в коридорах. Помню только, когда она приехала из Швеции и стройная, красивая проходила опять же по тем же коридорам, вслед ей неслось: «Как она не гнется под тем количеством заданий, которые ей дают». А Зоя Ивановна входила в кабинет начальства, что там докладывала, мы не знали, а выходила опять та же милая, улыбающаяся Зоя Ивановна, и никаких служебных разговоров и вопросов. Все равно бы она на них не ответила.

Могу сказать, что она очень мужественно перенесла смерть Бориса Аркадьевича. А потерять любимого мужа (с первым мужем у них не сложились отношения), да еще после войны — это что-то значит. Сам Борис Аркадьевич оставил у меня впечатление симпатичного, выдержанного и очень, очень вежливого человека.

Много лет спустя после его смерти она сама мне говорила: «Я не только писательница Воскресенская, я вновь воскресла».

В отношении защиты со стороны Зои Ивановны Павла Анатольевича Судоплатова могу только сказать, что она не приняла его арест, а что говорила на партийном собрании — не знаю. Знаю лишь, что после этого ее направили на работу в Воркуту, после чего она ушла на пенсию и, кажется, не по линии КГБ, где она проработала 25 лет, а по линии МВД. Зоя Ивановна и Борис Аркадьевич поддерживали отношения с семьей Судоплатовых, хотя тогда в наших органах дружба с семьями не поощрялась. После ареста Судоплатова Зоя Ивановна была в очень хороших отношениях с его женой — Эммой Карловной.

В 1979 году я была директором советской выставки в США. На этой выставке в качестве представителя Комитета советских женщин присутствовала Любовь Кузьминична Баясная, которая в то время была, уже не помню, то ли секретарем ЦК ВЛКСМ, то ли уже заместителем министра просвещения РСФСР. Когда мы вернулись в Москву, Баясная посетила Зою Ивановну, с которой она была дружна, и сказала ей, что в США она познакомилась с интересной женщиной, ее тезкой, и очень мечтает познакомиться их. Зоя Ивановна тут же спросила: «Зарубина, что ли?!» Баясная была потрясена. Еще больше она была удивлена, когда в ее присутствии мы встретились с Зоей Ивановной и долго трясли друг другу руки.

КАК ЗВАЛИ ШТИРЛИЦА?

Многолетний помощник Леонида Брежнева Андрей Андреевич Александров-Агентов рассказывал о своем престарелом шефе такую историю. Брежнев, как и все хозяева Кремля, обожал смотреть кино — и особенно телефильм «Семнадцать мгновений весны». Героем фильма был любимец советской публики Вячеслав Тихонов в роли вымышленного советского разведчика, проникшего под именем штандартенфюрера Штирлица в имперскую канцелярию и ставшего ближайшим сотрудником Гимmlера, Мюллера и Шелленберга. Дряхлый Брежнев в конце жизни уже не видел разницы между правдой и вымыслом и однажды после очередного просмотра спросил:

— А мы наградили Штирлица?

Ответом было смущенное молчание, на которое Брежнев реагировал неожиданным приказом: наградить Штирлица званием Героя Советского Союза. Из положения удалось выйти так: наградили... артиста Тихонова.

Имя Штирлиц в советской стране не имело сравнения по популярности. Выдуманный умышлен «летописцем» КГБ Юлианом Семеновым, он творил чудеса: запросто обманывал Мюллера, разгуливал по имперской канцелярии как по своему дому и срывал все немецкие планы, разумеется, донося о них в Москву. Фильм имел колоссальный успех. Когда его показывали по телевидению, улицы городов пустели, все сидели у экранов. Знавшие люди похихикивали: вот как здорово выдумал Семенов во славу КГБ, а такого героя в действительности не было!

Но теперь злопыхателям придется замолчать. Штандартенфюрера Штирлица не существовало. Но «советский глаз» в гестапо был.

Это невероятная, но действительная история, о которой до сих пор архивы хранили молчание. Она начиналась дважды — ее второе начало можно датировать точно. Оно было почти вульгарно. В июне 1940 года неизвестный посетитель принес в полпредство СССР в Берлине письмо, адресованное военному атташе или, его заместителю. Автор письма, предлагая восстановить контакт с ним, указывал: «Если это не будет сделано, то моя работа в гестапо потеряет всякий смысл». В письме назывались пароль для вызова по телефону, место и время встречи.

Разумеется, военный атташе переправил письмо в Разведывательное управление Красной Армии, в Москву. Оттуда 23 июля переадресовали на Лубянку, в разведку НКВД с припиской: «Возможно, здесь речь идет о человеке, который вас интересует». Заместитель начальника внешней разведки Павел Судоплатов в тот же день написал на сопроводительной записке: «Журавлеву, Короткову. Известен ли вам он? Не о нем ли говорил т. Зарубин?»

Начальник 1-го отделения разведки П. М. Журавлев составил тогда же справку, в которой указывалось, что за время сотрудничества с нами с 1929 года без перерыва до весны 1939 года этот человек передал нам чрезвычайно обильное количество подлинных документов и личных сообщений, освещающих структуру, кадры и деятельность политической полиции (впоследствии гестапо), а также военной разведки Германии. Он предупреждал о готовящихся арестах и провокациях в отношении нелегальных и «легальных» работников резидентуры в Берлине, сообщал сведения о лицах, разрабатываемых гестапо, наводил также справки по следственным делам в гестапо, которые нас интересовали, а в последнее время передавал главным образом материалы о военном строительстве в Германии, в том числе о сооружении особо важного объекта в Потсдаме — ставки Верховного главнокомандующего. В справке отмечалось, что, судя по материалам дела, в отношении агента никогда не возникало каких-либо сомнений и что т. Зарубин характеризует его как верного, честно работающего с нами на материальной основе агента.

Читатель, конечно, знает, что представляло собой гестапо и какую роль оно играло в жизни гитлеровской Германии. Напомним, что в созданном по указу Гитлера в 1939 году имперском ведомстве безопасности (РСХА) ключевое место занимало IV управление — тайная государственная полиция, или гестапо, на которое возлагалось изучение противника и борьба с ним. РСХА возглавлял рейхсфюрер СС (охранных отрядов) Гиммлер, а его правой рукой был Гейдрих, одновременно руководивший партийной разведкой — СД. Работу IV управления курировал именно Гейдрих. Его служебный кабинет находился в помещении, отделенном лужайкой от основного здания гестапо на Альбрехтштрассе, где работал наш агент.

Действительно, этот человек был известен уже, как видно из справки, давно. Именно о нем не раз говорил Василий Михайлович Зарубин, советский разведчик, прошедший долгие годы за рубежом в облике скромного чешского инженера Кочека. «Чекист первого призыва», он пришел в ведомство Феликса Дзержинского еще в 20-е годы и начал карьеру нелегала. Как урожденный пролетарий, он пользовался полным доверием (его принимал Сталин). Но это было не единственное его качество. Общительный, одаренный природным умом, он нашел свое подлинное призвание разведчика. Ему помогала очаровательная супруга Елизавета, блестящая разведчица. Спортсмен, прилично говоривший по-английски и по-французски, он прекрасно чувствовал себя и в США, и во Франции, и в Германии. Здесь ему и поручили связь с ценнейшим агентом, носившим в картотеке НКВД кличку Брайтенбах. Кто же это был?

Родившийся в 1895 году Вилли Леман — сын учителя, учившийся на столяра, он 12 лет прослужил в имперском военно-морском флоте. В 1911 году он поступил в берлинскую полицию. Вилли Леман оказался человеком способным: попал в контрразведотдел берлинского полицей-

президиума, с 1920 года стал начальником канцелярии отдела. В его обязанности входила и слежка за иностранными посольствами, в том числе и за советским. Тут-то и началась его двойная жизнь.

Вилли Леман действовал осторожно: сначала он порекомендовал своему лучшему другу (тоже сотруднику полиции-президиума), попавшему в финансовые затруднения, обратиться к русским с предложением своих услуг. Это было в 1927 году, а в 1929 году Леман последовал примеру друга, что было зафиксировано в делах Лубянки 7 сентября. Москва радировала: «Ваш иновый нас очень заинтересовал. Единственное наше опасение в том, что вы забрались в одно из самых опасных мест». Резидентура отвечала: «...опасность, которая может угрожать в случае провала, нами вполне учитывается, и получение материалов от источника обставляется максимумом предосторожностей».

Что правда, то правда. Леман занимался самыми щекотливыми делами. В 1930 году ему была поручена «разработка» советского посольства и противодействия советскому экономическому шпионажу. Его знал и ценил новый прусский министр-президент Герман Геринг, взявший Лемана во вновь созданное гестапо. В начале 1933 года гестапо посетил Геринг. Он просил чиновников не относиться враждебно к национал-социалистам в своих рядах. Чиновники с участием Брайтенбаха подготовили в ответ письмо Герингу с благодарностью за выраженную им уверенность, что сотрудники отдела и впредь исполнят свой долг. К Брайтенбаху стали обращаться с предложением вступить в нацистский союз чиновников. Агент, однако, не спешил с ответом. И только 20 апреля 1934 года, в день рождения Гитлера, Леман был повышен в чине, а в мае принят в СС с правом ношения значка. О возможностях, открывшихся для советской разведки, говорит лишь такой факт: 30 июня 1934 года Леман был в свите Геринга и в Москву пошла быстрая, точная информация о «ночи длинных ножей»...

Приехавший в 1934 году в Берлин Василий Зарубин хорошо сработался с Брайтенбахом, причем на совершенно деловой основе: не идеология, а ежемесячная сумма 580 марок. Лемана, видимо, это устраивало, так как он вел скромный образ жизни. Его брак был бездетным. Жена унаследовала гостиницу и ресторан где-то в Силезии: там в случае выхода на пенсию Леман хотел открыть частное сыскное бюро. В Москве очень заботились о Лемане: помогли ему лечить диабет, а для пьяницы-коллеги, приведшего Лемана в посольство на Унтер-ден-Линден, обеспечили за русский счет поездку в Швейцарию, позаботясь тем самым и о соблюдении конспирации.

Сведения Брайтенбаха поистине не имели цены. Не говоря уже о том, что московские разведчики за 12 лет не имели ни одного провала (обо всех операциях гестапо шли предупреждения). В Москву тек поток информации и документов. В архиве Лубянки отчеты с подписью Брайтенбах составили 14 томов. В первую очередь он регулярно освещал

щал деятельность политической полиции, гестапо и абвера. Затем, став по долгу службы наблюдателем за военной промышленностью и военным строительством, в Москву стал посылать данные о строительстве военных объектов. Для дешифровальной службы Лубянки он слал немецкие исходные материалы. И все это на высшем профессиональном уровне, исключавшем, по мнению Зарубина, дезинформацию или обман. Через Лемана шли практически все документы отдела IV-Е. Если на имя Гейдриха поступали документы и сводки, то копии шли в IV управление, а тем самым в руки Лемана. Дальше все решал он и Зарубин.

Работать бы Брайтенбаху и работать — если бы не... Москва, где начались самоуничтожительные оргии. Был отозван и затем расстрелян легальный резидент Борис Гордон; отозвали подчиненного ему нелегала Василия Зарубина, но не расстреляли. Связные часто сменялись.

Как практически работала резидентура?

В декабре 1934 года в Берлин прибыл резидент-нелегал Василий Зарубин. В директиве Центра об установлении им связи с Брайтенбахом предлагалось продолжать освещение деятельности гестапо, направлять работу агента по линии сближения с работниками абвера, проработать вопрос о возобновлении получения от него документальных материалов. Крут вопросов, выясняемых через Брайтенбаха, продолжал расширяться. Зарубин встречался с Леманом лично, благо отлично знал немецкий язык и числился как чешский инженер Кочек. В конце ноября 1936 года Зарубин писал в Центр: «Брайтенбах за все это время в первый раз стал выражать некоторую нервозность, говорит, что обстановка у них внутри чисто военного времени. В связи с чрезвычайными мерами контроля над иностранцами он, видимо, боится, как бы мы не попали на заметку и его не подвели».

В этой связи Центр в одном из писем в январе 1937 года высказал сомнение в том, решится ли Брайтенбах предоставить нам годовой отчет гестапо, главу из которого о СССР он уже дал в кратком изложении. Зарубин отвечал, что «последнее время Брайтенбах прихварывал, обстановка действительно ужасно серьезная и натянутая, так что «иногда нормально и понервничать». Давать сейчас документы очень сложно, но он, — продолжал Зарубин, — делает это, когда может. В частности, годовой обзор он обещал, и я уверен, что он его даст».

После отъезда Зарубина связь с Брайтенбахом поддерживалась через содержательницу конспиративной квартиры некой живущей в Берлине иностранной гражданки, практически не владеющей немецким языком. Ее кличка была Клеменс, и она использовалась просто как почтовый ящик. Информацию передавал Брайтенбах мадам Клеменс. От нее документы забирали на первых порах сотрудник «легальной» резидентуры Эрвин, а с июня 1937 года его заменила Маруся — жена будущего известного разведчика Короткова, в резидентуре не хватало людей....

На квартиру к Клеменс Марусю сопровождал легальный дипломат Рубен — Александр Иванович Агайц. Ему было приказано часа полтора отводить на проверку, на случай наружного наблюдения, и являться на встречу в строго назначенное время. В сентябре 1937 года Рубен докладывал в Центр: «Алексею. Лично. Брайтенбах является к Клеменс за полтора-два часа до встречи с Марусей. Мы сообщили через Клеменс Брайтенбаху о необходимости передачи материалов в таком виде, чтобы их можно было при случае разжевать... Клеменс недостаточно владеет местным языком, что несколько затрудняет общение с Марусей. Мы решили, что Маруся будет форсировать свои занятия языком с Клеменс пока самостоятельно».

В ноябре 1937 года в связи с отъездом Маруси в Советский Союз связь Брайтенбаха принял непосредственно сам Агайц, который плохо владел немецким языком, в связи с чем Брайтенбах стал передавать информацию Клеменс для Рубена в фото пленке. В декабре 1938 года Агайц после проведенной операции неожиданно умер.

Заметил беспорядок у опекунов и сам агент. Он писал в Москву: «Как раз когда я готов бы заключить хорошие сделки, тамошняя фирма совершенно непонятным для меня образом перестала интересоваться деловой связью со мной». А весной 1939 года связь вообще прекратилась.

Сразу после заключения пакта Молотов — Риббентроп ведомство Берия встало перед почти невыполнимой задачей: само разгромив свою собственную разведывательную сеть в Западной Европе и уничтожив в ходе сталинско-ежовско-бериевских репрессий своих лучших людей, оно должно было начинать почти с чистого листа. В Берлин направился новый резидент, молодой и неопытный армянин Амаяк Кобулов, известный лишь как брат ближайшего сподвижника Берия Богдана Кобулова. И вдруг такая находка!

Сразу обратились к архивам 30-х годов. Они подтвердили: да, это наш человек по кличке Брайтенбах. В начале сентября 1940 года сотрудник резидентуры Александр Коротков встретился с «пропавшим агентом». 9 сентября 1940 года из Москвы последовала завизированная Берия шифровка, в которой писалось: от агента «нужно брать все, что находится в непосредственных его возможностях», подобрать связника и фотолабораторию для документов, которые будут поступать. Ожидания вскоре оправдались: стала поступать высокоценная разведывательная информация, включая, к примеру, текст доклада Гейдриха от 10 июня 1941 года «О советской подрывной деятельности против Германии».

Когда осенью 1940 года Александр Коротков восстановил контакт с Вилли Леманом, позиции Брайтенбаха еще более укрепились — он уже не полицейский, а хауптштурмфюрер СС, криминалькомиссар, сотрудник отдела IV-E, занимавшегося контрразведкой. В этом отделе Леман ведал защитой военной промышленности Германии, что в обста-

новке 1940—1941 годов делало его информацию исключительно важной. Можно понять, что о нем заботился сам Берия.

Связь с Брайтенбахом была поручена новому сотруднику Николаю — Борису Николаевичу Журавлеву. Они часто встречались в пригородах Берлина. Как вспоминает нынешний пенсционер Борис Журавлев, Брайтенбах иногда приносил документы, которые Николай брал на фотографирование и на следующий день возвращал.

Уже в марте 1941 года Брайтенбах сообщил, что в абвере в срочном порядке укрепляется подразделение для работы против СССР. Его новый начальник Абт, ушедший в свое время из гестапо как масон, по картотекам и спискам подбирает нужных людей. Когда к Брайтенбаху обратился Абт, он рекомендовал ему некоторых своих бывших сотрудников, уже вышедших на пенсию. Брайтенбах считал, что это будет и в наших интересах. Центр не возражал. Сведения о подготовке войны все более учащались, учащались и встречи с Брайтенбахом. Так, в мае они встречались 15, 21 и 28 мая. В июне агент должен был уйти в отпуск до 17 июля, 19 июня он пришел на встречу крайне взволнованный и сообщил, что получен приказ о начале войны против СССР в 3 часа 22 июня. В тот же вечер информация ушла в Москву.

Но не по каналам разведки, а по линии посольства, так как буквально накануне резидентура в Берлине получила «разнос» Центра по поводу того, что она бомбардирует Центр ложными сведениями о начале войны.

Так Брайтенбах был потерян второй раз — на этот раз навсегда. Берлинская резидентура не подготовила связь с ним на случай войны и не дала агенту явок и связей, за что пришлось расплачиваться. Подход к Брайтенбаху не остался, так как Николай 4 июля с советской колонией покинул Берлин.

Нетрудно понять, что в Москве кусали себе локти, потеряв столь важный источник. Когда в мае 1942 года в Германию был заброшен агент-парашютист Ганс Барт (Бек), то ему дали старый пароль, обусловленный еще Коротковым. 11 декабря Бек радировал из Берлина, что разговаривал с Брайтенбахом по телефону, передал пароль и договорился о встрече. Но на следующий день агент не пришел. Бек позвонил еще раз, однако к телефону подошла жена и сказала, что мужа нет дома...

Бек — Барт был через несколько дней арестован и, как он впоследствии признался (он выжил и вернулся в Москву), выдал гестапо свою явку к Брайтенбаху. Когда же после войны советские офицеры пришли в дом № 21 по Кармен-Сильваштрассе, то госпожа Леман рассказала: в декабре 1942 года муж был срочно вызван на службу и домой не вернулся. Чуть позже сослуживцы под секретом ей сообщили: Вилли Леман расстрелян.

История неизвестного Брайтенбаха заставляет по-новому взглянуть

на роль известной «Красной капеллы». Можно понять, почему разведка медлила с установлением связи с членами «Красной капеллы». Зачем были нужны политизирующие интеллектуалы, когда у НКВД был под рукой профессионал, вхожий в самые высокие круги рейха?

Но история рассудила иначе. Лубянка потеряла и то, и другое. Но если люди «Красной капеллы», хотя и с многолетним опозданием, получили советские ордена, Вилли Леман и того не получил.

ВСПОМИНАЕТ ПОЛКОВНИК Э. П. ШАРАПОВ

Наши отношения с Зоей Ивановной постепенно становились все теплее и доверительнее. Своей кульминации эти отношения достигли зимой 1979 года, когда Зоя Ивановна с младшим сыном приехала ко мне в гости в Берлин, где я в то время работал. Мы перешли с ней на «ты», и во время одной из прогулок по городу, учитывая, что весной погиб ее старший сын, а год назад умерла моя родная мать, она предложила мне называть ее мамой.

Особенность моих отношений с Зоей Ивановной состояла в том, что из всех ее родных и близких я был единственным, кто принадлежал к той же, как она говорила, «конторе», а из всех коллег по работе во внешней разведке — был единственным, кто входил в круг семьи.

Поэтому все, что написано в этой книге, она пересказывала мне несколько раз во время наших частых и длительных встреч. Многие родственники и коллеги, и я в том числе, неоднократно советовали написать книгу о разведке, но ее останавливал барьер секретности. Она не знала, что можно, а что нельзя говорить о своей прошлой работе. Толчком к тому, что она все же взялась за эту работу, будучи прикованной болезнью к постели, послужили многочисленные публикации в прессе о ней в период 1990—1991 годов, в которых правда перемешивалась с небылицей. Именно поэтому первое издание ее книги называлось «Теперь я могу сказать правду».

Многие эпизоды, которые, видимо, больше всего волновали ее и которые нашли свое место на страницах этой книги, она пересказывала вновь и вновь. Но чаще всего она возвращалась к одной и той же теме, которая, как заноза, застряла в ее сердце на всю жизнь. Это гибель ее мужа Бориса Аркадьевича Рыбкина. Характерно, что если другие эпизоды повторялись ею совершенно точно, то к рассказу о гибели мужа постоянно прибавлялись все новые и новые детали.

И вот однажды, примерно за полгода до своей смерти, она попросила меня достать из ящика письменного стола большой бумажный пакет и сказала: «Здесь я написала о том, как погиб Борис Аркадьевич. Этого еще никто не читал. Возьми с собой, потом вернешь». Дома, прочитав содержание конверта, я понял, что Зоя Ивановна хочет, чтобы я оставил

у себя копию. Так я и сделал. И сегодня предлагаю читателю этот текст.

Но прежде чем познакомить читателя с письмом Зои Ивановны о гибели мужа, я хочу показать все грани их супружеских отношений, показать, почему смерть мужа не давала покоя Зое Ивановне до конца ее дней.

Дело в том, что уже после смерти Зои Ивановны я обнаружил в ее архиве несколько писем той роковой поры. Письма на тот свет. Направленные письма к покойному, но по-прежнему любимому мужу. Письма на грани смерти и жизни. Письма, которые до сего времени никто не читал.

Таких писем шесть. Первое письмо — крик души раненой женщины — вообще не датировано. Второе и третье — почти через месяц после гибели мужа... Последнее в июле следующего, 1948 года. Я привожу читателю четыре письма. Вот они.

Не имею права!

Я должна жить!

Счастливым человек — независимый человек! Несчастливый человек не может быть независимым!

Что может быть тяжелее и неприятнее несчастной женщины — говорит Павленко в «Счастье».

Да, это так! Я чувствую, ощущаю это ежеминутно, ежесекундно. В дни твоих похорон наши друзья были со мной. Они старались меня утешить, когда я похоронила тебя.

Теперь я им в тягость. Они не могут держать меня на своих руках всю жизнь. Я должна сама стать на ноги. Я это понимаю.

Я боюсь быть нудной. Я не хочу быть «вечно заплаканной вдовой». Я хочу быть снова самостоятельным человеком, каким была при тебе!

Как это сделать? Как?

Как обрести мне равновесие, как сделать, чтобы тоска и отчаяние не заливали меня, не душили меня, как и что сделать, чтобы раздавленный грубым сапогом воробей нашел в себе силы лететь?

Как мы были счастливы, как нам было хорошо, нам никогда не бывало скучно вдвоем. Мы всегда хорошо себя чувствовали в обществе, среди товарищей, друзей.

Нас смешило и радовало постоянное удивление людей нашей неизменной дружбой, любовью. Мы гордились друг другом и берегли наше счастье, наши отношения, нашу влюбленность друг в друга.

Милый, родной, хороший!

Всего 3 месяца тому назад я чувствовала себя 25-летней. Всего 3 месяца назад мы беззаботно подсчитывали, что еще много лет мы будем горячими любовниками, а затем милыми старыми друзьями-супругами, а потом... в глубокой старости ты умрешь, как умер гого-

левский Афанасий Иванович, и затем также мирно уйду за тобой и я, твоя верная Пульхерия Ивановна.

Так шутили мы!

Так думали мы, как веселые принцы, еще в середине сентября 47 года. А вот сегодня я уже месяц вдова. Я чувствую, что мне не 40, а 70 лет и я не имею права даже отправиться вслед за тобой, не имею права облегчить свои страдания.

22.XII.47.

Боря, солнце души моей!

Померкло солнце! И я в черной ночи повисла над бездной, над страшной пропастью. Держусь руками, ногтями и зубами, чтобы не сорваться вниз.

Ах, как это невыносимо трудно, как тянет вниз.

Но разве ты простил бы мне, если бы я сорвалась?

Разве ты мог простить бы меня, чтобы я оставила круглой сиротой Алешеньку, которого ты так любил?

Разве я имею право оставить Володю, который еще не стал на ноги, и нашу мать, которая еще держится на ногах потому, что держусь еще я.

Нет, Боренька, я не обману твоих надежд, я буду держаться.

Ты не хотел уходить из жизни, ты не хотел, ох как не хотел покидать меня и Алешеньку. Я знаю, что последняя мысль у тебя была обо мне и Алешеньке.

Где и как найти силы, чтобы выдержать такое?

Я знаю, что ты ответил бы: «Зоинька, у тебя есть партия, есть работа, на тебе осталась семья. Я не добровольно ушел из жизни. Меня вырвало из нее. Я так хотел жить, работать и радоваться. Не предавайся отчаянию. Я всегда гордился тобой. Возьми себя в руки. Работай за нас обоих. Пусть Алешенька имеет от тебя столько любви, ласки и заботы, сколько имел от нас обоих. Держись, Зоинька! Без паники. Возьми, унаследуй мой оптимизм».

Мы всегда понимали друг друга без слов и умели читать мысли друг друга.

Именно это ты сказал бы мне в последнюю минуту, если бы мог, мой милый, любимый, родной.

Клянусь, я не обману тебя, не оскверню твоей памяти. Буду стараться, изо всех сил стараться быть такой, каким был ты.

Мы бы не были вместе и не прожили бы такой яркой, счастливой жизни и не любили бы друг друга, если бы не были коммунистами, если бы раньше всего не ставили бы интересы нашей Родины. Я знаю это.

Клянусь, что отдам все свои силы партии, работе, которую она мне поручила. Никто пусть не скажет, что Зоя Ивановна отпус-

тилась, «скисла», стала «не то», что была при Борисе Аркадьевиче. Буду, буду работать еще лучше, и пусть это будет памятником тебе, моему учителю, другу, мужу.

Буду держаться на ногах. Буду стараться заменить Алешеньке тебя и любить его за тебя и за себя. Поставлю Володю на ноги и буду оберегать мамину старость.

Друг мой нежный, мой любимый, помоги мне найти силы.

Никто больше не услышит моих стонов и не увидит моих слез.

А к тебе я буду прибегать, к тебе обращаться, как и при жизни.

Помоги мне!

Спасибо, родной, за счастье яркое, багряное, безоблачное. Спасибо тебе за все, все, что ты дал мне в жизни.

Твоя Зоя

26.12.47.

. Боря, друг мой милый!

Зачем я пишу тебе, куда я пишу тебе, зачем обманываю себя? Одиночество! Какое страшное слово, и звучит оно для меня совершенно по-новому. 12 лет мы прожили вместе, а 28 лет до этого я жила без тебя и не чувствовала этого одиночества, никогда не ощущала его, все чего-то ждала.

Теперь мне ждать нечего. Мне 40 лет. В 40 лет распрощаться со всеми радостями в жизни и тащить, тащить свою одинокую жизнь до самой смерти.

Вот уже месяц, как я вдова. Тоже страшное слово, смысл которого никогда раньше не доходил до моего сознания.

А всего лишь три месяца тому назад! Помнишь?

6 сентября 1947 года. Закончены последние строчки лекций, осматриваю стол, шкаф, прощаюсь с товарищами. Завтра уезжаю в отпуск, и в какой отпуск! Не просто «очередной», а впервые в жизни вместе с тобой.

Вечером едем осматривать Москву. Ей, старушке, завтра минет 800 лет. А как она молода и нарядна. Кремль сверкает как диадема из роскошных драгоценных камней на голове красавицы Москвы. Москва-река, отражая в себе миллионы огней, опоясывает шею Москвы.

Мы разъезжаем по улицам Москвы и в восторге теснее прижимаемся друг к другу. Алешка поворачивает ладошками тебе голову. Ты счастлив, ты смеешься, и в глазах твоих прыгает и искрится отражение огней, сливаясь с их внутренним светом.

Вечер. Сборы чемоданов. Пьем чай. Несколько часов сна, и мы едем на аэродром.

Какое это было чудесное утро. Мы выехали из дома, когда зашли огни иллюминации и на смену им вставало солнце. На небе ни облачка.

Обещал быть чудесный день. Казалось, что все вокруг пело и ликovalo и мы с тобой, беззаботные и счастливые, счастливые без конца, отправлялись в наше «свадебное» путешествие, спустя 12 лет после свадьбы.

Такой ты видел Москву в последний раз.

Такой я видела Москву в последний мой счастливый день в Москве.

6 июня 1948 года

Боря, Боренька!

Как мне тяжело без тебя! Без тебя — друга, товарища, мужа и папы детей моих.

Сегодня Алешенька сорвал ромашку и гадал: любит — не любит, и как в прошлом году уверенно воскликнул: «Любит папа маму.— И добавил: — И Алеша маму».

Да, ты любил меня! И как любил! Теперь тебе все чуждо. А я живу как птица с поломанными крыльями.

Работа? Все идет вкривь и вкось, и я не могу вечером сказать себе — да, я прожила день не зря. Не могу этого сказать, потому что топчусь на месте, не живу в 1949 или как другие в 1952 году. О, далеко нет. Живу в каких-то 30-х годах. Почему так? Ах, как мне хотелось потолковать с тобой об этом, найти путь, найти выход, работать в полную мощность, чтобы не стыдно было каждый день ложиться спать.

Как мне не хватает тебя!

Ты понял бы меня.

Ты никогда не удовлетворялся внешним благополучием. Ты научил и меня этому. Но все ли я делаю, чтобы сломать рутину? Наверно, нет. Наверно, ты сказал бы, что я мало стараюсь. Сегодня зацвели в саду лупинусы. Они растут, цветут, живут, а тебя нет.

Сегодня Толя и Андрюша ждали своего папу из командировки. Алешенька тоже все время повторял: «Папа, папа.— И один раз спросил меня утвердительно: — Ведь мой папа тоже скоро придет, правда?» Нет, Алешенька, подумала я, не придет больше твой папа, и мне, увы, не дано уехать к нему. Не могу же я сделать так, чтобы Алешенька спрашивал также и про маму, не надеясь никогда услышать утвердительного ответа.

Окружающие считают, что я уже «прошла», пришла в себя, и, как Эмма сказала, считают, что я уже подыскиваю себе напарника в жизни. Пусть так думают! Очень хорошо, что так думают. Я вовсе не хочу выглядеть несчастной, вечно заплаканной вдовой.

Да, я сижу сейчас и плачу, а завтра приду на работу и никто этого не заметит и знать не будет.

Боренька, друг мой сердечный! Что бы ты сказал мне, если бы ты

воскрес? Наверно, был бы недоволен, что очень кратко бывают мои посещения на Новодевичьем? Я бы просиживала на твоей могиле часы, дни, все время! Как мне хочется кинуться на твою могилу и так забыться, слиться с тобой. Но я не допускаю этого. Раз я живу, я не хочу быть инвалидом и владеть жизнью. Надо или продолжать жить, или кончить ее. Я выбрала первое и буду жить. Сделаю все, чтобы прожить ее с пользой. Так бы сказал мне ты, если бы мог.

Я хочу видеть мир, жизнь такими, как я видела их при тебе. Я хочу видеть краски цветов и наслаждаться их ароматом. Ты знаешь, как я люблю краски, радостные, яркие.

Теперь цветы в саду мне говорят только о кладбище и смерти, а аромат их для меня — запах тления.

Цветут розы. Я смотрю на них и думаю. Что такое розы, если нет Бориса. Я слышу восхищенные голоса: как красиво в лесу, какой чудесный воздух. Какой великолепный запах. К чему мне все это без тебя?

Единственное, что я ощущаю, — это атласную кожу Алеши, чудесный цвет его синих глаз и все его маленькое, такое дорогое мне его тельце, его ручки, ножки. Тогда смягчается мое горе. А как он разглаживает своей ручонкой морщины у меня на лбу!

Алеша — это частица тебя. Я нужна Алешеньке! Я нужна и нужна маме! Но я эгоистична. Мне нужен ты — мой любимый друг, мой дорогой муж. Ты мне нужен так же, как я нужна Алеше.

Часто я сижу с закрытыми глазами, а иногда просто глаза перед собой. Вижу твои карие, такие дорогие и милые глаза и вокруг них такие веселые лучики-морщинки, и я знаю, что тебя нет. Я начинаю кричать, протяжно, дико, протестующе. Я готова разорвать себе грудь и вырвать из нее свое сердце, такое горячее и колющее, как кусок раскаленного шлака. Оглядываюсь кругом. Люди сидят и говорят со мной. На их лицах деловое, обычное выражение. Значит, я кричала молча. Значит, лицо мое тоже оставалось «деловым» и его исказила мука.

Мой любимый, мой дорогой и единственный!

Как я всегда радовалась, когда приходила домой и видела в передней шинель и пару сапог. Сапоги моего мужа. Шинель с плеча моего обожаемого любовника. А рядом трогательные, крохотные, величинкой со спичечную коробку каждый, сапожки нашего сынули и его микроскопическое пальто.

Всякая усталость сваливалась с плеч. Я знала, что меня ты всегда встретишь с улыбкой, с поцелуем. А после этого будет длинный разговор о дне минувшем, о событиях, о работе.

И никогда не бывало так, чтобы ты заснул, не поцеловав меня.

Такие вот письма. Письма зачем... куда... почему?.. Письма одинокой, изумительно красивой женщины...

Зоя Ивановна 45 лет прожила одна, замуж не выходила. И всю жизнь, все сорок пять лет ее мучила неизвестность — неизвестность почему и как погиб ее муж.

И лишь через тридцать с лишним лет, в июле 1980 года, она изложила на бумаге все то, что так мучило ее.

Вот что она написала и что отдала мне в большом конверте за полгода до своей смерти, словно чувствуя ее приближение.

ИЗ АРХИВА З. И. ВОСКРЕСЕНСКОЙ

29 июля 1980 г. М.

Как же погиб полковник Рыбкин Борис Аркадьевич?

Этот вопрос для меня остается до сих пор неразгаданным.

А было так: во второй половине сентября 1947 года мы с Рыбкиным улетали из Москвы на отдых в Карловы Вары, впервые отправляясь проводить отпуск вместе. Я работала тогда в 1-м Главном управлении МВД СССР. Рыбкин — в 4-м Управлении этого министерства.

Ехали на машине на Внуковский аэродром еще затемно. Москва справляла тогда свое 800-летие и была ярко иллюминирована. Когда самолет поднялся в воздух, под нами было море разноцветных огней. Незабываемое зрелище.

Прилетели в Вену, отправились в Баден, где был расположен штаб советских оккупационных войск. Нас пригласил к себе на обед начальник СМЕРШа (?) генерал Белкин. Муж его знал раньше, я видела впервые. Ночевали в гостинице, рано утром выехали. Белкин дал нам машину и шофера, чтобы добраться до Карловых Вар. С нами в машине был сотрудник 4-го Управления Тимошков Александр. Я не помню — летел ли он с нами в самолете, не помню — был ли он с нами в Карловых Варах, но отлично помню, что из Бадена до Карловых Вар мы ехали вместе с ним.

Пересекли Австрию. На контрольно-пропускных пунктах в этой стране документы проверяли представители вооруженных сил четырех союзных держав: СССР, США, Великобритании и Франции. Рыбкин, Тимошков и шофер были в военной форме, я — в штатском. В Австрии жители встречали нас не очень-то приветливо: в двух или трех поселках нам отказались продать фрукты, которых было изобилие в садах. Дороги в Австрии и Чехословакии были обсажены дикими фруктовыми деревьями. Ветер сбивал плоды, и иногда надо было останавливать машину и разгребать лопатами дорогу. Везде были еще следы войны: по обочинам дороги разбитые орудия, сожженные танки, по сторонам разрушенные города и поселки. Миновали пограничный шлагбаум в Чехословакию. Остановились у корчмы и зашли туда, чтобы позастракать. У нас с собою

были продукты, консервы, конфеты, вино. Попросили хозяина корчмы дать нам кипяток. Он предложил отведать чешские национальные блюда и отодвинул в сторону нашу снедь. Мы решили, что он хочет заработать, и плотно позавтракали, не отказываясь ни от каких блюд, которые он и его жена предлагали нам. Но когда Рыбкин вынул из кармана бумажник, чтобы расплатиться, корчмарь отчаянно замахал руками. «Вы — наши освободители. Мы у вас в вечном долгу. Вы мои гости». Мы оставили ему конфеты, вино. Поехали дальше. Везде в Чехословакии жители сами предлагали сливы, яблоки, груши, и никто не брал с нас денег. Расплачивались мы московскими продуктами.

В санатории «Империал» мы пробыли неполный срок. В конце октября нас вызвали в Прагу, где нас ждало телеграфное распоряжение из Центра: мне немедленно вернуться в Москву, а Рыбкину Б. А. получить инструкции в Бадене и вернуться в Прагу для выполнения задания.

Прибыли в Баден. Рыбкин оформил у Белкина какое-то удостоверение на имя Тихомирова Александра Николаевича, на котором была наклеена фотография Рыбкина.

На следующее утро я должна была из Вены вылететь в Москву, а Рыбкин отправиться в Прагу. День был теплый, солнечный и тихий. Горы вокруг Бадена в густом золотом убранстве. Во второй половине дня подул сильный ветер. Поднялась рыжая пурга. За несколько часов оголились деревья, дороги покрылись толстым слоем опавших желтых листьев, которые взвихривал ветер. Мы поехали на машине в Вену. Остановились у наших друзей Осиповых, с которыми дружили еще со времен совместного пребывания в Финляндии. А. Е. Осипов и в Финляндии и в Австрии был представителем Союзнефтеэкспорта. Выполнял некоторые задания нашей резидентуры. Буря продолжалась. Самолеты в этот день в воздух не поднимались. Рыбкин уехал в Прагу, а я на следующий день отправилась на аэродром. Начальник аэродрома сказал мне, что в Москву полетит только один грузовой самолет, полетит пустой за грузом. И если мне так срочно нужно, то он может меня отправить. Я согласилась. В самолете пассажирами были два солдата и я. Пустые ящики и бочки рассыпались, перекатывались по кабине. Сидеть было невозможно. Болтанка в воздухе была страшная. Приземлились возле Дебрецена. «Дальше лететь нельзя, — сказал командир самолета, — Карпаты закрыты толстым слоем туч, при таком ветре можем врезаться в горы. Я получил приказ ждать погоды». Продуктов и денег ни у кого с собой не было. Кругом ходили гуси, утки, но венгры отказались обменять утку или гуся на часы. Небольшая воинская часть при аэродроме была на строгом пайке. Командир роты подарил нам дикого гуся, которого он убил на охоте. Я варила его много часов, но он был твердый как самшит. Даже наши молодые зубы не могли справиться с ним. Просидели день, два. Я решила ехать на поезде. Пошла на вокзал, села в какой-то проходящий поезд с разбитыми окнами. Прибыли на нашу границу. Там меня дальше

не пустили: в паспорте была отметка, что выезд из СССР и въезд разрешен самолетом через определенные пограничные пункты. Мое служебное удостоверение тоже не помогло. Денег на телеграмму и железнодорожный билет не было. Я подошла на перроне к первому попавшемуся советскому полковнику. Узнала, что он едет из Вены в отпуск в Kisловодск. Попросила одолжить мне тысячу рублей, которые обещала выслать ему в Kisловодск сразу по прибытии в Москву (что я и сделала). Разыскала начальника Транспортного отделения МВД, рассказала ему о своей одиссее. Он пригласил меня к себе домой, дал телеграмму в Москву. Через два дня было получено указание, чтобы меня пропустили.

Из прилагаемого письма Рыбкина Б. А. Осипову А. Е (Синицкая Н. Д.— его жена) видно, что 22 октября я еще не прибыла в Москву. Приписка в конце письма сделана рукой Осипова: «Суббота в Вене, Дебрецен — вторник». Значит, в Дебрецене я просидела в самолете.

По прибытии в Москву мне было приказано принять дела отдела в качестве замнач отдела. Начальника отдела не было, поэтому я стала врфо нач. отдела 1-го Гл. управления. В 4-м Управлении мне сказали, что Рыбкин выполняет оперативное задание в Праге и пробудет там две-три недели.

Раза два Рыбкин звонил мне по «ВЧ». Просил прислать осеннее пальто, шляпу и шарф: наступили холода. Прислал несколько записочек с оказией. В письме, датированном 11 ноября 1947 года, он писал:

«...Самый напряженный момент всей моей поездки наступил сейчас. Чтобы тебе было понятно, представь себе — человек взбирается на высокую скользкую гору. Вот-вот доберется до верхушки и ее одолеет, но хоть осталось недалеко, но страшно скользко. Рискнешь каждую минуту сорваться вниз с ушибами. Держись буквально когтями, чтобы не сорваться. В самые ближайшие дни все станет ясно. Надеюсь, все кончится благополучно. Ты, пожалуйста, там не волнуйся. Может быть, пока это письмо дойдет, ситуация у меня изменится к лучшему».

Борис Аркадьевич по характеру был весьма уравновешен, спокоен и рассудителен. Ему чуждо было чувство паники, растерянности, преувеличения опасности. Поэтому такое письмо меня встревожило. Я спросила Эйтингона, как идут дела у Рыбкина. «Нормально»,— ответил он. Спрашивать — в чем состоит суть задания — было не в наших правилах.

Это письмо было из Праги. А последнее письмо, датированное 23 ноября (за четыре дня до гибели) я получила через неделю после похорон Рыбкина. Это письмо он посылал с оказией, с капитаном Нефедовым из Дрездена. В этом письме он писал:

«Сейчас выезжаю на один день в Берлин, а 26-го из Берлина «к себе» в П., буду там вечером. А не позже (выделено Рыбкиным) 29-го буду у Белкина, т. к. мои документы на пребывание в П. кончатся 30 ноября. Оттуда сейчас же созвонюсь с начальством, после чего, уверен, смогу выехать домой.

В Дрездене, как всегда, остановился у тов. Проконова».

28 ноября я была на работе. Настроение было тяжелое, беспокойное. Я просто не находила себе места, сама не знаю почему. 27-го утром я пошла к Эйтингону (нач. управления П. А. Судоплатов находился в это время в командировке) и попросила его дать указание Рыбкшву возвращаться в Москву поездом, а не самолетом. У меня все еще в памяти была страшная болтанка в воздухе, когда я летела из Вены в Дебрецен. Он обещал. Состояние тревоги не проходило. Меня удивляло, что Рыбкин не дает о себе знать (капитан Нефедов задержался в Дрездене, и я понятия не имела, когда Рыбкин должен был вернуться). 28-го утром меня вызвали к Эйтингону. «Борис звонит по «ВЧ» — было первой мыслью. Но когда я вошла в кабинет Эйтингона, то увидела, что трубки всех телефонов лежат на месте, на рычагах. Затем я увидела жену Судоплатова — Эмму Карловну Каганову. Она работала преподавателем в Высшей школе МВД в Варсонофьевском переулке. Я заметила ее удрученный вид и спросила: «Ты чего такая кислая?» Она ответила: «У Толошки (сына) коклюш». «Борис звонил?» — спросила я Эйтингона. Он затянулся сигаретой и сказал: «Ты баба мужественная». Меня покорило обращение на «ты» и слово «баба». «Борис Аркадьевич звонил?» — снова спросила я. «Борис погиб», — мрачно произнес Эйтингон. До моего сознания это не дошло. «Совсем погиб? Вы шутите!» — «Борис Рыбкин погиб вчера под Прагой в автомобильной катастрофе». И все равно это не укладывалось в сознании, скользило мимо. «Как погиб?» — спросила я. «Сейчас выясняем. Поезжай домой. Эмма Карловна проводит тебя».

Я пошла к себе в кабинет, собрала со стола бумаги, уложила их в сейф, опечатала, вызвала машину. Сотрудникам сказала, что сегодня на работе не буду. Отказалась от сопровождения Кагановой, сказав, что ее вид может напугать маму, а мне нужно ее подготовить. Сама я была спокойна, чересчур спокойна, вернее одеревенела, и это меня пугало. Ведь накануне я металась, места себе не находила, а тут очоенела.

Приехала к маме, сказала, что мне нездоровится. Она взглянула на меня и с тревогой спросила: «Говори, что случилось?» Я ответила, что Борис попал в автомобильную катастрофу и отправлен в больницу, но жизнь его вне опасности. «Не расстраивайся и не переживай, ну сломая руку или ногу. Срастется, заживет. Мое сердце чувствует, что все обойдется благополучно».

На следующий день я поехала на работу. Мне казалось, что я приеду и мне скажут, что Борис жив. Но сотрудники уже знали о гибели Рыбкина. Это я поняла по их виду, по отношению ко мне.

Меня снова вызвали к Эйтингону.

Он сказал, что «происходит какая-то чертовщина», что ему звонили из Будапешта и сообщили, что под Будапештом обнаружена разбитая машина «эмка» и в ней два трупа: полковника Рыбкина и солдата-шофера. Звонил в Прагу, там Эйтингону сказали, что генерал Белкин, который

ехая из Карловых Вар в Прагу утром 27 ноября, увидел на обочине дороги, недалеко от Праги, смятую машину «шкода» и в ней два трупа, в одном из которых, находившемся на переднем сиденье рядом с водителем, Белкин опознал полковника Рыбкина Б. А. Белкин вынул из карманов Рыбкина документы и поехал дальше в Прагу, чтобы сообщить о случившемся и потребовать расследования.

Какая-то надежда затеплилась в моем сердце: «Не может человек в течение двух дней погибнуть дважды, один раз в автомобильной катастрофе под Прагой, а второй раз под Будапештом, в таких же обстоятельствах: он жив!»

Вызвали меня к министру Абакумову. Он выразил мне свои соболезнования и сказал, что ведется расследование, создана комиссия.

К вечеру того же дня выяснилось, что за рулем машины «шкода» сидел майор (?) Волков, сотрудник 4-го Управления. Поскольку сам Рыбкин был отличным водителем машины, значит, Волков возил его или на свидание с каким-то человеком, или другие обстоятельства дела требовали, чтобы Рыбкин был не за рулем. В Праге, в морге, выяснилось, что Волков был в шоковом состоянии, что у него всего-навсего сломано одно ребро, весь удар пришелся на Рыбкина Б. А.

В машине «эмка», что попала в катастрофу под Будапештом, был капитан Суриков в шинели, папахе и с удостоверением личности полковника Рыбкина Б. А. (Рыбкин перед отъездом в Прагу оставил свою шинель, папаху и удостоверение личности в Бадене, уехав выполнять задание в Прагу по удостоверению на имя Тихомирова Александра Николаевича). 29 ноября погода была холодная, а у Сурикова, который находился в Бадене в командировке, не было с собой шинели. Его вызвали в Будапешт, и он решил надеть шинель и папаху Рыбкина и взял с собой удостоверение личности полковника Рыбкина Б. А.

Суриков и солдат-водитель оба погибли в автомобильной катастрофе при неизвестных обстоятельствах.

Так и осталось неизвестным, как же произошли обе катастрофы со «шкодой» и «эмкой».

29 ноября 1947 года тело Рыбкина Б. А. самолетом было доставлено в Москву, в институт им. Склифосовского. В свидетельстве о смерти дата смерти обозначена «29 ноября 1947 г.», причина смерти: «перелом основания черепа». Место смерти: «Москва».

От меня скрывали, что Рыбкин доставлен в Москву, говорили, что гроб с его телом везут на грузовой автомашине. И только 2 декабря утром меня привезли в клуб им. Дзержинского, где был установлен гроб с телом Рыбкина. Было много венков и цветов. Я подошла ближе. Лицо мужа не было повреждено, высокий лысый лоб был чист. Я хотела поправить розу, надвинувшуюся на его щеку, сдвинула ее и за правым ухом увидела зияющую черную рану... Его сложенные на груди руки тоже были чисты, без ранений и царапин. А через несколько дней мне принесли

его часы, которые я ему подарила и которые он всегда носил на левой руке. Ремешок и сами часы были сплошь покрыты запекшейся кровью.

В клубе собралось много народа. Гроб выносили генералы, в том числе П. А. Судоплатов, которого вызвали из командировки... В крематории речи... салют... Через несколько дней урну с прахом захоронили на Новодевичьем кладбище в склепе, поверх которого насыпали могильный холм. И снова речи...

После похорон мне стали приносить деньги: зарплату Рыбкина за несколько месяцев, пособие, его накопления в кассе взаимопомощи, услугами которой мы никогда не пользовались. На окнах лежали пачки денег, набралось что-то около 70 000 рублей. Через несколько дней была объявлена денежная реформа и 70 тысяч превратились в 7 тысяч. На эти и свои деньги я поставила Рыбкину Б. А. памятник.

Сразу после похорон я написала министру Абакумову рапорт с просьбой перевести меня на работу в 4-е Управление и поручить мне дальше вести дела Рыбкина Б. А. Мне в этом было отказано, хотя мы с Рыбкиным были на одинаковой должностной ступени.

Почему я написала этот рапорт? Во-первых, мне хотелось принять эстафету от мужа, с которым и работала много лет, была его заместителем за границей, когда он был там резидентом. Мне хотелось чувствовать его руку. Во-вторых, у меня было смутное, даже неосознанное желание выяснить обстоятельства гибели Рыбкина. Какое задание он выполнял. Судоплатов как-то в разговоре много позже сказал мне, что в Праге Рыбкин организовывал связь с нелегальной резидентурой Николая Варсонофьевича Волкова в Турции.

В это же время происходило отделение разведки от МВД и объединение ее с военной разведкой. Я была членом комиссии по разработке задач и положения о советской разведке, которая стала называться «Комитетом информации при СМ СССР». Возглавлял эту комиссию от ЦК партии Б. Н. Пономарев. В середине декабря Комитет информации (КИ) переехал в новое место за ВДНХ, где сейчас размещается Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Однажды я поехала к Судоплатову П. А., который со своей службой остался в МВД СССР, и попросила его показать мне все документы и фотографии, раскрывающие обстоятельства гибели Рыбкина и Сурикова. Судоплатов, с которым мы были дружны и эта дружба возникла в Финляндии, где Судоплатов жил на нелегальном положении, а Рыбкин был там резидентом под легальной крышей, я — заместителем резидента. Судоплатов сказал, что оба случая аварии тщательно расследовались, виновные не найдены, что фотографии страшные и незачем «травить себе душу».

Как-то в разговоре с женой Судоплатова — Кагановой я сказала, что хочу просить министра МВД показать мне все документы об обстоятельствах гибели Рыбкина и хочу сама разобраться во всем этом. Дело в

там, что за две недели до гибели Рыбкина и Сурикова почти в аналогичных обстоятельствах погиб в автомобильной катастрофе народный артист СССР Михоэлс. Ходили разные слухи о том, что эта катастрофа была не случайной...

Каганова просила меня не делать этого. «Борис работал в подчинении Павла (Судоплатова),— сказала она.— Расследование твое ничего нового не даст, Бориса к жизни ты не вернешь. Не трепли нервы ни себе, ни Павлу». Я согласилась.

В январе 1948 года замнач управления КИ полковник Д. Г. Федичкин, в подчинении которого я работала, сказал, что он едет работать в Прагу и формирует группу оперативных работников, в которую хочет включить и меня. Я отказалась. «Куда угодно, только не в Прагу. Там я сейчас работать не смогу».

У читающих этот документ может возникнуть законный вопрос — почему я, спустя 33 года после гибели Рыбкина, поднимаю этот вопрос.

Этот вопрос жжет меня все тридцать три года. А вчера, 28 июля 1980 года, у меня был Дмитрий Георгиевич Федичкин и мы почему-то вспомнили и те далекие годы и гибель Рыбкина. Дмитрий Георгиевич сказал мне, что он передал мне лично фотографии с места катастрофы, в которой погиб Рыбкин. Я этого момента абсолютно не помню. Память у меня не плохая, и уж, конечно, в моем сознании сохранились бы эти фотографии. Но я ровным счетом ничего не помню, связанное с фотографиями или документами, связанными с гибелью Рыбкина. Федичкин сказал, что он отлично помнит, что вызвал меня к себе в кабинет, что мы сели друг против друга у столика перед письменным столом, что он выложил на стол фотографии, что я взглянула на них и мне стало плохо. Но потом я эти фотографии взяла с собой. Ничего этого я не помню. Может быть, у меня тогда произошел какой-то мозговой спазм и образовался провал в памяти. Если бы я взяла эти фотографии, то в семье об этом знали бы. И куда девались эти фотографии? Не помню, абсолютно никакого даже смутного отпечатка в памяти не осталось.

Я рассказала Федичкину обстоятельства гибели Сурикова, о чем он не знал. А когда я показала письма Рыбкина и рассказала Д. Г. Федичкину все, что мною написано выше, он сказал, что «от Белкина всего можно было ждать». Охарактеризовал Белкина крайне отрицательно, сказал, что, если ему память не изменяет, Белкин был махновцем, что он в политическом отношении человек нечистоплотный, и снова повторил: «способный на все».

Когда-то мой старший сын Рыбкин Владимир Борисович рассказал мне, что, будучи в командировке в Крыму, он встретился там с шофером генерала Белкина, который ему рассказал, что в 1947 году недалеко от Праги он видел разбитую машину, в которой погиб полковник Рыбкин. «Это был мой отец»,— сказал шоферу Владимир. Сегодня я вспомнила

об этом и попросила Владимира восстановить в памяти детали разговора с шофером.

Владимир рассказал, что году в 1960—1961 он, работая тогда в КГБ, был в командировке в Симферополе, где оборудовал радиостанциями оперативные машины. Однажды он поехал по Крыму на автомашине. Шофер Владимир Черноусов по дороге рассказал ему, что в свое время он работал личным шофером у генерала Белкина. Однажды осенью 1947 года в Будапеште генерал Белкин разбудил ее ночью и велел ехать в Прагу по указанной им дороге. Недалеко от Праги они увидели разбитую машину. Авария произошла, по-видимому, только что. Белкин велел остановиться. Они подошли. На переднем сиденье, рядом с водителем лежал мужчина, весь в крови. Он был мертв. «Это полковник Рыбкин»,— сказал Белкин. Вместе с шофером они забрали из карманов документы и полевую сумку. Водитель «шкоды» тоже был мертв. Поехали в Прагу. «Так вы что — ехали заведомо на место катастрофы? Так, что ли?» — спросил Владимир Рыбкин: «Да,— ответил Черноусов,— мне показалось странным, что Белкину ночью вздумалось ехать в Прагу, что он сам указывал, какой именно дорогой ехать...» Потом Черноусов посмотрел на Владимира и сказал: «А вы ведь тоже Рыбкин. Родственник, что ли?» — «Это был мой отец»,— ответил Владимир. Черноусов замолчал и на дальнейшие расспросы Владимира отвечал незнанием.

Итак, как же и от чьей руки погиб Рыбкин?

Может быть, когда-нибудь то, что я написала, поможет прояснить обстоятельства гибели Рыбкина. Пригодится для истории нашей разведки.

Рыбкин Борис Аркадьевич был не рядовым разведчиком. Он был прежде всего коммунистом кристальной честности. Ему чуждо было хвастовство, чинопочитание, он был скрамен и абсолютно бескорыстен. Горячее сердце коммуниста, холодный и трезвый расчет в работе, чистые руки — этот девиз Дзержинского был девизом его жизни. Он был честен и принципиален (дело «директора» и «Красной капеллы», дело «Поэта», его письмо в ЦК партии в защиту б. военного атташе в Финляндии Петра Иванова...). Можно привести множество примеров, когда он, отстаивая свою принципиальную позицию, заранее знал, что это будет стоить ему понижения по должности, непредставления к ордену и пр. Но он не поступался в партийных принципах.

ВСПОМИНАЕТ ЖЕНА ПОЛКОВНИКА ШАРАПОВА — ШАРАПОВА ЗОЯ ВАСИЛЬЕВНА

Через несколько лет после того, как мой муж познакомился с Зоей Ивановной, она стала для нас близким, родным человеком. В конце 1979 года она с сыном Алексеем даже приезжала к нам в

гости по нашему приглашению в Берлин, где в то время мы жили.

Каждая встреча с Зоей Ивановной приносила для меня какие-то новые открытия в ее характере. Например, тот же приезд к нам в Германию. Посол СССР в ГДР Абрахимов очень любил и поощрял посещения Берлина различными знаменитостями. Помню, что одной из таких знаменитостей была певица Людмила Зыкина, к которой Абрахимов благоволил, писатель Юлиан Семенов, американский певец Дин Рид и многие другие. Думаю, что именно по этой причине моему мужу разрешили пригласить к себе в гости по частной визе и писательницу Зою Ивановну Воскресенскую.

Узнав о ее приезде, П. А. Абрахимов пригласил Зою Ивановну к себе. Она, естественно, пришла. В беседе посол сообщил ей, что к ее приезду он специально подготовил в здании посольства на Унтер-ден-Линден апартаменты, в которых, кстати, совсем недавно гостил Сергей Владимирович Михалков. Зоя Ивановна вежливо поблагодарила посла и холодно, как она умела это делать, отказалась, заявив при этом, что она приехала в Берлин как частное лицо к своему другу и будет жить у него на квартире. Уговоры посла и его заявления, что даже дипломаты не имеют таких квартир, которую он ей предлагает, не подействовали на ее вежливый и холодный отказ. П. Абрахимову пришлось согласиться, хотя он и был властный, настойчивый и упрямый человек.

Помню, Зоя Ивановна особенно тогда, когда у нее была сломана шейка бедра, часто говорила, что, несмотря на все невзгоды, вокруг нее не умолкает жизнь. Посмотри сама, шутила она, сама я — мое имя по-гречески означает жизнь, все мои родственники и близкие знакомые тоже Зои, значит, тоже жизнь. И она начинала загибать пальцы: внучка Зоя Владимировна, жена брата Зоя Степановна, жена Барика (сын Георгия Ивановича Мордвинова — Баррикадо Георгиевич) Зоя Николаевна, дочь Василия Михайловича Зарубина — Зоя Васильевна, да что говорить, ты и сама Зоя. Не знаю, что помогло ей, но она действительно была не только жизнерадостный, жизнелюбивый человек, но и исключительно мужественно переносила все неприятности, я имею в виду болезни, которые как из рога изобилия постоянно сыпались на нее.

Еще в 1969 году Зоя Ивановна перенесла тяжелую операцию по поводу рака желудка, в результате которой резекции подверглись две трети желудка. Отсутствие значительной части желудка затем постоянно в течение всей жизни сказывалось, во-первых, на режиме ее питания: она ела часто, но маленькими порциями, а во-вторых, организму постоянно не хватало калия, что впоследствии и привело, как я уже говорила, к нескольким переломам. Но сейчас я хочу сказать о другом.

Ну вот, заболев этой болезнью и в общении с врачами подозревая, что они что-то не договаривают по поводу ее болезни (врачи скрывали диагноз — рак желудка), она провела целую комбинацию, детали которой

я не помню, но суть в том, что ей тайно удалось достать историю своей болезни. Она убедилась в диагнозе, который подозревала, и многие из нас, женщин, наверное, поступили бы по-другому, а она потребовала от врачей, чтобы они немедленно ее прооперировали. После операции она какое-то время подвергалась специальному медицинскому облучению. Во время этой процедуры она находилась под стеклянным колпаком и ее могли видеть нянечки и сестры. Пребывание под стеклянным колпаком она использовала для чтения стихов, особенно тех, которые были еще плохо заучены. Чаще всего, говорила Зоя Ивановна, она любила читать в эти минуты стихи Александра Блока. И вот однажды, одеваясь за ширмой, она слышит короткий диалог между молоденькой медицинской сестрой и уже пожилой нянечкой.

— *Нады! А Нады!*

— *Что, тетя Нюра?*

— *Ты видела, больная под пушкой губами шевелит. А, видела?*

— *Видела, ну и что?*

— *Ну как что?! Чего это она?*

— *Откуда я знаю, может, кого-нибудь вспоминает.*

— *Да, вспоминает... Это она Богу молится. Да и то не грех, болезнь-то какая.*

И еще одна деталь примечательная для характера Зои Ивановны. Когда она уже около восьмидесяти лет упала, запнувшись за ковер, и сломала шейку бедра левой ноги, о чем я уже говорила, врачи закутали ногу в гипс и констатировали — ходить не будет.

— *Как это не будет!* — возмутилась Зоя Ивановна... и пошла, сначала стоя внутри специальной коляски, потом держась обеими руками за спинку стула и двигая его перед собой, а затем просто опираясь на палку. Упорство, воля и постоянные специальные физические упражнения сделали свое дело. А обычно в таком возрасте и с таким переломом действительно не ходят.

Зоя Ивановна, наверное, как и все женщины, в определенной степени любила внимание к себе, но совершенно искренне не могла терпеть дорогих, помпезных подарков. Помню, в один из праздников 8 Марта я подарила ей прямоугольную брошь из финифти с изображением голубых незабудок на белом фоне. Голубой — это любимый цвет Зои Ивановны. И простая брошь до конца дней стала ее постоянным украшением к любому платью. Практически она с ней никогда не расставалась. А когда мы встречали вместе Новый, 1986 год и женщины преподнесли ей на подносике два обычных калача, но в отверстия которых были вложены по три носовых платочка, Зоя Ивановна просто пришла в восторг.

В характере Зои Ивановны поражает способность, умение поддержать человека, у которого иногда просто плохое настроение — взглядом, интонацией, стихотворными строчками. Она очень любила стихи, разные,

но хорошие, и больше всего Шекспира, Блока, Тютчева. Ей не были чужды и сокровенные, интимные, что ли, чувства.

Однажды, когда мы остались дома с ней одни, что, надо сказать, удавалось очень редко — всегда кто-то присутствовал, она вдруг завела разговор о любви, считая любовь главным, определяющим чувством любого человека. Но не все, как она считала, могут и умеют по-настоящему любить. Неожиданно она начала читать, по памяти, конечно, стихотворение Федора Тютчева «Последняя любовь», которое, как она говорила, с возрастом нравится ей все больше и больше:

О, как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суеверней...
Сняй, сняй, прощальный свет
Любви последней, зари вечерней!
Пушай скудеет в жилах кровь,
Но в сердце не скудеет нежность...
О ты, последняя любовь
Ты и блаженство и безнадежность.

ВСПОМИНАЕТ СЫН ЗОИ ИВАНОВНЫ ВОСКРЕСЕНСКОЙ — АЛЕКСЕЙ БОРИСОВИЧ РЫБКИН

В конце 1968 года на имя матери пришла правительственная телеграмма. Такую телеграмму я видел в то время впервые. Верхняя часть листа, примерно на одну треть, была темно-красного цвета, а на этом фоне белыми буквами: «ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ».

Содержание телеграммы, насколько я помню, состояло в следующем: «Уважаемая Зоя Ивановна, Вам присвоена Государственная премия за 1968 год в области литературы для детей». И подпись председателя Комитета по присуждению Ленинских и Государственных премий, если я не ошибаюсь, Тихонова.

В январе уже будущего года мать сказала, что на днях состоится в Кремле вручение премий и что на это торжество каждый лауреат может пригласить несколько человек. Мать пригласила заместителя главного редактора издательства «Детская литература» Б. И. Камира, сотрудницу Государственной библиотеки имени Ленина Раису Симонову, с которой незадолго до этого она познакомилась в больнице, где они вместе находились, а также сына П. А. Судоплатова — Анатолия и меня.

В Кремль мы входили через Боровицкие ворота. Вручение премий происходило в Свердловском зале Кремля, теперь Екатерининском, где раньше были заседания ЦК коммунистической партии. Приглашенные друзья и родственники лауреатов заняли места в зале. Сами лауреаты сидели в первом ряду. Перед ними стоял стол, покрытый красной тканью, около стола на длинной стойке — микрофон. За столом, стоя, размес-

тились члены комитета по присуждению премий. Председатель комитета называл фамилии сначала лауреатов Ленинской, а затем Государственной премий, которые подходили к этому столу. Председатель вручал каждому медаль лауреата и грамоту. Тот из награжденных, кто желал, мог тут же выступить с ответным словом. Помню, мама тоже сказала несколько слов, которые сводились к тому, что она не пожалеет своих сил для дальнейшей работы в области литературы.

В числе награжденных были композитор Дмитрий Дмитриевич Шостакович, кинорежиссер Марк Донской и актриса Елена Алексеевна Фадеева. Почему я запомнил именно этих лауреатов? Потому, что о Шостаковиче мама неоднократно говорила мне, что его музыка, и особенно *Седьмая Ленинградская симфония*, оказала огромное не только впечатление, но ободряющее значение, когда она и ее товарищи по работе впервые услышали ее в годы войны из осажденного Ленинграда. А что касается Донского и Фадеевой, то они получили премии за создание и участие в фильме «Сердце матери», который был поставлен на «Мосфильме» Марком Донским по книге и сценарию моей матери.

ВСПОМИНАЕТ ПОЛКОВНИК Э. П. ШАРАПОВ

Замечательная и удивительная женщина Зоя Ивановна Воскресенская-Рыбкина ушла из жизни в зимний полдень 8 января 1992 года. Накануне я весь вечер провел вместе с ней. Внешне никаких признаков близкой смерти не было. Все было как обычно: она лежала в постели, говорила медленно, но внятно и четко, мысль работала, как всегда, здраво и логично.

Поразило другое. Она и раньше иногда говорила о смерти, предпочитая ее тому, чтобы валяться, по ее словам, как бревно. Но в этот вечер заговорила о своей кончине впервые так конкретно и твердо.

— Я прощаюсь с тобой,— сказала она и стала инструктировать меня, как и где ее похоронить.

Несколько раз я пытался перевести ее мысли на другую тему: «Что вы, какие похороны... О чем вы говорите...» Все эти мои попытки кончились тем, что она взяла меня за руку, помолчала довольно долго, затем с легкой обидой в голосе сказала:

— Ты можешь не перебивать меня?

— Да.

— Тогда слушай.— И она продолжила свой похоронный инструктаж.

Кроме разных мелочей и подробностей, она просила похоронить ее в ту же могилу на Новодевичьем кладбище, где уже покоятся ее мать Александра Дмитриевна Воскресенская и муж Борис Аркадьевич Рыбкин, и просила не открывать гроб, мотивируя это тем, что многие сотрудники и бывшие сослуживцы из числа молодых помнят ее совсем другой.

— Сейчас я совсем на себя не похожа,— и с трудом усмехнулась. Это была ее последняя в жизни улыбка.

— Обещай мне, что ты выполнишь мои просьбы.

Я обещал, но не выполнил ее вторую просьбу.

На похоронах было много людей: чекистов, литераторов, читателей. Море цветов, и даже непонятно откуда взявшиеся зимой ее любимые фиалки. И все вспоминали красивую жизнь красивой женщины и говорили о ней.

А я почему-то вспомнил рассказы Зои Ивановны об Александре Михайловне Коллонтай. Читатель помнит, конечно, главу 22 «Тишина», в которой говорится о пребывании А. М. Коллонтай в санатории «Сальцшебаден» для встреч и переговоров с представителями Финляндии во главе с господином Паасикиви на предмет выхода этой страны из войны.

«...Для Коллонтай были подготовлены апартаменты в бельэтаже. Во всех комнатах вазы с цветами. Александра Михайловна попросила распахнуть дверь на террасу и накинуть на плечи накидку, опушенную мехом.

— Так красиво! — восхищенно сказала медсестра, поправляя накидку. — Что бы желала мадам на ужин?

— Стакан простокваши не очень холодной и вечерние газеты. И можете быть свободной...»

Как это похоже на саму Зою Ивановну. Сколько я помню, у нее тоже всегда были цветы, скромная и очень легкая пища и повсюду газеты и газеты. Даже когда она уже была прикована болезнью к постели, вся кровать была усыпана газетами и газетными вырезками, содержание которых все больше и больше огорчало Зою Ивановну. Она никак не могла понять, да так и не поняла, почему люди, власть имущие, говорящие о демократии и о благе для народа, в действительности движимы лишь стремлением к личной наживе или какой-нибудь другой выгоде.

Две женщины — посол и пресс-атташе. Две судьбы.

Но мне кажется, что эти судьбы во многом схожи, и прежде всего одним — бескорыстным служением своей Родине.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От издательства	3
ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА	5

ПОД ПСЕВДОНИМОМ ИРИНА

В ГРОЗОВЫЕ ДНИ

Глава 1. <i>На пороге</i>	8
Глава 2. <i>Вальс у Шуленбурга</i>	38
Глава 3. <i>«Как это на пятый день?!»</i>	44
Глава 4. <i>Сосновский</i>	53
Глава 5. <i>Постель на взрывчатке</i>	57
Глава 6. <i>В храме Божьем</i>	65
Глава 7. <i>По Баренцеву морю</i>	70
Глава 8. <i>Тот самый Ллойд Джордж</i>	77

МОЯ МИССИЯ

Глава 9. <i>Бюллетень находит читателей</i>	97
Глава 10. <i>Незримые связи</i>	103
Глава 11. <i>Мадам Терва Пяа</i>	112
Глава 12. <i>Острее детектива</i>	118
Глава 13. <i>Кто есть кто</i>	121
Глава 14. <i>Гётеборгский оркестр исполняет Седьмую...</i>	134
Глава 15. <i>Подснежники и ненависть</i>	139
Глава 16. <i>Пароль: «Золотые коронки»</i>	142
Глава 17. <i>«ФАУ-1»</i>	147
Глава 18. <i>Диалог</i>	150
Глава 19. <i>Директор</i>	156

ЕЕ ГЛАВНЫЙ ПОДВИГ

Глава 20. <i>Вблизи</i>	161
Глава 21. <i>Контакт</i>	181
Глава 22. <i>Тишина...</i>	183

ОПАСНОСТИ, ПОТЕРИ

Глава 23. <i>Под удары колоколов...</i>	195
Глава 24. <i>Конвой</i>	200
Глава 25. <i>Горбушка хлеба</i>	210
Глава 26. <i>Мама</i>	213
Глава 27. <i>Было и такое...</i>	221
Глава 28. <i>В огненно-рыжую метель...</i>	225
Глава 29. <i>Воркута</i>	232
ПРИЛОЖЕНИЕ	249

Воскресенская З. И.

- В76 Под псевдонимом Ирина: Записки разведчицы.—
М.: Современник, 1997.—350 с.; фотоил.— (Жесто-
кий век: Разведчики и шпионы).
ISBN 5-270-01829-2

Известная советская писательница Зоя Ивановна Воскресенская (Рыбкина) (1907—1992) много лет прослужила во внешней разведке и только в самом конце жизни смогла рассказать об этом в своей последней книге, где она повествует не только о себе и своей работе в сверхсекретном ведомстве, но и о многих своих товарищах — В. М. Зарубине, П. М. Фитине, П. М. Журавлеве, Г. И. Мордвинове, П. А. Судоплатове и других, имена которых давно уже стали легендой не только в нашей, но и в большинстве иностранных секретных служб.

Издание снабжено обширным Приложением и недавно рассекреченными документами из архивов КГБ и Службы внешней разведки России, а также большим количеством фотографий из личного архива З. И. Воскресенской.

ББК 84Р7

Серия «Жестокий век: Разведчики и шпионы»

Литературно-художественное издание

ВОСКРЕСЕНСКАЯ ЗОЯ ИВАНОВНА

ПОД ПСЕВДОНИМОМ ИРИНА

Записки разведчицы

Редактор В. Я. Суглобов

Художник В. С. Комаров

Художественный редактор В. В. Покатов

Технические редакторы В. И. Тушева, Л. Б. Демьянова

Корректор М. Г. Курносенкова

ЛР № 010006
03.10.1991 г.

Сдано в набор 12.08.96 г. Подписано к печати 2.11.96 г. Формат 84×108/32. Гарнитура «Таймс». Печать высокая. Бумага тип. № 2. Печ. л. 11,0. Усл. печ. л. 18,48. Тираж 10 000 экз. Заказ № 2424. С 002.

Издательство «Современник»
123007, Москва, Хорошевское шоссе, 62
Факс 941-35-44
Тел. 941-36-69 (приобретение тиража)
Кiosk 941-29-31

Тверской ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы
им. 50-летия СССР Государственного Комитета Российской Федерации по печати
170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46

